

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

СЛОВО В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ТЕКСТЕ

Сборник научных трудов
Международной студенческой научной конференции

Брест, 18 мая 2018 года

Под общей редакцией
кандидата филологических наук, доцента **О.Б. Переход**

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2018

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.2Рус
С 48

Редакционная коллегия:
Т.М. Лянцевич, О.Б. Переход

Рецензенты:

заведующий кафедрой белорусской филологии
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»,
кандидат филологических наук, доцент **Л.В. Леванцевич**

доцент кафедры общего и русского языкознания
УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
кандидат филологических наук, доцент **А.Н. Деревяго**

С 48 **Слово** в языке, речи, тексте : сб. науч. тр. Междунар. студен. науч. конф., Брест, 18 мая 2018 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Т. М. Лянцевич, О. Б. Переход ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2018. – 251 с.
ISBN 978-985-555-922-2.

В сборник вошли материалы докладов, посвященные вопросам функционирования слова в языковой системе, в речевой практике, в научных, публицистических и художественных текстах. Статьи представлены на русском, белорусском, украинском языках.

Адресуется широкому кругу читателей – студентам, аспирантам, преподавателям, учителям, научным работникам.

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.2Рус

ISBN 978-985-555-922-2

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2018

Б. Аннасахедова

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

РОЛЬ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ В СИНТАКСИСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. МАЯКОВСКОГО

Вопрос об актуальном членении предложения встал в лингвистике сравнительно недавно. Данное понятие было разработано в трудах Пражского лингвистического кружка в 1930-е гг. В качестве одного из первых исследователей актуального членения в истории лингвистики был чешский ученый В. Матезиус. Идеи В. Матезиуса в области исследования актуального членения получили непосредственное развитие как в самой Пражской школе, так и в других лингвистических учениях. В чешской лингвистике теория В. Матезиуса была разработана в трудах Ф. Данеша. Вопросы актуального членения предложения в русском языке нашли свое освещение в исследованиях И.П. Распопова, К.Г. Крушельницкой, И.И. Ковтуновой, О.Б. Сиротининой, В.С. Юрченко, З.Д. Поповой, Т.П. Сильман и других. Актуальное членение является одним из основных аспектов существования и исследования предложения. Сущность данного аспекта заключается в функционировании предложения как единицы речевого общения, что выражается в членении предложения на тему и рему, т. е. на то, что известно и составляет данное и новое, являющееся основной целью сообщения. Механизм актуального членения является одним из специальных механизмов, обеспечивающих все аспекты коммуникации [1, с. 41–42].

Новаторство формальных приемов В.В. Маяковского нельзя рассматривать вне его синтаксиса, вне языка его произведений. Язык, слово – основной материал, идущий на построение художественного образа, и именно с этого основного материала и начинается В.В. Маяковский. В свою очередь, актуальное членение поэтического текста – это то, что является последним шагом в цепи формальных построений, который переводит общеупотребительные конструкции в сферу авторской речи. Это дало нам основания проанализировать средства актуального членения текстов В. Маяковского, чтобы оценить особенности тема-рематической организации. В ходе исследования выявлены следующие средства маркирования ремы.

Порядок слов. Этот оборот поэтической речи заключается в своеобразной расстановке слов, нарушающей обычный порядок. Материал исследования показал, что В.В. Маяковский часто пользуется приемом инверсии. Подлежащее располагается после сказуемого: *Их рвал на волны белый зуб. / Был вой трубы – как будто лили / <...> / В ушах оглохших пароходов / горели серъги якорей...* («Порт») [2, с. 9]; *Смотрело небо в белый газ / лицом безглазым василиска...* («Уличное») [2, с. 10].

Часто единственным показателем рематичности подлежащего в предложении являются **частицы**, которые употребляются с подлежащим: *Лишь один я / голос свой не вмешивал в вой ему* («Хорошее отношение к лошадям») [3, с. 3]. *Только тот коммунист истый, / кто мосты к отступлению сжиг* («Приказ по армии искусства») [3, с. 5].

Следует отметить, что употребление частиц *лишь* и *только* в предложении не только способствует логическому выделению коммуникативного центра высказывания, но и придает всему высказыванию эмоциональное звучание и является, таким образом, эффективным стилистическим средством актуализации ремы.

Усилительные наречия *совершенно, довольно, неожиданно, пугающе, ужасно, чрезвычайно* играют роль усилителей и интенсификаторов, придавая экспрессивность и эмоциональность повествованию.

Усилительные наречия являются в предложении показателем рематичности сказуемого, т. е. употребляются со сказуемым: *Довольно шагать, футуристы, / в будущее прыжок!* («Приказ по армии искусства») [3, с. 5]; *Знаете что, скрипка? / Мы ужасно похожи.* («Скрипка и немножко нервно») [2, с. 20]; *У тебя совершенно нету дядей, / а если есть, то небогатый, не мрет и не в Америке.* («Теплое слово кое-каким порокам (почти гимн)») [2, с. 32].

Числительные указывают на время, также являются показателем рематичности: *Четыре. / Тяжелые, как удар.* Себе посвящает эти строки автор [2, с. 142].

Интерес вызывают примеры, когда числительные употребляются с целью выразить оценку, содержащуюся в реме.

В сто сорок солнц закат пылал, / в июль катилось лето... («Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче») [3, с. 127].

Перегрузка текста знаками препинания является одним из проявлений **авторской пунктуации**, которая помогает актуализировать как рему части высказывания, обычно не воспринимаемые рематически. Это приводит к образованию сплошного ряда нечленимых предложений, состоящих только из ремы. К примеру, в стихотворении «Война и мир»: *А кругом! / Смеяться. / Флаги. / Стоцветное. / Мимо. / Вздыбились. / Тысячи. / Насквозь. / Бегом* [3, с. 80–81].

Экспрессивная функция знака «тире» связана, прежде всего, с актуализацией, автор произведения организует высказывание в соответствии с тем, чему он придает наибольшее значение, т. е. с помощью знака «тире» он выделяет наиболее важные компоненты ремы: *Мир огромил мощью голоса, / иду – красивый, / двадцатидвухлетний.* («Облако в штанах») [3, с. 32].

В результате проведенного исследования было установлено, что набор способов актуального членения текста многообразен в поэзии В.В. Маяковского. Существуют универсальные способы выделения ремы, такие как интонационное выделение, изменение порядка слов в предложении, усилительные наречия, семантическое значение глаголов.

На основании проделанной работы можно сделать вывод, что при осуществлении актуального членения необходимо анализировать и учитывать языковые средства – маркеры коммуникативного намерения автора. Этими маркерами являются усилительные наречия и частицы, числительные, слова с семантикой уточнения, отрицания.

Список использованной литературы

1. Тухватулина, С. И. Актуальное членение текста и средства его выражения / С. И. Тухватулина // Рус. речь. – 2015. – № 4. – С. 41–46.
2. Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. В. Маяковский ; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. – Т. 1 : Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 гг. – 1955. – 463 с.
3. Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. В. Маяковский ; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. – Т. 2 : Стихотворения, поэма и пьесы 1917–1921 гг. – 1956. – 519 с.

А. Анішчук

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

ТВОРЫ МАЛОГА ЖАНРУ БРЭСТЧЫНЫ: НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫ КАМΠΑЕНТ

Сістэматызаванаму вывучэнню прыказкі з семантычнага, этымалагічнага, граматычнага і стылістычнага пунктаў гледжання прысвечаны дапаможнік І.Я. Лепешава «Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства». Беларускія прыказкі запісваліся і выдаваліся пачынаючы з 1840 г. (Я. Чачот, Я. Тышкевіч, Е. Раманаў, І. Насовіч, Ф. Янкоўскі, Т. Сцяшковіч, Я. Рапановіч, І. Лепешаў і інш.). Ідэйна-тэматычны змест, структуру, мастацкія асаблівасці прыказак даследавалі Ф. Янкоўскі, М. Грынблат, М. Якалцэвіч, В. Касцючык і інш. З развіццём лінгвакультуралагічнага накірунку ў мовазнаўстве пачалі з’яўляцца працы па даследаванні нацыянальна-культурнай семантыкі прыказкі (І. Коваль, В. Ляшчынская, В. Касцючык і інш.).

Мэта нашага артыкула – прааналізаваць прыказкі, запісаныя на тэрыторыі Брэстчыны, і выявіць у іх складніках нацыянальна-культурны кампанент.

Асаблівай увагі заслугоўваюць прыказкі, якія адлюстроўваюць нацыянальную культуру комплексна, усімі сваімі кампанентамі ці ідыяматычнымі значэннямі. Большасць такіх прыказак узнікае ў маўленні жыхароў пэўнай мясцовасці, і іх значэнне невядома носьбітам іншых дыялектаў, бо трэба ведаць гісторыю ўзнікнення такіх выслоўяў ці іх этымалогію. Намі запісаны такія прыказкі ў в. Чырвоная Воля, што на Луніначчыне. Большасць з сабранага матэрыялу адлюстроўвае нацыянальную культуру сваімі прататыпамі, паколькі генетычна свабодныя сказы і выразы апісвалі пэўныя звычкі, побыт, вясковыя падзеі. Вось некаторыя з такіх прыказак.

Ад думкі «жаць» у Параскі руці дрыжаць. Як у Параскі да Паскі. Параска ні сама, ні яе невялікая хата не адрозніваліся чысцінёй. Калі і падмяталася падлога ці праліся ручнікі, дык толькі да Вялікадня. Гаворачы пра бруд у хаце, у двары, пра нехайнасць у вопратцы, ленасць, у вёсцы выкарыстоўваюць названыя выразы. Мужа Параскі звалі Піліп. Сям'я вылучалася нядбайнасцю і гультаяватасцю. Свайго амаль нічога не мелі, жылі тым, што дадуць суседзі за нейкую нязначную дапамогу па гаспадарцы. Зараз выразам *Як на Піліпавай градзе*, які гучыць у адказ на пытанне «Дзе?», падкрэсліваецца адсутнасць чаго-небудзь.

Знайшоў Маланню ў сяле за Ланню – так гавораць пра мужчыну, які выбраў нягеглую жонку. Вяскоўцы лічылі, што браць у жонкі трэба дзяўчыну з свайго сяла, каб ведаць, якая яна, хто яе бацькі, з якога роду. Нацыянальныя тут і гідронім *Лань*, і імя *Малання*. Рака працякае блізка ад в. Чырвоная Воля. Усе вёскі за *Ланню* – далёкія, і людзі там невядомыя. У адной з такіх вёсак і знайшоў аднавясковец сабе жонку Маланню. Жанчына любіла сябе больш за іншых, не заўважала сваіх недахопаў, але кпіла і смялася з суседзяў. Ва ўсіх прыказках і прымаўках *Малання* – адмоўны персанаж, які выклікае ўсмішку сваімі паводзінамі, адсутнасцю густу. Пра незвычайную вопратку ці малапатрэбную рэч вяскоўцы скажуць: *Маланніна шчасце ці Прыбралася, як Малання на вяселле*.

Сёння ў Вічын, заўтра ў Гічын – так падкрэсліваецца непастаянства, ненадзейнасць чалавека, які кідаецца ад адной думкі да другой. Каб зразумець, чаму ўзнік такі выраз, варта звярнуць увагу на размяшчэнне ўрочышча Гічын і вёскі Вічын, якія знаходзяцца ў процілеглых накірунках адносна Чырвонай Волі.

Прыказка *Маленькі Іван, ды ў вялікі барабан б'е* мае прамы і пераносны сэнс. Спачатку выраз канстатаваў наступны факт: малы ростам Іван з братам Хведарам былі вясковымі музыкантамі, ігралі на вячорках, святах, вяселлях. Дужы Хведар іграў на скрыпцы, а Іван гучна біў у вялікі скураны барабан. Казалі, што самога музыкі з-пад барабана не было відаць, толькі ногі з лавы звісалі ды рукі падскоквалі над барабанам.

Пазней выраз сталі прымяняць у адносінах да іншага Івана: стары пан аддаў сваю нямоглу, таксама малую ростам дачку Катрусю замуж за Івана, а сам хутка памёр; валодаць багаццем стаў зяць; быў вельмі злым і нахабным чалавекам, жорстка абыходзіўся з сялянамі, «біў у барабан».

У прымаўцы *Як татар у Дзятлавічах* адлюстраваны гістарычныя падзеі мясцовасці. Вёска Дзятлавічы знаходзіцца непадалёку ад Чырвонай Волі. З часоў мангола-татарскага нашэсця жыхары той вёскі відавочна адрозніваюцца ў знешнім выглядзе ад беларусаў: вузкія цёмныя вочы, скуласты твар, смуглы колер скуры і чорныя валасы. Чырвана-вольцы, калі хочучь сказаць, што ў лесе ў гэтым годзе шмат чарніц, абавязкова скарыстаюць прымаўку «*Як татар у Дзятлавічах*».

Прыказкай *Доўгія ў Жоры ногі, ды ланцуг кароткі* карыстаюцца ў сітуацыі, калі мог бы нешта зрабіць, ды аб'ектыўныя абставіны не дазваляюць. Выраз узнік у савецкі час. Мехаічны двор калгаса «Чырвоны Кастрычнік» ахоўваў сабака Жора. У яго былі надта доўгія ногі, як у жорава, таму сабаку далі мянушку Жораў, якая потым скарцілася да Жора. Праз свае доўгія ногі бегаў бы сабака далёка, хутка і доўга, ды ланцуг трымаў. За гэтымі простымі словамі хаваліся ўмовы жыцця калгасніка ў савецкі час.

Пра чалавека, які выказвае няшчырае спачуванне, спагаду, вяскоўцы скажуць *Як Цуглік шкадуе ці Раве, як Цуглік на пахаванні*. У в. Лахва жыў заможны яўрэй па мянушцы Цуглік, які нажыў сваё багацце дзякуючы лекам, якія сам гатаваў і прадаваў хворым. Калі лекі не дапамагалі і чалавек паміраў, то родзічы часта патрабавалі ад яго вярнуць патрачаныя на лекі грошы. Грошай яўрэй шкадаваў больш, чым людзей, і калі на пахаванні голасна плакаў, нібы шкадуючы нябожчыка, то ўсе лічылі, што гэта праз згублены заробак.

Пра зяця, які лянуецца дапамагаць цешчы, скажуць: *Ён дапаможа, як малако будзем чарпаці з Сожа*. А пра лянівых, нядбайных гаспадароў, якія жывуць, як даводзіцца, – *Сцяпану і латці – валёнкі, смочка косці, а кажа «галёнкі»*.

Выраз *Калі Васіль табе правай рукой дулю скруціць* чырванавольцы ўжываюць тады, калі хочучь сказаць, што немагчыма, каб гэта калі-небудзь адбылося. Выраз паходзіць ад канкрэтнага факта: жыхар вёскі Васіль у выніку няшчаснага выпадку страціў тры пальцы на правай руцэ.

Прыказка *Наеліся, як госці ў Росці: каму сала, а каму косці* са значэннем 'скупы пачастунак гасцей' узнікла ў выніку наступнай падзеі. Жыў калісьці Росця з жонкай ды старой цешчай Тэкляй. Яны аднойчы сабралі з пэўнай нагоды шмат гасцей, нагатавалі розных прысмакаў. І быў у двары сабака, які пачаў брахаць і кідацца на гасцей. Гаспадар зачыніў сабаку ў хлеўчыку. Паселі госці за стол. А старой Тэклі стала шкада гасцям

каўбас ды вяндліны, яна склала ўсё ў кошык і схавала прысмакі ў хлеўчык, дзе быў зачынены сабака.

Як бачым, прыказка фіксуе калектыўны вопыт людзей пэўнай мясцовасці ці краіны, выражае народную ацэнку жыцця, выхоўваючы і фарміруючы асобу.

Ю. Арэшка

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

ПРЫЁМЫ ВЫКАРЫСТАННЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ У ТВОРАХ В. БЫКАВА

Фразеалагізмы, як і іншыя моўныя адзінкі, маюць пэўную форму і змест і, як правіла, функцыянуюць у маўленні ў нязменным выглядзе. Аднак, як справядліва адзначае І.Я. Лепешаў, «нярэдка пісьменнікі, а таксама публіцысты “амалоджваюць”, творча абнаўляюць фразеалагізмы, вынаходліва выкарыстоўваюць іх невычэрпную “вобразную энергію”, змяняюць іх традыцыйную форму ці абыгрываюць змест. У такіх выпадках стылістычная роля фразеалагізмаў у сістэме моўных сродкаў нібы падвойваецца» [1, с. 118]. У творах В. Быкава большай частотнасцю па выкарыстанні характарызуюцца фразеалагізмы ў нязменным выглядзе. Аднак значная частка фразем мае структурна-семантычныя змяненні, якія закранаюць як знешні, так і ўнутраны бок фразеалагічных адзінак (далей – ФА). Найбольш частымі з такіх змяненняў з’яўляюцца замена кампанента іншым словам і ўскладненне фразеалагізма словам свабоднага ўжывання.

ФА маюць абагульненае значэнне і ў некаторых моўных сітуацыях, у адпаведнасці з задачамі пісьменніка, патрабуюць аўтарскай канкрэтызацыі, паколькі ўступаюць у прамую сувязь з іншымі моўнымі адзінкамі ў сказе. Згодна з гэтым кампаненты фразеалагізмаў могуць замяняцца іншымі словамі, з’яўленне якіх заўсёды чым-небудзь абумоўлена: пэўнай сферай ужывання ФА, асаблівасцямі перадачы псіхалагічнага ці фізічнага стану герояў, месца дзеянняў і інш. Звычайна замена кампанента прадвызначаецца кантэкстам, і часам у сказе можна сустрэць словы, якія падводзяць да такога змянення: *«Мусіць, яго, хворага, цяпер жонка вязла з бальніцы ці ад доктара, і, углядзеўшыся ў чалавека, Хведар зразумеў, што не жылец на гэтым свеце Зыркаш. Адною нагою ён ужо там, Хведар гэта адчуваў добра»* [2, с. 386–387]. Так, з папярэдняга сказа мы даведваемся, што Зыркаш цяжка хварэе і, хутчэй за ўсё, ужо не паправіцца. Гэтая навіна пацвярджаецца думкамі галоўнага героя, які адчувае, што Зыркаш *«адною нагою ўжо там»*. У слоўніку фіксуецца

адпаведнік *адной нагой стаяць у магіле*, што азначае ‘дажываць сваё жыццё, быць блізім да смерці’ [3, с. 456] і звычайна выкарыстоўваецца пры апісанні хворага ці старога чалавека. Аўтар робіць замену кампанента *стаяць у магіле* на *ўжо там*, што матывуецца папярэднім сказам, у якім аўтар папярэджвае пра смерць чалавека. Пісьменнік не выкарыстоўвае кампанент *стаяць*, што паказвае на вельмі цяжкі стан здароўя персанажа і ўзмацняе яго безвыходнасць.

Для перадачы асаблівасцей грамадска-палітычных адносін у аповесці «У тумане» В. Быкаў змяняе форму фразеалагізма *камар носа не падточыць* на *бальшавікі носа не падточаць*: *Дык згаджайся. Мы ўсё зробім, бальшавікі носа не падточаць* [2, с. 328]. Галоўнага героя аповесці Сушчэню разам з яго сябрамі-калегамі затрымалі немцы і вынеслі ім смяротны прысуд за тое, што яны пусцілі пад адхон нямецкі цягнік. Аднак на допыце Сушчэні прапанавалі супрацоўніцтва з немцамі ўзамен на захаванне жыцця. Заменены кампанент актуалізуе палітычна-ідэалагічны складнік зместу і сведчыць пра тое, што нават бальшавікам нельга было прыдрацца да чаго-небудзь, настолькі чыста і прадумана была б праведзена і здзейснена аперацыя па пераходзе на здрадніцкі бок.

Прыём ускладнення фразеалагізма словам свабоднага ўжывання ў тэкстах В. Быкава звычайна выкарыстоўваецца з мэтай экспрэсівізацыі кантэксту. Так, напрыклад, пісьменнік неаднаразова ўскладняе структуру фраземы *аблівацца слязьмі*, што абазначае ‘горка, няўцешна плакаць’: «Сумна было сланяцца па гэтым пабураным котлішчы, душа *аблівалася крывавымі слязьмі*» [2, с. 371]; «*І ён, абліваючыся горкімі слязьмі ў душы, кінуў яе <жонку. – Ю. А.> на малую Волечку, якая цэлы дзень то плакала, то тоненькім дзіцячым галаском пяяла маці ўлюбёную ёю “Вутачку”*» [2, с. 372]. У першым сказе назіраецца ўстаўка кампанента-прыметніка *крывавымі*, які надае больш яркую характарыстыку псіхалагічнага стану галоўнага героя аповесці «Аблава» Хведара, які, вярнуўшыся на радзіму пасля вызвалення з канцлагера, убачыў, што адзінае, што засталася ад яго хаты, – гэта котлішча і садок. У другім сказе з’яўляецца ўстаўны ў структуру ФА прыметнік *горкімі*, пры дапамозе якога дакладней перадаюцца ўнутраныя перажыванні галоўнага героя, яго благое прадчуванне і трывожнае ўзрушэнне. Пісьменнік часта выкарыстоўвае ўскладненні, выражаныя займеннікамі, якія дапамагаюць звярнуць увагу на прыналежны характар таго, што названа фразеалагізмам: «*Але сын быў здаровы, толькі ён тыднямі ламаў сабе галаву, як адпомсціць паліцыі ды і гэтаму Мікіцёнку таксама / ламаць галаву* ‘моцна прызадумвацца, стараючыся зразумець, разгадаць штосьці, знайсці выйсце з пэўнага становішча’/» [2, с. 313]; «*І калі Войцік з вялікаю цяжкасцю, цаной недасыпу, стомы, пагроз і абяцанняў, неяк зладзіў за зіму якія чатыры калгасы, дык ягоны начальнік, загадчык райза Хмялеўскі за той час меў на*

сваім рахунку аж восем / на рахунку ‘лічыцца за кім-н., мецца ў каго-н.’/» [2, с. 337]; «*Было відаць, што скупыя Данілавы словы запалі і ў ягоную душу / уваходзіць у душу* ‘глыбока хваляваць, станавіцца прадметам пастаянных разважанняў, роздуму і пад.’/» [4, с. 25].

Цікавае выкарыстанне ФА у творах В. Быкава можна адзначыць і тады, калі ў межах аднаго сказа ўжыта некалькі ФА, што дазваляе больш экспрэсіўна перадаць пэўную сітуацыю, стан, з’яву. Напрыклад: «*Вушы развесілі, а ён – нож у спіну*» [4, с. 191]. У прыведзеным кантэксте нібы сумуецца семантыка ўстойлівых выразаў і фразеалагізмы *развесіць вушы і нож у спіну* ўжываюцца са значэннем ‘зрабіць подлы ўчынак, выявіць здрадніцкія паводзіны ў адносінах да тых, хто стаў уважліва, даверліва і з захапленнем слухаць кагосьці’ [3, с. 106].

Прыцягвае ўвагу выкарыстанне ў адным з твораў В. Быкава выраз *проціў ветру рукамі махаць*, у якім бачацца такія прыёмы, як кантамінацыя фразеалагізмаў і замена кампанентаў:

– Ну іх. Што нам – болей за ўсіх трэба?

– Пэўне. На што *проціў ветру рукамі махаць?* – пагаджаецца Даніла, напусціўшы ў яму дыму [4, с. 88].

У дадзеным выпадку, на наш погляд, назіраецца кантамінацыя, аб’яднанне фразем *пляваць супраць ветру і махаць (размахваць) пасля бойкі кулакамі*. Пры гэтым і ў адной, і ў другой фраземе назіраюцца змяненні структуры. Так, у нарматыўна пададзеным фразеалагізме *пляваць супраць ветру*, які абазначае ‘рабіць што-н. сабе на шкоду’ [3, с. 227–228], адбываецца скарачэнне кампанента *пляваць* і замена кампанента *супраць* на кампанент *проціў*. У сваю чаргу структура фраземы *махаць (размахваць) пасля бойкі кулакамі*, што мае значэнне ‘абурацца, апраўдвацца пасля якога-н. здарэння, калі ўжо бескарысна і позна рабіць што-н.’ [3, с. 26] таксама змяняецца: скарачаюцца кампаненты *пасля бойкі* і адбываецца замена кампанента *кулакамі* на кампанент *рукамі*. У канчатковым выглядзе аўтарскі зменены фразеалагізм *проціў ветру рукамі махаць* набывае значэнне ‘займацца чым-н. бескарысным, рабіць што-н. недарэчнае, непатрэбнае’ і вылучаецца адметнай экспрэсіўнасцю.

Варта адзначыць, што творы В. Быкава багатыя на разнастайныя прыёмы выкарыстання фразеалагізмаў, абумоўленыя найперш імкненнем аўтара да больш яркага выяўлення семантыкі ўстойлівых адзінак, а таксама экспрэсівізацыі мастацкага маўлення.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лепешаў, І. Я. Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 264 с.
2. Быкаў, В. У. Збор твораў : у 6 т. / В. У. Быкаў. – Мінск : Маст. літ., 1992–1994. – Т. 5 : Раман. Аповесці. – 1994. – 432 с.

3. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – Т. 2 : М–Я. – 704 с.

4. Быкаў, В. У. Збор твораў : у 6 т. / В. У. Быкаў. – Мінск : Маст. літ., 1992–1994. – Т. 3 : Аповесці. – 1993. – 415 с.

В. Барысавец

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

СЕМАНТЫЧНЫЯ АДМЕТНАСЦІ ЎЛАСНАБЕЛАРУСКІХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ

Фразеалагізмы маюць не толькі канкрэтнае, індывідуальнае значэнне, але і катэгарыяльнае, абагульненае значэнне – прадметнасці, прыметы, дзеяння і г. д., што дазваляе сістэмна класіфікаваць фразеалагічны матэрыял і вылучыць семантычныя групы фразем. У беларускай фразеалогіі пераважаюць уласнабеларускія дзеяслоўныя фразеалагізмы (52,4 % ад агульнай колькасці сабранага намі матэрыялу) – адзінкі з агульным значэннем дзеяння, сярод якіх можна вылучыць наступныя фразеалагічна-семантычныя групы: дзеяслоўныя фраземы мыслення і думкі (*да галавы браць, круціць мазгамі* [1], *галавою варушыць, глуздом рухаць* [2] і інш.), руху (*даць лататы, чапляць нага за нагу* [1] і інш.), гаворкі і маўлення (*даваць перуноў, з ветру вярнуць віць, малоць не падсяваючы* [3], *з языка схваціць, рот халадзіць* [1] і інш.), дзеяслоўныя фраземы, якія характарызуюць паводзіны асобы (*выкручваць сырыцу, падліваць смалы ў агонь* [3], *ласку зрабіць, пад фартухом сядзець, гадам увочы скакаць* [2], *кпіны строіць, свет агарнуць* [1] і інш.), фраземы са значэннем фізічнага стану асобы (*на паповы сані збірацца, замуж за пясочкага збірацца* [3] і інш.). У сабраным фразеалагічным матэрыяле самую значную па колькасці групу складаюць фраземы, якія характарызуюць паводзіны чалавека.

Другую групу складаюць прыслоўныя ўласнабеларускія фраземы. Іх колькасць сярод выяўленых адзінак складае 23,3 %. Яны абазначаюць прымету дзеяння або ступень якасці, а таксама розныя акалічнасці, пры якіх адбываецца дзеянне. Паводле семантыкі прыслоўныя фразеалагізмы дзеляцца на дзве групы: азначальныя і акалічнасныя. Азначальныя ў сваю чаргу падзяляюцца на тры разрады: якасныя (*на злом галавы, як мага* [3], *аж пыл курыць, як чорт у лужыну плюнуў* [2], *на тандэт, як мае быць* [1] і інш.), колькасныя (*з жабіны прыгаршчы, на валовай скуру не спішаш* [3], *як старой бабе сесці, і смажанага і варанага і так кускамі* [1], *камарова жменя, з вераб'ёву душу, як камаровы насок* [2] і інш.), спосабу дзеяння (*проста з моста, не сабраўшы розуму* [2], *сам праз сябе* [1] і інш.).

Акалічнасныя ўласнабеларускія фразеалагізмы дзеляцца на тры групы: месца (*дзе камар козы пасе, дзе горкі перац расце, дзе нашы вораны не лятаюць* [2], *за вачыма, за свет вочы* [1] і інш.), часу (*як га* [3], *спакон вякоў* [2] і інш.), прычыны (*ні села ні пала, як рудая мыш* [2] і інш.).

Трэцюю паводле колькасці групы складаюць прыметнікавыя ўласнабеларускія фразеалагічныя адзінкі (9,6%), якія абазначаюць прымету асобы ці прадмета. Найчасцей яны выступаюць як якасная характарыстыка асобы ці абазначаюць яе ўнутраны стан. Значна радзей прыметнікавыя ўласнабеларускія фразеалагічныя адзінкі характарызуюць прадмет. Фразеалагізмы з характарыстыкай асобы ўтвараюць наступныя фразеалагічна-семантычныя групы: 1) характарызуюць чалавека з боку знешняга выгляду: *кату на пяту, хоць у плуг запрагай* [3], *гусь гуссю, хоць вады напіся* [1], *з вузел ростам, жабе па калена, хоць калочкам падапры, кавалер – кату на каўнер* [2]; 2) характарызуюць чалавека паводле яго разумовых здольнасцей: *з божай ласкі* [3], *зелена ў галаве, няма клёпкі ў галаве, ні да танца ні да ружанца* [1], *алею ў галаве мала, ні за кол ні за цям, не ўсе ў бердзе* [2]; 3) характарызуюць асобу паводле асаблівасцяў характару: *з ветрам (з ветрыкам, з вецярком) у галаве, ад'яда душы* [3], *без языка, да трох не гавары, зямля ненаежная, што ўбіў то ўехаў* [1], *зломанага шэлега не варты, сабакам падшыты, камара не заб'е* [2]; 4) характарызуюць чалавека паводле падабенства з іншымі людзьмі: *голас у голас, волас у волас, нават крышкі пабраў, адзін чорт маляваў (намаляваў), адным грэбенем прычасаліся, які ехаў, такога (такую) стрэў* [2]; 5) характарызуюць чалавека паводле сацыяльнага і матэрыяльнага становішча: *першы па радзе, голы як стоп* [1], *голы як бізун (як палец, як костка, як стары венік), салому сячэ, пірагі пячэ, сенам падмазвае* [2]. Наступная група прыметнікавых уласнабеларускіх фразем – фразеалагізмы, якія абазначаюць неадушаўлёныя прадметы: *адзін у адзін, каліва ў каліва, зерне ў зерне, лата на лаце, свае работы, у душу не ўбіць* [1], *ні да печы ні да рэчы, ні два ні паўтара, ні лой ні масла, ні ладу ні складу* [2] (якасць), *хоць нажом рэж, хоць боб малаці, на сёмым небе (стан)* [1]. Асобную групы складаюць фразеалагізмы, якія могуць абазначаць прымету, што ў залежнасці ад сваёй канкрэтызацыі ў пэўным кантэксце можа дастасоўвацца да асобы ці канкрэтнага або абстрактнага прадмета, але такіх фразеалагізмаў мала: *не па душы, як падняць* [1].

Назоўнікавыя ўласнабеларускія фразеалагізмы – чацвёртая па колькасці група (складае 5,7%). Такія фразеалагічныя адзінкі маюць катэгорыяльнае значэнне прадметнасці. Назоўнікавыя ўласнабеларускія фразеалагізмы з нашага сабранага матэрыялу ўмоўна можна падзяліць на дзве групы, якія маюць свае падгрупы: суб'ектныя і аб'ектныя назоўнікавыя ўласнабеларускія фразеалагізмы. Самая вялікая па колькасці фразем

падгрупа назоўнікавых фразеалагізмаў – гэта суб’ектныя фраземы, якія характарызуюць людзей паводле ўласцівасцяў іх характару – 22 % ад агульнай колькасці (*варона загуменная, крывое кола, гад печаны, свінтус грандыёзус, ліслівае цяля* [3], *чорт лазаты, няўлюддзе паганае, воўчая натура, і да волікаў пастух і да конікаў канюх, гора чубатае* [2], *дабёр бабёр, добрая цаца, добрая вуда, ад усякай бочкі шпунт* [1] і інш.).

Колькасць уласнабеларускіх выклічнікавых фразеалагізмаў складае ў нашым матэрыяле 5,2 %. Такія фразеалагічныя адзінкі выражаюць розныя пачуцці, але не абазначаюць і не называюць іх. Выклічнікавыя ўласнабеларускія фразеалагічныя адзінкі паводле семантыкі падзяляюцца на наступныя групы: эмацыянальныя фразеалагізмы (*авохці мне, гавары з чортам пацеры* [3], *нішто сабе, вось ліха, дзіва што, якой хваробы* [2] і інш.), эмацыянальна-валявыя (*то дзейся, ні ў якім разе* [2] і інш.), фразеалагізмы-пажаданні (*дай, Божа, каб было ўсё гожа; дай жа, Божа, нашаму лаўцу зайца; спорна вам; няхай Бог дапамае; прападзі ты за гарэлы блін* [2] і інш.), фразеалагізмы моўнага этыкету (*бывайце здаровы; здаровы бывайце, нас не забывайце; не ўспамінай (згадвай) ліхім словам; на ўсё добрае* [2] і інш.), фразеалагізмы-клятвы (*каб я з месца не ўстаў, каб я да гэтага месца прырос, каб я дахаты не дайшоў, каб маё селішча запуставала* [2] і інш.).

Колькасць уласнабеларускіх мадальных фразеалагічных адзінак складае 0,7 %. Мадальныя ўласнабеларускія фразеалагічныя адзінкі з сабра-нага матэрыялу паводле свайго значэння дзеляцца на наступныя групы: фразеалагізмы, якія выражаюць эмацыянальную ацэнку таго, пра што гаворыцца ў сказе (*што і казаць* [1], *на чорта, на ліха, на няшчасце, на пярун* [2]), фразеалагізмы, якія перадаюць адносіны паміж часткамі выказвання (*так і так* [1], *такім парадкам, такім разам* [2]), фразеалагізмы, якія паказваюць на крыніцу паведамлення (*як той казаў, казаў той* [2]), фразеалагізмы, якія выкарыстоўваюцца як зварот да суразмоўніка (*зрабі ласку, будзь ласкавы, калі ласка* [2]), фразеалагізмы, якія ацэньваюць манеру маўлення, спосаб перадачы думак (*так бы мовіць, то ж бо то* [2]).

Асобную групу складаюць несудадносныя з часцінамі мовы ўласнабеларускія фразеалагічныя адзінкі, якія часцей характарызуюць: характар і разумовыя здольнасці асобы (*гнилому цяляці хваста не адарве, такі і на камені разрасцецца, пройдзе поле і ног не наколе, гэты Яўхім і з вады вылезе сухім* [2] і інш.); унутраны ці фізічны стан асобы (*сеў камень на сэрца, душа трыміць, крывёю сэрца абягае, вочы слупам сталі, дрыжыкі працінаюць, нешта за каўнер бярэ, насок паглядае ў пясок* [2] і інш.).

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Мяцельская, Е. С. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі [Электронны рэсурс] / Е. С. Мяцельская, Я. М. Камароўскі. – Рэжым доступу: <https://www.twirpx.com/>. – Дата доступу: 21.03.2018.

2. Санько, З. Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем [Электронны рэсурс] / З. Санько. – Рэжым доступу: <https://www.szlachta.io.ua/>. – Дата доступу: 23.10.2017.

3. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў [Электронны рэсурс] / І. Я. Лепешаў. – Рэжым доступу: <https://knigogid.ru/>. – Дата доступу: 23.10.2017.

А. Бацкалевіч

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

КУЛЬТУРНА-ГІСТАРЫЧНАЯ АДМЕТНАСЦЬ АНАМАСТЫКОНУ НАВУКОВА-ПАПУЛЯРНАЙ ЛІТАРАТУРЫ В. ІПАТАВАЙ І В. САРЫЧАВА

Сучасныя беларускія аўтары Вольга Іпатава і Васіль Сарычаў плённа працуюць у рэчышчы навукова-папулярнай літаратуры. Іх творы «Паміж Масквой і Варшавай (некалькі гістарычных маршрутаў Беларусі)» і «У пошуках страчанага часу» прысвечаны гісторыі краіны: рэлігіі, культуры нашых продкаў, славытым суайчыннікам. Імя ўласнае – факт культуры, які ў многім вызначаецца духоўным вопытам народа, гістарычнымі ўмовамі фарміравання этнасу. У кантэксце навукова-папулярных твораў раскрываецца этымалагічная семантыка ўласных імёнаў розных разрадаў.

У цэнтры аўтарскага апаведу – вобразы нашых продкаў і сучаснікаў. Таму ядро анамастычнай прасторы навукова-папулярнай літаратуры займаюць *антрапонімы*. На славянскіх землях з X ст. укаранялася хрысціянская мадэль успрымання імені як духоўнай субстанцыі, што фарміруе асаблівы маральны склад асобы як сакральнай сутнасці, здольнай забяспечваць дапамогу вышэйшых сіл. Хрысціянская трактоўка імені адлюстравана на старонках навукова-папулярных твораў. В. Іпатава распавядае пра лёс слаўтай каралевы *Соф’і* Гальшанскай. У хрысціянстве імя *Сафіі* звязана з *мудрасцю*: «*Мудрасць лепшая за перлы, і ўсё, чаго пажадаеш, не параўнаецца з ёю*» [1, с. 12]. Імя было сугучным унутранай сутнасці каралевы, якая, прайшоўшы цяжкія жыццёвыя выпрабаванні (палацавыя інтрыгі, зайздрасць прыбліжаных караля і нават абвінавачванні ў здрадзе), набыла *мудрасць* – уменне адстойваць свой гонар і чэснае імя, атрымала ўнутраную сілу, што дала магчымасць абараніць і выхаваць сыноў, якія сталі разумнымі і смелымі правіцелямі – прадстаўнікамі сусветна вядомай і шанаванай дынастыі Ягелонаў: «*Соф’я Гальшанская – будучая каралева Польшчы і вялікая княгіня, апошняя жонка караля Ягайлы і першая, якая нарадзіла яму дзяцей – трох сыноў, два з іх сталі каралямі. Каралева Соф’я ўпрыгожыла род Гальшанскіх*» [1, с. 10].

Некаторыя манархі і прадстаўнікі славурых шляхетных родаў увайшли ў гісторыю пад празваннямі-*мянушкамі*, што знайшло адлюстраванне ў анамастыконе навукова-папулярнай літаратуры. Напрыклад, прадстаўніца славурага роду Гальшанскіх мела мянушку, якая характарызавала знешнасць жанчыны: *«Старэйшая князёўна Гальшанская Васіліса, празваная Бялухай, – мажная і прыгожая дзяўчына»* [1, с. 10].

Дзейнымі асобамі навукова-папулярнай літаратуры з'яўляюцца рэальныя людзі. Так, В. Сарычаў прыгадвае дакументы сярэднявечнага Брэста, напрыклад Інвентар 1566 г. Формы наймення берасцейцаў з'яўляюцца паказчыкам іх сацыяльнага статусу. Купцы і рамеснікі называюцца па імені з указаннем прафесіі, роду дзейнасці (*Ян постригач, Курило коваль, Станислав оптикар, Миско мечник*) або па імені ў спалучэнні з прозвішчам (*Михно Розчич, Ганна Олиферова, Софья Адамкова, Станислав Пекарский, Яско Олиферович*). Прадстаўнікі вышэйшых саслоўяў названы па імені ў спалучэнні з іменем па бацьку (князь *Юрий Олелькович*). Што да прозвішчаў сярэднявечных бера-сцейцаў, то ў іх складзе можна вылучыць антрапонімы, утвораныя ад хрысціянскіх імёнаў (*Олиферович, Адамкова, Тарасович, Васюкович, Андриевич, Карпович, Ярмошова, Остапкович*), а таксама ад язычніцкіх празванняў-мянушак, матываваных найменнямі флары і фаўны (*Дубинка, Шпакович, Козловски, Сорока*), назвамі прафесій, месца жыхарства, сацыяльнага статусу (*Пекарский, Новосельский, Золотарь, Паненчин*), частак цела (*Лобик*), страў (*Скиба*).

Сродкам увасаблення прасторава-часавых адносін у навукова-папулярных творах з'яўляюцца *тапонімы*. Несумненны інтарэс у чытача выклікаюць «схаваныя» ў *тапонімах* звесткі пра гісторыю паселішчаў: *«Быў пан, князь, Ольшай зваўся. У пушчы месца знайшоў, паляну такую красівую. Пачалі там будавацца. І пасяленне стала... Замак там, і ў Медніках, і ў Крэве. А паміж імі падземныя хады, чацверыком можна ездзіць. А ў Альшанах так і паміж замкам і да кляштара»* [1, с. 10]; *«Само возникновение древнего Берестья, упомянутого в летописи 1019 года, наиболее известная из легенд связывает с иноземным купцом, увязшим с товаром в топких болотах. Стал якобы обдирать бересту и мостить ею гать, а ещё дал в отчаянии обет построить, коль случится спастись, церковь. Так на обратном пути и сделал. Со временем вокруг церкви стали оседать люди и возникло селение, названное Берестьем. Любая легенда замешана на правде жизни. Берестье располагалось на оживлённом торговом пути, соединявшем древнерусские княжества с западноевропейскими странами. Грузёные товаром ладьи шли по Днепру, Припяти, Пине, сухопутный отрезок до Мухавца преодолевался*

волоком или на лошадах, далее по самой родной нам реке спускались к Берестью, чтобы продолжить путь по Бугу и Висле» [2, с. 37–38].

Каларыт даўніны ствараюць **устарэлыя ўласныя назвы**, якія паводле іх суадносінаў з сучаснымі найменнямі падзяляюцца на **археонімы** і **гістарыёнімы**. Частка **ўстарэлых онімаў** цалкам адрозніваецца ад сучасных назваў сваім фона-марфалагічным складам. Гэта **ўласналексічныя археонімы**. В. Сарычаў праз кароткія ўстаўныя канструкцыі, а часам праз разгорнуты гістарычны каментар падае чытачу суадносныя з **археонімамі** сучасныя найменні, а таксама акрэслівае матывацыю найменняў, прадстаўляючы гісторыю герояў, чыімі імёнамі былі названы вуліцы: «*В городе, окружённом с востока оперативной группой майора Домбровского, ещё находились немцы, отступавшие к вокзалу, где стояли готовые к отправке последние эшелоны. Смысла препятствовать отбытию немцев не было, но разгорячённые поляки бросились на штурм, в ходе которого пулемётная очередь сразила капитана Владислава Стецкевича, командира отряда из группы Ежи Домбровского. На месте гибели капитана, у пешеходного моста через пути, установили памятник, а улицу Вознесенскую (ныне Комсомольская) переименовали в улицу Стецкевича. Ещё две улицы – Збирововская (ныне Будённого) и Миллионная (ныне Советская) – в память тех дней получили имена Антония Листовского и Ежи Домбровского (а не генерала Парижской коммуны Ярослава Домбровского, как можно по ошибке предположить)*» [2, с. 55].

Гістарыёнімы з’яўляюцца найменнямі паняццяў, якія зніклі з жыцця соцыуму і з мовы. Напрыклад, у кантэксте твора В. Сарычава выкарыстоўваюцца найменні старажытных дзяржаў, адміністрацыйных адзінак (**Арабский халифат, Византия, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Берестейское староство**), назвы грамадскіх і камерцыйных аб’яднанняў – **эргонімы** (мебельны магазін «**Шмуль Хаит и сын**», цукерня «**Гдыня**», **Строительный комитет, Ссудно-строительная комиссия, «Торговый пассаж Ретнера**»).

Важную ролю ў жыцці нашых продкаў і сучаснікаў адыгрывала і адыгрывае рэлігія. Таму ў тэкст навукова-папулярных твораў уводзяцца розныя разрады онімаў, якія звязаны з рэлігійным светапоглядам народаў, што насялялі Беларусь. Так, сродкам адлюстравання значнасці хрысціянскай веры ў жыцці беларусаў з’яўляюцца шматлікія **эклезіёнімы** – назвы храмаў і манастыроў. Расказваючы пра мінулае і сучаснасць, В. Сарычаў і В. Іпатава ўжываюць шматлікія найменні культавых збудаванняў: і тых, што зніклі (**гістарыёнімы**), і тых, у якіх і зараз вядзецца набажэнства: «*На Центральном острове размещались двор православного епископа с Николаевской церковью, Фарный, т. е. главный, костёл, красивейшая в Европе синагога “Бриск де Литва”*» [2, с. 102]; «*Былы бернардынскі кляштар, пабудаваны ў 1786 годзе,*

ператварыўся ў **Варварынскую царкву**. У гэтым даволі простым аднанефавым храме прыгожы галоўны фасад – у стылі барока. Ёсць на фасадзе нішы і паяскі, а таксама пілястры і карнізы, а ў самім храме захоўваецца старадаўні, XVI стагоддзя, абраз “Божая маці Ерусалімская”. Царква названа ў гонар вялікамучаніцы Варвары, мошчы якой пачалі пасля смерці тварыць цуды вылечвання цяжка хворых» [1, с. 106].

Такім чынам, навукова-папулярная літаратура такіх творцаў, як В. Іпатава і В. Сарычаў, вызначаецца стылістычна матываваным ужываннем анамастычных адзінак, якія перадаюць адметнасць матэрыяльнай і духоўнай культуры Беларусі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Іпатава, В. Паміж Масквой і Варшавай (некалькі гістарычных маршрутаў Беларусі) / В. Іпатава. – Мінск : Польша : Бялун, 1996. – 111 с.
2. Сарычев, В. В поісках утраченнаго времени / В. Сарычев. – Брест : Брест. тип., 2006. – 308 с.

П. Березнева

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СЛЕНГЕ ХИПСТЕРОВ

В современной молодежной культуре заметно выделяется субкультура хипстеров. Термин *хипстер* происходит от английского жаргонного выражения *being hip* или *to be hip*, что означает “быть в теме” [1]. Функционирование особых идеологических, философских, художественных и стилистических концепций, объединяющих людей в отдельные от традиционной культуры группы, предопределяет возникновение группового социолекта, или сленга. Основными факторами формирования сленга хипстеров являются их ориентация на элитарное, немассовое искусство (в основном это касается музыки и кино), на современные прогрессивные методы обучения и ведения бизнеса, на моду 60-х гг. XX в., особые предпочтения и требования к готовым блюдам и продуктам питания, повышенный интерес к социальным сетям [2].

Анализ выборки из сленга хипстеров, насчитывающей 90 лексем, показывает, что абсолютное их большинство (88 единиц) являются заимствованиями. Хипстеры – явление инокультурное, возникло в США, поэтому основным источником происхождения лексики сленга выступает английский язык. Иные языки поставляют лексику в сленг хипстеров крайне редко. Например, *полента* (от итал. *polenta*) ‘блюдо итальянской кухни’.

В большинстве случаев лексемы субъязыка хипстеров сохраняют формы и значения английского языка [3]. Таковы слова *байопик* (от англ. *biopic*) ‘биографический фильм’, *бейгл* (от англ. *beigel*) ‘блюдо еврейской кухни’, *бранч* (от англ. *branch*) ‘прием пищи между завтраком и обедом’, *митбол* (от англ. *meatball*) ‘мясное блюдо, нечто среднее между тефтелей и фрикаделькой’, *мастхэв* (от англ. *musthave*) ‘предмет, который необходимо иметь в наличии’, *фуду* (от англ. *foodie*) ‘гурман’ и мн. др. [4].

Заемствования из других языков в сленге в основном графико-фонетические, то есть представляют собой транскрипцию и транслитерацию иноязычных лексем: *ангрейд* [ʌpɡreɪd], *вонаби* [ˈwɒnəbi], *воркшоп* [wɔːrkʃɒp], *фишбол* [fɪʃ bɔːl], *молл* [mɔːl], *фейслифт* [feɪslɪft], *фуду* [ˈfʊdi] и др. Примерами транслитерации являются слова *барбер* – *barber*, *гранола* – *granola*, *полента* – *polenta*, *корнер* – *corner*. Выявлены, однако, и случаи комбинирования транскрипции и транслитерации в пределах одного слова (например, *барбершоп* (*barber* плюс *shop*)). Подобное явление можно видеть и в случаях, когда слово в сленге происходит от английских словосочетаний. Так, лексема *топофмайнд*, вероятно, производна от словосочетания *top of mind*, где *топ* (*top*) и *оф* (*of*) являются транслитерацией, а *майнд* [maɪnd] – транскрипцией. Не исключено, однако, что транскрипция имела место и для слов *top* и *of*, которые в английском языке пишутся и произносятся одинаково.

Кроме заимствований с исходными значениями языка-донора, в сленге хипстеров можно выделить и иноязычные слова, претерпевшие разного рода семантические преобразования. Наиболее многочисленна группа слов, изменивших значение. Так, лексема *барбер* в сленге изначально имеет значение ‘борода’. В английском языке это слово является номинацией мужского парикмахера. Лексема *воршоп* в английском языке называет помещение, в котором производят или чинят вещи с помощью машин и/или инструментов, то есть мастерскую. В сленге данная лексема имеет метафорическое значение ‘мастерская личности, духа и т. д.’. В данном случае имеет место метафорический перенос прямого значения слова *мастерская* на *метод тренинга*. На это указывает специфика работы на *воркшоп*, которая предполагает решение индивидуальных задач, интересных конкретному участнику, акцент на самостоятельное определение целей, индивидуальную ответственность за результат и т. д. Лексема *корнер* ‘бутик’ (в сленге) производна от английского слова *corner*, однако в английском языке данная лексема имеет значение ‘угол, закоулок, район’. До хипстеров это слово было освоено в сферах экономики и спорта. Как экономический термин лексема *корнер* обозначает скупку акций, биржевых контрактов и реального товара (лицом, фирмой, группой лиц) с целью захвата в свои руки контроля над ходом биржевого процесса и взвинчивания цен путем создания искусственного дефицита товаров на рынке и их по-

следующей перепродажи. А как спортивный термин слово *корнер* называет вид углового удара. В обоих случаях семантика данной лексемы восходит к значению ‘угол’. В сленге хипстеров лексема *корнер* стала номинацией магазина одежды, возможно, тоже в результате метонимического переноса, потому что бутик – небольшой магазин, «лавка», первоначально занимающая угол в более просторном помещении или располагающаяся при больших торговых объектах. Слово *воннаби* в английском языке обозначает человека, который пытается стать известным, обычно безрезультатно. В сленге хипстеров эта номинация связана только с профессиональной деятельностью, называет человека, который хочет быть специалистом в определенной профессии, но, таковым не являясь, зачастую просто им притворяется. Возможно, смещение значения обусловлено тем, что субкультуру хипстеров характеризует стремление к максимальному отдалению от массовой культуры, культивирование рационализма и образования.

Сужение семантики отмечено для слова *барбершоп* ‘парикмахерская, преимущественно специализирующаяся на бородах и усах’ («*Зашел в барбершоп бороду подровнять*»). Английское слово называет место, где работает мужской парикмахер. Аналогично изменилось содержание лексемы *молл*: в сленге хипстеров – это ‘вещевой торговый центр’, а в английском языке слово обозначает ‘огромную, чаще закрытую (имеющую крышу) торговую территорию, на которой запрещено парковать автомобили’, т. е. исконно в содержательной структуре номинации не было указания на продаваемую на данной территории продукцию.

Отдельно отграничим слово *ангрейд* ‘модернизация, усовершенствование’, расширившее значение при заимствовании («*А я, в поисках нового опыта, с нетерпением буду ждать ангрейда модельного ряда*»). В английском же языке значение данной лексемы передается объемной описательной конструкцией «улучшить качество или продуктивность (полезность) чего-либо, например машины или компьютерной программы, или поручить человеку более важную работу, или сказать, что его работа более важная, чем была раньше». Кроме того, в сленге хипстеров эта лексема – имя существительное, а в английском языке значение данного слова представлено глаголами.

Встречаются случаи заимствования иноязычных слов с одновременной семантической деривацией и из других языков. Так, слово *джелатерия* ‘кафетерий с итальянским мороженым’ образовано от итальянского слова *gelato* ‘особый вид мороженого’ путем транскрипции итальянского слова и присоединения суффикса *-ий*, а также окончания – [а]. Слово *лифтолук* ‘фотография в лифте’ образовано от слов *лифт* и *лук* (от англ. *look*) ‘смотреть, выглядеть’, соединенных интерфиксом *-о-*.

Таким образом, основным источником лексики сленга хипстеров объективно являются заимствования. Из языка-источника – английского – новая лексика приходит в сленг чаще всего сохраняя чужие формы и значения. Вместе с тем в сленге происходят существенные семантические сдвиги в структуре иноязычных слов – перенос значений, сужение семантики, расширение смысловой структуры слов. Эти сдвиги обуславливают содержательную специфику сленговой лексики.

Список использованной литературы

1. Ермаков, П. Настоящие хипстеры [Электронный ресурс] / П. Ермаков. – Режим доступа: <http://www.lookatme.ru/mag/all-mag/locals/60947-nastoyaschie-hipsteryi>. – Дата доступа: 09.11.2017.
2. Лапшин, В. А. Хипстеры [Электронный ресурс] / В. А. Лапшин // Социология Молодежи. Электронная энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.socmol.ru/encyclopaedia/subcultures/147-hipstery.html>. – Дата доступа: 08.11.2017.
3. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 888 с.
4. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> – Дата доступа: 23.03.2018.

Ю. Бецыньска

Университет Казимира Великого в Быдгоще
(г. Быдгощ, Польша)

МАГИЧЕСКИЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ СТУДЕНЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Современный студенческий фольклор, как и в прошлые времена, помогает студентам пережить экстремальные ситуации учебного процесса, регулировать отношения внутри коллектива студентов и между студентами и преподавателями, передает каждому новому поколению опыт, накопленный предшественниками.

Термин *фольклор* в переводе с английского языка означает *знание народа*. Термин введен Вильямом Томсом в 1846 г. с целью определить явления, до сих пор называемые *народной литературой* [4, с. 64]. Согласно намерениям исследователя, термин должен был относиться к *обычным людям*, не только к представителям народной культуры. Последователи Томса начали употреблять термин *фольклор* исключительно для обозначения духовной культуры общества. Однако оказалось, что в быстро меняющемся мире изменению подвергается также предмет фольклорного изучения. Исчезновение традиционной народной культуры создало необходимость расширить определение термина *фольклор*. В 1979 г. польский исследова-

тель Михаил Валиньский писал о трех основных сферах, в которых проявляется фольклор. Он перечислял крестьянский фольклор, фольклор общественно-профессиональных групп и субкультур, а также интеробщественный (пол. *interspoleczny*) фольклор [3, с. 120]. Принимая во внимание классификацию М. Валиньского, спонтанное студенческое творчество стоит воспринимать как проявление субкультурного фольклора. Вера студентов в причинную силу слова и страх перед непредвиденным создают почву для употребления в кризисных ситуациях магических слов в суеверных практиках. Дэвид Юм, шотландский философ, представитель эмпиризма, еще в XVIII в. говорил о суевериях, что это явление никогда не будет искоренено, потому что оно парадоксально и является интегральной частью адаптационных механизмов, без которых человечество не в состоянии было бы выжить [2]. Современный студенческий фольклор это подтверждает. Покажем это на примере поверий, бытующих в среде польских и русских студентов.

Первым примером служит «запрет на благодарение», известный польским и русским студентам. Эта традиция была заимствована от древних славян и связана с функционированием в традиционных культурах веры в могучую силу слова [1, с. 26]. В студенческой среде благодарение за желание успеха на экзамене может изменить ожидаемое благополучие, поэтому слово *спасибо* надо пропустить. В Польше перед экзаменом обычно говорят «Powodzenia», «Połamana pióra» и отвечают «Nie dziękuję», а в России желают «Ни пуха, ни пера!» и отвечают «К черту!». При поступлении в институт/университет русская фраза модернизируется: «Ни пуха, ни пера, ни двойки, ни кола!», на что студент также отвечает: «К черту!». Как можно предполагать, запрет благодарить связан со страхом сглазить, т. е. навлечь на себя беду вместо успеха. Нельзя благодарить за несостоявшийся успех, а то он действительно может не состояться.

Вторым примером употребления магических слов является практикуемая русскими студентами ловля так называемой *халявы*, т. е. того, что достается легко, без труда. Зачетка есть ключевой элемент в ловле халявы, обеспечивающей сдачу зачета на отлично. Согласно суеверию, чтобы привлечь халяву, надо насыпать в зачетку хлебную крошку или собрать пыль венником, это своеобразная жертва. Следующий шаг – в полночь перед экзаменом выйти на балкон или высунуть руку с зачетной книжкой в форточку, помахать зачеткой и три раза крикнуть «Халява, ловись!». После этого зачетку нужно захлопнуть, перевязать красной ниткой и не открывать вплоть до экзамена, чтобы халява не вылетела. Плохо, если после призыва халявы кто-то крикнет «Надо было учиться!» – тогда халява испугается и не придет.

Третьим примером служит суеверие русских студентов, согласно которому перед входом в аудиторию, стоя на левой ноге, надо загадывать

желаемую оценку, оценку надо назвать 3 раза (а еще лучше 33), чтобы магия «сработала». Число три – это Божественная цифра, знаменует Божественное Триединство (тремякратное прославление святости Бога; крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа; Бог как повелитель прошлого, настоящего и будущего) [4, с. 2].

Еще одним примером является *заговоренная ручка Меркурия*. Согласно суеверию, надо купить ручку в среду на растущей Луне, дожждаться вечера, зажечь 5 свечей (5 – это число Меркурия), поместить ручку между ладонями и читать заговор: «О Меркурий велеречивый, дай мне ясность ума, ловкий язык, крепкие нервы. Подкрепи мои знания... Слава великому Меркурию! Слава!» А потом надо писать этой ручкой на экзамене [6, с. 1–3].

Из приведенных примеров очевидно, что магические слова в современном студенческом фольклоре присутствуют – это пожелания, призывы успеха, заговоры. И хотя они могут казаться нерациональными, но неопределенность и страх, сопровождающий студентов, заставляют молодых людей подсознательно использовать эти защитные механизмы. Студенческая вера в магическую силу слова сильна, а чувство страха присуще людям независимо от уровня образования.

Список использованной литературы

1. Engelking, A. Kłątwa. Rzecz o ludowej magii słowa / A. Engelking. – Wrocław, 2000.
2. Hume, D. Traktat o naturze ludzkiej / D. Hume. – Francja, 1740.
3. Waliński, M. Współczesna rzeczywistość folkloru / M. Waliński. – Literatura ludowa. – 1979. – № 1/3.
4. Religijny zabobon w walce z przesadami [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sammael-thot.blog.onet.pl/2007/11/03/religijny-zabobon-w-walce-z-przesadem/>. – Дата доступа: 12.07.2017.
5. Krawczyk-Wasilewski, V. Współczesna wiedza o folklorze / V. Krawczyk-Wasilewski. – Warszawa, 1985.
6. Как сдать экзамены с помощью магии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.passion.ru/hor/nepoznannoe/kak-sdat-ekzameny-s-pomoshchyu-magii-51924.htm>. – Дата доступа: 10.04.2018.

С. Бона

Университет Казимира Великого в Быдгоще
(г. Быдгощ, Польша)

БЛОГ КАК ФОРМА МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Появление и функционирование во всем мире информационной сети Интернет является коммуникационной революцией. «Интернет позволяет делать доступным собственное творчество бесконечно большому числу людей, и это почти сразу же... возможность почти немедленного распро-

странения такой смеси зафиксированных картин, звуков и комментариев представляет собой новое качество» [1, с. 1] [перевод С. Б.].

Роль Интернета сравнима с изобретением письменности, книгопечатания и цифровых СМИ. Сегодня можно считать, что «Интернет является самостоятельной, саморазвивающейся системой, внутри которой возникают различные формы коммуникации. Одной из таких форм является блог» [2, с. 6]. Блог обусловлен Интернетом как по форме, так и по содержанию. Каждый новый род высококачественных форм генерирует новые сообщения среди их создателей и пользователей. Блоги принадлежат к новым формам, причисляемым к так называемым социальным медиа. Большая популярность блогов и их интересное содержание привлекают внимание пользователей Интернета.

Сегодня блоги – это одно из наиболее интересных социологических явлений и один из наиболее частых способов «выражения себя». Благодаря легкости обслуживания блогов, созданных чаще всего на основании доступных образцов, свой след в Интернете начали оставлять миллионы людей.

Блоги часто причисляются к сфере социальных медиа именно в связи с тем, что они являются формой общения в двух направлениях. Блоги гораздо лучше служат общению, чем домашняя страница, отсюда такая их популярность, например, среди людей, которые хотят выдвинуться в общественной сфере – журналистов, писателей, всякого рода знаменитостей, а также среди корпораций. Существует очень много причин, по которым не только отдельные лица, но и фирмы применяют эту форму общения. Среди самых важных отмечают следующие:

1. Снижающаяся эффективность в общении посредством домашней страницы; структура и техническое функционирование блогов как двусторонней коммуникации более эффективны.

2. Блоговое сообщение двунаправленное – к пассивному и к активному получателю; может быть использовано в маркетинговых целях и в public relations. Блог, исполняя маркетинговые функции, строит общение по схеме фирма – клиент; вести блог – это капиталовложение, которое должно обернуться прибылью. Каждый раз в случае кризиса блог – это место, в котором можно объяснить возникшие ситуации, докладывать о проведенных анализах, тем самым перегонять и сообщения других средств массовой информации.

3. Рост достоверности. Эффективный обмен информацией и эффективное управление кризисной ситуацией – это не что иное, как подтверждение достоверности действий фирмы. Это повод, из-за которого большинство фирм ведут блоги.

Сейчас систематически создаются видеоблоги, фотоблоги, литературные блоги и т. д. Общей чертой этих блогов является то, что они являются местом для общественных дискуссий. Темы блогов и их внешнее

оформление неограниченны. Комментировать записи также могут все. «Совокупность всех блогов как социальной сети или сообщества была названа блогосферой» [2, с. 7]. Благодаря тому, что блогеры читают и комментируют друг друга, ссылаются друг на друга, они создают свою субкультуру. Кроме того, надо обратить внимание на факт, что блогосфера – это место изучения общественного мнения и культурных мемов.

Блогосферу часто анализируют «в научных и не научных исследованиях, рассматривающих современные глобальные социальные тенденции» [2, с. 7]. Каждый блогер является источником информации, а его записи распространяются в блогосфере и вызывают реакции общественного мнения по разным вопросам. В связи с этим информации становится больше, и каждая информация субъективнее и, вероятно, интереснее. Некоторые считают, что это обуславливает падение качества информации, потому что привлечь блогера к ответственности за недостоверную информацию является очень затруднительным. Блогеры четко реагируют на происходящие в мире события, а их посты актуальны.

В блогосфере существует «иерархическая структура, определяющая избранные блоги, которые, в свою очередь, являются центрами влияния» [2, с. 7]. Надо помнить, что существуют два противоположных мнения, касающихся роли блогов в современных социокультурных процессах: 1) ведение блогов позволяет человеку самореализоваться наиболее безобидным способом; 2) блоги влияют на социальные процессы, а информация, которую они содержат, быстро распространяется по блогосфере.

Появление блогосферы повлияло на появление новой формы коммуникации, неизвестной ранее. «Она характеризуется тем, что в ней межличностная коммуникация и внутриличностная коммуникация претерпевают структурную трансформацию, меняя свой характер и как бы сливаясь воедино» [2, с. 8]. Сама концепция блогов произошла из традиции дневниковых записей, и ведущие блог-платформы позиционируют свои сервисы как личное пространство для рефлексии и самовыражения.

Примечательно, что в большинстве случаев дневниковые онлайн-записи – это публикации с открытым доступом, но надо помнить, что в них исчезает грань между интимным и публичным, и в связи с этим каждый монолог обращен к потенциальному слушателю. Благодаря этому существует возможность непосредственного диалога читателя и автора, которой нет в случае традиционных бумажных записей. Исчезновение грани между сферами частного и публичного, которое встречаем в сетевых технологиях, создает специфические проблемы. Самой большой проблемой является вопрос о свободе распространения информации. «Данную проблему ярко демонстрируют скандалы, связанные с обнародованием информации

общественными активистами... секретных документов спецслужб, демонстрирующие размывание сферы интимного и приватного» [2, с. 9].

Подводя итоги, отметим, что «блогосфера представляет собой разветвленное сетевое мегасообщество, в котором отражаются интересы, предпочтения, настроения самых различных групп людей» [2, с. 9]. В связи с этим блогосфера является не только СМИ, но и источником информации для традиционных СМИ. Высокое воздействие блогов дает возможность следить за изменением общественного мнения, а также понять, какое мировоззрение доминирует. «В блогосфере коммуникация становится не только средством передачи информации, самовыражения, самопрезентации, но и особым действием» [2, с. 9]. Сегодня блогосферу определяют как «“самый прямой” коммуникационный канал с особым принципом подачи информации – обращенностью “к своим”: членам субкультуры блогеров в целом либо отдельно взятым читателям/подписчикам» [2, с. 9]. Коммуникационная особенность заключается в совмещении автокоммуникации и диалогичности межличностной коммуникации.

Список использованной литературы

1. Klimowicz, M. Historia blogowania, cz. II [Электронный ресурс] / M. Klimowicz. – Режим доступа: <http://klimowicz.blox.pl/2007/07/historia-blogowania-cz-II.html>. – Дата доступа: 03.05.2018.
2. Чивилёв, А. А. Блог как форма межличностной коммуникации [Электронный ресурс] / А. А. Чивилёв // Культурология и искусствоведение : материалы Междунар. науч. конф., г. Пермь, апр. 2015 г. – Пермь : Зебра, 2015. – С. 6–11. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/artcult/archive/155/7634/>. – Дата доступа: 20.07.2018.

А. Бондаренко

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
(г. Витебск, Беларусь)

РОЛЬ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ПИЛОТНЫЙ ОПРОС

Современная система образования Республики Беларусь направлена на решение актуальных задач локального и международного уровней, в числе которых – ориентация на изучение иностранных языков в рамках выполнения социального заказа, предусматривающего широкое использование иностранного языка как коммуникативного инструмента в контексте диалога национальных культур [1, с. 3] и реализации коммуникативных стратегий. Согласно концепции учебного предмета «Иностранный язык» в число приоритетных задач современного образования входит «формирование у подрастающего поколения готовности к взаимопониманию, воспитание в духе толерантности; развитие способностей к пониманию культуры» [1, с. 3].

Цель исследования – установить образовательную ценность иностранного языка для современной молодежи. Начальным этапом нашей работы явилось проведение пилотного анкетирования, в котором приняли участие 112 респондентов. Используя статистический метод анализа эмпирических данных, мы смогли определить мотивационное ядро в изучении иностранного языка, используемые учебные средства и степень англиканизации русскоязычной коммуникации в молодежной среде.

Мотивационное ядро в изучении иностранного языка формирует личностная заинтересованность в предмете («изучаю иностранный язык из личного интереса» – 46 % опрошенных), желание получить высокооплачиваемую работу (28 %) и необходимость знания английского языка во время путешествий (26 %).

Изучая степень англиканизации речи современной молодежи, мы предложили респондентам ответить на вопрос, как часто они используют англицизмы в повседневном общении. Результаты анкетирования констатировали тенденцию к употреблению иностранных эквивалентов вместо русских слов и выражений в коммуникации. Так, большая часть опрошенных (51 %) активно используют англицизмы в общении, 33 % респондентов употребляют иностранные слова время от времени и лишь 16 % участников анкетирования редко отдают предпочтение иностранным словам при наличии русскоязычных эквивалентов.

Среди наиболее распространенных заимствованных слов и выражений такие, как *hello, thank you, thanks, yes, no, of course, good-bye, really, you owe me, got it, mads, awesome* и др. Активно используются этикетные формулы, которые, вероятно, проникают в повседневную жизнь посредством информационных технологий (медиа, социальные сети и др.). Для подтверждения данной гипотезы мы предложили респондентам ответить на вопрос о том, как англицизмы проникают в их среду. 44 % респондентов узнают новые для себя слова от друзей и близких, 34 % – из социальных сетей и 22 % опрошенных «открывают» новые слова и выражения при просмотре фильмов и сериалов.

Таким образом, результаты пилотного анкетирования открывают перспективы для дальнейшего изучения роли иностранного языка в молодежной среде и степени англиканизации современного белорусского общества.

Список использованной литературы

1. Концепция учебного предмета «Иностранный язык» [Электронный ресурс] / Национальный образовательный портал. – Режим доступа: <http://adu.by/ru/uchitelny/uchebno-metodicheskoe-obespechenie-doshkolnogo-obshchego-srednego-i-spetsialnogo-obrazovaniya/kontseptsii-uchebnykh-predmetov.html>. – Дата доступа: 01.05.2018.

О. Бондаренко

Інститут історії і філології Академії імені Яна Длугоша
(м. Ченстохова, Польща)

ПОЛОНІЗМИ У ХМІЛЬНИЦЬКОМУ ЛІТОПИСІ

Українське літописання XVII ст. надзвичайно строкате за способом відображення минулих подій, рівнем художнього оформлення, стилем і мовою написання. Власне середина століття демонструє кардинальну зміну вектору представлення матеріалу: розширюється тематика, залучаються нові джерела, посилюється критична обробка матеріалів, порічна форма викладу поступово витісняється більш просторим літературно-історичним коментарем, який уже містить елементи наукового підходу до висвітлення описуваних подій [1, с. 6]. Культурні зв'язки між шляхетською Польщею та Україною відкривали доступ літописцям й історикам до користування записками та хроніками західноєвропейських мандрівників і письменників – М. Бельського, Г.-Л. Боплана, О. Гваніні, В. Коховського, С. Пуфендорфія, С. Твардовського, П. Шевальє. Однак перша половина XVII ст. демонструє збереження традиційного порічного викладу подій. Особливо це стосується «регіональних» літописів, що мають точні хронологічні межі. У «регіональних» літописах стисло подано інформацію про найважливіші події в житті країни, докладніше автори зупиняються на подіях місцевого значення. Основну увагу приділено війні між козаками та Річчю Посполитою, подіям, що їй передували. Будучи невеликими за обсягом, вони становлять неабияку цінність не лише для історії, літератури, а й для лінгвістики. Це пов'язане з тим, як зазначає Ю.О. Мицик, що їх автори використовували свої спогади, свідчення очевидців, фольклорні матеріали, а також писемні джерела, які не збереглися до нашого часу [1, с. 74–75]. Очевидним є й те, що мова таких літописів значною мірою відрізняється від праць загальнодержавного масштабу, як-от літописів Г. Граб'янки, С. Величка та ін., зокрема активним використанням живої мовної стихії, що дозволяє говорити як про внутрішні, так і про міжмовні контакти, наслідком яких стали запозичення на різних рівнях кожної з мов.

Про мовну ситуацію на українських землях у XVII ст. В.В. Німчук зазначав: «Історико-політичні та культурно-релігійні умови ... спричинили те, що в Україні в кінці XVI–XVII ст. склалася чи не найскомпліфікованіша в Європі (якщо не в усьому світі) мовна ситуація. Як літературні використовувались чотири мови: українська, церковнослов'янська (місцевої редакції), польська, латинська» [2, с. 3]. Отже, статус польської мови в полілінгвальній ситуації визначався, з одного боку, її донорством, з іншого – посередництвом у запозиченні із західноєвропейських мов.

Невеликий за обсягом і хронологічними межами (усього 15 років) Хмільницький літопис репрезентує мовну ситуацію на Правобережній Україні першої половини XVII ст., коли вплив польської мови на подільський говір був чи не найбільшим. Звісно, що автор літопису не міг оминати полонізмів, що вже на той час увійшли в мовлення подолян як нормативні одиниці. Ступінь польського впливу на розмовне мовлення місцевого населення засвідчує те, які поняття репрезентовано одиницями польської мови, настільки вони різноманітні за тематикою в мові досліджуваної пам'ятки та українській мові першої половини XVII ст.

Зафіксовані в тексті Хмільницького літопису полонізми класифіковано на такі групи:

1. Побутова лексика: *лану* [3, с. 79]; *быдло* [3, с. 80]; *щепь* [3, с. 81].
2. Військова лексика: *сенаторь*, *жолнѣре* [3, с. 77]; *гетмань корунный*, *потуга* [3, с. 80].
3. Назви осіб:
 - а) за національністю: *ляхи*, *жидовь* [3, с. 79];
 - б) за соціальним статусом: *пань* [3, с. 77]; *панянь*, *панства* [3, с. 79]; *хлопомь*, *шляхты* [3, с. 80];
 - в) за посадою: *войть*, *лантвѣйта*, *райцы* [3, с. 78].
4. Назви грошових одиниць: *золотихь* [3, с. 77], *злотыхь* [3, с. 81]; *талярь* [3, с. 79].
5. Лексика інших тематичних груп: *стацяя*, *комысѣя*, *шкоды* [3, с. 77]; *експедицѣю*, *псотомь* [3, с. 81].

Частина лексем, як зазначено вище, запозичена через посередництво польської мови. Позамовний чинник вплинув на використання автором основних груп полонізмів: запровадження нового суспільно-ділового устрою, економічні відносини, військові дії. Звертає на себе увагу й те, що, крім іменників, літописець послуговується словами інших лексико-граматичних класів, зокрема:

- 1) **дієслова / дієслівні форми**: *провадивь*, *обачивь*, *зафарбовалися*, *проважно* [3, с. 78]; *поплюндрували*, *псотили*, *попустошили* [3, с. 80]; *пткаль* [3, с. 81];
- 2) **прикметники**: *розмаитое* [3, с. 78]; *незличоныи*, *неподобная* [3, с. 81];
- 3) **прислівники**: *барзо*, *таней* [3, с. 77]; *валечне* [3, с. 78];
- 4) **сполучники**: *жебь* [3, с. 81].

Окремі слова мають праслов'янський етимон, однак у польській та українській мовах упродовж їх розвитку зазнали відповідних фонетичних змін. Досліджувана пам'ятка демонструє активне функціонування фонетичних полонізмів у подільському говорі першої половини XVII ст.: *Того жь року на козаки пошли ляхи на Украину и побили козаковъ пудь Кумейками* [3, с. 78]; *И серпы и косы ковали на оружие* [3, с. 78]; *На Вкраинѣ рѣки зафарбовалися отъ крывѣ людскои, певны были болота трупы ляцко-*

го [3, с. 78]; *Тамъ были повны ставки и болота труповъ лядзкихъ* [3, с. 80]; *Року 1649 знову козаки на ляхи ишли полки пудъ Межибожъ* [3, с. 80]; *Хлѣбъ одинъ былъ по 6 золотыхъ, по пять, а гарнецъ пива по 4 золотыхъ* [3, с. 80]; *Того ж року неврожай великий былъ, хиба где падалица зродила жита, где **табуры** стояли* [3, с. 81].

Фонетичну адаптацію запозичень до живого мовлення подолян засвідчують лексеми з позиційною зміною ненаголошених голосних *е/и*: *Тамъ ляхомъ было тѣсно; хочъ же и ихъ было много, але велику бѣду трѣпѣли*, – не тьлько худымъ хлопомъ, але и паномъ великимъ сенаторомъ. *Былъ панъ Вышневецкій и гетманъ корунный Фирлѣй, и полный Ляско-ру(н)ский и сынаторства не мало* [3, с. 80].

Немає чіткого розмежування у використанні повноголосних і неповноголосних форм питомих лексем. Наприклад: *По десять золотыхъ было жито и всякая пашня не таней* [3, с. 77]; *Жито тогда было по чтыри злотыхъ осмака* [3, с. 81]. Проте іменник *король* і похідні вжито тільки в неповноголосній формі: *И якъ ся поткаль з **кромемъ**, много люду **кромлевского** стеръ и примирье взялъ, съ **кромемъ** ся виталь гетманъ* [3, с. 81], що зумовлено, очевидно, сприйняттям такої форми, як нормативної, оскільки на позначення найвищої посади у Війську Запорозькому й сусідніх державах слугували лексеми *гетьман*, *цар*, *господар*.

Отже, польська мова (і як мова-донор, і як мова-посередник) відіграла помітну роль у формуванні лексичного фонду української мови XVII ст. Екстралінгвальні фактори активізували проникнення полонізмів в українську мову, однак більшою мірою це стосується запозичень із німецької мови, які на той час польська мова вже адаптувала.

Список використаної літератури

1. Мыщык, Ю. А. Украинские летописи XVII в. : учеб. пособие / Ю. А. Мыщык. – Днепропетровск, 1978. – 87 с.
2. Німчук, В. В. Конфесійне питання і українська мова кінця XVI – початку XVII ст. / В. В. Німчук // Берестейська унія і українська культура XVII ст. – Львів : Місіонер, 1996. – С. 1–8.
3. Хмельницкая лѣтопись (1636–1650) // Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ: Хмельницкой, «Краткого Описанія Малороссіи» и «Собранія Историческаго». – Київ, 1878. – С. 77–81.

А. Боранов

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ СРЕЗ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ УРОВНЯ УМЕНИЙ УЧАЩИХСЯ

Тестовые срезы применяются в педагогическом тестировании для определения текущего состояния или уровня знаний учащихся на определенный момент времени. Тестовый срез также называют диагностическим срезом или срезовым контролем (срезовая контрольная работа).

В диагностическом тестовом срезе важно только определить уровень обученности в определенный момент времени, в отличие от педагогического мониторинга, который отслеживает динамику изменений уровня обученности. Путь к анализу больших художественных произведений на уроках русской литературы включает в себя различного рода виды работы с небольшими текстами на уроках русского языка. Читая тексты, уже в 5 классе учащиеся учатся понимать их смысл с помощью анализа языковых средств.

В ходе педагогической практики мы провели диагностический срез уровня понимания учащимися небольшого текста на основе анализа его языковых средств. Текст взят из действующего учебника по русскому языку (упр. 104, с. 45–46) и принадлежит перу Татьяны Тэсс (настоящее имя Татьяна Николаевна Сосюра, 1906–1983), писателя, журналиста и публициста, многолетнего сотрудника газеты «Известия», автора очерков, рассказов, документальных книг и повестей. Главной темой ее творчества были проблемы воспитания.

Один человек смотрит на пейзаж, который открывается его глазам, и видит дорогу, лес, деревья.

Второй, посмотрев на этот пейзаж, увидел траву, землю, вспаханную с любовью, березу. А третий, залюбовавшись пейзажем, унес в своей памяти куда больше. Он увидел синее море васильков на лугу, цвет неба, увидел влажную черноту пахоты, увидел ослепительно-белое сияние березовых стволов, увенчанных кронами, наполненными золотым солнцем. У разных людей различный дар зрения (по Т. Тэсс).

В диагностическом срезе участвовали 16 учащихся 5 Б класса СШ № 13 г. Бреста (учитель русского языка и литературы И.К. Швороб). Учащимся были предложены 20 вопросов, ответы на которые они давали в письменной форме после самостоятельного прочтения текста.

Первые вопросы диагностического среза были направлены на выявление уровня понимания смыслового ядра текста. Большинство учащихся (10 человек) так определили тему текста: «как люди видят природу». Однако 6 человек увидели предмет речи узко – «природа или пейзаж». На во-

прос об основной мысли текста школьники дали разные ответы, но они в целом верные: «каждый смотрит на пейзаж по-своему», «у разных людей разные взгляды на окружающий мир».

Далее вопросы были посвящены определению уровня понимания учащимися отдельных лексем, словосочетаний или предложений. Так, значение слова *пейзаж* большинство учащихся растолковали как «изображение природы на холсте» или «описание природы в литературном произведении». Только один человек ответил, что «пейзаж – это вид какой-то местности». Такие ответы большинства учащихся говорят о том, что им трудно отвлечься от прочитанного текста, за рамки его они не выходят.

Следующий вопрос носил корректировочный характер: «В какой ситуации глазам человека может открыться пейзаж?» (в тексте: *пейзаж, который открывается его глазам*). Дети (11 человек) написали обобщенно: «когда человек всматривается в природу, любит и ценит ее», «когда внимателен и чуток к ней». Пять человек дали такие ответы: «когда творческое настроение», «когда появится интерес», «когда человек посмотрит на картину», «когда увидит какую-то красоту». На наш взгляд, учащиеся не поняли вопроса, не заметили, что ответ подсказан в тексте: *когда мы выезжаем или выходим за город* (как обычно говорят, «на природу»).

Три разных взгляда на пейзаж заметили все учащиеся, но объясняли их по-разному. Они писали, что «первый человек смотрит на пейзаж поверхностно», даже что у него «тусклый и черный» взгляд на мир, он видит «все как всегда». Второй человек «любит природу», у него взгляд «светлый и красивый», «он сам по себе добрый и душевный» (несколько человек написали, что «он трудолюбивый», потому что видит *землю, вспаханную с любовью*). Третий человек, писали учащиеся, «более глубоко мыслит», он посмотрел на все «целиком и полностью», увидел «самые маленькие детали, все мелочи, много красочного».

На вопрос «Какие слова в тексте показывают, что третий человек не остался равнодушным к пейзажу?» только три учащихся заметили словосочетание *залюбовавшись пейзажем* и два учащихся – *унес в своей памяти куда больше*.

Такое же невнимание у некоторых учащихся к отдельным словам в тексте замечено нами и при анализе ответов на вопрос «Какие цвета в пейзаже заметил третий человек?». Синий, белый, золотой, черный (в тексте – *чернота пахоты*) отметили 13 человек. Только двое из них заметили, что автор использовала прилагательное *ослепительно-белый*. В то же время пять учащихся нашли цвета, которых в тексте нет: зеленый, желтый, голубой цвет (вероятно, по аналогии – как цвет неба). Четыре учащихся ответили обобщенно: «*цвета яркие, цветные, светлые*».

На вопрос «Почему сияли березовые стволы?» только восемь школьников ответили, что они «*были наполнены золотым солнцем и отражали*

солнце». Остальные писали, что *«так вообразил себе автор»* (три человека), что *«они очень белые»* (три человека), некоторые вообще не ответили на этот вопрос.

Сложным оказался вопрос *«Что значит выражение стволы, увенчанные кронами?»*. Только пять человек слово *«увенчанные»* соотнесли с однокоренным словом *венец*; остальные или не ответили, или написали, что *«стволы очень красивые»*. Эпитеты и метафоры – изобразительно-выразительные средства, с которыми пятиклассники уже должны быть знакомы, – нашли только несколько человек: *море васильков, сияние березок, стволы, увенчанные кронами*. К эпитетам отнесли выражения *ослепительно-белое сияние, влажная чернота*.

На просьбу ответить, как можно понять выражение *дар зрения*, несколько учащихся ответили, что это *«способность видеть детали»*; большинство не ответили вообще. Один человек написал, что *«дар зрения – это не просто видеть, а талант видеть что-то особенное, когда смотришь на обычное»*. Шесть человек написали, что у них *«дар зрения, как у третьего человека»*, три человека – *«как у второго»*. И эти же три школьника написали, что *«человек должен быть трудолюбивым, чтобы быть внимательным к окружающему миру»*. Остальные писали, что *«для этого надо быть внимательным, творческим, любить природу»*; двое ответили, *«создав»* свое новое слово: *«Надо быть залюбователем»*.

Анализ результатов проведенного диагностического среза говорит о том, что пятиклассники пока еще воспринимают текст «в общем»: они еще не умеют воспринимать содержание и смысл текста, опираясь на значение конкретных слов, не научились искать в тексте заданную лексему или не хотят искать, перебирая каждое слово. Поэтому при изучении вопросов лингвистики текста следует учить школьников прочитывать тексты «с карандашом в руке», обращая внимание на значимые для понимания текста слова.

П. Бранавец

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
(г. Мінск, Беларусь)

ГРАДАЦЫЙНЫ ХАРАКТАР ПРАЯЎ АГЛЮТЫНАЦЫІ І ФУЗІІ Ў ПАБУДОВЕ СЛОВАФОРМЫ (НА МАТЭРЫЯЛЕ БЕЛАРУСКАЙ, ЧЭШСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОЎ)

Характаралагічныя даследаванні праяў аглютынацыі і фузіі ў маўленні звязаныя з практыкай прымянення квантытатыўнага індэксавання Д. Грынберга. У прыватнасці, даследчыкам прапанаваны індэкс аглютынацыі, які вылічваецца як суадносіны колькасці аглютынацыі канструкцый і агульнай колькасці марфемных швоў

у дадзенай выбарцы. Пад аглутынатыўнай канструкцыяй разумеецца стык дзвюх аўтаматычных марфем [1, с. 77] (пра паняцце і статус аўтаматычнай марфемы ў даследаваннях марфемнай пабудовы слова гл. [2]). Нельга не звярнуць увагу на павярхоўны ўлік у метадалогіі Д. Грынберга праяў супрацьлеглай аглутынацыі тэндэнцыі – фузіі. Хоць даследчык актыўна выкарыстоўвае гэты тэрмін, а таксама акрэслівае кола з’яў, супрацьпастаўленых аглутынацыі, усё ж паняцце фузіі застаецца нявызначаным ні тэарэтычна, ні метадалагічна. Упэўнена сцвярджаецца хіба толькі думка пра тое, што ступень фузійнасці мовы адваротна прапарцыйна ступені яе (мовы) аглутынатыўнасці. Паводле В.А. Плунгяна, фузія – гэта адзін з гістарычных этапаў працэсу марфалагізацыі гукавых змен, для якога характэрна замена (поўная ці частковая) сегментнага паказчыка (афікса) марфаналагічным чаргаваннем (далейшы этап гэтага працэсу – кумуляцыя, калі выкарыстанне сегментнага паказчыка не ўласціва, а фаналагічныя змены носяць ненатуральны характар) [3, с. 56–65], напрыклад, беларус. *мноства* <мног-ств-о>, чэш. *zбkonnci* <zбkon-nnk-i>, англ. *has* (**have-s*).

Пры тым, што яшчэ Э. Сэпір – ідэйны папярэднік Д. Грынберга – схематычна размяжоўваў уласна аглутынацыю, рэгулярную, ірэгулярную і сімвалічную фузію [4, с. 126], а сам Д. Грынберг сцвярджае, што сярод з’яў, супрацьлеглых аглутынацыі, «*можно выделить несколько конструкций и таким образом построить более детальную типологическую классификацию*» [1, с. 74–75]. Дзіўна, што нават у даследаваннях пераемнікаў разгледжанага падыходу ўсе неаглутынатыўныя канструкцыі ўлічваюцца як фузійныя. Тым часам, на нашу думку, на аснове ўліку аўтаматычных марфем і выразнасці марфемнага шву магчыма вылучыць чатыры тыпы канструкцый (табліца 1): моцнааглутытатыўную (беларус. *пры-йш-л-і*, чэш. *ni-kdy*, англ. *un-tie*), слабааглутынатыўную (беларус. *ідз-і-це*, чэш. *dv-a*, англ. *leav-ing*), слабафузійную (беларус. *сляп-ыя*, чэшск. (z) [ň]-*eho*, англ. *childr-en*) і моцнафузійную (згаданыя вышэй прыклады ўласна фузіі).

Табліца 1 – Тыпалогія марфемных стыкаў (канструкцый)

Канструкцыя Крытэры	Моцна-аглутынатыўная	Слабааглутынатыўная	Слаба-фузійная	Моцна-фузійная
Марфемны шоў выразны	+	+	+	–
Адна з марфем аўтаматычная	+	+	–	–

Працяг табліцы 1

Абедзве марфемы аўтаматычныя	+	-	-	-
------------------------------	---	---	---	---

Выпадкі як слабааглютынатыўных, так і слабафузійных канструкцый не адлюстроўваюць ні «чыстай» аглютынацыі, ні «чыстай» фузіі. Прадстаўляючы пэўныя прамежкавыя этапы на восі «аглютынацыя – фузія», яны сведчаць пра градуальны характар праяў названых тэндэнцый у тэксце. У табліцы 2 падаюцца разлічаныя для выбарак з перакладаў Евангелля паводле Мацвея* статыстычныя індэксы моцнай і слабай аглютынацыі, слабай і моцнай фузіі як суадносіны колькасці адпаведных канструкцый да агульнай колькасці марфемных швоў. Прапанаваныя індэксы прадстаўлены на фоне індэкса марфемнага сінтэзу, большы паказчык якога сведчыць пра большую іх (індэксаў аглютынацыі/фузіі) рэlevantнасць. Прадстаўленыя лічбавыя дадзеныя дазваляюць выразна супрацьпаставіць тыпалагічныя «партрэты» марфемнай пабудовы слова ў разгледжаных славянскіх мовах з аднаго боку і ў англійскай – з другога.

Табліца 2 – Індэксы марфемнай пабудовы слова ў беларускай, чэшскай і англійскай мовах

Індэкс Мова	Сінтэз	Моцная аглюты- нацыя	Слабая аглюты- нацыя	Слабая фузія	Моцная фузія
Беларуская	2,22	0,06	0,37	0,46	0,002
Чэшская	2,25	0,03	0,38	0,46	0,002
Англійская	1,15	0,72	0,17	0,08	0,03

Для пабудовы тыповых беларускай і чэшскай словаформ характэрны высокі індэкс марфемнага сінтэзу, які дазваляе лічыць рэlevantнымі і тыпалагічна істотнымі паказчыкі індэксаў аглютынатыўнасці-фузійнасці. Дамінантай на гэтай восі ў дадзеных мовах з'яўляюцца слабая фузія і слабая аглютынацыя, што адлюстроўвае выразную марфемную чляннасць словаформы пры распаўсюджанасці неаўтаматычнага кантэкстнага вар'іравання паасобных марфем. Аднак разгляд паасобных праяў названых тэндэнцый выяўляе шэраг адрозненняў у іх функцыянаванні ў дзвюх мовах (паводле часцін мовы, граматычных і словаўтваральных катэгорый). Вынікі колькаснага індэксавання англамоўнай выбаркі прадстаўляюць прыწყыва іншую тыпалогію марфемнай пабудовы слова. Можна казаць пра значнасць для марфалогіі англійскай мовы арганізацыі яе марфемнага

* Для беларускай мовы – пераклад Секцыі па перакладзе... пры Канферэнцыі Каталіцкіх Біскупаў Беларусі (Мінск, 2017), для чэшскай – Český ekumenický překlad (20-е выд.; Praha, 2017), для англійскай – Revised standard version (2-е выд.; New York, 1952).

ўзроўню, аднак гэтая значнасць заключаецца не столькі ў «тэхніцы» і характары пабудовы складанай словаформы (індэкс сінтэзу выбаркі вельмі нізкі), колькі ў кантэкстнай варыятыўнасці марфем, якія могуць выкарыстоўвацца самастойна, г. зн. у іх схільнасці да кумуляцыі. Відаць, кумулятыўная пабудова слова заслугоўвае асобнай увагі (і адпаведнага індэкса) пры разглядзе тэндэнцый аглутынацыі і фузіі. Пры гэтым усё ж паказальна, што 72 % марфемна члянмых словаформ у англійскай мове пабудаваны моцнааглутынаватыўна.

Выяўленне і спроба запаўнення «прагалінаў» у метадалогіі характаралагічнага аналізу тэндэнцый аглутынацыі і фузіі дае падставы для сцвярджэння пра градацыйны характар «тэхнікі» пабудовы словаформы. Гэтая думка, а таксама яе практычнае «адлюстраванне» – вылучэнне чатырох тыпаў марфемных канструкцый – даюць магчымасць больш поўнага ўліку моўных дадзеных і больш шырокай іх інтэрпрэтацыі пры даследаванні названых тэндэнцый, што і прадстаўлена ў дадзеным артыкуле на прыкладзе колькаснага індэксавання абмежаваных беларуска-, чэшска- і англамоўнай выбарак.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Гринберг, Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. Вып. III. – М. : Изд-во иностр. лит., 1963. – С. 60–94.
2. Бранавец, П. С. Паняцце аўтаматычнай марфемы ў даследаванні з’яў аглутынацыі (на матэрыяле беларускай, чэшскай і англійскай моў) / П. С. Бранавец // Мова і літаратура : матэрыялы 75-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. фак., Мінск, 25 крас. 2018 г. – Мінск, 2018. – [У друку].
3. Плуноян, В. А. Общая морфология: введение в проблематику : учеб. пособие / В. А. Плуноян. – Изд. 2-е, испр. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
4. Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир // Избр. тр. по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ; под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. – М. : Прогресс : Универс, 1993. – С. 26–203.

В. Брезина

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОДНОСЛОВНЫХ ПРАГМАТОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ ОТ БЕЛОРУССКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ)

Прагматонимы относятся к области искусственной номинации и создаются для распространения нужной информации о товаре, формируют определенный имидж и соответствующее эмоциональное от-

ношение. Для образования не просто информативных, но и интересных, экспрессивных словесных товарных знаков востребованы различные принципы, способы, приемы номинации.

Материалом нашего исследования послужили названия кондитерских изделий, выпускаемых белорусскими предприятиями: СП ОАО «Спартак», СОАО «Коммунарка», ОАО «Красный пищевик», «Красный Мозырянин», «ИВКОН», «Слодыч», ООО «Монтбрук» (кондитерская фабрика «Шоколадово»), – всего отмечено 400 единиц.

Данные номинации еще раз подтверждают, что прагматонимия – это генезис разных способов онимообразования. В зависимости от количества значимых компонентов в их проприальных группах исследуемые рекламные имена (далее – РИ) распадаются на одно- и многословные. Однословные являют собой слова – о них и пойдет речь – и малочисленные предложения (односоставные либо неполные: *набор зефира «Благодарю», печенье «Поздравляю!»; конфеты «За облака», «Белым-бело», «Заодно»* и др.).

Онимы-слова создаются *лексико-семантическим* и *словообразовательным* способом. Первый предполагает семантическую и лексико-семантическую трансформацию имеющихся в языке слов и представлен онимизацией, трансонимизацией, заимствованием.

Продуктивностью отличается *онимизация* – переход в имена собственные апеллятивов: существительных (*конфеты «Дубравушка», «Груша», вафли «Ранет»* и др.) и субстантивированных прилагательных (*вафли «Белорусские», мармелад «Полесский»* и др.).

Заметную группу формируют имена, репрезентирующие онимизацию:

а) метафорическую – объект обозначается на основе сходства, в частности: формы (*печенье «Пятачки»* – от *пятак* ‘пятикопеечная монета’; *«Колечки», «Алфавит»* – в виде букв алфавита; *«Листики»*; *«Зоологическое»* – в форме зверюшек; *мармелад «Улиточка»* – в виде батончиков, свернутых улиткообразно, кружочком или овально; *конфеты «Стрела»*); внешнего вида (*конфеты «Снежок», «Рачки»* – сходны с отваренным раком по цвету; *зефир «Одуванчик»* – обсыпан вафельной крошкой и напоминает одноименное растение; *«Звездный»* – покрыт, как звездами, вафельной крошкой; *мармелад «Полосатик»*); количества (*набор конфет «Трио», «Квинтет»* – итал. *quintetto* ‘пятый’: в наборе *пять* разных видов конфет; *конфеты «Дуэт»*). Использование метафоры для образования прагматонима позволяет скрыто обратить внимание его адресата на определенный признак товара;

б) метонимическую, которая отсылает: к ароматизатору (*конфеты «Барбарис», «Арахисовые», печенье «Апельсиновое», ирис «Фруктовый», драже «Мятное»*); к ингредиенту в составе кондитерского изделия (*коробка конфет «Вишенка», мюсли «Злаки», конфеты «Антоновка», пече-*

ные «*Овсяное*», зефир «*Ванильный*»); к его потребителю (шоколад «*Детский*», конфеты «*Лакомка*», «*Сладкоежка*», «*Сорванец*», «*Малышок*», «*Милашка*») и т. д. Подобные РИ имеют большой «потенциал воздействия на адресата с учетом актуализации системы ассоциаций, связанных с тем или иным концептом» [1, л., 142].

Зафиксированы названия, образованные и символической онимизацией: они не отражают объект номинации, а приписываются ему как условные знаки. Символами могут стать, например, явления природы (вафельный батончик «*Шторм*», печенье «*Заря*», конфеты «*Знчка*»); положительные эмоции, впечатления (зефир «*Волшебный*», «*Загадочный*», «*Фантазия*», мармелад «*Клевый*», «*Потеха*», «*Асалода*», «*Спакуса*») и др. Основой для выбора символических имен является их закрепленность в сознании человека [1, л., 144], что позволяет потребителю легко узнать, запомнить РИ.

Под трансонимизацией понимают переход имен собственных из одного разряда в другой. В нашей выборке трансонимизируются: а) эргонимы (конфеты «*Спартак*», «*Коммунарка*» – по оценкам специалистов, употребление в качестве прагматонима имени производителя – выгодный рекламный ход); б) библионимы (конфеты «*Нестерка*» – пьеса В. Вольского; «*Павлинка*» – пьеса Я. Купалы); в) поэтонимы (конфеты «*Чиполлино*», «*Буратино*»); г) идеонимы – имена собственные объектов, которые относятся к умственной, идеологической и художественной сферам деятельности (печенье «*Буренушка*» – кукольный мультфильм; зефир «*Зигзаг удачи*» – художественный фильм; конфеты «*Ойра*» – танец); д) мифонимы, теонимы (конфеты «*Медея*», «*Фортуна*», «*Меркурий*»); е) геортонимы – названий праздников (конфеты «*Купалле*»); ж) топонимы (коробка конфет «*Белая Русь*», конфеты «*Ямайка*», «*Полесье*», «*Свистязь*»); з) антропонимы (шоколад «*Аленка*», конфеты «*Настенька*», печенье «*Мария*», зефир «*Рошель*»). Как видим, трансонимизация вовлекает в номинацию кондитерских изделий широкий круг имен, в т. ч. прецедентных, вызывающих различные ассоциативные связи.

Среди выявленных прагматонимов заимствования не активны и представляют собой: а) иноязычие в кириллической графике: конфеты «*Кюфон*» (фр. ‘купон’), мармелад «*Джолли*» (англ. *jolly* ‘веселый’); б) заимствование в латинице: шоколад «*Mint*» (англ. ‘мята’), конфеты «*Lumiere*» (фр. ‘свет’), «*Altissimo*» (итал. ‘наивысший’), «*Truffles*» (англ. ‘трюфели’), «*Ciocolatini*» (итал. ‘шоколадные конфеты’), печенье «*Friday*» (англ. ‘пятница’); в) обратную транслитерацию исконной / достаточно хорошо освоенной языком-реципиентом заимствованной лексемы: шоколад «*LUX*», мармелад «*MIX*». Иноязычие дает возможность достичь эффекта свежести, необычности РИ, создает особый колорит. Мы разделяем точку зрения, что активное употребление заимствованной лексики (при условии бережного

отношения к родному языку) благотворно сказывается на развитии коммерческих названий, включая прагматонимы, расширяет их языковые и игровые возможности, способствует обогащению их состава [2, л. 173].

Имядатели кондитерских изделий к *деривации* обращаются несколько сдержанно, но задействуют и узуальные, и окказиональные способы.

Наименования, иллюстрирующие *узуальную* деривацию, образованы *суффиксацией* (конфеты «**Вкусик**» – мотивированные с уменьшительно-ласкательным значением типичны для коммуникации с детьми и, как отмечают исследователи, современных РИ) и *сложением*: печенье «**Чудо-утро**», конфеты «**Ромашка-топ**», «**Черноморочка-топ**». Композиция нередко позволяет создать РИ, имеющие богатые возможности для эмоциональной выразительности: конфеты «**Тоффиленд**» – англ. *toffee* ‘ириска’ + *land* ‘земля, страна’ (также возникают ассоциации с известным парком развлечений *Диснейлендом*); «**Спартак-милк**» – англ. *milk* ‘молоко’; «**Свиткон**» – англ. *sweet* ‘сладкая’ + *конфета*; «**Chocoline**» – англ. *chocolate* ‘шоколад’ + *line* ‘линия’.

Наименования белорусских кондитерских изделий демонстрируют ряд **окказиональных** способов: а) **интеграцию**, когда в исходном словосочетании или предложении ликвидируются пробелы между словами [4, с. 109]: конфеты «**LateToffee**»; б) **параграфемизацию** [3, с. 105]: конфеты «**Cont & Blue**» – в современных РИ часто употребляется амперсанд вместо англ. союза *and* ‘и’; включение в оном внебуквенных элементов обеспечивает его экспрессивность, незаурядность, останавливает взгляд потенциального покупателя; в) **контаминацию** – соединения осколков мотивирующих слов: печенье «**Теплышко**» – *теплое* + *солнышко*; конфеты «**Тоффетка**» – *тоффи* + *конфетка*; «**Фрутомелька**» – *фруктовая* + *карамелька*; «**Клюк-WOW**» – *клюква* + англ. *WOW* ‘вау! круто!’, в целом междусловное наложение актуализирует несколько связей онима-деривата, отличается игровым характером и представляет интерес как для адресанта, так и для адресата номинации; г) **повтор-отзвучие** – рифмовку созвучных мотивирующих слов, которые при этом сохраняют свои лексические значения [3, с. 199]: конфеты «**Штучки-тянучки**», «**Крошка-Творожка**», «**Чили-Черри**»; д) **стилизацию** – в наших примерах под иноязычные языковые единицы: конфеты «**Трюффи**», «**Тортолетто**» (подражание итальянскому), «**Toffeeo**» (подражание французскому); е) **грамматический каламбур** – намеренное создание РИ с двойным значением, внутренняя форма которого воспринимается и как побудительное предложение, и как субстантив [5, с. 211]: печенье «**Обучайка**», ирис «**Хватай-ка**»; ж) **сегментацию**: конфеты «**TI-RA-MI**» – ‘итальянский десерт’; оним оформлен с помощью дефиса, чтобы, полагаем, привлечь внимание покупателя (ср.: обычно произносим по слогам то слово, тот фрагмент текста, который особенно важен, требует запоминания нашего и/или адресата речи).

Итак, различные намерения имядателей кондитерских изделий (сообщить сведения о товаре, его производителе, покупателе; установить эмоциональный контакт с адресатом коммерческой номинации и т. д.) реализуются в словах-прагматонимах двумя способами (группами способов). При создании анализируемых РИ они реализуются, трансонимизация, заимствование, узуальная и неuzuальная деривация востребованы по-разному, но весь их спектр направлен на создание эффективных, а нередко и эффективных словесных товарных знаков.

Список использованной литературы

1. Алистанова, Ф. Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ф. Ф. Алистанова. – Махачкала, 2011. – 179 л.
2. Гусейнова, Н. А. Современная российская эргонимия в аспекте иноязычных заимствований : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Гусейнова. – М., 2014. – 253 л.
3. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 296 с.
4. Попова, Т. В. Неология и неография современного русского языка : учеб. пособие / Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гугунава. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 168 с.
5. Романова, Т. П. Система способов словообразования рекламных имен / Т. П. Романова // Вестн. СамГУ, 2007. – № 5/2 (55). – С. 209–214.

Е. Валюк

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *БЛУДНЫЙ СЫН* В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Фразеологизмы библейского происхождения не выходили из употребления даже в самые атеистические эпохи. Правда, они могли подвергнуться семантической трансформации, потерять высокую окраску. Наглядным примером этих процессов может служить фразеологизм *блудный сын*. По материалам Национального корпуса русского языка, он встретился в русской поэзии второй половины XX в. 14 раз. Сам библеизм восходит к библейскому сюжету. В Евангелии есть притча о сыне, покинувшем отцовский дом и прокутившем все свое состояние. Возвратившись в свою семью ни с чем, он падает на колени перед своим родителем, который, проявив милосердие и доброту, прощает нерадивого отпрыска.

Прямая отсылка к евангельскому образу содержится в стихотворении И.В. Чиннова «На каменном крыльце чужого дома...» (1960): *Да, на коленях, как библейский странник, / Бездомный, пересохшими губами / Целуя грязь земли обетованной, / Как блудный сын, беспутный и прощенный, / Прижав лицо к сандалиям отца...*

Фразеологизм *блудный сын* входит в сравнительный оборот и продолжает ряд библейских образов (прилагательное *библейский*, фразеологизм *земля обетованная*). В окружении церковнославянизмов (*нищ, прах, лоно*) и в функции сравнения использует данный фразеологизм и Г.С. Семенов («Я затихаю на природе...», 1967–1969): *Но блудным сыном, нищ во прахе, вернуться в лоно не могу.*

«Рукопись» (1960) А.А. Тарковского отличается обилием религиозной лексики (*благословляет, пророк, ангел*), т. е. фразеологизм *блудный сын* и здесь употребляется в высоком контексте: *Я кончил книгу и поставил точку / И рукопись перечитать не мог. / Судьба моя сгорела между строк, / Пока душа меняла оболочку. / Так блудный сын срывает с плеч сорочку, / Так соль морей и пыль земных дорог / Благословляет и клянет пророк, / На ангелов ходивший в одиночку.*

Как и в предыдущих примерах, лирический герой сравнивает себя с этим евангельским образом. Но если в первых двух случаях очевиден мотив раскаяния, то у А.А. Тарковского *блудный сын* – символ перемены судьбы, когда «душа меняла оболочку». В Евангелии от Луки (Гл. 15) говорится, что, увидев вернувшегося сына, «отец сказал рабам своим: *принесите лучшую одежду и оденьте его*». Именно эта смена одежды и стала образом смены «оболочки души».

Стихотворение Б.А. Слуцкого «Блудный сын» (1956) только частично повторяет евангельский сюжет: *Истощенный нуждой, Истомленный трудом, Блудный сын возвращается в отческий дом...* Отец радушно принимает сына, однако блудный сын в этом стихотворении не раскаялся, а только зашел отдохнуть: *Вот он съел, сколько мог, вот он в спальню прошел, / Спит на чистой постели, ему хорошо, / И встает, и свой посох находит, / И ни с кем не прощаясь, уходит.*

Главная мысль этого стихотворения – дети навсегда отрываются от родителей, им тесно под родной крышей. Это подтверждает прозаический постскрипtum к тексту: «*Наши дети, подрастая, становятся такими же вот блудными сыновьями. Как и мы в свое время*». Таким образом, фразеологизм *блудный сын* переосмысливается: это не символ раскаяния и прощения, а образ странника, вечного путешественника.

В стихотворении А.А. Штейнберга «Путь-дорога» (1952) фразеологизм *блудный сын* встречается в таком же значении. Вместо отца в данном стихотворении о блудном сыне переживает Мать-Пустыня: *И скорбит о блудном сыне / Снеговых просторов гладь, / Шепот Матери-Пустыни, / Только слов не разобрать.*

В значении ‘странник’ исследуемый фразеологизм мы находим и в стихотворении А.С. Гингера «Маяк» (1917–1964). В данном контексте *блудный сын* не имеет высокой окраски: *Посмотри, блудный сын возвра-*

щается / весь в репейнике и бороде... Однако образ такого «блудного сына» – авторский идеал поэта: *Всей душой полюбила душа моя / тех, кто ходит в чужие края, / кто и за гору ходит, и за море...*

В похожем значении (‘человек, не имеющий постоянного дома’) этот же фразеологизм встречается в ряде других произведений, в стихотворении В.Б. Кривулина «На крыше» (1972) оно обострено до предела: *Впустите же блудного сына / хотя бы в сообщество крыс, / хотя бы в клочок паутины, / что над абажуром повис!* Лирический герой страдает от бесприютности и пытается найти дом и семью хотя бы среди крыс и пауков. И здесь библеизм *блудный сын* не имеет религиозной окраски, используется в нейтральном стиле.

Идиома *блудный сын* встречается в еще одном стихотворении уже упомянутого А.А. Штейнберга – «К верховьям» (1963–1967). Словосочетание *блудный сын* дважды применяется к одному из персонажей – это «воспитанник детдомский, Иван, не помнящий родства», который «не ладил с участковым», «был ... неисправимым тунеядцем», «работал редко и с прохладцем, Предпочитая загорать». Этот Иван противопоставлен своему тезке – отличнику, спортсмену, дружиннику, «из лучших лучшему». В то же время лирический герой не отдает предпочтение идеальному Ивану: *Но предпочтенье, как ни странно, / Мы никому не отдадим... / А для отца его сыны, / И добродетельный, и блудный, / Не по достоинству равны...* Таким образом, фразеологизм *блудный сын* обозначает здесь человека, который не может найти себя, свое место в жизни. Противопоставление *добродетельный – блудный* показывает, что и значение ‘неправедно живущий’ у последнего прилагательного сохраняется. Таким образом, *блудный сын* у А.А. Штейнберга – образ многоплановый, совмещающий несколько смыслов.

Во всех вышеприведенных примерах образ блудного сына вызывает сочувствие или автор воздерживается от оценки. Однако в стихотворении Б.А. Слуцкого «Стыдились своих же отцов...» (1971–1977) фразеологизм *блудный сын* использован для характеристики отрицательного персонажа – сына-предателя, который не только оторвался «от ветки родимой» (Б.А. Слуцкий использует лермонтовские слова), но и «обнаглел и зарвался»: *И в рухнувший домик отца / вошел блудный сын господином, / раскрывшимся до конца / и блудным и сукиным сыном.* Поэт использует бранное выражение *сукин сын* в однородном ряду с фразеологизмом *блудный сын*, персонаж стихотворения – не раскаявшийся грешник, прощенный отцом, а, напротив, отрекшийся от семьи, нашедший «идеал, который оказывал милость», вне ее. Если сравнить это стихотворение с «Блудным сыном» 1956 г., заметно, как снисходительно-печальное восприятие образа оторвавшегося от родителей сына сменяется трагическим неприятием.

Отрицательно коннотирован фразеологизм *блудный сын* и в следующем примере: *Отец повторяется в сыне / только блудном / и там / на задах коче-*

гарки / эта встреча – на ящиках сидя... (В.Б. Кривулин. Блудный сын (1993)). И здесь библеизм *блудный сын* переосмысливается: «бабье радио», встреча «на задах кочегарки» создают ассоциативный фон, высвечивающий первое значение прилагательного *блудный* – ‘распутный, похотливый’.

Таким образом, фразеологизм *блудный сын* в русской поэзии второй половины XX в. только в единичных случаях символизирует раскаивающегося грешника, прощенного отцом. С одной стороны, это выражение романтизируется, означая странника, бродягу, а также человека на пороге новой жизни. С другой – оборот приобретает резко отрицательную коннотацию, употребляясь в значениях «человек, предавший отца», «распутник».

А. Василюк

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В ПОВЕСТИ А. ЖВАЛЕВСКОГО И Е. ПАСТЕРНАК «ПОКА Я НА КРАЮ»

Как известно, что А. Жвалевский и Е. Пастернак – популярные белорусские авторы книг о подростках. Творческий тандем писателей уже не один год выпускает книги, которые выделяются своей злободневностью среди остальной популярной литературы.

Перед тем как приступить к чтению книги «Пока я на краю», нельзя пропустить предисловие, где авторы рассказывают о проблематике произведения. Это повесть о подростковых суицидах. Одна из героинь – лесбиянка. Обращаясь к читателю, авторы пишут: «Теперь вы все знаете и сами можете решить, читать ли вам эту книгу и давать ли ее своему ребенку».

На книге присутствует маркировка 16+, поэтому все написанное можно считать обращением к взрослым, к родителям подростков и будущих подростков. Данную книгу необходимо прочитать и взрослому и давать читать тем, кому еще нет 16 лет, потому что может оказаться уже поздно.

Повесть создана на волне популярности «синего кита» и подобных групп в ВКонтakte. Это актуальная тема, о которой стоит говорить. Детские самоубийства, к сожалению, были всегда. Детьми легче всего управлять, и современные подростки – не исключение.

Главная героиня повести – Алка, девочка 17 лет. Она пишет грустные стихи, плохо учится и решает покончить с собой, движимая исключительно чувством «обо мне узнают, обо мне заговорят». Помочь Алке в этом ответственном деле решает целая группа, которая специализируется на том, как эффектно обставить уход из жизни.

Героиня знакомится с парнем-мотоциклистом Фростом, который «умрет» вследствие «несчастливого случая». В это время она еще не знает, что за ней уже следят. Потом с Алкой напрямую связываются люди, которые помогают подросткам совершить суицид. Но для начала они меняют ее саму, таким образом помогая выйти из депрессивного состояния и пере-думать уйти из жизни.

В книге хорошо показаны непростые отношения дочери с мамой, депрессивность подростков XXI в., влияние Интернета на жизнь.

Героиня попала в очень нетипичную ситуацию и выбирается из нее нестандартным образом. Да и люди, с которыми она пересекается, редко попадают в жизни: топ-модель, крутой автогонщик, вундеркинд, который уже вовсе и не вундеркинд. События развиваются неуправляемо – и вот уже родители главной героини, люди вполне обычные, начинают совершать нетипичные для себя поступки, которые приводят к непредсказуемым последствиям.

Как мы понимаем, общение – взаимодействие двух (или более) людей, направленное на согласование и объединение их усилий с целью налаживания отношений и достижения общего результата. Общение есть не просто действие, а именно взаимодействие: оно осуществляется между участниками, из которых каждый равно является носителем активности и предполагает его в своих партнерах [2, с. 46].

Приведем несколько примеров, отражающих разные виды общения героев. Модели общения подростка с родителями разновекторные, но почти всегда неудачные.

Общение Алки с родителями занимает важное место в повести. Диалоги героини с отцом и с матерью ярко показывают особенности межличностного общения в семье.

Когда Алка зашла на кухню после прихода из школы, между Алкой и мамой произошел следующий диалог:

– Устала? – ласково спросила мама.

Алка кивнула.

– Много уроков?

Алка кивнула второй раз.

Мама зашуршала на кухне, и через пару минут у Алки под носом об-разовалась тарелка с едой. Алка машинально начала жевать.

– Я тебя понимаю, – сказала мама.

Алка вздрогнула и подняла глаза.

– Правда? – спросила она.

– Конечно, – уверенно сказала мама, – у тебя сейчас сложное время, потери. Потом все утрясется, поступишь...

– На юрфак? – ровно спросила Алла.

– Ну а куда еще? – удивилась мама. – Закончишь, познакомишься с молодым человеком, выйдешь замуж...

– Рожу двоих детей...

Алку затошнило. Она отодвинула от себя тарелку.

– Ну это уж как хочешь. Мне лично и тебя одной хватило.

Алка моргнула.

«Странно, – подумала она, – я же сейчас должна плакать, наверное... кричать... А я ничего не чувствую».

– Но для того чтоб все это было, нужно поработать, – сказала мама. – Просто потерпи этот год и следующий...

– Зачем? – спросила Алла.

– В смысле?

– Терпеть. Потом учиться там, где не хочу, потом жить с каким-нибудь хмырем...

– Алла! – взвилась мама. – Тебе обязательно нужно все испортить?!

– Мне? – изумилась Алла. – Это не я начала...

– Да с тобой вообще невозможно разговаривать! – Мама хлопнула дверь и вышла из кухни. – Я скажу отцу! – донеслось до Алки из коридора [1, с. 28].

Представленный диалог происходит в динамике: от мирного начала к конфликтному концу.

Речевая характеристика матери в начале диалога представлена глаголом: ласково спросила. Мать начала правильное общение с дочерью, употребляя реплики **я тебя понимаю, просто потерпи, конечно**, стараясь расположить Алку к беседе. В конце диалога невербальное поведение матери меняется, употребляются глаголы **взвилась, хлопнула дверью**. Неправильные выражения матери: **мне и тебя одной хватило, тебе обязательно нужно все испортить, с тобой невозможно разговаривать**. В речи матери в конце прослеживается угроза: **я скажу отцу**.

Рассмотрим модели общения Алки с учителями.

На уроках Алка все время хотела спать, так как ночью сидела в социальных сетях, писала стихи. Еще Алка имела лишний вес, мечтала похудеть, но голодая, все время думала о еде.

Диалог на уроке физики:

– Данилова, ты меня слышишь?

Алка вздрогнула и подняла глаза.

Рядом с партией стоял физик. Алку затошнило. Не то чтоб она так не любила физику, просто не выносила запаха сигарет. А физик курил какую-то дешевую дрянь.

– Данилова, я тебя третий раз спрашиваю, где самостоятельная, которую писали на прошлой неделе? Ты сдавала?

– Сдавала, – соврала Алка.

На самом деле она выкинула бланк сразу после урока. Смысл сдавать пустой листок?

– *И где же она?* – спросил учитель, нависнув над ней.

– *Меня тошнит!* – не выдержала Алка.

– *Что?* – спросил физик.

– *А то!* – Алка вскочила. – *От вас несет, как от помойки! Не подходите ко мне!*

Физик отпрянул.

– *Никто ко мне не подходит!* – крикнула Алка. – *От всех тошнит! Выворачивает прямо!*

– *Сходи-ка ты к медсестре!* – сказал учитель. – *Пусть даст тебе чего-нибудь от живота... а заодно от нервов.*

Алка схватила рюкзак и направилась к выходу [1, с. 7].

Учитель обращается к героине по фамилии, что можно считать приемлемым на уроке. Алка ведет себя грубо с учителем.

Когда Алка сказала, что ей плохо, то учитель посоветовал ей сходить к медсестре, что говорит о непонимании масштаба проблемы. По невербальному поведению можно сказать, что учитель ведет себя спокойно в отличие от Алки. Алка ушла из класса, не объясняя мотивы своего поступка.

Можно сказать, что Алка избегает общения с учителями, уходит из класса. Учителя ведут себя безразлично, реагируя только на внешнее поведение Алки.

Рассмотрим диалоги Алки со взрослыми людьми. В тексте повести встречаются диалоги старичок – Алка, вахтерша – Алка.

Рассмотрим диалог Алки со школьной вахтершей.

Алка опоздала на урок, так как встретила прохожего старичка. «Турникет на проходной горел красным крестиком. Мария Леонидовна стояла, скрестив руки на груди.

– *Ну?* – властно спросила она.

Алка уже потянулась к смарт-карте, чтоб отметить свое опоздание, но в последний момент отдернула руку.

– *Вам от Якова привет,* – буркнула она.

Суровая вахтерша дрогнула. На секунду ее взгляд потеплел, но мгновенно посуровел опять.

– *Пролазь так,* – сказала она, не меняя выражения лица, – *скажи, что в столовке помогала» [1, с. 11].*

Невербальное поведение вахтерши характеризуют выражения **стояла скрестив руки**, **властно спросила**, **взгляд посуровел**. Поведение вахтерши вызвало соответственное поведение Алки: **буркнула**.

Вахтерша начала разговор с междометия **ну**, вместо **здравствуйте**. После того, когда Алка передала привет вахтерше от Якова, поведение вахтерши изменилось, и она пропустила Алку без проблем за опоздание.

Общение имеет огромное значение в формировании человеческой психики, ее развитии и становлении разумного, культурного поведения.

Через общение с психологически развитыми людьми, благодаря широким возможностям к научению, человек приобретает все свои высшие познавательные способности и качества. Через активное общение с развитыми личностями он сам превращается в личность.

Анализ материала показал, что подросток (Алка) агрессивен с родителями, учителями. С незнакомыми людьми героиня ведет себя воспитанно, как следует в обществе. Со сверстниками ведет себя естественно, так как они понимают друг друга. При анализе речевого общения уделялось внимание лексике и невербальным средствам общения героев. Как показали авторы, общение подростков - комплексная проблема. Общение героев в повести в больших объемах представлено в виде прямой речи и диалогических единств. Подросток раскрывается в диалоге, а прямая речь – это показатель живого общения в прозаическом произведении. На примере главной героини показано, как трудно дается школьникам общение со взрослыми и сверстниками.

Список использованной литературы

1. Жвалевский, А. Пока я на краю / А. Жвалевский, Е. Пастернак. – М. : Время, 2017. – 256 с.
2. Коломинский, Я. Л. Психология общения / Я. Л. Коломинский. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 475 с.

Т. Гаргун

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

ЛЕКСЕМА ЛЁН У КАНТЭКСТЕ БЕЛАРУСКІХ ПАРЭМІЙ

На беларускай зямлі лён вырошчваецца са старадаўніх часоў. З валакна ткалі палатно і шылі вопратку, стваралі выдатныя прадметы побыту, майстравалі цацкі для дзяцей. Блакітныя кветкі ільну ўпрыгожваюць сучасны герб Беларусі і з'яўляюцца сімвалам пераўтваральнай працы, а таксама знакам дабра і дастатку. Пра лён спявалі, яму прысвячалі вершы, пра яго складалі прыказкі і прымаўкі. Янка Купала так апісаў прыгажосць ільну: «Ой, лянок, лянок мой чысты, валакністы, залацісты!», а Ларыса Геніюш адзначала: «То ня сонца пазалотай пакацілася на загон, то ня ўвосень ля балота загарэўся пышны лён». У народзе казалі, што лён усіх апрагнае і лён – кашуля ў полі. Чыстая і светлая льняная адзежа служыла эмблемаю нявіннасці і маральнай чысціні, таму маладая дзяўчына, выходзячы замуж, апрагнала сукенкі, зробленыя з ільнянога матэрыялу.

Здаўна на Беларусі паўсюднае пашырэнне мела традыцыйнае народнае ткацтва. Сыравінай для яго служылі лён, воўна, пянька. Працэсы іх апрацоўкі і падрыхтоўкі выконваліся ўручную: ніткі пралі з дапамогай

верацяна і прасніцы (з канца XIX ст. – і калаўрота), бялілі ці фарбавалі іх (у адварах з кары дрэў, раслін, кветак), ткалі на ручных ткацкіх станках-кроснах, з канца XIX ст. на іх тэхнічна ўдасканаленых варыянтах – варшта-тах, якія пашырылі тэхналагічныя і мастацкія магчымасці [1, с. 370].

Нездарма дадзеная лексема даволі паслядоўна адзначаецца ў беларускіх парэміях, у якіх рэалізуюцца наступныя значэнні:

– філасофскія погляды народа на рэчаіснасць і рэлігію: *Лён расце двойчы: раз на полі, а другі на селішчы* [2, т. 2, с. 521]; *Лён сей позні, на шэсць дзеў* [2, т. 1, с. 127];

– узаемаадносіны паміж бацькамі і дзецьмі (у тым ліку – погляды на выхаванне): *Дзяўчаты растуць так скоро, як лён* [2, т. 2, с. 13];

– паміж мужам і жонкай: *Лён хвалі ўвосень, а дзеўку – замужам* [2, т. 2, с. 26];

– прыказкі, у якіх вучаць разборліва ставіцца да выбару будучай жонкі (мужа): *Не выбірай дзеўку, да касцёла ідучы, а выбірай дзеўку, лён тручы* [2, т. 2, с. 28]; *Не глядзі на мяне, у касцёл ідучы, а глядзі на мяне, лён тручы* [2, т. 2, с. 28]; *не любі дзеўку, на фэст ідучы, а любі, лён тручы* [2, т. 2, с. 28]; *Не бяда, што чорная, абы лён праворна цёрла* [2, т. 2, с. 28].

– адносіны чалавека да працы, асабліва да сельскай паўсядзённай працы: *Канюшына родзіць – ільну годзіць* [2, т. 1, с. 117]; *Добры лён – даходу мільён, а буракі цукровыя – мільёны новыя* [2, т. 2, с. 521]; *Лён у нас слаўны і сінімі цвяткамі, і багатымі працаднямі* [2, т. 2, с. 521]; *Ці ёсць, ці няма калі, а лён палі* [2, т. 1, с. 117]; *За то кума сябе трапала, што нядобра лён памняла* [2, т. 1, с. 138]; *Харош лён – даход мільён* [2, т. 2, с. 521];

– няшчырасць, ілжывасць, самахвальства: *Лён крэпкі, ды многа свірэпкі* [2, т. 1, с. 138]; *Не хваліся лён рвучы, а хваліся мнучы* [2, т. 1, с. 138];

– адзначаецца лексема лён і ў прыказках і прымаўках, у якіх назіранні за прыродай шчыльна знітаваны з каляндарнымі народнымі святамі: *Сей лён на Галёну, а будзе кашуля на калёна* [2, т. 1, с. 102]; *Сей лён на Станіславу, вырасце, як лава* [2, т. 2, с. 27]; *Юстын цягне ўверх каноплі, Харытон – лён* [2, т. 1, с. 102].

Такім чынам, у прыведзеных парэміях народ выступае сапраўдным творцам і носьбітам самабытных этнакультуралагічных традыцый, якія ён беражліва захоўвае і клапаціва развівае, перадаючы як сакральны дар у спадчыну сваім нашчадкам. Складваючыся з цягам часу ў «зладжаную і гарманічную сістэму жыццёвых правіл, маральных норм, прыярытэтаў, звычаяў, абрадаў, духоўных светаўяўленняў, міфалагічных і мастацкіх вобразаў, працоўных навыкаў, народныя традыцыі служылі магутнай маральна-ахоўнай сілай, інтэлектуальным рэсурсам, што вызначаў жыццяздольнасць народа і яго самабытнай культуры» [1, с. 5]. Вялікую ролю адыгрывае адраджэнне забытых традыцый беларускага народа

ў фарміраванні светапогляду сучаснай моладзі, выхаванні патрыятызму, а таксама спрыяе ўсведамленню ўнікальнасці таго куточка зямлі, на якім мы жывем, бачыць, у чым яго адметнасць і самабытнасць.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Народная культура Беларусі : энцыкл. давед. / пад агул. рэд. В. С. Цітова ; маст. І. І. Бокі, У. М. Жук. – Мінск : БелЭн, 2002. – 432 с.
2. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат ; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 559 с.
3. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат ; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2. – 616 с.

Т. Гершонюк

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «РУССКАЯ КАНАРЕЙКА»

Одной из специфических категорий художественного текста является категория художественного пространства. Как философская категория пространство представляет собой форму бытия материи, характеризующуюся протяженностью, структурностью, сосуществованием и взаимодействием элементов во всех материальных системах [1]. В художественном произведении *текстовое пространство*, или *локальность*, – это категория, «с помощью которой содержание текста соотносится с идеей пространства: местом текстовых событий, перемещением персонажей и т. д. Текстовое пространство может представлять собой воплощение реальной действительности или ее субъективное преломление» [2, с. 156]. Художественное пространство является одним из основных способов реализации мировосприятия персонажей, их взаимоотношений, служит одним из основных способов воплощения авторской точки зрения и авторского мировосприятия [2].

Художественное пространство является доминантной текстовой категорией романа Дины Рубиной «Русская канарейка». Наиболее важным для характеристики и понимания пространства в романе является жанровая принадлежность этого произведения. Перед нами семейная сага и шпионский детектив одновременно. В романе нет статичности, ведь главные герои находятся в постоянном движении: переезжают, концертируют, встречаются, скрываются, устраивают погони, путешествуют, любят, спешат на помощь друг другу. В семейной саге повествуется об основных этапах судьбы каждого персонажа, каждой семьи: о рождении детей, детстве, взрослении, женитьбе, зрелости,

старости, воспитании внуков, смерти. Причем основные события жизни одного поколения накладываются на ключевые моменты бытия другого поколения и характеризуются определенной пространственной локализацией. Особенностью жанра семейной саги является и то, что исторические события, общественно-политическая жизнь, социально-экономические процессы освещаются автором постольку, поскольку они затрагивают интересы кровных родственников – главных героев или второстепенных персонажей.

В романе Дины Рубиной «Русская канарейка» представлен широкий спектр разноуровневых языковых единиц, выражающих категорию художественного пространства. Наиболее обширную группу лексических средств выражения локативности составляют имена существительные с пространственной семантикой, указывающие на местонахождение героев и предметов или характеризующие пространство в целом. К таким группам имен существительных относятся:

1) метаслова (*пространство, место, территория, сторона, край* и др.): «*боюсь, это самое неудачное **месторасположение** во всем зале*»; «*и после смерти Иммануэля отправлен на **местность** возможных будущих событий*»;

2) названия мест событий – топонимы:

а) астионимы (*Алма-Ата, Одесса, Лондон, Париж* и др.): «*родился он в 1896 году **в Харькове***» и др.;

б) гидронимы (*озеро Иссык, Мертвое море, Тихий океан* и др.): «*небольшой группой они шли **на озеро Иссык** – то, что выплеснулось почти полностью во время селя*»; «*летом ходили **на Большое Алматинское озеро** – ледниковое, ледяное, дымно-голубое*»;

в) урбонимы (в том числе агоронимы и годонимы): «*на улицах и в переулках **квартала Марэ** уже пробудилась и заворочалась еженочная богемная жизнь*»; «*на **Трафальгарской площади** как раз в эти часы закрывал и развозил свои палатки кулинарный фестиваль*» и др.;

3) слова, обозначающие глобальные географические понятия (*земля, небо, луна, солнце* и др.): «***земля** гулко дрогнула, еще, еще раз, вздыбилась и пошла ухать и корчиться в нутряном и небесном гуле*»; «***небо** слегка уставало, синяя твердь размягчалась, приобретая лимонный оттенок*»;

4) слова с конкретным предметным значением (*стол, портфель, сумка, рюкзак, календарь* и др.): «*в конце концов рестораны стали закрывать, переворачивать **на столы** стулья, мыть полы*»; «*диск с этими снимками пропал в Рио вместе со всем остальным, **в старом рюкзаке**, унесенном бандитами*».

Приоритетными морфологическими средствами выражения пространственных значений в романе являются:

1) падежные и предложно-падежные формы имен существительных: «*лошади волокли **под пролетками** гремучий цокот копыт по мостовой*», «*подбери, значитца, дама, свой подол и шуруй пешком **по бульвару***»;

2) различные группы имен прилагательных с пространственной семантикой (*апортовый, речной, одесский, прикроватный, домашний, садовый* и др.): «...в **апортовых** садах Института плодоводства и виноградарства, где когда-то работала бабушка Зинаида Константиновна»; «А там послушно шагал мимо **тесных бетонных отсеков**, где металась степная волка» и др.;

3) наречия знаменательные и местоименные с пространственной семантикой (*здесь, там, далеко, близко* и др.): «А **дальше слева, и справа, и вокруг** простиралась сады...», «Места, – писала Ируся в ежедневных открытках, – романтические: **здесь** еще стоят пустые лагеря, обнесенные проволокой»;

4) глаголы, обозначающие направление движения и расположение в пространстве (*находиться, располагаться, пробывать, бывать; ехать, идти, лететь* и др.): «**Приходила** в свою лабораторию виноделия, проверяла чистоту химических опытов», «Этот маленький остров можно было **объехать** на велосипеде», «Готовясь выйти на сцену в навсегда определенном порядке и **занять** места за пультами»;

5) частицы *вот, вот и, вон*: «**Вон**, проехал, – говорила бабушка».

На синтаксическом уровне языковые средства выражения категории локативности в романе представлены:

1) различными типами словосочетаний (глагольно-наречными, глагольно-инфинитивными, глагольно-субстантивными, наречно-наречными, наречно-субстантивными и др.): *слева от дороги, поднимался наверх, находится в горах, гулять по парку чуть впереди*;

2) предложениями:

а) простыми односоставными и двусоставными с различными видами осложнения: «Позже, скукая по Зверолову, Илюша так и не решился однажды сесть в знакомый трамвай и кривыми тесными улицами, среди тополей и карагачей, поехать в Татарку “просто так”», «Как протыриться к своим местам сквозь плотный заслон публики?» и др.;

б) сложными предложениями: бессоюзными с пространственным значением: «Отдельным аттракционом гостю предлагался визит в туалет: по преданию, там водилось какое-то музыкальное привидение» и др.;

в) сложносочиненными с соединительными союзами *и, да и*, а также с противительными союзами *но, зато*: «В горном воздухе звук расплывается далеко, и пение хора, и звучание оркестра, и голоса солистов прекрасно слышны во дворе», «Тамошние организаторы гребут сидя, зато мы стоим на корме»;

г) сложноподчиненными предложениями с присубстантивно-атрибутивными придаточными с локативным значением и с придаточными места: «Его волокли в белесую полосу бескрайней равнины, где синь и золото гаснут, где душа цепенеет»; «Ибо доминантсептаккорд разрешается только там, где воздух чист, где обитают люди, где гноющаяся плоть не издает такой удушающей вони, где в футбол играют мячом, а не человеческими головами» и др.;

д) сложными конструкциями с разными видами связи, содержащими различные пространственные характеристики: *«На улице Абая, где яблони росли вдоль арыка, роняя в воду плоды, а те плыли, плыли, стремительно кружась, как поплавки, и скапливались у коллектора, можно было просто опустить руку в холодную воду и выудить самое красное, самое пахучее и уже мытое яблоко: бери и надкусывай, успевай лишь отирать ладонью сладкий сок с подбородка»* и др.

Таким образом, в ходе исследования романа Дины Рубиной «Русская канарейка» были выявлены разнообразные лексические и грамматические языковые средства с пространственной семантикой, за счет которых осуществляется параметризация художественного мира в произведении.

Список использованной литературы

1. Философский энциклопедический словарь / гл. редкол.: Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Совет. энцикл., 1983. – 840 с.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 696 с.

Н. Гончарова

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИЯХ МИФОСЕМАНТИКИ ОБРАЗА ВОРОНА В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

В XX в. под влиянием стремительного развития индустриального общества начинается процесс ремифологизации. С возросшим интересом к мифу и его поэтике в произведения современной культуры (литература, реклама, кинематограф и т. д.) начинают включаться не только элементы мифа и мифотворчества, но и целостные образы и сюжеты, перешедшие из мифо-фольклорного пласта. Вместе с этим происходит переосмысление мифопоэтических образов в связи с трансформацией мировоззрения и мировосприятия в целом. На данном этапе научного исследования обозначенной проблематики необходимо разграничить современный миф, созданный в рамках формирования постнеокультуры, и архаический миф, возникший еще в недрах археоккультуры (период каменного века). Появление постнеокультуры связано прежде всего с эволюцией коммуникативных каналов – так проявляется взаимосвязь прогресса человечества и социальной коммуникации. Вместе с этим развивается неомифологизм – специфическая форма мифологического мышления, характерная для XX – начала XXI в., когда стремительно развивается индустриальное общество.

Социокультурная ситуация XXI в. демонстрирует включенность мифопоэтических образов во все сферы жизни человека. В связи с этим становится актуальным изучение этнокультуры как системы, в том числе системы взаимоотношений «человек – природа», которые ярко проявляются в мифопоэтических текстах, связанных с животными, а также исследование семиотизации мира животных мифопоэтическим мышлением.

В мифопоэтической структуризации животного мира образ птицы является особенно ярко выраженным. А среди птиц частотностью и многоаспектностью значений (вплоть до взаимоисключения с точки зрения современного сознания) выделяются образы птиц семейства вороновых. Реликты различных семантических значений мифопоэтических образов вороновых содержатся в произведениях современной культуры, в том числе кинематографа.

В 1994 г. в США на основе комиксов Джеймса О'Барра выходит фильм «The Crow» («Ворона») режиссера Алекса Пройаса. В русском переводе фильм получает название «Ворон». Это объясняется разницей в восприятии мужского и женского образов в различных культурах. У славян женскость часто трактуется как отрицательная характеристика: ворона рассеянная, глупая, а ворон мудрый, вещий.

Ключевую роль в сюжете фильма занимает легенда о вороне, который переносит души людей в царство мертвых. Главному герою ворон позволяет вернуться к жизни ради мести, наделяя его сверхспособностями (убить героя можно только убив ворона-проводника). После перерождения герой перевоплощается не только духовно, но и физически: наносит на лицо грим, носит черную одежду. В фильме не раз задается вопрос: остался ли главный герой после воскрешения человеком? Но он не ощущает себя живым. Когда полицейский направляет на него оружие, герой говорит, что его невозможно застрелить, поскольку он уже мертв.

Завязка сюжета фильма происходит 31 октября в Хеллоуин, в канун Дня Всех Святых (в фильме «сатанинская ночь»), основное действие – в то же время ровно через год. Согласно древним кельтским традициям, в Хеллоуин на землю проникают злые духи, мистические персонажи, монстры. Одеваясь в костюмы «нечисти», кельты верили, что отгоняют от себя зло. Сейчас Хеллоуин отмечают в США, Канаде, в странах Западной Европы. Вместе с традицией носить костюмы призраков и вампиров остались и негативные ассоциации, связанные с приходом зла в человеческий мир на одну ночь. Символично, что герой умирает и воскресает именно в «сатанинскую ночь»: это ставит его в один ряд с нечистью, приближая к отрицательным персонажам. Однако на пути к свершению мести (убийству тех, кто лишил жизни его самого и его невесту) главный герой не причиняет вреда другим людям. В одной из сцен он даже спасает девочку-подростка, вытаскивая из-под колес машины. Таким образом ворона становится вершителем

справедливости по принципу «зуб за зуб», что, надо отметить, характерно и ее функциональности в ряде мифо-фольклорных произведений.

В 1998 г. как альтернативная версия сюжета фильма выходит канадский сериал Брайса Забела «The Crow: Stairway to Heaven» (в русском варианте «Ворон: Лестница в небо»). Воскресший главный герой после свершения мести не возвращается в мир мертвых – чтобы выстроить «лестницу в небо», ему необходимо помогать людям, бороться со злом. Образ ворона-мстителя в сериале трансформируется в образ ворона-героя. Это можно объяснить ориентацией на новое поколение зрителей, среди которых возрастал интерес к супергероике. Несмотря на то что образ ворона теряет отрицательное значение, он все еще связывается с чем-то темным, зловещим. В сериале герой, как и в фильме, облачается в черное и носит грим, закрывающий все лицо. Главного героя сериала на земле держат определенные обязательства, незавершенное дело (как это постулируется и народной традиции). Ворона-проводник не позволяет его душе покинуть наш мир, и герой становится поборником добра.

Таким образом, наиболее приближенным к фольклорному архетипу является образ ворона-проводника в комиксах, на которых впоследствии был основан образ из фильма, а образ из сериала, появившийся позже всех, сильнее всего трансформировался под влиянием постнеокультуры.

В 1996 г. в США впервые опубликован фэнтезийный роман американского писателя и сценариста Джорджа Р.Р. Мартина «A Game of Thrones» (рус. «Игра престолов»), который стал началом серии книг «A Song of Ice and Fire» (рус. «Песнь Льда и Пламени»). Рейтинги романа стремительно возрастали, и к январю 2001 г. «Песнь Льда и Пламени» в популярности уступала разве что культовому фэнтезийному роману-эпопее «Властелин колец» английского писателя Дж. Р.Р. Толкина. Популярность романа привела к появлению многочисленных настольных и ролевых игр, росту продаж различной фанатской атрибутики, а в 2011 г. состоялся релиз компьютерной игры «A Game of Thrones: Genesis» (рус. «Игра престолов: Начало»).

Предложения об экранизации романа начали поступать уже спустя месяц после выхода первой книги серии. Писатель отказывался, так как считал, что передать весь смысл семи планируемых книг можно только в крупном телепроекте. В январе 2007 г. североамериканский спутниковый канал HBO выкупил права на экранизацию серии книг. Сериал был назван «A Game of Thrones» (рус. «Игра престолов»), как первый роман серии. К 13 мая 2018 г. вышло семь полных сезонов, анонсирован выход восьмого. Одним из элементов сюжета сериала является образ ворона. Он появляется в названии гильдии наемников «Вороны-буревестники», топонимах (замок «Воронье гнездо», «Пещера Трехглазого ворона»). Во вселенной сериала ворон считается одной

из самых мудрых птиц, используется для передачи посланий, т. е. выполняет традиционную для этой птицы медиативную функцию.

Жанр фэнтези обусловил появление в сериале различных сверхъестественных существ и магических актов. В четвертой серии первого сезона появляется Трехглазый ворон. Он приходит во снах к Брану Старку в виде ворона с тремя глазами. Положение одного из глаз на лбу у птицы образно указывает на способность к ясновидению (большим количеством глаз можно увидеть больше), а черный цвет – на связь с миром темной магии. Ворон предвещает смерть отца Брана. В третьем сезоне Бран узнает, что имеет способность к «зеленовидению» (в художественном мире сериала способность видеть вещие сны). В десятой серии четвертого сезона Трехглазый ворон предстает в человеческом облике, говоря о том, что это лишь одна из его форм. Так мы узнаем о способности ворона к шейпшифту (изменение формы тела). Ворон становится учителем для Брана, помогая ему развивать магические способности, а также приобретать новые (способность перемещаться во времени). Таким образом, в сериале Трехглазый ворон получает целый спектр сверхъестественных способностей. Его позиционируют как темного мага, получившего способности с помощью Старых Богов (вера в Старых Богов – одна из религий вселенной сериала, некое подобие анимизма, когда обожествлялся каждый элемент природы). Магия ворона объясняется как древняя форма связи с природой, наследуемая еще от «первых людей» (древние племена, жившие в лесах).

Под влиянием постнеокультуры книжный образ ворона в телевизионной адаптации трансформировался почти до неузнаваемости. В книгах Брану во снах является не ворон, а ворона, которая помогает мальчику выйти из комы. Образ ворона в человеческом облике так же изменен: в книгах он представлен как бывший воин, а в сериале как маг. Сериал также содержит реликты мифологических форм восприятия мира (Святое древо, занимающее центральную позицию в священном лесу; обожествление природы; вера в существование сверхъестественных сил). Образ ворона-мага был переработан современным сознанием, однако ворон так и не стал положительным персонажем, так как связан с миром магии и смерти, приносит плохие новости (смерть близких). Впрочем, и для мифо-фольклорных текстов характерна амбивалентная трактовка рассматриваемого орнитообраза. Так, А.Л. Топорков в своей статье отмечает характерность амбивалентной трактовки для русской культуры: «Амбивалентные функции ворона в русской магической традиции объясняются в целом универсальными свойствами ворона как биологического вида: ворон окрашен в черный цвет, является хищником и одновременно питается падалью, издает характерный хриплый крик, относительно долго живет, способен подражать разнообраз-

ным звукам и даже обучаться человеческой речи, может принести в клюве различные предметы и хранить их в своем гнезде» [1, с. 272].

Во многих произведениях современной культуры (в том числе кинематографа) реликты древних поверий представлены через оккультные кланы или верования отшельников. В британском фильме режиссера Уиндэма Прайса «Crow» (рус. «Ворон») центральное место в сюжете занимает клан, называющий себя «клан воронов». Территорию, где они поселились, выкупает влиятельная пара, собравшаяся вырубить лес для строительства дома. Клан, пытаясь защититься, призывает божество – Великого Ворона, который хранит их с древних времен. Великий Ворон в поверьях клана выступает как божество, создавшее мир, сменяющее сезоны. Официальным слоганом фильма стала фраза, произнесенная одним из героев при описании ворона «Life giver... Life taker» (рус. «Жизнь дающий... Жизнь забирающий»). Главный герой говорит о том, что ворон заберет души тех, кто вредит лесу. Клан верит, что совершая жертвоприношения и восхваляя ворона, он обеспечит себе безболезненный переход в другой мир. Для совершения обрядов и воспроизведения тотемов члены клана используют останки ворона (черепа, кости, перья), возводят алтари. Останки птиц используются ими и как украшения тела или жилища, что коррелирует с традиционными практиками. В труде «Символика животных в славянской народной традиции» А.В. Гура приводит случаи, когда в славянской традиции в качестве оберегов использовались убитые птицы: «Как и других хищных птиц, убитого ворона или ворону украинцы и поляки вешают в хлеву или конюшне для отпугивания злых духов, чтобы они по ночам не мучили коней или коров» [2]. Ворон в фильме выступает как медиатор, связывая два мира: мертвых и живых. Также птица связывает мир живых и мир природы, помогая тем, кто уверовал в него, почувствовать связь с лесом. Главный герой, призывая ворона, чувствует дыхание леса, прислушивается к голосам животных.

Таким образом, рассмотрев образ ворона в известных произведениях кинематографа, можно выделить реликты архетипичных образов ворона:

1) ворон-медиатор (обладает способностью «воскрешать» мертвых, возвращая их души на время в мир живых); такой образ часто выступает в произведениях как ключевой, на котором завязан сюжет;

2) ворон-колдун, оборотень;

3) вещий ворон, пророк; такой ворон часто обладает телесными аномалиями (дополнительные глаза, неестественный размер) и способностью вести осознанный диалог, чем напоминает традиционный орнитообраз заговорной и сказочной традиции;

4) ворон-убийца, вор; этот образ фигурирует в названиях кланов, гильдий, объединений разбойников, наемных убийц.

Описанные образы могут выступать как самостоятельно, так и в связке (прим. ворон-медиатор обладает способностью к ясновидению).

Список использованной литературы

1. Топорков, А. Л. Ворон в русских заговорах: между мифологией, фольклором и книжностью / А. Л. Топорков // *Slavica Svetlanica: язык и картина мира: к юбилею Светланы Михайловны Толстой* : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М. : Индрик, 2013. – С. 273–281.
2. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 910 с.

Е. Горшкова

Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина
(г. Мозырь, Беларусь)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАИМЕНОВАНИЙ КАФЕ (НА ПРИМЕРЕ Г. БЕЛФАСТ, СЕВЕРНАЯ ИРЛАНДИЯ)

Имена собственные представляют собой характеристику духовной жизни социума. Оним служит для выделения именуемого объекта среди других объектов и идентификации этого объекта. Совокупность онимов образует ономастическое пространство региона, основным пластом которого являются антропонимы и топонимы. В связи с развитием общества появляются новые имена собственные. Эргонимы, под которыми понимается название объединений людей (союза, учреждения, корпораций), являются одним из подвижных и динамичных ономастических классов [1, с. 151]. Такие ономастические единицы исследовались в работах М.В. Горбаневского, Ю.А. Карпенко, А.М. Мезенко, А.В. Суперанской и др.

Материалом исследования послужили названия кафе города Белфаст (Северная Ирландия). В исследуемой группе отапеллятивные названия составляют 46,1 % среди указанных ономастических единиц. Название кафе «*The Bicycle Cafe at 5a*» содержит нумеративный компонент *5a*, лексему *cafe* ‘кафе’ и апеллатив *bicycle* ‘велосипед’. Однокомпонентный оним «*Think*» образован при помощи инфинитива *to think* ‘думать, полагать, мыслить, размышлять’. Название кафе «*Woodlands*» мотивировано апеллативом во множественном числе *woodlands* ‘лесные массивы, лесопарки’, наименование кафе «*Indigo*» соотносится с лексемой *indigo* ‘цвет индиго’.

Эргоним «*The West Gourmet*» состоит из двух апеллативов: *west* ‘запад’ и *gourmet* ‘гурман’. Название кафе «*Hotel Chocolate*» мотивировано лексемами *hotel* ‘отель’ и *chocolate* ‘шоколад’, что точно отражает специфику кафе. Ономастическая единица «*The Town Square*» происходит от лексем *town* ‘город’ и *square* ‘площадь’, которые указывают на локализацию объекта.

Многокомпонентный оним «*Bread and Banjo Bakery*» в своем составе содержит следующие лексемы: *bread* ‘хлеб’, *banjo* ‘банджо’, *bakery* ‘пе-

карня'. Эргоним «*Broken Biscuits Coffee Shop*» мотивирован лексемами *broken* 'сломанный', *biscuits* 'бисквиты', *coffee shop* 'кофейня'.

Наименований смешанного типа, которые представляют собой апеллятивно-антропонимные номинации, выявлено 23,6 % от общего числа исследуемых единиц. В данную группу были отнесены двухкомпонентный оним «*Belfast Peppercorn*», состоящий из ойконима *Belfast* и нарицательного существительного *peppercorn* 'перчинка, зернышко перца', а также ономастическая единица «*The Bakery Belfast*», в состав которой также входит ойконим *Belfast* и апеллятив *bakery* 'пекарня'.

Название кафе «*Victoria Square*» соотносится с топонимом *Victoria* и лексемой *square* 'площадь', которая указывает на местонахождение данного кафе. Наименование сети кафе «*Irish House Cafe*» содержит номенклатурные термины *house* 'дом', *cafe* 'кафе', а также лексему *irish* 'ирландский', которая указывает на национальный колорит. Оним «*Amelia's Loft*» происходит от имени собственного *Amelia* и лексемы *loft* 'чердак'. В составе трехкомпонентного наименования «*Jack and Emma Coffee*» зафиксированы антропонимические компоненты *Jack and Emma*, которые указывают на владельцев кафе. Эргоним «*The Hamlet Coffee*» включает в себя антропоним *Hamlet* и лексему *coffee* 'кафе'.

Среди наименований кафе города Белфаст выявлено 15,4 % от антропонимных наименований (эргоним *Victoria's*, который мотивирован именем собственным *Victoria*).

В следующих эргонимах возможна различная трактовка апеллятивомотиватора. Наименование «*Smith Coffee*» образовано от апеллятива *smith* 'кузнец, рабочий', но не исключено происхождение названия кафе от фамилии *Smith*. Оним «*La Casa*» соотносится с лексемой *casa* 'дом', но в то же время может быть именем собственным *Casa*. Двухкомпонентный оним «*The Nicole Boudoir*» состоит из имени собственного *Nicole* и лексемы *boudoir* 'будуар', которая заимствована из французского языка.

Таким образом, отапеллятивные названия преобладают среди наименований кафе города Белфаст. В составе эргонимов зафиксированы лексемы, которые указывают на различные характеристики наименований (*bakery, cake*), а также указывают на его владельца (*Amelia's Loft*) и местонахождение (*Victoria Square*).

Список использованной литературы

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 199 с.
2. Горбаневский, М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / М. В. Горбаневский ; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 1994. – 39 с.

3. Belfast City [Электронный ресурс]. – Belfast, 2017– Режим доступа: <http://www.belfastcity.co.uk>. – Дата доступа: 03.03.2017.

О. Денисюк

Інститут історії і філології Академії імені Я. Длугоша
(м. Ченстохов, Польща)

БІБЛЕЇЗМИ В УКРАЇНСЬКОМУ ПОЕТИЧНОМУ ДИСКУРСІ ПОЧАТКУ XVII СТ.

Писемні пам'ятки різних періодів свідчать про значний арсенал стійких сполучень слів української мови на різних етапах її розвитку. Важливим джерелом дослідження динаміки становлення фразеологічного фонду є барокова поезія першої половини XVII ст., якій належить пальма першості мистецької трансформації та адаптації одиниць-концептів європейської культури до української ментальності. Реформи в системі української освіти наприкінці XVI – на початку XVII ст. не могли не позначитися на інтелектуальному розвитку суспільства. Середньовічний український поет – це насамперед інтелектуальна особистість, яка крізь призму власного світобачення інтерпретувала європейські цінності. Очевидно, синкретизація в одній особі різних тенденцій – національної та чужої – відіграла свою роль: вірші, написані високим стилем, несли не тільки нову інформацію про різні події та явища; вони підводили під національну специфіку європейські зразки, що, з одного боку, ставило українців урівень з європейськими народами, з іншого – збагачувало лексико-фразеологічний репертуар, інтелектуалізувало українців. На жаль, у діахронній україністиці маємо поки два дослідження, у яких проаналізовано особливості функціонування фразеологізмів з компонентом-онімом, що мають джерелом Святе Письмо. В.В. Денисюк простежив долю цих словосполучень від середини XVII ст. і до сьогодні, докладно описавши трансформації, що спричинили появу варіантів, відомих сучасній українській мові [1; 2]. Власне, неповнота охоплення об'єкта дослідження й визначає актуальність нашої розвідки – проаналізувати специфіку функціонування фразеологізмів біблійного походження в середньовічному українському поетичному дискурсі. Для студіювання обрано твори українського поета початку XVII ст. Віталія.

Зауважимо, що XVII ст. в українській літературі – це справжнісінький бум на фразеологію біблійного походження. Це можна пояснити, з одного боку, тим, що текст Святого Письма відомий на Русі здавна, про що свідчать уже перші писемні пам'ятки; відтак перші зрушення у використанні прецедентних одиниць накреслилися вже у XIII–XIV ст., що яскраво ілюструють перекладні твори. Однак подальшого розвою не сталося, що спричинено, очевидно, намаганням церкви утримати свої позиції в державі

через канонізацію біблійного тексту, тобто заборону змінювати його. Ця тенденція отримала назву другого південнослов'янського впливу, який намагаються припасувати тільки до графіко-орфографічних змін. З іншого боку, наслідуючи європейців, зокрема чехів, німців, українці переклали Святе Письмо – створили Пересопницьке євангеліє (1556–1561), що автоматично зняло канон із прецедентного тексту й уможливило доступ до нього всім охочим. Нова європейська культурно-освітня парадигма сприяла розвитку стилів і жанрів в українській літературній мові, що дозволило авторам залучати біблеїзми в новостворювані тексти.

Надійність Христової підтримки Віталій репрезентує за допомогою компаративної конструкції *як зіницю ока*, яка, за даними «Словника української мови XVI – першої половини XVII ст.», у досліджуваній період побутувала як варіант *якъ зѣницю заховати* зі значенням «особливо старанно, пильно оберегти» [4, с. 25], наприклад: *Хоцеш ли имѣти крѣпко чаяніє, / На Христа възлагай своє упованіє. / Той бо ест вѣрный друг, своих не забывает, / Их же, яко зѣницю ока, съблюдаєт* (ілюстративний матеріал узято із сайту: <http://litopys.org.ua>). Звертає на себе увагу те, що для дотримання рими автор розташовує дієслівний компонент у постпозиції. До того ж дієслівний компонент – старослов'янське, що засвідчує давність і традицію вживання цього сполучення слів. Зі значенням «дуже пильно» вислів *як зіниця ока* побутує і в сучасній українській мові [5, с. 265].

Прикметно, але інші сполучення слів біблійного походження набувають саме в цей період статусу стійких одиниць, оскільки повною мірою розкривають метафоричні потенції принаймні одного з компонентів. Зокрема, історичні словники не фіксують сполучення слів *земля обітована* як стійке. Указівку на цей статус знаходимо в «Словнику української мови XVI – першої половини XVII ст.» – «земля обітована; рай» [4, с. 227]. Однак Віталій використав стійку одиницю, синкретизувавши семантику: поперше, це місце-константа, де завжди панує достаток; по-друге, це місце-мета, куди мріють потрапити земні люди, а для потрапляння необхідно Христову віру. Саме туди поет закликає іти співвітчизників. Наприклад: *Бѣжи, бѣжи въ землю обѣтованъную, / Святымъ отъ вѣка уготованъную, / Да ся къ пристанищу прійти сподобиши, / Идеже Христовыхъ ся благ насладиши* (<http://litopys.org.ua>). Фразеологізм успадкувала нова українська літературна мова зі значеннями «1) благодатний край, де панує повний достаток; 2) місце заповітної мрії, пристанище; сподівана мета» [5, с. 263]. К.М. Дубровіна фіксує одне значення з ремарками *книжн., висок., схвально* «місце, де панує достаток, щастя, куди будь-хто пристрасно бажає потрапити; предмет чийхось мрій, прагнень, надій та ін.», інше – *ірон. або жарт.* «Ізраїль» [3, с. 215–217].

Звертає Віталій увагу і на моральний стан суспільства, зокрема на одвічну проблему батьків і дітей. Уміло обіграючи біблійну притчу про блудного сина, суть якої полягала в порушенні біблійної заповіді – «поважай батька свого й матір свою», поет власне атрибутивно-субстантивним сполученням позначає будь-кого із представників молодого покоління незалежно від статі, задекларовуючи перевірену часом істину: за будь-яких умов найближчими людьми залишаються завжди батьки, які у скрутну хвилину готові прийти на допомогу, усе зрозуміти і пробачити, наприклад: *Теци, о блудный сыну, къ отцу своему, / Радующемуся пришествію твоему. / У отца ест истинное насыщеніе / И всѣх благ съвершенное умѣшеніе* (<http://litopys.org.ua>). У «Словнику української мови XVI – першої половини XVII ст.» сполучення слів *блудний син* «який блудить, помиляється, йде неправедною дорогою» кодифіковано як стійке [4, с. 122]. Фразеологізм успадкувала нова літературна мова зі значенням «той, хто повертається з каяттям, визнанням своїх провин» [5, с. 646] та ремаркою *книжн.* Ширшу палітру значень наводить К.М. Дубровіна: *ірон.* або *жарт.* «1) нешанобливий син, який вийшов з-під контролю батька й пішов з рідного дому; людина, яка порвала з родиною (будь-яким колективом, групою, спільнотою) в пошуках інших занять, нового середовища та ін.; 2) безпутна, морально нестійка людина; 3) людина, яка розкалася у своїх помилках і гріхах після багатьох невдач; 4) будь-хто, хто довго був відсутнім і нарешті повернувся» [3, с. 45].

Отже, український поетичний дискурс початку XVII ст. активно послуговувався фразеологізмами біблійного походження, крізь призму авторського світобачення окультурюючи, інтелектуалізуючи, європеїзуючи український соціум, своєю літературно-мовною практикою закріплюючи у фразеологічній системі української мови XVII ст. за прецедентними одиницями статус стійких.

Список використаної літератури

1. Денисюк, В. Біблійноонімна фразеологія української поезії середини XVII ст. / В. Денисюк // *Hungaro-Ruthenica*. Vol. VII. – Szeged, 2015. – С. 63–78.
2. Денисюк, В. В. Якими дісталися до нас голубок Ноя та осел Валаама? / В. В. Денисюк // *Наук. час. Східноподіл. лінгвокраєзн. центру* : зб. наук. праць студентів, магістрантів, викладачів / відп. ред. Т. М. Тищенко. – Умань : Візаві, 2015. – Вип. 4. – С. 96–101.
3. Дубровіна, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровіна. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 808 с.
4. Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. : у 16 вып. / Нац. акад. наук України, Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича. – Львів, 1994–2013. – Вип. 11. – 2004. – 256 с.
5. Словник фразеологізмів української мови / уклад.: В. М. Білоноженко [та ін.]. – К. : Наук. думка, 2003. – 1104 с.

М. Джумаев

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСЕМ *МОЛОДОСТЬ*, *МОЛОДОЙ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вследствие сдвига гуманитарной науки в сторону антропоцентрической парадигмы, а также условий современного мира повышается интерес к такому молодому научному направлению, как лингвокультурология, непосредственно связанному с изучением роли культуры в языке народа и формированием «национальной картины мира». В центре внимания исследователей находится человек в культуре и его язык. Лингвокультурология – научная дисциплина, исследующая материальную и духовную культуру народа и менталитет, воплощенные в живом национальном языке [1, с. 116].

Составляющие концепта «Возраст» (детство, отрочество, молодость, зрелость, старость) имеют широкие функциональные возможности, поскольку они принадлежат к числу базовых концептов в картине мира многих лингвокультурных сообществ и обладают значительным оценочным потенциалом [2]. Исследованию концепта «*Молодость*» в русском языке посвящены работы Е.А. Курочкиной [3], К. Токко [4], О.Е. Шепилевой [2] и др.

Используя материал словарей, сборников пословиц и поговорок, мы пытались выяснить, как вербализуются понятия *молодость*, *молодой* в представлениях русских.

Мы обращаемся к словарям как к источнику информации о значении слова, так как лексикографы стараются «описать каждую лексическую единицу с позиции ее индивидуальности и неповторимости, показать ее отличительные черты и специфическое контекстуальное окружение» [5]. Для выявления когнитивных признаков лексем *молодость*, *молодой* мы использовали данные словарей, в первую очередь толковых. Анализ значения лексем по толковым словарям В.И. Даля, А.П. Евгеньевой, Т.Ф. Ефремовой, С.И. Ожегова, Н.Д. Ушакова выявил многозначность данных слов. Семантическая структура многозначного слова *молодость* состоит из следующих сем: *юность*; *юный возраст*; *возраст от отрочества до зрелых лет*; *возраст между отрочеством и зрелостью*; *период жизни в таком возрасте*. Лексема *молодость* в толковых словарях русского языка объясняется довольно общо. Лишь некоторые частные характеристики данного понятия проявляются в зафиксированных словарями устойчивых выражениях: например, *по молодости лет* – по молодости, вследствие недостаточной зрелости; *вторая молодость* – прилив новых сил в пожилом возрасте.

Слово *молодой* также многозначно, однако не все его характеристики связаны с возрастом. В Словаре русского языка С.И. Ожегова приводятся

такие значения лексемы *молодой*, как: 1. Не достигший зрелого возраста; еще не старый. *Молодое поколение. Молодой человек* (о юноше, обычно в обращении). 2. Недавно начавший расти, существовать. *Молодое дерево. Молодое учреждение*. 3. Недавнего приготовления (без достаточной крепости, остроты; о напитках, продуктах, приготовление которых связано с брожением). *Молодой сыр. Молодой квас*. 4. Свойственный, присущий молодости. *Молодой задор. Молодая отвага*. 5. Молодой – муж. Человек, только что вступивший в брак.

Таким образом, в значениях слова *молодой* актуализируются семантические компоненты *незрелый, не достигший зрелого возраста, свойственный молодости, недавно созданный, приготовленный, только что женившийся*.

Для изучения происхождения лексемы были использованы этимологические словари М. Фасмера и Н. М. Шанского. По данным этимологических словарей, выявлено, что *молодость* – слово общеславянское, в котором отражены такие концептуальные признаки, как *отрок, жеребенок, растворение* (имена существительные), *мягкий, нежный, изнеженный, кроткий, ласковый, вялый, слабый* (имена прилагательные), *плавить, растоплять, спадать, ослаблять* (глаголы). Именно эти концептуальные признаки являлись наиболее важными в момент формирования слова.

Фразеологические и паремиологические словари позволяют определить народное, коллективное восприятие понятия *молодость*. По данным фразеологических словарей А.И. Федорова, А.Н. Тихонова, словарей половиц и поговорок В.И. Даля, В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, слово *молодость* и однокоренные ему слова входят в состав следующих фразеологизмов: *молодец к молодцу, молодой человек, от молодых (младых) ногтей, из молодых да ранний (кто), молодо-зелено, вторая молодость, не первой молодости, по молодости лет, золотая молодежь*.

Анализ паремий с лексемой *молодость* и родственными словами позволил выявить следующие когнитивные характеристики данного возрастного периода: 1. Молодость – возраст расцвета, красоты, обладания полной физической силой и энергией: **Молод** – *кости гложу, стар – кашу ешь. Помоложе, так рублем подороже. Пока молод, не страшен ни жар, ни холод. Красота не равна, а молодость – одинакова*. 2. Молодость – драгоценная пора человека: *Доколе молод, дотолу и дорог. Золотое бремя – молодые лета*. 3. Молодость противопоставляется старости: **Молодому** – *все дороги, старому – одна тропа*. 4. Молодость характеризуется отсутствием опыта; молодым разрешено ошибаться: **Молодо** – *зелено, да молодо – честно. Малый, что глупый, а глупый, что малый*. 5. Однако молодость – это ум, сообразительность: **Мал** – *да умен, стар – да глуп. Не спрашивают отца, спрашивают молодца. Молод, да стары книги читал*. 6. Молодые должны учиться у старшего поколения: **Молоденький** *умок старым умом крепится / что весенний ледок. Молодой работает, старый ум дает*.

Материал пословиц и поговорок свидетельствует о том, что в понятиях *молодость*, *молодой* сосредоточены признаки, имеющие как положительную (красота, расцвет, энергия, сообразительность), так и отрицательную коннотацию (глупость, неразумность, неопытность, ненадежность, безответственность (*Ныне молодежь – погляди да брось*), хвастовство (*Молодой журавль высоко взлетел, да низко сел*), греховность (*Молод бывал – и со грехом живал*).

Таким образом, проведенное исследование значений слов *молодость*, *молодой*, объективация их во фразеологизмах и поговорках показывает, что *молодость* в традиционном русском языковом сознании является амбивалентным понятием.

Список использованной литературы

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
2. Шепилева, О. Е. К вопросу о динамической природе концепта (на примере концепта *молодость*) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vuzirossii.ru/publ/filologija_i_perevod/k_voprosu_o_dinamicheskoi_prirode_koncepta_na_primere_koncepta_molodost/44-1-0-3763. – Дата доступа: 01.02.2018.
3. Курочкина, Е. А. Лингвокультурологический аспект концепта «молодость» на материале русского и английского языков / Е. А. Курочкина, О. В. Филиппова // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи : материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., 15 апр. 2014 г. – Пермь : Perm University Press, 2014. – С. 38–45.
4. Токко, К. Концепты *молодость* и *старость* в русском и итальянском языках (на материале паремий) [Электронный ресурс] / К. Токко // Вестн. МГУ. – 2010. – № 3. – С. 176–180. – Режим доступа: <http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1369>. – Дата доступа: 01.02.2018.
5. Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка [Электронный ресурс] : учеб. пособие / В. В. Дубичинский. – М. : Наука : Флинта, 2008. – 432 с. – Режим доступа: http://repository.kpi.kharkov.ua/bitstream/KhPIPress/13861/1/Dubichinskiy_Leksikografiya_rus_2008.pdf. – Дата доступа: 03.06.2018.

Т. Дыдышка

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

КУЛЬТУРНА-ГІСТАРЫЧНАЯ СПЕЦЫФІКА АНТРАПОНІМАЎ У ЗБОРНІКУ ГІСТАРЫЧНАЙ ПРОЗЫ З. ДУДЗЮК «ПАЛОННІКІ ЖЫЦЦЯ»

Зборнік Зінаіды Дудзюк «Палоннікі жыцця» ўключае апавесці «Кошт апошняга слова», «Мастацтва забіваць», «Зло чужымі рукамі» і апавяданні. Героі твораў берасцейскай аўтаркі – людзі, якія жывуць адпаведна свайму разуменню годнасці і сумлення. Творча ўваскрэшаючы

гісторыю XX ст., пісьменніца ўмела выкарыстоўвае прагматычны патэнцыял і нацыянальна-культурную інфармацыю ўласных імёнаў.

Сродкам адлюстравання гістарычнага каларыту ў творах З. Дудзюк з'яўляюцца імёны палітыкаў і ваеначальнікаў *Сталіна, Леніна, Пятлюры* і інш. Рэальныя постаці мінуўшчыны – гэта гістарычны «кантэкст» мастацкага палатна, жывое асяроддзе, найбольш выразны і праўдзівы фон дзеяння. У разважаннях персанажаў З. Дудзюк, прысвечаных мінуўшчыне, выкарыстаны **імёны-рэтраспекцыі**: заснавальніка Львова князя *Льва*, яго жонкі *Канстанцыі*, венгерскага караля *Белы IV* і інш.

Рэгіянальны каларыт ствараюць ужытыя ў маўленні персанажаў твораў Зінаіды Дудзюк формы імёнаў, у якіх адлюстраваны асаблівасці мясцовай гаворкі: «*У шматдзетнай сям'і нарадзілася Ёўга, але была асуджана лёсам на адзіноту*» [1, с. 19]. У маўленні персанажаў прозы берасцейскай аўтаркі шырока ўжываюцца формы суб'ектыўнай ацэнкі *антрапонімаў*, што адлюстоўваюць традыцыі нацыянальнага іменаслову. У творах выкарыстаны эмацыйныя варыяцыі імён «*Марынка, Дзяніска, бярыце патрошку, не будзеце разліваць, – падказвала маці дзецям, парадкуючы ля печы гаршкі*» [1, с. 72]; «*Толькі шкада было пакідаць сіратою Юльку*» [1, с. 54]. Эмацыйныя формы могуць перадаваць глыбіню пачуцця да каханага чалавека: «*Другое пісьмо напісаў Світалачцы, светлай дзяўчынцы, дзеля якой хацелася таксама жыць цяпер*» [1, с. 116]. Заўважым, што і сталыя героі, прайшоўшы жыццёвыя выпрабаванні, цёпла, спачувальна адносяцца да людзей, што праяўляецца ў ласкальных формах звароту: «*Што? Што з табою, Алесечка?*» [1, с. 6]; «*Гэта, Іваначка, хутка пройдзе*» [1, с. 83]. Знаходзім на старонках твораў і прынятыя ў вясковым асяроддзі формы звароту да сталага паважанага чалавека праз спалучэнне «*дзядзька, цётка + імя*» («*Добрага здароўечка, дзядзька Мірон, што пра мяне дбаеце*» [1, с. 115]), а таксама па імені па бацьку («*Дзе тут мая Пятроўна?*» [1, с. 128]).

Адлюстроўваючы этыкетныя нормы, імёны герояў ужываюцца ў поўнай форме ў спалучэнні з іменем па бацьку, што з'яўляецца паказчыкам павагі да чалавека: «*Дзякую, Лукаш Кандратавіч, мне пасля размовы з вамі ажно ў вачах пасвятлела*» [1, с. 33]; «*Нам з Якавам Саламонавічам часам падмены бракуе, бо і тавар трэба прыняць, і выручку здаць*» [1, с. 85].

Асабовае імя – паказчык суб'ектывацыі (надзялення чалавека статусам асобы, прызнання яго грамадскай і асобаснай значнасці). Для ідэнтыфікацыі індывіда, пазбаўленага асобаснага статусу, выкарыстоўваюцца іншыя сродкі, у прыватнасці, нумары. Гэтая заканамернасць адлюстроўваецца ў аповесці З. Дудзюк «Мастацтва забіваць». Герой твора, Багдан, трапіўшы ў турму, страціўшы волю, губляе і права на імя, становячыся носьбітам парадкавага нумара. Нумар прадстаўляе чалавека ў якасці рэчы. Носьбіт нумара не мае

права на сваё «я» і на асабістае волевыяўленне: «Выдалі цёплае лагернае адзенне: ватныя штаны, бялізну, ватоўку з нумарам на спіне. **Цяпер забывай сваё імя, зэк № 287**» [1, с. 114]. Сродкам ідэнтыфікацыі зняволеных у лагеры з'яўляюцца мянушкі, напрыклад: «Багдан прыгледзеўся да астатніх вязняў і адзначыў, што па адзенні можна пазнаць, хто дзе працаваў на волі. Вунь у таго таўставатага штаны з лампасамі, яго ўсе так і называюць “Генерал”. А таго сівенькага з барадой “**Прафесарам**” клічуць» [1, с. 113]. Знаходзяць адлюстраванне на старонках твора З. Дудзюк ужывальныя ў народным асяроддзі ацэначна-характарыстычныя мянушкі, утвораныя на базе ўласных імёнаў людзей. Так, празванне аматара выпіўкі **Нехадзімавіч** узнікла на аснове імені па бацьку: «Гаспадар яго, **Нехадзімавіч**, гэтак клічуць чалавека ў гарадку, хоць па папярце ён **Нікадзімавіч**, нагадае стары зашмальцаваны рубель у сваёй вечна аблезлай і абшарпанай адзежыне, прапахлай памыямі, якія ён звозіць з гарадскіх сталовак на свінаферму» [1, с. 203].

Для характарыстыкі героя аповесці «Зло чужымі рукамі» Зінаідай Дудзюк выкарыстаны такім прыём, як набілізацыя – «акulturванне ўласных імёнаў з мэтай стварэння сарказму, іроніі, камізму» [2, с. 80]. Дбаючы пра кар’ерны рост у савецкія часы, калі панаваў дух антысэметызму, малады чалавек – **Шлёма** – мяняе імя: «Хлопец меў добры густ, гэта выявілася яшчэ ў юнацтве. Як толькі ўласнае імя яму здалося немілагучным, ён памяняў яго і стаў называцца **Леанідам**. Ягоны бацька, калі даведаўся пра гэта, вельмі раззлаваўся і сказаў, што не імя ўпрыгожвае чалавека, а наадварот. Але сын слухіна заўважыў, што ў чалавеку ўсё павінна быць прыгожым» [1, с. 132]. Набілізацыя ў творы З. Дудзюк – адзін са спосабаў саркастычна-з’едлівай ацэнкі чалавека, які адышоў ад сям’і, традыцый прадкаў, нацыі, змяніўшы такі важны складнік чалавечай асобы, як імя.

Сродкам стварэння запамінальных партрэтаў персанажаў з’яўляюцца прозвішчы, асобныя з якіх з’яўляюцца **гаваркімі пазтонімамі**. Напрыклад, **вішня** ў народнай культуры здаўна была сімвалам жаночай прыгажосці, вясны, чысціні. Сэнсавая нагрузка прозвішча **Вішанька** адпавядае сімвалічнаму значэнню апелятыўнай асновы антрапоніма. Апісанне прывабнай знешнасці і характару адоранай Богам творчай асобы напаўняе гаваркое прозвішча станоўчай экспрэсіяй: «Алеся, худзенькая, як дзяўчына. Круглы твар, спакойныя шэрыя вочы, усмешлівы шыракаваты рот, таўшчэзная цёмная каса на плячы – ва ўсёй яе паставе было нешта дзясвоцае, некранутае чэрствым жыццём» [1, с. 7]; «Адзіным Богам для яе стала праца, цяжкая, вярэдлівая турбота. Творчасць прыносіла радасць за ўдала напісаныя радкі, за свежы вобраз, яна стамляла, забірала сілы, але і напаўняла новымі задумамі» [1, с. 23]. Сутнасць прозвішча адпавядае характару гераіні: сумленнай, няздольнай на кампраміс жанчыны, якая не хоча быць каханкай нелюбімага чалавека, уплывовага чыноўніка **Трамваева**,

не можа пісаць ліслівыя рэцэнзіі «патрэбным» людзям, хоць і рызыкуе страціць месца ў рэдакцыі і нават трапіць у псіхіятрычную лячэбніцу.

Замалёўкамі кар’ерыстаў-прайдзісветаў савецкага часу сталі прозвішчы персанажаў аповесці «Зло чужымі рукамі». Сэнсавая нагрузка прозвішча начальніка рамонтна-будаўнічага ўчастка Шлёмы-Леаніда **Мізэрыі** суадносіцца са значэннем прыметніка *мізэрны* – ‘вельмі малы, нязначны’ [3, с. 345]. Паэтонім адпавядае сутнасці па-чалавечы дробнага мужчыны, якія адрываецца ад сям’і, належным чынам не даглядае цяжка хворага бацьку: «**Мізэрыя** задыхаўся без новых задум, без рызыкоўных аперацый. Нуднае пасіўнае жыццё забівала яго» [1, с. 154]. Жыццё **Мізэрыі** – бясконцае махлярства, аферы, скіраваныя на ўзбагачэнне, атрыманне незаслужаных узнагарод ад начальства. Сумленныя ж людзі, якія станавіліся на шляху Мізэрыі, бязлітасна знішчаліся. Дабіваючыся каханай дзяўчыны, мужчына не грэбуе падманам, інтрыгамі, нават фізічным знішчэннем суперніка. Характарыстычным з’яўляецца таксама прозвішча паплечніцы Мізэрыі Ліды **Хлус**, «*паслухмянай лялькі*», якая нязменна падтрымлівае начальніка ў ягоных махлярствах.

Такім чынам, уласныя імёны ў кантэксце зборніка Зінаіды Дудзюк “Палоннікі жыцця” выконваюць важную ролю: ствараюць партрэты герояў, выражаюць іх узаемаадносіны, дапамагаюць перадаць грамадзянскую пазіцыю пісьменніцы, аўтарскую ацэнку жыцця.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Дудзюк, З. Палоннікі жыцця / З. Дудзюк. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 270 с.
2. Шур, В. Уласнае імя ў мастацкім тэксце : манаграфія / В. Шур. – Мазыр : МДПУ імя І. Шамякіна, 2010. – 207 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: Больш за 65 тысяч слоў / І. М. Бунчук [і інш.] ; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 784 с.

М. Дэйнак

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

СРОДКІ СТВАРЭННЯ ЭКСПРЭСІІ Ў ПРЫКАЗКАХ БРЭСТЧЫНЫ

Экспрэсіўнымі можна лічыць усе моўныя сродкі, якія валодаюць вобразнасцю, з’яўляюцца ацэначнымі і эмацыянальнымі. Паколькі прыказкі і прымаўкі маюць у сабе названыя якасці, то можна лічыць, што яны выконваюць экспрэсіўную функцыю. Заўважым, што

експрэсіўнасць найбольш выразна праяўляецца ў поўнасцю ці часткова пераасэнсаваных парэміях.

Сярод сродкаў стварэння экспрэсіі важнымі з'яўляюцца тропы, асабліва метафары. Вылучаецца група прыказак і прымавак Брэстчыны, у якой усе кампаненты пераасэнсоўваюцца: *Нэ помажэш – нэ пойдэш* 'Калі не дасі хабару, то нічога і не даб'ешся'; *Тыхо ййдэш – дальшэ в'ййдэш* 'Чым менш паспешлівасці ў якой-небудзь справе, тым лепш. Кажуць у апраўданне асцярожных, але мэтанакіраваных дзеянняў'; *Под лэжачы камэнь вода нэ тэчэ* 'Калі нічога не рабіць, то справа не зрушыцца з месца, нічога не зменіцца. Кажуць, калі нехта бяздзейнічае, не клапаціцца пра якую-небудзь справу' (Стараселле, Пін. р-н); *Клін клінам выганяюць* 'Непрыемныя вынікі якіх-небудзь дзеянняў ці стану ліквідуюцца тымі ж сродкамі, якімі выкліканы гэтыя дзеянні або стан'; *Свяння гразі знойдэ* 'Кепскі чалавек знойдзе месца, дзе можна выявіць сябе адпаведным чынам' (Моталь, Ів. р-н); *Ворон вороновэ гока ны выклюе (ны выдзёвбэ, ны выбырэ)* 'Калі сустрэліся аднолькавыя людзі, яны будуць добра ладзіць паміж сабой' (Сіманавічы, Драг. р-н); *Взявса за гуж, нэ кажы, шо нэ дуж* 'Калі ўзяўса за якую-небудзь справу, то выконвай яе да канца' (Моталь, Ів. р-н); *Закон, як дышло: куды повырнув, туды й вышло* 'Закон заўсёды можа быць выкарыстаны самачынна, самаўпраўна. Гаворыцца як адмоўная ацэнка несправядлівасці, што чыніцца пад прыкрыццём закона'; *Кубаса ны ля пса, а ля самога пана* 'Найлепшае дастаецца багацейшым'.

Існуе нямала прыказак Брэстчыны, экспрэсіўнасць якіх ствараецца рыфмай: *Зяць любіць узяць; Дружы, но правды нэ кажы; Нэ голодная корова, колы под мордаю солома; Одын скачэ, другі плачэ; Тыхо ййдэш, дальшэ в'ййдэш; Свуй свояка, бачыть здаляка* (Стараселле, Пін. р-н); *Рыба ў рыцы, а нэ ў руцы; Броды нэ замэрзнуть бэз воды; Зымова ночка – батькова сорочка; Дочки покінуть бэз сорочки; Хто дбае, той мае* (Моталь, Ів. р-н); *бэз покуты на нэбы ны буты; Дай, Божэ, всэ вміты, оно ны всэ робыты; Грумныці – половына зымыці; Мое жыто да мынэ побыто; Квасок – ны с трысок; Якый сам, такый крам* (Сіманавічы, Драг. р-н).

Некаторыя прыказкі вызначаюцца мілагучнасцю, гукавой зладжанасцю. Адметную гукавую арганізацыю, алітарацыйную згушчанасць гукаў бачым у прыказцы *Сабацы сабача смэрць*, кожны кампанент якой пачынаецца аднолькавым гукам. За кошт фанетычных сродкаў набываюць экспрэсію і такія прыказкі: *Рыба ў рыцы, а нэ ў руцы; Бэрожоного і Бог бэражэ* (Стараселле, Пін. р-н); *Воран ворану вока нэ выклюе; Волочыв воўк авэц, поволоклі і воўка* (Моталь, Ів. р-н); *Гора з горою ны сходыцьця, а чоловік с чоловіком сходыцьця* (Сіманавічы, Драг. р-н).

Экспрэсіўнасць ствараецца і з дапамогай такіх сінтаксічных фігур, як паралелізм, антытэза, градацыя. Напрыклад, у аснове прыказак *Одын скачэ,*

другі плачэ; Рыба шукае, дэ глыбій, а чоловік – дэ ліш; Дочка шыла і спывала, а маты порола дай плакала; Пока вэлыкі нагнаэца, то малы наробыца (Стараселле, Пін. р-н) ляжыць прыём паралелізму. Выразнасць прыведзеных прыказак павялічваецца і за кошт таго, што некаторыя з іх рыфмаваныя.

У прыказках *Ліш плоха ійхаты, чым добрэ іты; Як богатыр умэр, зобравса увэсь світ, як помэр беднячок, то пун і дячок; Дойты – з баком, а кормыты – дуля з маком; Пока вэлыкі нагнаэца, то малы наробыца; Як літом подоб’еш ногою, то зымою з’іісы губою* (Стараселле, Пін. р-н); *Ліш нукаты, чым тюкаты; Ліш іісты хліб з водою, чым пырыг з быдою* (Сіманавічы, Драг. р-н); *Будзеш салодкі – праглынуць, будзеш горкі – праклянуць* (Даргужы, Івац. р-н); *Ён не забагаэе, а я не збяднею* (Альшаніца, Івац. р-н) назіраецца антытэза.

Градацыя выяўляецца на прыкладзе прыказкі *Ад смерці не адмолішся, не адкупішся і не адпросішся* (Падстарынь, Івац. р-н).

Праз прыказкі можна выражаць адмоўную ацэнку, іранічныя адносіны суб’екта да папярэдняга выказвання, што таксама лаканізуе маўленне і робіць яго больш вобразным і экспрэсіўным: *Нэма розуму зранку, нэ будэ і вэчором; Глухі нэ почуе, то выдумае; Хто розуму нэ мае, тому і коваль нэ вкуе; Насміяўса чыгун з горшка: оглядівса – сам чорны* (Стараселле, Пін. р-н); *Голова два вуха, а ума нэма; Ятровка хужэ воўка; Пороўняласа свыння до коня, да шэрць нэ така* (Моталь, Ів. р-н); *В людэй повна піч дров горыць, а в мынэ однэ поліно горіты ны хочэ; Горбатого могола выправыць; Застав дурного молотыся, то він лоба поб’е* (Сіманавічы, Драг. р-н).

Назіраюцца прыказкі і з іншымі паэтычнымі фігурамі: *З вэлікой хмары малы дождж; Мени знаеш – лучшэй спыш* (парадокс); *Овэс кінэш у грязь – будэш князь; З гразі ў князі* (кантраст); *Ласкавэ тэля дві цыцкі ссэ, а ліхэе – ніводной; Стэрэжы коня дома, а вун тэбэ в дорозы* (эліпсіс) (Моталь, Ів. р-н).

Яшчэ адным сродкам паэтычнага сінтаксісу ў прыказках з’яўляецца паўтор (таўталогія). Аднак нельга лічыць, што таўталогія ў прыказках – з’ява адмоўная, якая паказвае на недастатковую апрацаванасць устойлівых выслоўяў. Гэта «своеасаблівы стылістычны прыём, які склаўся гістарычна і замацаваўся ў маўленні» [1, с. 145]. Да ліку прыказак, экспрэсіўнасць якіх ствараецца за кошт таўталогіі, адносяцца наступныя: *Нэ іўшы нудно, а наіўшысь трудно; Чоловік хату постройіть, а дэтэй нэ погодуе, а жынка дэтэй погодуе, алэ хату нэ постройіть; Клін кліном выбіваюць; Рука руку мые; Язычэ, язычэ, тэбэ чорт мычэ* (Стараселле, Пін. р-н); *Гора з горою ны сходзяцьца, а чоловік с чоловіком сходыцьця; Йван остався Йваном; Літо на зыму робыць, а зыма на літо* (Сіманавічы, Драг. р-н).

Дастаткова распаўсюджаным сродкам экспрэсіі выступае інверсія, якая прадугледжвае ў асноўным вылучэнне слова, якое стаіць не на

характэрным яму месцы. Асабліва часта выяўляецца замена структурнага элемента, пазіцыя якога выразна замацавана. Гэта выкарыстанне выказніка перад дзейнікам: *Адрыгнуцца ваўку каровячыя слёзы* (Альшаніца, Івац. р-н); *Будзе галава – будуць і грошы* (Галік, Івац. р-н); *Будзем мы – будуць і грошы* (Квасевічы, Івац. р-н); *Быў конік ды з'ездзіўся*; *Была б галава, а вошы знайдуцца* (Альшаніца, Івац. р-н); *Захоча Бог пакараць, то розум адыме* (Заполле, Івац. р-н); дапаўнення перад выказнікам: *Бог тройцу любіць* (Заполле, Івац. р-н); *Грошы здароўя не дабавяць* (Галік, Івац. р-н); *Гора красы не дадае* (Альба, Івац. р-н); азначэння пасля азначальнага слова: *Каласы поўныя вісяць, пустыя стаяць* (Заполле, Івац. р-н).

Нярэдка трапляюцца гіпербалы, што дапамагаюць максімальна ярка паднесці звычайную тыповую з'яву: *Смачны пірог удаўся, але пад скарынку кот схавася* (Альшаніца, Івац. р-н); *У страху вочы на яблыку* (Заполле, Івац. р-н). Уласціва беларускаму народнаму ўспрыманню літота, якая, наадварот, у мастацкай форме памяншае велічыню, сілу, значэнне адлюстраванага прадмета або з'явы: *Есць за вала, а робіць за камара* (Ёдчыкі, Івац. р-н) (спалучэнне гіпербалы і літоты).

Вядома, адрозненне стылістычных функцый у многіх прыказках Брэстчыны, асабліва алегарычнага характару, некалькі ўмоўнае. Звычайна ў маўленні гэтыя прыказкі адначасова могуць выконваць экспрэсіўную, ацэначную, эмацыянальную і функцыю наглядна-вобразнага адлюстравання рэчаіснасці.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лепешаў, І. Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства : дапаможнік / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2006. – 279 с.

К. Завацкая

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
(г. Витебск, Беларусь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Э. ДОРРА «ВЕСЬ НЕВИДИМЫЙ НАМ СВЕТ»

Перевод художественного текста имеет свои особенности по сравнению с другими видами перевода. Он предполагает творческое осмысление оригинала, сохранение образности текста, его стилистических и композиционных особенностей. Зачастую невозможно дословно передать идеи автора. В таком случае использование грамматических и лексических трансформаций при переводе неизбежно.

Цель нашей работы – установить виды грамматических и лексических трансформаций, использованных при переводе романа Э. Дорра «Весь невидимый нам свет», выделив наиболее продуктивные из них и проанализировав особенности их употребления.

Материалом для исследования послужил роман Э. Дорра «Весь невидимый нам свет». Русский перевод выполнен Е.М. Доброхотовой-Майковой. При анализе материала использованы метод сплошной выборки, сопоставительный метод и метод анализа.

Среди грамматических трансформаций продуктивной является замена типа предложения. В оригинале романа часто встречаются достаточно громоздкие предложения (сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными частями, многокомпонентные сложносочиненные предложения и бессоюзные сложные предложения). Наиболее часто переводчик разделяет сложноподчиненные предложения на несколько простых предложений, что позволяет одновременно упростить структуру предложения и передать его смысл без каких-либо искажений: *All evening she has been marching her fingers around the model, waiting for her great-uncle Etienne, who owns this house, who went out the previous night while she slept, and who has not returned.* – *Весь вечер Мари-Лора ходит пальцами по макету. Она ждет двоюродного дедушку Этьена, хозяина дома. Этьен ушел вчера ночью, пока она спала, и не вернулся.*

Придаточные части сложноподчиненных предложений могут переводиться на русский язык либо отдельными предложениями, либо при помощи второстепенных членов предложения: 1. *She can hear the bombers when they are three miles away.* – *Она слышит бомбардировщики за три мили.* 2. *But because the little blue stone was clenched in his fist, they did not discover it.* – *Однако не заметили голубого камешка, зажатого в кулаке.*

Продуктивными являются замены нескольких простых предложений одним сложным (как правило, сложноподчиненным предложением или сложносочиненным предложением). Но это возможно только в том случае, если простые предложения тесно связаны между собой по смыслу. Одно из предложений может стать придаточной частью СПП: *The room feels flimsy, tenuous. Giant fingertips seem about to punch through its walls.* – *Комната кажется зыбкой, ненадежной, будто исполинские пальцы протыкают стены.*

Если простые предложения практически не связаны по смыслу, можно заменить их бессоюзным сложным предложением: *He sees it. There are two breaks in one of the resistance wires.* – *И тут Вернер видит: обрыв на одном из проволочных резисторов.*

Приведенные примеры доказывают, что замены типа предложения редко производятся изолированно, в большинстве случаев требуются и другие грамматические или лексические трансформации, что позволяет нам говорить о комплексных лексико-грамматических заменах.

Замены членов предложения и синтаксическая перестройка предложения помогают упростить синтаксические конструкции, избежать формулировок, нетипичных для русского языка, и адаптировать текст для русскоязычного читателя. Частотными являются замены двусоставного предложения односоставным посредством опущения подлежащего, если оно легко восстанавливается по контексту или не несет смысловой нагрузки: *They blow across the ramparts, turn cartwheels over rooftops, flutter into the ravines between houses.* – **Летят** над крепостными стенами, кувыркаются над крышами, кружат в узких улочках.

Если переводчик не может опустить подлежащее, поскольку оно важно для понимания предложения, он может заменить его дополнением. Встречаются также предложения, в которых дополнение становится подлежащим: 1. *Werner worries that the sound will knock the teeth from his gums.* – У Вернера такое чувство, что от этого звука у него вылетят зубы. 2. *When he discovers what looks like a large spool of thread.* – Когда ему попадается что-то вроде катушки.

Менее распространенной является замена обстоятельств на придаточные части сложно-подчиненного предложения либо части бессоюзного сложного предложения: *A single lightbulb casts everything in a wavering shadow.* – Под потолком горит единственная голая лампочка, по стенам дрожат тени.

Менее продуктивными являются антонимический перевод и замена частей речи. При антонимическом переводе необходимо хотя бы частично изменить предложение, что зачастую сопровождается лексическими заменами и может привести к искажениям стилистики предложения и его первоначального смысла. Отрицательные и вопросительные предложения обычно заменяются утвердительными, но встречаются и обратные замены: 1. *Who knows when the water will go out again.* – **Никогда не знаешь**, надолго ли дали воду. 2. *It's the first time he's heard the gun at such close range.* – Он еще не слышал ее с такого близкого расстояния. 3. *But who is there to answer?* – Однако ответит **некому**.

Замены частей речи при переводе используются в тех случаях, когда необходимо избежать повторений либо тавтологий и помогают передать смысл исходного предложения грамотным русским языком без стилистических искажений: 1. *The guide shows them agate from Brazil.* – Экскурсовод показывает им бразильский агат. 2. *Heat. Getting hotter* – Жарко. И становится еще жарче.

Реже встречается замена английского пассива на русский глагол в действительном залоге: *But on the way back to his palace, the prince was attacked by men on horseback and stabbed in the heart.* – На обратном пути царевича настигли вооруженные всадники, и один из них пронзил ему кинжалом сердце.

Остальные виды грамматических трансформаций менее частотны. Замены форм слова – непродуктивный вид трансформаций, т. к. формы числа большинства имен существительных совпадают в русском и английском языках. Исключения составляют те случаи, когда данные замены используются в составе комплексной перестройки предложений: *No one is allowed to leave his respective building with keys, and no one is allowed to leave keys on a desk.* – *Нельзя выходить из своего помещения без ключа, нельзя оставлять ключ на столе.*

Проанализировав грамматические трансформации, используемые в переводе романа Э. Дорра «Весь невидимый нам свет», мы пришли к выводу, что большинство видов являются продуктивными и используются при переводе художественной прозы. Они позволяют упростить сложные английские синтаксические структуры без потери смысла, передать оригинальные грамматические конструкции грамотным русским языком, избежать тавтологий и неточностей. Грамматические трансформации делают предложения более доступными для понимания, сохраняют стилистику и атмосферу текста. Многие грамматические трансформации невозможны без изменения лексического состава предложений, что переводчик должен учитывать.

Список использованной литературы

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. ин. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Альянс, 2013. – 253 с.
2. Дорр, Э. Весь невидимый нам свет / Э. Дорр. – М. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2015. – 592 с.
3. Doerr, A. All the Light We Cannot See / A. Doerr. – New York : Scribner, 2014. – 531 p.

Т. Зелёно

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

КОМПАРАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ О КАЧЕСТВЕ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

В общей системе фразеологии особое место занимают устойчивые сравнения, или компаративные фразеологизмы. Каждое традиционное сравнение включает образы реальной действительности и выработано в результате многовекового опыта народа. В.М. Мокиенко отмечает, что устойчивое сравнение – «не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство ее оценки...» [1, с. 37].

Исследуя концепт «Человек как общественное существо», мы остановили внимание на сравнениях, характеризующих качество жизни человека. Из материала Большого словаря русских народных сравнений В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [2] мы выделили группу компаративных фразеологизмов из 60 единиц. Около половины из них содержат в своей структуре компонент *жить* (*жизнь, жите, отживая, быть*), выступающий основанием сравнения. Оставшаяся же часть по-разному конкретизирует понятие *жить* (*работать, вертеться, крутиться, биться, делать, болтаться, лежать* и т. д.)

Субъект сравнения – человек: *Хозяин в доме [как] Адам в раю; Бедный живет как мокрое дерево горит*. В большинстве случаев субъект является латентным – скрытым: *жить как (что) буржуи; держать себя (держаться) хватом; жить байбак байбаком* и др. Однако в компаративных фразеологизмах именно жизнь человека подлежит оценке, которая может быть положительной и отрицательной.

Анализ содержания выявленных сравнений показывает, что положительная оценка в компаративных фразеологизмах русского языка встречается крайне редко. Положительной коннотацией отмечены только 15 % сравнений из выявленного материала. Они характеризуют жизнь как спокойную, беззаботную, благополучную, обеспеченную, безопасную, одним словом – счастливую жизнь. Например, *хозяин в доме [как] Адам в раю*. Шутл. ‘о спокойной, благополучной и обеспеченной жизни настоящего хозяина у себя дома’; (*жить*) *будто (словно) кому бабушка ворожит*. Одобр. ‘о человеке, которому очень везет, которому все удается’; *как яблочко на блюдечке кататься*. Шутл. ‘о чьей-л. привольной, легкой, беззаботной жизни’ и др.

Большинство устойчивых сравнений (в нашем материале это 85 %,.) несут отрицательную эмоционально-оценочную нагрузку, коннотированы с негативной стороны. Такие сравнения характеризуют жизнь человека как непосильную подневольную работу: (*работать*) *как бурлак; работать как автомат; биться как чайка на воды* – ‘о невероятно трудной жизни (особенно у рыбаков)’; (*делать что, работать*) *как бурка*.

Другая часть компаративных фразеологизмов представляет жизнь как деятельность суетливую, непродуктивную и бесполезную: *болтаться как фитилька; бегать как шавера*. Презр. – ‘о человеке, который ходит или бежит, тратя время впустую’; *бегать как безуродный*. – ‘о человеке, не находящем себе пристанища’; *делать что как больная белочка*. Жарг. Неодобр. – ‘о делающем что-л. суетливо, бестолково и безуспешно человеке’. Особенно резко в устойчивых сравнениях оценивается бесцельная жизнь: *болтаться (метаться) как навоз в проруби; болтаться как цветок на палочке*. Жарг. Ирон. 1. ‘о человеке, бесцельно и праздно проводящем вре-

мя'. 2.' о пустом и тщеславном человеке, выставяющем напоказ мнимые достоинства'; *трепаться, как кобылячий хвост на ветру* и др.

Негативно оценочную коннотацию имеют сравнения, характеризующие жизнь одинокую, вне общества. Однако эмоциональные обертоны здесь могут быть неодинаковыми, так как каждый субъект оценивает жизнь со своей точки зрения. Например, сравнения *жить (проживать) как былинка на меже* 'о человеке, живущем одиноко, без родных и близких'; *жить бабунькой* 'о жизни женщины в полном одиночестве, без личного счастья' характеризуют одиночество как негативное явление, но окрашены эмоциями сочувствия. Выражения *жить байбак байбаком; жить как филин (филином)* аккумулировали негативные эмоции осуждения тех, кто живет одиноко и нелюдимо; сравнению *жить как анчутка* присуща коннотация экспрессивности крайне негативная оценка качества жизни. Анчуткой в восточнославянской мифологии назывался злой дух.

С другой стороны, компаративные фразеологизмы *жить [настоящим (истинным)] философом*. Книжн. 'о чьей-л. крайне неприхотливой, строгой и полной добровольных лишений жизни'; *жить анахоретом (как анахорет)*. Устар. книжн. или шутол. 'о чьей-л. крайне уединенной, изолированной от общества, замкнутой и воздержанной жизни' нельзя однозначно считать отрицательно оценочными, так как речь идет об осознанном выборе одиночества для благих целей.

Основное оценочное содержание компаративного фразеологизма формируется за счет разнообразных объектов сравнения. Так, объектами сравнения выступают местные реалии: *Буй* (название городища) – *жить ровно за Буй*; социальные реалии: *буржуи* (во время революции 1917 г. презрительное обозначение человека, принадлежащего к классу крупных собственников) – *жить как (что) буржуи; бадыван* (бедняк, нищий человек) – *жить как бадыван*; валуй (гриб) – *жить как валуй (волуй)*; *бабич* (птица, пеликан) – *жить как бабич* и т. п. Они свидетельствуют о том, что формирование устойчивых сравнений происходило в различном пространственно-временном континууме. Образное значение компаративных фразеологизмов основывается на объектах, связанных с религиозными представлениями: *хозяин в дому [как] Адам в раю*; на основе местных исторических представлений: *жить ровно за Буй* (Буй (уст.) – высокое место, холм; предположительно здесь имеется в виду небольшая крепость Буй в Костромской губернии, построенная для защиты от татарских набегов); на основе фольклорных представлений: *ходить как Ваня-дурак; (жить) будто кому бабушка ворожит* (бабушка – деревенская знахарка, способная помогать своими заговорами, ворожбой); диалектных номинаций: *гамбалить как амбал (гамбал)*. Интересно, что сравнения могут нести следы социальных оценок того времени, когда они возникли. Например,

жить как (что) буржуи обозначает жизнь богатую, но осуждаемую, так как возникло в период Октябрьской революции.

Устойчивые сравнения из народной речи имеют разную стилистическую окраску. Часть из них принадлежит книжному стилю: *жить анахоретом, жить как аскет, жить философом*. Многие сравнения имеют стилистическую помету «устар»: *бродить (посещать что) как фланёр*. Объект сравнения может называть местные реалии (*жить ровно за Буём*), выражаться диалектным словом (*Будто аист на притучни (на приточни)*) или жаргонизмом (*жить как в астрале*).

Особенностью структуры исследуемых фразеологизмов является наличие сравнительных союзов *как/словно*: *лежать как валюга, жить как деревина, бегать как безуродный, житье словно в аду* и т. д. Помимо этого объект сравнения может выражаться словом в творительном падеже: *прожить бродягой, жить филином, жить анахоретом* и т. д.; сравнительным предложением: *живет, как мокрое дерево горит; болтаться, как цветок на палочке; трепаться, как кобылячий хвост на ветру* и т. д.

Таким образом, изучение устойчивых сравнений в рамках отдельных семантических групп позволяет выявить образную основу компаративных фразеологических единиц и на основе интерпретации содержания исходных образов, обобщения их лингвокультурных смыслов сделать вывод об определенных фрагментах русской языковой картины мира. Примечательно, что в устойчивых сравнениях крайне редко встречается положительная оценка, так как язык фиксирует преимущественно отступления от общепринятых норм.

Список использованной литературы

1. Устойчивые сравнения в системе фразеологии : коллектив. моногр. / отв. ред. В. М. Мокиенко. – СПб ; Грайфсвальд : ЛЕМА, 2016. – 278 с.
2. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.

П. Зиновенко

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИОЛЕКТА СЕМИНАРИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Н.Г. ПОМЯЛОВСКОГО «ОЧЕРКИ БУРСЫ»)

Николай Герасимович Помяловский – русский писатель, прозаик, очеркист и автор реалистических повестей. Родился Н.Г. Помяловский 11 апреля 1835 г. в семье дьякона Малоохтинской кладбищенской церкви Марии Магдалины. Будущий писатель был воспитан гуманными метода-

ми, что благотворно повлияло на его развитие. В значительной степени предоставленный самому себе, Николай с ранних лет имел возможность наблюдать за жизнью трудового люда. «Главной его воспитательницей была “мать-природа”» [1, с. 7].

Писатель принадлежит к числу художников слова, которые отказывались идти проторенными путями в искусстве. Однако при всей необычности жанровых форм и композиции его произведения весьма характерны для литературы 60-х гг. XIX в. [2, с. 21]. Основным стилем и методом в художественной культуре второй половины XIX в. стал реализм.

Н.Г. Помяловский в своих творческих исканиях стремился к созданию свободной формы широкого социального звучания. Об этом свидетельствуют «Очерки бурсы». Н.П. Ждановский в исследовании «Реализм Помяловского» отмечает, что, «хотя жанр произведения определяется своим названием – это цикл реалистических очерков, но данное обозначение еще не исчерпывает всего. “Очерки бурсы” не только фактически достоверны, они в то же время произведение, построенное на автобиографическом материале. Их автор не только рассказывает о прошлом, он и сам непосредственный участник описываемых событий, скрывающийся в образе Карася» [2, с. 112].

Бурса – духовное училище в Российской империи, которое славилось своей скудной программой (священная история, церковный устав, церковное нотное пение, основы русского языка и арифметики), бессмысленной механической зубрежкой, телесными наказаниями, невежеством бурсацких педагогов. «Очерки бурсы» – это повествование о мучениках и мучителях, бурсацкой науке и быте. Автор скрупулезно исследует, как бурса тиранит, травмирует ребенка, раскрывает ужасающие картины детства бурсака, наносит удар по всей общественной системе царской России.

В «Очерках бурсы» отражен лексический уровень русского языка второй половины XIX в., в частности такая его составляющая, как *социолект бурсаков (семинаристов)*. Произведение изобилует лексикой, понятной лишь посвященным, например: *шерсть* – в значении ‘волосы’, синонимический ряд *харя, лупетка, рождество* – в значении ‘лицо’ и т. д.

Обратим внимание на понятийный диапазон термина *социальные диалекты*. Этот термин возник в лингвистике сравнительно недавно – во второй половине XX в. Он образован из двух частей: части *социо*, указывающей на отношение к обществу, и второго компонента *-лект* от слова *диалект*; это, по существу, стяжение в одно слово словосочетания *социальный диалект*.

Диалект – форма существования языка, для которой характерны территориальная ограниченность, неполнота общественных функций, малое стилевое разнообразие, закреплённость за бытовой и обиходно-производственной сферой общения, исторически обусловленная социальная сфера распространения [3, с. 62]. *Социолектом* называют совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе: профессиональной, сослов-

ной, возрастной и т. п., в пределах той или иной подсистемы национального языка. Примерами социолектов могут служить особенности речи солдат (солдатский жаргон), школьников (школьный жаргон), уголовный жаргон, арго хиппи, студенческий сленг, профессиональный язык тех, кто работает за компьютером, разнообразные торговые арго (например, «челноков», торговцев наркотиками) и др. [4, с. 30].

В процессе анализа произведения Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы» мы исследовали жаргонную лексику семинаристов. В повести было выявлено значительное количество жаргонизмов, которые можно объединить в следующие тематические группы: слова и выражения, связанные с обучением в семинарии; наименования бурсаков разного возраста и социального статуса в бурсацкой среде; лексемы-характеристики семинаристов; номинации предметов бурсацкого быта; прозвища семинаристов; слова и выражения, связанные с обманом и беззаконием; слова и выражения, связанные с нанесением телесных повреждений; наименования игр, обычаев бурсаков и лексем, тематически близкие к ним; наименование частей тела; условные языки и др. Подробнее остановимся на некоторых из них.

Лексемы-характеристики семинаристов. В среде семинаристов использовались в обращении друг к другу прозвища. Например, «*Мазепа!*» – в значении ‘толстый’. По преимуществу *мазепами* называли «толсторожих». Прозвище восходит к известному историческому лицу Ивану Степановичу Мазепе (1639–1709) – гетману Украины, одному из сподвижников Петра I. В 1708 г., во время Северной войны, Мазепа перешел на сторону шведского короля Карла XII, за что был предан анафеме Русской православной церковью. Вокруг исторического облика и исторической роли Мазепы до сих пор ведутся споры. Фамилия Мазепы стала нарицательной как ругательство, обозначение злодея. Не вполне ясно, почему в бурсе «называли мазепами толсторожих». Настоящий Мазепа не был тучен. *Отпетым* называли ученика, который стоит за свободу и волю бурсаков и, если нужно будет, не пощадит для этого священного дела ни репутации, ни титулки. К данному субстантиву присоединялись квалификаторы, например: *отпетый благой* (*благой* в значении ‘блаженный’ – помешанный, юродивый); *отпетый отчвалый* – бесшабашный лентяй, то же, что «*отчаянный*»; *отпетый башка* – метонимия, обозначающая умного человека. Общеизвестно, что «голова» имеет также коннотации с лидерством («быть во главе чего-то»), и это применимо к фигуре одного из героев очерков Гороблагодатского, «который смело вел за собою на пакость начальству благих и отчвалых» [5, с. 253]. *Камчадалы* – сидящие на последних партах (на Камчатке). «*Новичок! Городской! Маменькин сынок*» – так называли только что прибывших в бурсу. Употребляется в тексте очерков слово *закоперщик*. У В.И. Даля это слово толкуется

как «десятник, большак у копра, у свай». Возможно, что в разговорной речи оно по созвучию приобрело значение 'закадычный друг' [6].

Слова и выражения, связанные с обманом и беззаконием. *Оплето-хом, беззаконновахом, неправдовахом* – иронически переиначенная формула из многих христианских молитв: «Согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою, Господи наш» (см., например, «Великий покаянный канон прп. Андрея Критского», «Канон покаянный прп. Силуана», «Молитва о даровании православного царя»). В примечаниях к «Очеркам бурсы» читаем комментарий в отношении данного выражения: «Искаженные слова со старославянским окончанием, означающие: обманули, совершили беззаконие, неправду». Глаголы *стибрили, сбондили, сляпсили, сперли* – синонимический ряд, означающий 'украли'. Эти слова, как и большинство других жаргонизмов в тексте, характерны не только для бурсы. Большая их часть имеет «блатное», «криминальное» происхождение: *объегорить* – в значении 'обмануть'; *левую ногу обделать, облапошить* – обмануть кого-нибудь, украсть.

Слова и выражения, связанные с нанесением телесных повреждений. Телесные наказания часто практиковались в воспитании бурсаков: *майские* – так называли розги (возможно, розги из молодой, майской лозы были самыми болезненными); *взъерепенить, взбутетенить* – (устар., прост.) сделать взбучку, высечь; *рябчика съесть* – в значении 'быть общипанным за волосы'; *повидать Москву* – в значении 'быть поднятым за голову'; *салазки* – вид издевательства, когда ученика кладут на сиденье парты лицом вверх, поднимают его ноги и гнут их к лицу; *отче-хвостить* – в значении 'высечь'; *на воздухах* – один из видов наказания: ученика раздевают, хватают за руки и ноги, так чтобы он повис в горизонтальном положении, далее справа и слева начинается свист лоз; *накормить березовой кашей* – в значении 'выпороть'; *задать волосянку* означает 'хватать за волосы'; *въехать в загорбок* означает 'бить в подзатылок'.

Среди бурсаков обычным явлением были драки, поэтому в тексте повести встречаем целый ряд подобных обозначений: *треснуть в рожу* употребляется в значении 'ударить в лицо'; «*В зубы съезжу!*» обозначает 'ударить по зубам'; *плюха* употребляется в значении 'удар'; «*Рожу растворожу, зубы на зубы помножу!*» – выражение угрозы физической расправы.

Таким образом, русский молодежный жаргон XIX в. находит отражение в «Очерках бурсы». Вводя жаргонизмы в речь своих персонажей, Н.Г. Помяловский раскрывает их характеры, использует жаргонные языковые формулы для отражения стереотипов поведения, образа жизни и условий бурсацкого существования.

Список использованной литературы

1. Ямпольский, И. Г. Помяловский. Личность и творчество / И. Г. Ямпольский. – Л. : Совет. писатель, 1968. – 268 с.

2. Ждановский, Н. П. Реализм Помяловского (вопросы стиля) / Н. П. Ждановский. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – С. 20–21.
3. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус. яз. и лит.» / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1987. – 160 с.
4. Беликов, В. И. Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Издат. центр РГГУ, 2001. – 439 с.
5. Помяловский, Н. Г. Избранное / Н. Г. Помяловский ; под ред. Н. М. Царева. – Минск : Наука и техника, 1980. – 414 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живаго великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=8892>. – Дата доступа: 10.05.2018.

Е. Зуева

ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси»
(г. Минск, Беларусь)

СУФФИКСЫ УНИВЕРБОВ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Тенденция к экономии не является чем-то принципиально новым в развитии языка. Этот процесс просто активизировался в связи с требованиями ускоренного темпа современной жизни [1, с. 108]. Е.А. Земская указывает, что примером экономии языковых средств является компрессивное словообразование, которое объединяет те способы словообразования, по которым образуются номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой [2, с. 120]. Г.П. Нешименко отмечает, что особое внимание, по мнению ученых, приобретает создание в русле тенденции языковой экономии компактных номинаций, в том числе универбов, позволяющих заменить громоздкие описательные конструкции более компактными обозначениями [3, с. 39].

Универбация как один из компрессивных способов словообразования известна давно. Традиционно под универбацией понимается один из видов суффиксального образования существительных от прилагательных, при котором существительные семантически мотивируются всем определительным словосочетанием.

Еще в конце XIX – начале XX в. стали появляться сравнительно короткие слова с суффиксами *-к(а)*, *-лк(а)*, в которых совмещалось значение двучленного сочетания: вместо *открытое письмо* – *открытка*, вместо *ночлежный дом* – *ночлежка*, вместо *одиночная камера* – *одиночка*, вместо *Петропавловская крепость* – *Петропавловка* и т. п. Сейчас в русском язы-

ке сотни таких экономичных слов: *шоссейка* (*шоссейная дорога*), *зенитка* (*зенитное оружие*), *зажигалка* (*зажигательная бомба*), *раздевалка* (*раздевальная комната*) и др. [1, с. 114].

Так как вопросы сопоставительного изучения словообразовательных систем близкородственных языков всегда притягивали внимание исследователей, ниже предпринята попытка краткого рассмотрения суффиксов универбов в близкородственных русском и белорусском языках, т. к. до сегодняшнего времени отсутствуют работы, посвященные сопоставительному описанию суффиксов универбов в русском и белорусском языках, в отличие от русского и украинского (В.И. Теркулов), чешского и русского (О.Г. Широкова). Рассмотрению суффиксов универбов в русском языке посвящены статьи Р.И. Гафаровой, Д.В. Дозоровой, А.В. Петрова, Д.В. Акунеевой.

На деривационную активность суффикса *-к(а)* обращали внимание Н.М. Шанский, Е.А. Земская, В.В. Виноградов, В.Н. Виноградова, З.А. Потиха, Н.С. Валгина, Н.А. Янко-Триницкая, В.В. Лопатин, А.Э. Смирнова, указывая на то, что он был продуктивен давно. Опираясь на мнение лингвистов, можно утверждать, что наиболее употребительным формантом, с помощью которого образуются универбы в русском и белорусском языках, является суффикс *-к(а)*: рус. *минеральная вода* → *минералка*, белорус. *мінеральная вада* → *мінералка*; рус. *электрический поезд* → *электричка*, белорус. *электрычны поезд* → *электрычка*; рус. «Комсомольская правда» → *комсомолка*, белорус. «Камсамольская праўда» → *камсамолка*. Суффиксы *-н-* или *-ск-* прилагательных при образовании универбов усекаются. Некоторые прилагательные (и причастия) сокращаются при этом еще больше [4, с. 45]: рус. *газированная вода* → *газировка*, белорус. *газіраваная вада* → *газіроўка*; рус. *нержавеющая сталь* – *нержавейка*; белорус. *нержавеючая сталь* → *нержавейка*. Иногда суффикс универбов несколько расширяется, и вместо суффикса *-к(а)* употребляются его варианты: рус./белорус. *-лк(а)*: рус. *читальный зал* → *читалка*, белорус. *чытальная зала* → *чыталка*, рус. *курительная комната* → *курилка*, белорус. *курыльны пакой* → *курулка*; рус. *-ловк(а)* / белорус. *-ілаўк(а)*: рус. *уровнительная система оплаты* → *уровниловка*, белорус. *ураўняльная сістэма аплаты* → *ураўнілаўка*; рус. *-овк(а)* / белорус. *-оўк(а)*: рус. *специальная одежда* → *спецовка*, белорус. *спецыяльнае адзенне* → *спяцоўка*, рус. *винтовое ружье* → *винтовка*, белорус. *вінтавая стрэльба* → *вінтоўка*. Это происходит в случаях, когда прилагательное оканчивается на: рус. *-льный* / бел. *-льны*, рус. *-ов-* / белорус. *-ав-*, рус. *-тельный*. В русском языке встречается морф *-шк(а)*: *промокательная бумага* – *промокашка*, в белорусском языке – *-тк(а)*: *прамакальная папера* → *прамакатка*. Отметим еще морфы: *-учк(а)*: рус. *шипучий напиток* → *шипучка*, белорус. *шыпучы напітак* →

шыпучка; **-чатк(а)**: рус. *взрывчатое вещество* → *взрывчатка*, белорус. *выбуховае рэчыва* → *узрыўчатка* (в данном слове в белорусском языке нет формальной мотивированности, т. к. данное слово является прямым заимствованием из русского языка и соотносится в белорусском языке с глаголом *узрываць*, поэтому оно не может считаться универбом); **-онк(а)**: рус. *плетеное изделие* → *плетенка*, белорус. *пляцёная кашолка* → *пляцёнка*; **-ушк(а)**: рус. *психиатрическая больница* → *психушка*, белорус. *псіхіятрычная бальніца* → *псіхушка*. Таким образом, видно, что в современных русском и белорусском языках суффикс **-к(а)** характеризуется достаточно высокой продуктивностью и представлен значительным количеством морфов. По замечанию Е.А. Земской, уступает по продуктивности и частотности использования форманту **-к(а)** суффикс **-ник** [2, с. 121] (белорус. **-нік**). А.Н. Янко-Триницкая отмечает, что данный суффикс менее типичен, но все же довольно распространен [5, с. 383]. Например: рус. *мобильный телефон* → *мобильник*, белорус. *мабільны тэлефон* → *мабільнік*; рус. *грузовая машина* → *грузовик*, белорус. *грузавая машына* → *грузавік*; рус. *морковный суп* → *морковник*, белорус. *маркоўны суп* → *маркоўнік*. Слова этих образцов также производятся от основ прилагательных, но суффиксы рус./белорусс. **-н-**, рус. **-ов-** / бел. **-ав-**, **-оў-** при этом не утрачиваются. Как средство универбации используются различные по степени активности суффиксы: рус. **-ак** / бел. **-ак**: рус. *товарный поезд* → *товарняк*, бел. *таварны поезд* → *таварняк*, рус. *сыпной тиф* → *сыпняк*, бел. *брушны тыф* → *брушняк*; рус. **-иц(а)** / бел. **-іц(а)**: рус. *роговая оболочка* → *роговица*, белорус. *рагавая абалонка* → *рагавіца*, рус. *крапивная лихорадка* → *крапивница*, белорус. *крапіўная ліхаманка* → *крапіўніца*; рус. **-ин(а)**: *радужная оболочка* → *радужина*; **-ух(а)**: *дымовая завеса / шапка* → *дымовуха*; **-ик(а)**: *периодические издания* → *периодика*, *синтетические вещества* → *синтетика*; белорус. **-арн(я)**: *кніжны магазін* → *кнігарня*; **-ур(а)**, **-атур(а)**: *квадратная адзінка* → *квадратура*, *кубічная адзінка* → *кубатура*.

Таким образом, примеры показывают, что близкородственный характер русского и белорусского языков обуславливает совпадение в них суффиксов универбов, а определенные отличия свидетельствуют о специфике и своеобразии словообразовательной системы русского и белорусского языков. В свою очередь универбация как вид компрессивного словообразования занимает важное место в словообразовательной системе русского и белорусского языков, обогащая словарный состав новыми лексическими единицами.

Список использованной литературы

1. Горбачевич, К. С. Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее / К. С. Горбачевич. – М. : Просвещение, 1984. – 190 с.

2. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.

3. Нещименко, Г. П. Сопоставительное изучение славянских языков и его значимость для прогнозирования развития языковой системы / Г. П. Нещименко // Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych / red. naukowa E. Koriakowcewa. – Siedlce : Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2010. – S. 13–51.3.

4. Лопатин, В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1973. – 151 с.

5. Янко-Триницкая, Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М. : Индрик, 2001. – 504 с.

И. Иваничкина, Е. Козлова

Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского
(г. Брянск, Россия)

ИЗ ИСТОРИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»)

Для развития почти каждого естественного языка характерен процесс заимствования слов из других языков. В нашем языке он проходил в несколько этапов. На Византийском этапе русский язык обогатился религиозной лексикой старославянского и греческого языков. Тюркский этап дал нам много слов бытовой сферы. В Петровскую эпоху начался процесс западноевропейского заимствования; в XVIII в. наш язык пополнился галлицизмами, в XIX–XXI вв. – англицизмами и американизмами. В XXI в. продолжается их бурное заимствование. Особое влияние французского языка на русскую общественную жизнь отразилось на особенностях словарного состава многих произведений русской литературы.

Иван Сергеевич Тургенев как писатель всегда отражал русскую действительность своего времени. Он опережал в своих произведениях то, что появилось уже после их выхода. Писателя по праву называли певцом «дворянских гнезд». Роман «Дворянское гнездо» написан в 1858 г. В этот период Россия переживала тяжелые времена: поражение в Крымской войне, смерть Николая I. Перед обществом встал вопрос: как жить дальше. Разные мнения и ответы на этот вопрос предлагает в своем произведении Тургенев. Любая реальность находит свое отражение в языке, культуре, образовании.

Критическое освещение писателем дворянских родословных Лаврецких и Калитиных, где отражается летопись крепостнического произвола и аристократического преклонения перед Западной Европой, нахо-

дит яркое выражение в языковых средствах. Одним из проявлений этого процесса является употребление иноязычных слов.

Персонажи произведений Тургенева – представители дворянства, которые прекрасно владели и русским, и иностранными языками, что проявляется особенно в диалогах. Наши наблюдения в основном связаны с их анализом.

Галлицизмы встречаются в речи Федора Лаврецкого (наложила отпечаток система воспитания отца). Он изображен в романе зрелым человеком, много повидавшим и много передумавшим (интересы западников и славянофилов). Его друг Михалевич также не отстает в употреблении иноязычных слов. Особенно ярко это показано в сцене спора Лаврецкого и Михалевича: «– Ты эгоист, вот что! – гремел он час спустя, – ты желал самонаслажденья, ты желал счастья в жизни, ты хотел жить только для себя...» [3].

В этом контексте используются выражения книжного характера (*самонаслажденье, счастье*), которые характеризуют Михалевича. Но есть и заимствованное слово *эгоист*. Скорее всего впервые слово упоминается в «Объяснительном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней» А.Д. Михельсона (1865). Мы находим, что *эгоист* – это *себялюбец*. Далее это слово встречается в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Ф. Павленкова (1907) в значении '*себялюбец, человек, думающий только о себе, своих удобствах и выгодах*' и в ряде словарей конца XIX в.

Обратимся к другому диалогу, в котором исконная лексика преобладает, но разбавляется единственным употреблением заимствованного слова. Но это слово напрашивается само собой и выступает в данном контексте как оскорбление: «– Ибо, – пожалуй, смейся, – ибо нет в тебе веры, нет теплоты сердечной; ум, все один только копеечный ум... ты просто жалкий, отсталый *вольтерьянец* – вот ты кто! – Кто, я вольтерьянец? – Да, такой же, как твой отец, и сам того не подозреваешь» [3].

В «Идеологически-оценочном словаре русского языка XIX – начала XX в.» А.Л. Голованевского, созданном на материале 75 других словарей, дана следующая справка о лексикографировании этого слова [1]. Слово *вольтерьянец* впервые встречается в «Новом карманном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» Д.Т. Майданова, И.И. Рыбакова (1907) в значении '*вольнодумец*'. А в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» под ред. А.Н. Чудинова (1910) оно употребляется в значении '*последователь Вольтера в дурном смысле; вольнодумец*'. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой данное слово отсутствует.

Спор Михалевича и Лаврецкого продолжался: «– Э, брат, не аристократничай, – возразил добродушно Михалевич, – а лучше благодари бо-

га, что и в твоих жилах течет честная плебейская кровь. Но я вижу, тебе нужно теперь какое-нибудь чистое, неземное существо, которое исторгло бы тебя из твоей апатии... – Спасибо, брат, – промолвил Лаврецкий, – с меня будет этих неземных существ. – Молчи, цынык! – воскликнул Михалевич. – «Цынык», – поправил его Лаврецкий» [3].

Слово *апатия* заимствовано из фр. *apathie* – равнодушие, спокойствие, бесчувствие, вялость (изв. с XVI–XVII вв.), восходящего при латинском посредстве (*apathia*) к др.-греч. *ὑπαθεια* – отсутствие страстей и страданий, нечувствительность, бесчувствие, бесстрашие. Слово отмечается в словарях русского языка с 1803 г. сначала с ударением на предпоследний слог. Позднее слово было «подправлено» с учетом его греческого первоисточника, и ударение переместилось на второй слог. В «Объяснительном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней» А.Д. Михельсона (1865) слово выступает в значении ‘*совершенное спокойствие души, бесстрастность*’.

Слово *цынык* заимствовано через нем. *Zyniker* – то же из лат. *synicus* от греч. *κυνικός*, буквально ‘собачий’ – эти сведения даны в этимологическом словаре М. Фасмера. В «Полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» М. Попова (1907) о слове сказано: *цынык* – «наглый человек, бесстыдный, с неразвитым или заглушенным чувством стыдливости» [2].

Не только в диалогах мы можем наблюдать заимствования, но и в монологам, где Тургенев употребляет уже широко известные слова.

«Даже сидя в тарантасе, куда вынесли его плоский, желтый, до странности легкий чемодан, он [Михалевич] еще говорил... Лошади тронулись наконец... “Помни мои последние три слова, – закричал он, высушившись всем телом из тарантаса и стоя на балансе, – **религия, прогресс, человечность!**.. Прощай!”» [3].

Слово *прогресс* появилось в русском языке в Петровскую эпоху в значении ‘успех’ (заимствовано из нем. *Progreß*). Вторичное заимствование слова *прогресс* в значении ‘*поступательное движение вперед, улучшение в процессе развития*’ было осуществлено из фр. *progrus* в том же значении. Впервые фиксируется в Словаре Даля в значении ‘*умственное и нравственное движение вперед; сила образования и просвещения; взгляд и понятия или притязания на полную свободу*’.

Слово *религия* было заимствовано в Петровскую эпоху из польского языка в значении ‘*связь, соединение человека с Богом, поклонение Богу, благочестие*’. В «Объяснительном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней» А.Д. Михельсона (1865) *религия* – *вероисповедание*. Далее значение слова менялось, и в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» под ред.

А.Н. Чудинова (1910) оно употреблено в значении *‘отношение, которым человек признал себя связанным с невидимым миром; вероисповедание, вера, вообще признание и почитание Бога’* [4].

Таким образом, мы увидели, что в диалогах автором используются слова менее известные, часто их употребление неверно. В монологах же используются слова освоенные, прочно вошедшие в русский язык. Это различие постоянно для нашего языка. Одни слова остаются, а другие исчезают из активного словарного запаса.

Список использованной литературы

1. Идеологически-оценочный словарь русского языка 19-го – начала 20-го века А. Л. Голованевского.
2. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке М. Попова. – 1907.
3. Тургенев, И. С. Дворянское гнездо : роман / И. С. Тургенев. – М. : Акварель, 2013.
4. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / под ред. А. Н. Чудинова. – 1910.

А. Калеснікава, А. Бацкалевіч

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

АНТРАПОНІМЫ Ў КАНТЭКСЦЕ НАРОДНЫХ КАЗАК І АЎТАРСКІХ КАЗАК СУЧАСНЫХ БЕЛАРУСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ

В. Вітка пісаў: «Казка – чарадзеяства. У кроплі расы змяшчаецца сонца, у магічным крышталі аднаго слова – ключ, якім можна адакнуць скарбніцу мовы і культуры цэлага народа» [1, с. 31]. Такім ключом, на нашу думку, з’яўляецца адно з самых старажытных, чарадзеяных і таямнічых слоў казкі – імя. Такі разрад уласных імёнаў, як *антрапонімы*, – адзін з найважнейшых сродкаў стварэння фантастычных вобразаў. У імёнах казачных герояў канцэнтруецца, захоўваецца і перадаецца ад продкаў да нашчадкаў нацыянальна-культурная інфармацыя.

У гісторыі айчынай культуры можна вылучыць два этапы: дахрысціянскі (паганскі, язычніцкі) і хрысціянскі. Кожнаму з этапаў адпавядалі свае імёны, якія знайшлі адлюстраванне ў казках. У язычніцкі перыяд асноўнай адзінкай называння чалавека было імя, і гэтак імя з’яўлялася празваннем-мянушкай, якое ўтваралася ад агульных назоўнікаў. Гісторыкі мовы сведчаць, што ў мінулым папулярнымі былі імёны, якія даваліся паводле знешнасці (*Сухой, Малюта, Бяляй, Чарнява*), характару (*Забавя, Маўчан, Бяссон*), роду заняткаў, сацыяльнага статусу чалавека

(*Халоп, Селянін*), часу і абставінаў з'яўлення дзіцяці на свет (*Знайдзен, Прыбытак, Вяшняка, Субота, Чаян, Нячай*). Гэтыя тэматычныя групы онімаў прадстаўлены ў антрапанімічнай прасторы народных чарадзейных казак і аўтарскіх казак сучасных беларускіх пісьменнікаў.

Першую тэматычную групу імёнаў народных казак складаюць язычніцкія антрапонімы, якія характарызуюць знешнасць персанажаў. Так, партрэт дзяўчыны, «*такой прыгожай, што і сказаць нельга*» [2, с. 31], змяшчае імя *Дзеўка-Красаўка*. Самую яркую рысу знешняга аблічча малодшага сына дзеда і бабы, «*меншага за ўсіх*», перадаюць гаваркія найменні *Мал-Малышок, Сын з кулачок*. Фізічную моц хлапчука, «*такога дужага, што ні адзін самы здаравенны мужчына не можа яго набароць*» [2, с. 131], перадае празванне *Асілак*. Наступную тэматычную групу складаюць імёны, якія нясуць інфармацыю пра род заняткаў казачных герояў: *Каваль, Казачнік, Песеннік, Шавец, Кравец, Сяўбіт, Музыка, Дзеўка Валынка*. Становішча персанажаў у соцыуме адлюстроўваюць онімы *Царыцын сын, Кухаркін сын, Дзеўка-Паланянка*. Казачныя імёны могуць характарызаваць і ацэньваць маральнае аблічча персанажаў. Гэта можа быць адмоўная ацэнка паноў-падманшчыкаў *Брахун і Падбрэхіч*. Імя можа выражаць станоўчую ацэнку. Так, спалучэнне ласкальнай формы хрысціянскага імені з прыдаткам-характарыстыкай *Іванька-прастачок* трапна акрэслівае сутнасць персанажа – «*благенькага нехлямяжнага хлопца*», які, нават вырашы, стаўшы дарослым, глядзіць на свет дзіцячымі чыстымі вачыма. Менавіта такія людзі самыя блізкія да спрадвечных чалавечых і Божых нормаў і заповедзяў. Іменна *Іванька-прастачок* аказаўся здольным адшукаць праўду на зямлі і расказаць пра гэтую праўду людзям. Надзвычай цікавую і адметную менавіта для казак групу найменняў складаюць празванні, у якіх адлюстроўваюцца абставіны нараджэння дзіцяці. Такія найменні надзвычай багатыя на культурную інфармацыю, якую яны захавалі. Так, час нараджэння асілкаў-багатыроў дакладна фіксуецца ў іх імёнах: «*На старасці баба нарадзіла ў адну ноч трох сыноў. Большага сына нарадзіла вячэрняга, сярэдняга паўночнага, меншага заравога. І баба-пупарэзніца налажыла ім усім імя Іван: Іван Вячорка, Іван Паўночнік, Іван Заравы*» [2, с. 23]. Чаму самым спрытным, моцным, разумным аказваецца менавіта *Заравы*? У гаваркім імені знаходзім глыбокі міфалагічны падтэкст. Багатыр *Заравы* ўвасабляе сілу *Дня, Святла*, якія абараняюць свет ад варожых чараў, перамагаюць зло [3, с. 64]. Заўважым, што досыць часта асілкі-багатыры нараджаюцца не чалавекам, а жывёлай: *Суччын сын, Кабылін сын, Івашка Мядзведжае вушка*. У такіх імёнах адлюстравана вера ў тое, што продкамі чалавека з'яўляюцца жывёлы. У момант небяспекі татэмныя продкі-жывёлы вяртаюцца з таго свету і ратуюць нашчадкаў [3, с. 65].

Гаваркія імёны-характарыстыкі прадстаўлены і ў кантэксце аўтарскіх казак сучасных беларускіх пісьменнікаў. Ужывае гаваркія празванні Пятро Васючэнка ў казцы «Валадар казы». Так, замалёўкай знешнасці і характару персанажа з'яўляецца празванне **Сапун**: «У той самы момант рыпнулі дзверы і паказаўся чырвоны нос варажбіта **Сапуна**. Гэты пранырлівы чуйны нос заўсёды паказваўся там, дзе была дзяльба або смажылі вепрука» [4, с. 42]. Гаваркімі празваннямі герояў казак Стасі Наркевіч з'яўляюцца імёны астралага **Заркаліка**, снежнай дзяўчынкі, якую «гушкаюць» усе ў сям'і – **Снягушкі**, а таксама добразычлівай чараўніцы **Багадушкі**. Імёны герояў аўтарскіх казак пра мінуўшчыну **сацыяльна характарыстычныя**. Так, у казцы Алеся Гібка-Гібкоўскага «Янка Глігчык – сын ганчара» князь і ягоная жонка носяць двухасноўныя імёны-кампазіты **Радзімір** і **Багуслава**, а ганчары празваны простымі імёнамі-мянушкамі **Будзім**, **Страміна**, **Глінчык**, што адпавядае заканамернасцям даўняга славянскага іменаслову. Празванне князя **Радзіміра** (яно ўтворана шляхам аб'яднання асноў слоў **радзіць** 'раіць' і **мір** 'супольнасць') сведчыць пра мудрасць правіцеля, які самыя важныя пытанні абароны княства ад войска хана вырашаў праз параду з **вечам**. Матыў стварэння чалавека з гліны, прадстаўлены ў старажытных кнігах многіх рэлігій свету, увасоблены ў вобразе мудрага асілка **Глінчыка** з казкі Алеся Гібка-Гібкоўскага. Празванне асілка **Барэя** асацыятыўна звязваецца са значэннем слова **барацьба** 'адзінаборства дваіх, кожны з якіх імкнецца здужаць праціўніка': «Асілка **Барэя** баяліся за ягоную звярыную моц і круты нораў. Калі ён незадаволены нечым быў, то да трох не лічыў, адным пальцам мог чалавека з ног збіць» [4, с. 58]. Пабачыўшы моцнага суперніка Глінчыка, **Барэй** уступае з ім у бойку, праўда, перамагае ў ёй маладзейшы і разумнейшы Глінчык.

Пасля прыняцця хрысціянства на Беларусі з'яўляюцца іншамоўныя імёны, якія прыйшлі да славян з грэчаскай, лацінскай і старажытна-яўрэйскай моваў разам з календарамі імёнаў святых. Прадстаўлены гэтыя онімы і ў народных казках (**Іван**, **Мікіта**, **Хама**, **Раман**, **Сцяпан**, **Піліп**, **Ціхан**, **Апанас**, **Даніла**, **Кірыла**, **Максім**, **Макар**, **Кацярына**, **Марыя**, **Галена**, **Малання**, **Мар'яна** і інш.). Часта імёны ў народнай казцы выкарыстоўваюцца ў формах суб'ектыўнай ацэнкі. Такія формы перадаюць шырокі спектр эмоцый і пачуццяў у адносінах да персанажаў: «**Хомка**, **Хомка**, ці дома твая жонка» [2, с. 113]; «**Алёнка**, сястрыца, адчыні: **Ваньку** нясу» [2, с. 123]; «**Нарадзіўся ў бабы сын Ванечка**» («Ванечка і ведзьма»); «**Марыська**, **Марыська**, сястрычка, мне надта піць хачацца» [2, с. 213]. Героі аўтарскіх казак, як правіла, носяць традыцыйныя імёны, што ўваходзяць у сучасны іменаслоў беларусаў. Ужываюцца гэтыя імёны ў поўных (**Кацярына**), усечаных (**Зоя**, **Вася**,

Кася), эмацыйна-ацэначных (*Нюрка, Машачка, Данік*) формах. Галоўным чынам гэта ласкальныя формы. Доля пэяратыўных імёнаў у дзіцячай літаратуры нязначная. Гэта звязана са становачай эмацыйнай і этычнай накіраванасцю твораў для дзяцей.

У беларускай культуры доўгі час суіснавалі і перапляталіся хрысціянства і язычніцтва. Гэта знайшло адбітак у іменаслове беларускай казкі. Досыць часта найменні персанажаў народных казак уяўляюць сабой спалучэнне хрысціянскага імені, якое ўжываецца ў розных формах, з язычніцкім празваннем-характарыстыкай: *Іван Вячорка, Іван Кабылін сын, Івашка Мядзведжае вушка, Васька-Папялышка* і многія іншыя. Падобныя формы наймення выкарыстоўваюцца і ў аўтарскіх казках. Напрыклад, герой адной з казак Алеся Гібка-Гібкаўскага празваны *Янкам Глінчыкам*.

Як бачым, імёны герояў як народных, так і аўтарскіх казак з'яўляюцца яркім сродкам характарыстыкі казачных персанажаў, а таксама спосабам адлюстравання культуры і светапогляду беларусаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Вітка, В. Урокі : артыкулы, выступленні, нататкі / В. Вітка. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 402 с.
2. Анталогія беларускай чароўнай казкі / уклад. А. В. Цітавец, Т. К. Цяпкова. – Мінск : Ураджай, 2001. – 407 с.
3. Рогалев, А. Ф. Имя и образ: Художественные функции имен собственных в литературных произведениях и сказках / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2007. – 224 с.
4. Зорная Кася : казкі / уклад. А. В. Спрынчан. – Мінск : Маст. літ., 2014. – 170 с.

А. Кандрацюк

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

МАТЫВАЦЫЙНЫЯ ТЫПЫ АЙКОНІМАЎ ПРУЖАНШЧЫНЫ

Засвойваючы і абжываючы землі, чалавек ужо ў глыбокай старажытнасці стаў даваць імёны разнастайным прыродным і створаным чалавекам аб'ектам. «Назвы дапамагалі лепш і хутчэй арыентавацца ў прасторы, дакладней і кампактней перадаваць геаграфічную інфармацыю, прычым, як правіла, яны адлюстроўвалі найбольш прыкметныя адрозныя асаблівасці названых аб'ектаў» [1, с. 17].

Айконімы – гэта асобны від тапонімаў, назвы любых населеных пунктаў. Яны могуць быць культурна-гістарычнага (антрапагенныя айконімы) і натуральна-геаграфічнага характару (геагенныя айконімы). Да айконімаў культурна-гістарычнага характару адносяцца назвы, якія

звязаны з асабістымі найменнямі (імя, прозвішча або мянушка) жыхароў і ўладароў мясцовасці, а таксама членаў іх сем'яў, з сацыяльным складам насельніцтва, з рэлігійна-культурнай лексікай, з гаспадарчым і сацыяльным жыццём чалавека. Да айконімаў натуральна-геаграфічнага характару адносяцца назвы населеных пунктаў, якія былі ўтвораны ад назваў водных крыніц, што звязаны з асаблівасцямі ландшафту, прыродных умоў, жывёльнага і расліннага свету і адлюстроўваюць фізічныя асаблівасці самога населенага пункта.

Назвы на аснове земляробчай тэматыкі. Беларусы жылі асела сярод лясоў і балот і займаліся земляробствам. Таму большая група айконімаў утваралася на аснове земляробчай тэматыкі. Да яе адносяцца такія назвы населеных пунктаў Пружанскага раёна, як *Аранчыцы* (ад дзеяслова *араць*), *Абруб* (ад слова *абрубіць* 'падзяліць зямлю на часткі'). Прыкметай урадлівасці земляў з'яўляліся тыпы лясоў, якія асвойваліся. У Пружанскім раёне ёсць вёскі з такімі назвамі, як *Беразніца* (на гэтым месцы рос вялікі бярэзнік), *Паддубна* (месца, на якім раслі вялікія дубы), *Лазоўка* (у гэтай мясцовасці расла вялікая колькасць лазы, з якой плялі лапці і іншыя рэчы), *Ялова* (месца з вялікай колькасцю ельнікаў), *Баркі* (пайшло ад слова *бор*), *Хвойнік* (у гэтым месцы многа хвойных дрэў), *Бярозаўка* (ад слова *бяроза*), *Сасноўка* (паселішча было ўтворана на месцы сасновага лесу).

Назвы на аснове птушынай і жывёльнай тэматыкі. Ад назваў жывёл і птушак утварыліся назвы вёсак *Лінава* (абазначае месца лінькі вужоў), *Рачкі* (у гэтай мясцовасці вадзілася вялікая колькасць ракаў), *Глушэц*, *Кулікі*, *Варанілавічы*, *Шпакі* (ад назваў птушак), *Казлы*, *Кабылаўка*, *Жабін*.

Назвы, якія звязаны з месцазнаходжаннем і знешнім выглядам паселішча. Лясы, балоты, азёры, рэкі і элементы рэльефу часта служылі арыенцірам на мясцовасці. Гэта дало аснову назвам вялікай групы населеных пунктаў: *Залессе* (мясцовасць размяшчалася за вялікім лесам), *Загор'е* (паселішча знаходзілася за невялікай гарой), *Руднікі* (некалі тут здабывалася руда), *Смаляніца* (на гэтым месцы вялікая колькасць смалы), *Варотнае*, *Задвараны*, *Концыкі* (мяжа Пружанскага і Бярозаўскага раёнаў), *Зарэчча* (знаходзілася за рачулкай, якая высахла), *Мокрае* (вялікая колькасць вадаёмаў). Са знешнім выглядам звязаны назвы такіх населеных пунктаў, як *Круглае*, *Доўгае*, *Вялікае сяло*. Да назваў, якія абумоўлены тыпамі пасяленняў, можна аднесці айконімы *Гарадняны*, *Слабодка*, *Гарадзечна*, *Куплін*, *Навадворцы*, *Навасёлкі*.

Назвы, якія інфармуюць пра заняткі насельніцтва. У залежнасці ад віду заняткаў узніклі назвы наступных населеных пунктаў: *Бортнавічы* (жыхары гэтай вёскі шырока займаліся бортніцтвам), *Гута* (займаліся вырабам шкла), *Млынок* (была вялікая колькасць млыноў), *Агароднікі*, *Аранчыцы* (займаліся агародніцтвам), *Ганчары*, *Ткачы*.

Айконімы, якія ўзніклі ад назваў водных аб'ектаў. Зручныя для прыпынку месцы на рэках далі назвы населеным пунктам *Вінец* (ад назвы ракі Вінец), *Крыніца*.

Найменні населеных пунктаў, якія былі ўтвораны ад назваў рэк, – найбольш устойлівы і самы старажытны пласт у тапаніміі любога рэгіёна. Узаемасувязь і ўзаемаўплыў гідронімаў і айконімаў – адзін з важных аспектаў праблемы ўзаемадзеяння розных тапанімічных класаў.

Айконімы, утвораныя ад імён (айконімы-антрапонімы). Вялікая група айконімаў узнікла ад імён заснавальнікаў і ўладароў паселішчаў. Да іх адносяцца *Мікалаевічы* (жыла вялікая колькасць мужчын з імем Мікалай), *Бакуны* (заснавальнікам вёскі быў нейкі Бакун), *Ружаны* (назва гэтага гарадка паходзіць ад імя дачкі Ружы князя-ўладара Ружан), *Засімавічы* (ад прозвішча заснавальніка Засіма), *Наталін*, *Барысікі*, *Ярашэвічы*, *Янаўцы*, *Палінава*, *Аляксандраўка*, *Тарасы*.

Антрапонімы і тапонімы з'яўляюцца асноўнымі разрадамі ўласных імёнаў, якія цесна ўзаемазвязаны. Антрапонімы і ў мінулым, і ў цяперашні час служылі і служаць базай для ўтварэння геаграфічных імёнаў. Адзначым, што антрапонім – гэта любое ўласнае імя, якое можа мець чалавек (ці група людзей), у тым ліку асабістае імя, імя па бацьку, прозвішча, мянушка, псеўданім. У многіх назвах населеных пунктаў Пружанскага раёна ўтваральнай базай з'яўляюцца асабістыя некананічныя і кананічныя імёны, мянушкі і прозвішчы першапасалянцаў, заснавальнікаў або ўладальнікаў паселішчаў. Гэтыя назвы некалі служылі асноўным сродкам выказвання прыналежнасці. Такая гістарычная функцыя зрабіла іх галоўнымі ў айканіміі, калі распаўсюджванне феадальнай уласнасці на зямлю стала галоўнай прыкметай назвы месца.

Айконімы, утвораныя ад назваў народаў і гарадоў. На карце Пружанскага раёна можна сустрэць назвы, якія суадносяцца з назвамі іншых гарадоў, краін і іх жыхарамі. Мабыць, гэта неяк звязана з гісторыяй беларускага краю. Бо, як вядома, беларусы як народнасць сфарміраваліся на той тэрыторыі, дзе яны жывуць і сёння. Шматвяковы працэс складвання беларускай народнасці праходзіў ва ўмовах самых цесных кантактаў з іншымі плямёнамі, асабліва балцкага паходжання, якія таксама жылі на гэтай тэрыторыі. Не спыніліся міжэтнічныя кантакты нашых продкаў з іншымі народамі і пасля таго, як была сфарміравана беларуская народнасць. Вядомы выпадкі перасялення на яе землі людзей з суседніх Расіі, Украіны, Польшчы, сучаснай тэрыторыі Літвы і Латвіі, добраахвотнага запрашэння на вайсковую службу ці захопу ў палон татараў. І трэба сказаць, што ўсе гэтыя дэмаграфічныя працэсы, якія мелі месца ў далёкім мінулым, добра адбіліся ў беларускай тапаніміі.

Ад назваў народаў утварыліся такія назвы вёсак, як *Пружаны* (нібыта прусы ўцякалі праз гэтую зямлю), *Буцькі* (звязана з плямёнамі

бутаўскай культуры). Ад назвы горада пайшла назва вёскі *Магілёўцы* (згодна з адным з меркаванняў, вёску заснавалі выхадцы з Магілёва; паводле другой версіі, утворана ад родавага герба «Магіла» першых уладароў гэтых зямель рода Быхаўцаў).

Айконімы, якія суадносяцца з назвамі колераў. Можна вылучыць назвы населеных пунктаў, якія суадносяцца з назвамі колеру. Напрыклад, на Пружаншчыне можна сустрэць такія назвы, як *Зеляневічы*, *Краснае*. Якое значэнне надавалі нашы продкі, называючы так свае населеныя пункты, зараз мы можам толькі здагадвацца. Мабыць, айконім *Краснае* яны суадносілі са значэннем ‘прыгожы’: відаць, у гэтым населеным пункце было шмат чырвоных кветак ці іншых раслін, а можа, такім людзі бачылі сваё паселішча ў час заходу ці ўсходу сонца. Зразумела, меркаванняў тут можа быць шмат. *Зеляневічы* можа быць названа таму, што там з прыходам вясны ўсё буяла, цвіло.

Такім чынам, назвы населеных пунктаў Пружаншчыны разнастайныя паводле матывацыйнай прыкметы. Яны валодаюць багатай інфармацыяй пра жыццё насельнікаў рэгіёна, вылучаюцца сваёй арыгінальнасцю на карце Брэстчыны, асаблівасцямі іменавання.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Белорусская ономастика. Топонимия : учеб. пособие / А. М. Мезенко [и др.] ; под общ. ред. А. М. Мезенко. – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.

М. Карпенко

Сумський державний педагогічний університет імені А.С.Макаренка
(м. Суми, Україна)

ФРАЗЕОЛОГІЗМИ З АНІМАЛІСТИЧНИМ КОМПОНЕНТОМ НА ПОЗНАЧЕННЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЮДИНИ

Фразеологічнае багатства украінскай мовы ідэнтыфікуе неацiненнi релiкты народнoй мудрoстi, якi вiдoбpaжaюць культурнi кoдi зoонiмiчнoгo фoндy. У мeтaфoрiчнoмy пeрeнeсeннi нaзв твaрiн i птaхiв нa лyдiнy нaйбiльш нaчнo прoявляeтcя eтнoспeцифiчнe ставлeннa дo нiх, шчo aдeквaтнo вiдoбpaжaeтcя в мoвнiй кaртiнi свiтy.

Актуальнiстb нашoгo дoслiджeннa зyмoвлeнa зрoстaнням нaукoвoй зaцiкaвлeнoстi фразeолoгiзмaмi iз зoонiмiчнiм кoмпoнeнтoм y цiлoмy i нa пoзнaчeннa хaрaктeрy лyдiнy тa iї влaстивoстeй зoкрeмa. Зoофразeолoгiя ширoкo прeдстaвлeнa y прaцях укpaїнcькiх дoслiдникiв Л. Скрипник, В. Бiлoнoжeнкo, В. Ужчeнкa, Н. Бaбич, Р. Зoрiвчaк тa iн.

Мeтoю нашoй нaукoвoй рoзвiдки є вioкрeмлeннa й aнaлiз фразeолoгiзмiв iз aнiмaлiстiчнiм кoмпoнeнтoм «свiйcькa твaрiнa», «дiкa твaрiнa» i «птaх» тa вiявлeннa iх eтнoлiнгвiстiчнoй спeцифiкi.

Для досягнення поставленої мети проаналізуємо зоофразеологізми, (далі – ЗФ) до складу яких входять такі номени, як *свиня* (свійська тварина), *заєць* (дика тварина), *горобець* (птаха).

1. Свиня – «(зменшено-пестливі – *свинка, свиночка, свинячка*) парнокопитний ссавець, свійський вид якого розводять для одержання м'яса, сала, щетини, шкіри» [1, с. 526]. Свиня символізує бруд, невдячність, невихованість, рух назад, деградацію живої істоти, тому має переважно негативні конотації.

ЗФ з анімалістичним компонентом *свиня* можуть виражати позитивну оцінку, зокрема, характеризуючи ставлення людей один до одного, дружні приятельські відносини: *пасту свині* – 'бути з ким-небудь у товариських взаєминах, у приятельських, фамільярних стосунках' [3, с. 609].

Здебільшого ж ЗФ з компонентом *свиня* передають негативну оцінку. Зокрема, негативнооцінну конотацію мають фразеологізми, що характеризують зовнішній вигляд людини. Наприклад, *як свиня в дощі* – «уживається для вираження повного заперечення змісту слова *чепурний*; зовсім не чепурний» [3, с. 781]; *як свиня в хомуті* – «негарно, недоладно» [3, с. 781].

Негативна оцінка, що міститься в компоненті фразеологізму *свиня*, характеризує й моральну поведінку людини, що виражається ЗФ *свиняче вухо* – «безсовісна людина» [2, с. 163].

Така негативна риса людського характеру, як підступність, відобразилася в негативнооцінному фразеологізмі *підкладати свиню* – «нишком чи ненароком завдавати кому-небудь прикрощів, робити неприємність, підлість» [3, с. 634].

У народній уяві українців свиня стала вособленням нерозбірливості, а то й нерозумності, що відбилось в оцінці низького рівня розумових здібностей людини: *як свиня на перці* – із сл. «розумітися, знатися, ірон. Уживається для вираження повного заперечення змісту слів *розумітися, знатися*; зовсім не (розумітися, знатися)» [3, с. 781].

Негативнооцінний зоонім *свиня* викликає асоціації з людиною із занадто високою думкою про себе, що виражається у ЗФ типу *як свиня в барлозі* – зі сл. «величатися, ірон. дуже, у великій мірі» [3, с. 781]; *як порося на орчику* – зі сл. «величатися, ірон. надто особливо» [3, с. 678].

Негативне забарвлення має лайливий фразеологізм *іди к свиням* – «незадоволення ким-, чим-небудь та бажання позбутися, не бачити когось» [2, с. 349].

2. Заєць – «(зменшено-пестливі – *зайчик, зайчикок, зайнька; зайча, зайченя* – *маля зайця*) невеликий полохливий звірок родини гризунів, з кучим хвостом, довгими задніми ногами і довгими вухами» [1, с. 232].

ЗФ із компонентом *заєць* позитивно оцінює такі риси характеру людини, як спритність, кмітливість і винахідливість: *убивати двох зайців* –

«домагатися одночасного здійснення двох різних справ» [3, с. 908]. ЗФ з анімалістичним компонентом *заєць* виражають позитивнооцінне конотативне значення такої риси характеру людини, як надмірна працьовитість: *як солоного зайця* – «без перепочинку» [1, с. 306].

Негативна конотація простежується у фразеологізмі, який виражає негативні дії людини відносно іншої та кодує в собі таку негативну рису характеру, як злолюбство: *сипати зайцям солі на хвіст* – «марно погрожувати, обіцяти заподіяти кому-небудь щось неприємне» [2, с. 806].

Зоонім *заєць* символізує лякливу, несміливу людину, а отже, негативнооцінна семантика зооніма *заєць* виявляється у фразеологізмі на позначення такої риси людини, як боягузтво: *Заяча душа* – «боязка, полохлива людина» [1, с. 281]. Негативну оцінку людини, яка береться одночасно за кілька справ, але жодну не може довести до кінця, відображено у фразеологізмі: *ганяти за двома зайцями* – «намагатися одночасно здобути успіх у двох різних починаннях, справах» [1, с. 169].

Негативнооцінні фразеологізми із зоокомпонентом *заєць* можуть відображати відсутність здорового глузду в молодій людині та свідчити те, що людина володіє незначними розумовими здібностями: *зайчики в голові стрибають* – «хто-небудь легковажний, безтурботний» [1, с. 306].

3. Горобець – «(зменшено-пестливі – *горобчик, горобчикок, горобеня, горобенятко* – *пташа горобця*) маленький сірий птах, який живе переважно поблизу житла людини» [1, с. 146]. Горобець виступає символом спритності, моторності й злодійства, а тому фразеологізми мають переважно негативнооцінне конотативне значення.

В українській мовній свідомості *горобець* уособлював людину легковажної вдачі, що відобразилося у фразеологізмі *горобці цвірінькають у голові* – «хто-небудь легковажний, несерйозний» [1, с. 191]. Негативне забарвлення набув і фразеологізм на позначення такої риси характеру, як лінь, що відображено у фразеологічній одиниці *давати горобцям дулі* – «ходити без діла, байдикувати» [1, с. 203]. Негативної оцінки набув і фразеологізм, який характеризує людину, яка не має власної думки та підкоряється волі інших людей: *даватися, як горобець на полову* – «дозволяти себе ошукати, піддаватися обману» [1, с. 218].

Отже, концептуалізація тваринного світу в межах фразеологічної системи мови характеризується значною потужністю, що ґрунтується насамперед на засадах співвіднесення стереотипів тваринного світу та рис людини.

Аналіз ЗФ з оцінною (здебільшого – негативною) семантикою дозволив згрупувати їх за такими ознаками: ЗФ із семантикою «фізичні та психологічні особливості людини»; ЗФ із семантикою «зовнішній вигляд»; ЗФ із семантикою «риси характеру людини» тощо. Фразеологізми з анімалі-

стичними компонентами *свиня, заєць, горобець* виявляють комплекс ціннісних уявлень нашого етносу про навколишню дійсність і, відповідно, репрезентують національну самосвідомість українського народу.

Список використаної літератури

1. Жайворонок, В. В. Знаки етнокультури : словник-довідник / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 670 с.
2. Фразеологічний словник української мови / НАН України, Ін-т укр. мови ; Л. Паламарчук (голова). – К. : Наук. думка, 1999. – Т. 1. – 528 с.
3. Фразеологічний словник української мови / НАН України, Ін-т укр. мови ; Л. Паламарчук (голова). – К. : Наук. думка, 1999. – Т. 2. – 984 с.

С. Карпович

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ТОЛПЫ В ТЕКСТАХ РАННЕГО ГОРЬКОГО

Исследованию становления языковой личности А.М. Горького может служить анализ лексического представления конкретных фрагментов индивидуальной языковой картины мира в текстах ранних произведений писателя. Языковая картина мира основывается на специфических логико-языковых единицах – концептах. Термин *концепт* используется для обозначения понятий, которые соотносятся со значением слов, но концепт, в отличие от понятия, «окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [1, с. 146]. Таким образом, концепты – это посредники между словами и экстралингвистической действительностью [2, с. 4].

В ранних текстах Горького отчетливо предстают три центральных концепта его мировидения – *человек* как неординарная личность, *толпа*, противопоставленная герою, а также *природа* как само пространство мира, как фон, на котором выступает противопоставление героя и его окружения.

Важным концептом в картине мира Горького является образ толпы. Для ранних рассказов Горького не обязательны четко выраженный сюжет и конфликт, но всегда доминирует ситуация «выламывания» человека из среды, его ухода от людей, имеет место противопоставление героя массе, которое подчеркивает его незаурядность. Обрисовка людской массы, выступающей частью оппозиции «человек – толпа», обеспечивает усиление выразительности образа героя.

Толпа в текстах раннего Горького – это и племена людей («Старуха Изергиль»), и господствующие классы («Коновалов»), и рабочие и крестьяне («Челкаш», «Мальва», «Коновалов»), и босяки («Коновалов»),

и жители деревни («Шабры») и др. Мы задались целью выявить в текстах ранних произведений М. Горького закономерности языковой объективации и особенностей представления образа толпы.

Этот образ, как и раннее творчество Горького в целом, неоднозначен. Наиболее поэтичен и наименее реалистичен образ толпы в романтических легендах Горького. В рассказе «Старуха Изергиль» образ идеализированной массы, порожденный фантазией писателя, вербализован с помощью позитивно окрашенных автологических средств, воплощающих радостные звуки, яркие краски и красоту окружающего мира: *«Они шли, пели и смеялись; мужчины – бронзовые, с пышными, черными усами и густыми кудрями до плеч... ; женщины и девушки – веселые, гибкие, с темно-синими глазами, тоже бронзовые. Их волосы, шелковые и черные, были распущены, ветер... развевал волосы женщин в фантастические гривы, вздымавшиеся вокруг их голов. Это делало женщин странными и сказочными»* («Старуха Изергиль»). Позитивно окрашенными образными средствами характеризуется человеческая масса и во включенных в этот рассказ легендах: *могучее племя, веселые, сильные и смелые люди, радостные и полные надежд* и мн. др. Такое представление народа, созданное фантазией писателя, сродни описанию сказочных героев, живущих в единстве с природой.

Иначе изображена человеческая масса, образы которой Горький черпал из реальной жизни. Лексические средства, с помощью которых Горький рисует толпу, как правило, отмечены негативной коннотацией. В их числе – отрицательно оценочные прилагательные и существительные, экспрессивно-оценочные глаголы, выразительные метафоры и иные тропы.

Люди толпы в ранних реалистических произведениях – это рабы по своей сути. Человек толпы – *«...раб – как только родился, всю жизнь раб, и все тут!»* (Чудр.). Их труд ради куска хлеба лишен всякого творческого начала, поэтому рабочие и крестьяне изображены без всякого пиетета. Лексические средства соответствующей семантики и прагматики отбираются из ресурсов нейтрального или сниженного стилистического регистра: *все работают; человек пашет* (прост.); *родился, чтоб покосырять* (разг.) *землю, умереть, не успев даже могилы себе выкосырять* (разг.); *по капле силы свои источит на землю, сгниет в ней; умирает, как родился, дураком* (прост.), *ему только удавиться* (разг.) (Чудр.). Показательны эмотивно однородные стилистические синонимы: *работать, пахать; силы источить, умереть, сгнить, удавиться; повторы косырять, выкосырять.*

В характеристике людей толпы широко представлена оценочная лексика и фразеология. *«Лентяи, трусы»*, – говорит о них Изергиль. Устами своих героев писатель характеризует рабочую массу как абсолютно ограниченную: *«умирает, как родился, дураком»*. Выражая неприятие устремлений крестьянской массы, Горький использует характерные экспрессив-

ные автологические и металогические средства в высказываниях Челкаша о Гавриле, больше всего жаждущем денег: *«Разве из-за денег можно так истязать себя? Дурак! Жадные черти!.. За пятак себя продаете!..»* («Челкаш»). Еще большей экспрессией отмечены номинации людей толпы в речи босяка Сережки из рассказа «Мальва»: *«Эх вы... Землееды тупорылые...»* – говорит он, обвиняя Василия Легостаева и его сына в неспособности понимать красоту, в стремлении удовлетворять лишь потребности тела. Тяжелый труд предельно обезличивает и людей, оторвавшихся от земли, работающих на морских промыслах. В борьбе за выживание они теряют способность чувствовать и сочувствовать, становятся жестокими, злыми и подлыми: *люди дубовые, народ гнилой* («Мальвина»).

В рассказах, посвященных изображению городских рабочих, человеческая масса тоже предстает в негативном оценочно-эмоциональном ореоле. Его создают автологические средства образной дескрипции, например, выразительные определения с негативной коннотацией, характеризующие рабочих в гавани: *пыльные, оборванные, юркие, согнутые под тяжестью товаров; рваные, потные, отупевшие от усталости и шума; люди... смешны и жалки, они ничтожны по сравнению с ... всем, что они создали* («Челкаш»). Образы жалких, потерявших человеческий облик людей получают развитие и в металогических средствах – в метафорах, а также в сравнениях. Например, в рассказе «Коновалов» показательно явное и переносное сравнение людей с муравьями, червями и т. п.: *«Среди всего этого сновали люди.... Они казались маленькими, как черви, на фоне темно-коричневой горы, изуродованной их руками, и, как черви, суетливо копошились среди груд щебня и кусков дерева в облаках каменной пыли»* («Коновалов»). В другом рассказе автору даже в звуках машин *«чудится насмешливая нота презрения к серым, пыльным фигурам людей, ползавших по палубам...»* («Челкаш»). Содержательны глаголы, характеризующие толпу работающих: *«...созданное ими поработило и обезличило их»* («Челкаш»).

Важно подчеркнуть специфику текстовой организации средств языковой объективации образа толпы. Для идиостиля раннего Горького типична антитеза. Таковы антитезы, построенные на сопоставлении людей и созданных ими машин (*фигурки – колоссы*), внешних и внутренних впечатлений (*смех – слезы*) от масштабов труда и мизерной платы за него (*тысячи пудов хлеба – несколько фунтов*): *«...до слез смешны длинные вереницы грузчиков, несущих... тысячи пудов хлеба в железные животы судов для того, чтобы заработать несколько фунтов того же хлеба для своего желудка»* («Челкаш»). Интересна здесь языковая игра: *железные животы судов – свои желудки*. Экспрессивность оценки мизерности и униженности существования этой рабочей массы подчеркивается и на

словообразовательном уровне: жизнь для рабочих – «*каторга великоленая*», «*работища да скучища, скучища да работища...*» («Коновалов»).

Обезличенная человеческая масса во многих ранних текстах Горького изображается, как видим, одинаково, обрисована в негативном плане, темными и непривлекательными красками с привлечением богатого арсенала автологических и металогических средств создания словесного образа, которые выступают основой антитезных построений.

Список использованной литературы

1. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – Минск : Наследие, 1997. – 146 с.
2. Конькова, Е. Н. Концепт, понятие и значение как важнейшие единицы в исследовании языковых сущностей / Е. Н. Конькова // Разноуровневые характеристики лексических единиц : сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. конф., Смоленск, 19–20 мая 2001 г. – Смоленск : СГПУ, 2001. – Ч. I : Лексика и фразеология. Терминология. – С. 3–7.

С. Карпук

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ТЕМАТИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ СУБСТАНТИВОВ В ПОЭЗИИ А. АХМАТОВОЙ

Субстантивная лексика – один из самых больших пластов лексики в современном русском языке. Как известно, **имя существительное** – это знаменательная часть речи, обозначающая предмет (субстанцию) и выражающая это значение в словоизменительных грамматических категориях числа и падежа и несловоизменительных категориях рода, одушевленности и неодушевленности [1, с. 63].

Существительное является средством обозначения предмета в языке и определяется как грамматический стержень имен. По мнению В.В. Виноградова, «значение предметности служит тем семантическим средством, с помощью которого из названия единичной вещи возникает обобщенное значение целого класса однородных вещей или выражение отвлеченного понятия» [2, с. 304].

Субстантивная лексика активно представлена в поэтических текстах А. Ахматовой во всем ее многообразии. Мы проанализировали поэзию А. Ахматовой из сборника «Избранное» и выделили множество тематических групп, которые отличаются по составу и значению. В данной работе мы уделим внимание лишь тем группам, которые оказывают наибольшее влияние на стиль писателя, т. е. являются стилеобразующими.

Все существительные по грамматическому признаку принято делить на две большие группы: нарицательные и собственные.

Одной из значимых групп в анализируемой поэзии является тематическая группа нарицательных существительных, которая называет **эмоции**: *горесть, радость, истерика, любовь, счастье, тоска*.

Данная группа является наиболее востребованной в поэзии Ахматовой. Эту тематическую группу мы анализируем с помощью Национального корпуса современного русского языка, чтобы выяснить, какие субстантивы и с какой коннотацией в своей лексике чаще всего использует А. Ахматова.

Радость – данная словоформа употреблена 11 раз, *горесть* – 1, *любовь* – 32, *истерика* – 1, *счастье* – 11, *тоска* – 7, *жалость* – 4, *печаль* – 11.

Важно отметить, что А. Ахматова умела сочетать эмоции с названиями их обладателей при помощи предлогов пространственного значения. От чего эмоции вырисовываются как бы вмещенными в того, кто их испытывает: *И поняла ты, что отравная и душная во мне тоска* [3, с. 78].

В целом существительные группы эмоции характеризуют внутреннее состояние поэтессы, ее взлеты и падения.

Широко представлена группа, называющая части тела и человеческие органы, т. е. **соматизмы** *сердце, волосы, глаза, грудь, плечо, лок, рот, руки, тело, палец, лицо, ноги, ладонь, рот, локоть, щеки, уста, ресницы, губы, ноздри, брови*.

Это лексика в основном исконно русского происхождения, конкретной семантики, относящаяся к активному лексическому фонду языка. Но есть ряд слов, вышедших из активного употребления: *лок, уста*. В толковом словаре С.И. Ожегова субстантивы *лок* и *уста* помечены «устар. и высок.»: *лок* – 1. Лицо. 2. Изображение лица святого на иконе. [4, с. 245]. *Уста* – это губы [4, с. 540].

Данное описание ограничено следующими лексическими рядами, входящими в состав описываемой группы: **общие обозначения тела**: *тело*. **Названия, которые описывают лицо человека**: *волосы, глаза, рот, лицо, щеки, ресницы, губы, ноздри, брови*. Например: *У него глаза такие, что запомнить каждый должен...* [1, с. 17]. **Названия частей туловища**: *грудь, плечо*. **Названия конечностей и их частей**: *руки, ноги, ладонь, локоть, палец*. **Внутренние органы**: *сердце*, например: *сегодня я с утра молчу, а сердце – пополам* [1, с. 13].

Субстантивы группы соматизмов участвуют в создании портретной характеристики героя. Для Ахматовой в понятие *литературный портрет* входят не только внутренние черты персонажа, эмоциональные характеристики, но и внешние, воплощающие в себе типичное и индивидуальное.

Во внешности, в чертах лица, манере поведения обычно проступают особенности характера.

В анализируемой поэзии А. Ахматовой значимое место занимают имена собственные. **Праздники:** *Крещение, Благовещение*. Например: *О нем гадала я в канун Крещения* [3, с. 87]. **Гидронимы:** *Нева, Днестр, Мойка*. Например: *Погружается Мойка во тьму* [3, с. 14]. **Топонимы:** *Петрово, Павловск, Корельск, Петербург, Витебск, Ленинград, Смоленск, Кашин, Бежецк, Анатолия (область современной Турции), Рим, Баден, Воронеж. Париж*. Например: *Создан Рим, плывут стада флотилий* [3, с. 67]. **Страны:** *Польша, Россия, Америка*. Например: *В объятых пожарами, скорбной Польше не найдешь могилы его* [3, с. 99]. **Имена и фамилии:** *Сирин, Кифаред, Екатерина, Иона, Петр, Серафим, Анна, Егорий, Тамара, Антония, Август, Эбани, Марфа, Аркачев, Донской, Марина, Тамерлан, Александра*. Например: *И орла Екатерины вдруг узнали – это тот* [3, с. 15].

Можно сделать вывод, что в словесной палитре А. Ахматовой особое место занимают имена собственные. Они выступают в ее стихах как особенно заметное, стилистически и семантически маркированное экспрессивное средство, яркая примета стиля писателя. Имена собственные в художественном произведении играют важную роль, так как обозначаемые ими объекты участвуют в развитии и построении речевой и литературной композиции текста, в выражении всех художественных смыслов и мировоззрения автора.

Анализ особенностей лексико-семантических групп показывает, что элементы тематических групп играют важную роль в формировании индивидуальной поэтической картины мира автора.

В целом языковой стиль поэзии А. Ахматовой тяготеет к традициям русского классического стиха, к благородной простоте и к книжной общеупотребительной лексике, ясности и лексическому разнообразию. Вспоминаются слова ученого-лингвиста XX в. А.М. Пешковского о том, что без существенного невозможно «никакое знание, никакая наука» [5, с. 56].

Список использованной литературы

1. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц : учеб. пособие : в 2 ч. / Е. И. Диброва [и др.] – М. : Академия, 2008. – Ч. 2. – 624 с.
2. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М. : Рус. яз., 2001. – 718 с.
3. Ахматова, А. А. Избранное / А. А. Ахматова. – М. : Де Агостини, 2012. – 346 с.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. Пешковский, А. М. Вопросы методики родного языка / А. М. Пешковский. – Л., 1930. – 176 с.

Г. Козел

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка
(г. Мінск, Беларусь)

СПАЛУЧАЛЬНАСЦЬ СЛОЎ У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ

Спалучальнасць слоў была і застаецца адной з праблем у сучаснай лінгвістыцы. Вядома, што самыя складаныя і супярэчлівыя нормы ў мове адносяцца менавіта да сферы спалучальнасці.

Існуюць розныя азначэнні паняцця *спалучальнасць*. Самае простае з іх прыводзіць У.Г. Гак: «спалучальнасць – уласцівасць моўных адзінак спалучацца пры ўтварэнні адзінак больш высокага ўзроўню» [1, с. 483].

Спалучальнасць слоў як моўная з’ява ўяўляе сабой адзін з асноўных камунікатыўных аспектаў мовы. Значэнне слова фарміруецца пад уздзеяннем экстралінгвістычных умоў, а сэнс выказвання – пад уздзеяннем чыста лінгвістычных фактараў – кантэксту. Іншымі словамі, кантэкст – асяроддзе слова, якое надае яму пэўнае значэнне. Варта падкрэсліць, што спалучальнасць слова выяўляецца толькі ў кантэксце.

Граматычныя ўласцівасці слова дазваляюць спалучацца з незлічонай колькасцю іншых слоў. Аднак у канкрэтных выказваннях гэтыя ўласцівасці звычайна не рэалізуюцца, на іх накладваюцца семантычныя абмежаванні, якія вызначаюцца індывідуальнымі значэннямі спалучаемых слоў. Гэта робіць граматычна правільныя спалучэнні недапушчальнымі па семантычных прычынах (*зялёны хлеб, мыць кашу*). Можна адбыцца і такое, што з цягам часу немагчымыя раней словазлучэнні робяцца магчымымі, бо адлюстроўваюць наяўныя змены ў навакольнай рэчаіснасці і ў жыцці людзей. Так, словазлучэнне *пакет малака* было недарэчным у даваенны час, а зараз з’яўляецца змястоўным і ўжывальным [2, с. 6].

Патэнцыяльныя спалучальныя магчымасці слоў розных часцін мовы ў сучаснай беларускай мове можна паказаць у выглядзе табліцы, дзе па гарызанталі выяўляецца здольнасць спалучацца ў якасці галоўнага слова, а па вертыкалі – быць далучаным у якасці залежнага (пад увагу браліся найбольш частотныя выпадкі спалучальнасці).

Табліца – Спалучальнасць часцін мовы

Часціны мовы	Назоўнік	Зай-меннік	Пры-слоўе	Дзеяслоў	Лічэбнік	Пры-метнік
Назоўнік	+	+	+	+	+	+
Прыметнік	+	+	+	+	–	–
Дзеяслоў	+	+	+	+	–	–
Лічэбнік	+	+	+	–	–	–

Працяг табліцы

Прыслоўе	+	+	+	–	–	–
Займеннік	+	+	–	–	+	+

Дамінантнае месца па спалучальнасці сярод часцін мовы займае назоўнік, паколькі яму ўласціва не толькі падпарадкоўваць сабе кожную з часцін мовы, але і спалучацца з імі ў якасці залежнага кампанента. Спалучальнасць назоўніка можна размежаваць па тыпах далучаных слоў: а) з назоўнікамі ці іншымі апрадмечанымі словамі; б) з атрыбутыўнымі часцінамі мовы (прыметнікамі, дзеепрыметнікамі, парадкавымі лічэбнікамі, абагульнена-якаснымі займеннікамі); в) з марфалагічна нязменнымі словамі (прыслоўем, дзеепрыслоўем, інфінітывам).

Магчымасць спалучальнасных здольнасцей назоўніка залежыць галоўным чынам ад спосабу сувязі – беспрыназоўнікавая ці прыназоўнікавая, што ў сваю чаргу абумоўлівае прадуктыўнасць/непрадуктыўнасць пэўнай спалучальнаснай мадэлі [3, с. 53]. Так, пры назоўнікавых спалучэннях без прыназоўнікаў самым ужывальным сярод ускосных склонаў залежным кампанентам з’яўляецца родны.

Спалучальнасць назоўніка з атрыбутыўнымі часцінамі мовы можа мець абмежаванні толькі ў лексічным плане. Такая спалучальнасць спецыфічная, бо грунтуецца толькі на сэнсе, без усякіх граматычных паказчыкаў. Найбольш прадуктыўнай групай з’яўляюцца спалучэнні з залежным інфінітывам.

Спалучальнасць дзеяслова (у тым ліку яго формаў: інфінітыва, дзеепрыметніка, дзеепрыслоўя) пашыраецца на ўсе часціны мовы, за выключэннем лічэбнікаў. Калі назоўнік – «універсальная» па сваіх спалучальнасных якасцях часціна мовы, то дзеяслоў, маючы пэўныя абмежаванні, утварае самую вялікую па колькасці групу, у якой дамінуюць спалучэнні з назоўнікамі.

Спалучальнасць прыметнікаў дастаткова абмежаваная. Найбольш прадуктыўныя выпадкі – спалучэнне з назоўнікамі ва ўскосных склонах (з прыназоўнікамі і без): родны, давальны, у меншай ступені – творны склон. Актыўна спалучаюцца прыметнікі таксама з якаснымі прыслоўямі.

Лічэбнікі спалучаюцца толькі з назоўнікамі ці займеннікамі. Спалучальнасць займеннікаў абумоўлена іх разрадам. Азначальныя, няпэўныя і адмоўныя займеннікі могуць далучаць да сябе назоўнікі, займеннікі і лічэбнікі, але пры гэтым такія спалучэнні абмежаваныя значэннем вылучальнасці. Спалучальныя магчымасці прыслоўяў абмежаваныя. Яны спалучаюцца з прыслоўямі, назоўнікамі і займеннікамі з прыназоўнікамі.

На сучасным этапе развіцця лінгвістычнай навукі вывучэнне спалучальнасці слоў займаюцца даследчыкі Н.Г. Архіпава, А.Г. Барысава, Е.У. Рахіліна, Д.А. Дабравольскі, М.В. Влавацкая, С.П. Лапушанская.

Сярод беларускіх даследчыкаў можна назваць такія імёны, як Б.А. Плотнікаў, А.Я. Супрун, В.К. Шчэрбін. У 2005 годзе выйшаў вучэбны дапаможнік Б.А. Плотнікава «Спалучальнасць слоў у беларускай мове» [2].

Сёння няма ніводнай дысертацыі, прысвечанай праблеме спалучальнасці лексем у сучаснай беларускай літаратурнай мове. Аднак у рускім мовазнаўстве – 44 дысертацыі, у англійскім – 24, у нямецкім – 8, у французскім – 3, у балгарскім, партугальскім, іспанскім, італьянскім, украінскім – па 1 дысертацыі.

Такім чынам, у беларускай мове толькі пачынае распрацоўвацца тэорыя спалучальнасці слоў. Спалучальнасныя магчымасці кожнай з часцін мовы далёка не аднолькавыя. Яны залежаць ад катэгарыяльных характарыстык пэўнай часціны мовы і ад лексічнага значэння кожнага слова.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Гак, В. Г. Сочетаемость / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь / В. Г. Гак [и др.] ; под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Совет. энцикл., 1990. – 483 с.
2. Плотнікаў, Б. А. Спалучальнасць слоў у беларускай мове : вучэб. дапам. / Б. А. Плотнікаў. – Мінск : Акад. кіравання пры Прэзідэнце Рэсп. Беларусь, 2005. – 113 с.
3. Рамза, Т. Р. Сінтаксіс: тэарытычны курс : вучэб. дапам. / Т. Р. Рамза. – Мінск : БДУ, 2003. – 203 с.

Е. Козлова, И. Иваничкина

Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского
(г. Брянск, Россия)

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭРГОНИМОВ ГОРОДОВ БРЯНСК И КРАСНОДАР

Для привлечения новых клиентов и получения большей прибыли фирмы прибегают к различным маркетинговым ходам. Особую роль при этом играет номинация экономического объекта. Эргоним должен заинтересовать потенциального клиента, привлечь его внимание, а главное – выделиться среди предпринимательской конкуренции. При выполнении этой функции в процессе номинации особое место отводится фоносемантическому аспекту.

Следует отметить, что на состав лингвистического ландшафта любого города влияет значительно языковая ситуация того или иного региона – совокупность форм существования языка (языков, региональных койне, территориальных и социальных диалектов), обслуживающих континуум общения в определенной этнической общности или административно-территориальном объединении, согласно определению А.Д. Швейцера [1, с. 481]. П. Бэкхаус обозначил лингвистический ландшафт как один из способов описания повседневного существования языка, состоящий

в исследовании письменных знаков в публичном пространстве [2, с. 154]. Так, лингвистический ландшафт любого города не может не включать в свою структуру наружную рекламу. И естественно то, что определяющее место в среде наружной рекламы занимают эргонимы.

Проведя анализ эргонимов Краснодара, мы выявили следующие закономерности. Большинство из них было образовано от именовании неодушевленных предметов: кафе *«Пузатая хата»*; ювелирные салоны *«Аметист»*, *«Золото Кубани»*, *«Карат»*; магазин сувениров *«Добрые вещи»*; ресторан *«Ла Веранда»*. Данный способ считается традиционным, так как эргонимы, имеющие подобное происхождение, как правило, прямо или ассоциативно указывают на ассортимент товаров или услуг, предполагаемых той или иной организацией. Также лексико-семантический анализ эргонимов, зафиксированных на улицах Брянска, показал следующие результаты. Большинство эргонимов, как в Краснодаре, так и в Брянске образованы от наименований неодушевленных предметов: *магазины продуктов «Фрегат»*, *«Атлас»*, *«Линия»*, *«Магнит»*, *«Мэтро»*, *«Свенская ярмарка»*, ювелирные *магазины «Изумруд»*, *«Кристалл»*, магазин сувениров *«Красный квадрат»*, магазин оригинальных подарков *«Куб»*, кафе *«Пицца Шляпа»*, ресторан *«Созвездие»*.

Касательно словообразовательного анализа мы выявили, что наиболее продуктивным является семантический способ образования эргонимов Брянска и Краснодара: *магазин женского белья «Дамский каприз»*, *магазин обуви «Легкой походкой»*, *торговый комплекс «Деснянский ряд»*; *торговый комплекс «Сенной рынок»*, *торгово-развлекательный комплекс «Красный угол»*, *магазин женских аксессуаров «Дамская лавка»*, *магазин мясных изделий «Мясной базар»* соответственно. Однако самыми многочисленными являются односложные наименования эргонимов Брянска, в отличие от эргонимов Краснодара: ювелирный *магазин «Алмаз»*, аптека *«Мэтр»*, гостиница *«Десна»*, магазин верхней одежды *«Суражанка»*, магазин винной продукции *«Винник»*, ТЦ *«Весна»*, кафе *«Шоколадница»*, ТК *«Дубрава»*, ресторан *«Понтиле»*, ресторан узбекской кухни *«Халва»*, кафе кавказской кухни *«Очаг»*, магазин люстр *«Уют»*, магазин игрушек *«Бегемот»*, что можно объяснить экономией рекламного места и языкового материала.

Языком-доминантой лингвистического ландшафта Краснодара, безусловно, является русский язык. При этом присутствуют эргонимы с заимствованиями преимущественно из английского и итальянского языков: *рестораны «Fratelli»*, *«LA VACA»*, *«Bon Bazilio»*, *«Пуноккио Djan»*, *магазины одежды «Red Valentino»*, *«Cavalli, Baldessarini»*, салоны красоты *«Alis»*, *«Cherry»*, кофейня *«DIM coffee»*, центр красоты и здоровья *«Beauty Line»*. Данный факт можно объяснить тем, что Краснодарский край сла-

вится городами-курортами, следовательно, предполагается наличие иностранных отдыхающих и в Краснодаре.

Немалая часть эргонимов города Брянска для создания благоприятных ассоциаций образована от имен собственных – это антропонимы, астрономимы, мифонимы и т. д. Так, например, эргонимы, мотивированные мифонами: *салон красоты «Афродита»*, *кафе-бар «Нептун»*, *фотостудия «Олимп»*, *торговый центр «Одиссей»*. Говоря о лингвистическом ландшафте города Брянска, мы выделяем два основных отличия от Краснодара. Во-первых, следует отметить, что эргонимы образуются в результате процесса трансонимизации. Ярким примером является переход топонима *Брянск* в эргоним: *гостиница «Брянск»*, *сложный оним «Брянконфи»*, *«Велобрянск»*; а также обращение к древнему названию города – *кафе «Дебрянск»*. Интересна и судьба эргонима ТЦ *«Пересвет»*, мотивированного антропонимом. Так как Александр Пересвет, монах-воин, уроженец Брянска, по свидетельству письменных памятников, снискал бессмертную славу в поединке с татарским воином Челубеем в Куликовской битве 8 сентября 1380 г. и стал символом города, то данный эргоним благоприятно располагает адресата. Это можно объяснить историческими предпосылками города. Во-вторых, Брянская область расположена на стыке трех восточнославянских территорий (Россия, Украина и Беларусь) и может быть важным источником для изучения истории взаимоотношений восточных славян. Как административная единица область была создана 5 июля 1944 г. До этого времени ее территория распределялась между соседними областями: Смоленской (Западной), Орловской, Черниговской и Гомельской. Тесные вековые контакты жителей пограничных территорий не могли не найти свое отражение и в эргономике города Брянска. Например, *продуктовый магазин «Сябр»* – эргоним представляет языковое вкрапление из соседствующего языка, так же как и *«Беловежский гостинец»*, *«Зубр»*, *гостиница «Чернигов»*, *«Белорусская косметика»*.

Так, результаты проведенного анализа позволяют нам заключить, что лингвистический ландшафт города напрямую зависит от таких факторов, как расположение населённого пункта, взаимодействие с другими культурами, а так же историческое развитие, что мы и увидели на примере двух выбранных нами городов.

Список использованной литературы

1. Швейцер, А. Д. Социоллингвистика (Лингвистический энциклопедический словарь) / А. Д. Швейцер. – М., 1990. – 495 с.
2. Backhaus, P. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo / P. Backhaus // Multilingual Matters. – New York ; Ontario ; Cleveland, 2007. – 158 p.

Ю. Козлова

Белорусский государственный университет
(г. Минск, Беларусь)

МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ЗАБОТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАТИНСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Целью настоящего исследования является рассмотрение формирования семантики заботы на примере французских лексем, восходящих к одному латинскому этимону.

Во французском языке семантику заботы передает глагол *soucier* с соответствующими производными *souci* и *soucieux*, а также существительное *sollicitude*.

Рассмотрим этимологию лексемы *sollicitude*, которая в современном французском языке обозначает ‘нежную заботу, внимание’ [1]. Она восходит к соответствующей латинской лексеме *sollicitudo*, имеющей следующие значения: ‘волнение, беспокойство, тревога’; ‘забота’; ‘попечение, обязанность’ [2, с. 939].

Впервые слово *sollicitude* во французском языке было засвидетельствовано в литературных источниках XIII в. Оно имело значение ‘беспокойство, тревога’; ‘забота’. В XVII в. данная лексема считалась архаизмом, на что обращал внимание сам Мольер. Она снова входит в употребление в XVIII в., но семантика беспокойства постепенно утрачивается, и остается лишь значение ‘нежная забота, внимание’: *...il veillait sur lui avec une sollicitude inquiète, il lui donnait la main dans les mauvais pas, comme a une petite fille, il avait peur qu'il ne fût las, il avait peur qu'il n'eût chaud, il avait peur qu'il n'eût froid* [1].

Глагол *soucier* восходит к глаголу *sollicitare*, то есть он входит в то же этимологическое гнездо, к которому относится вышеупомянутое слово *sollicitude*. Путь лексемы в современный французский лежал через народную латынь (в классической латыни второй звук *i* в данной лексеме – краткий) и женеvский диалект, где она имела вид *souciller* [3].

В среднефранцузский период [3] глагол *soucier* был каузативным и соответственно имел переходный характер. В современном французском языке данная лексема употребляется исключительно в возвратной форме. Возвратный глагол *se soucier* передает значение ‘заботиться, беспокоиться, быть озабоченным чем-то, думать ком-то/чем-то’. Первая его фиксация в письменных источниках относится к XII в. Будучи переходным, глагол означал ‘беспокоить, отягощать кого-то’, будучи возвратным – имел значение ‘терзаться, мучиться’. Семантика терзания быстро утрачивается,

и после XIII в. *se soucier* в основном употребляется в значении проявлять ‘внимание к кому-то/чему-то, заботиться’ а с XVI в. и сегодня часто используется с отрицанием и в негативном контексте: *Il est, il vit, farouche, et sans se soucier*. В XVII в. *se soucier* часто употребляется в значении ‘проявлять интерес, обусловленный влюбленностью, желать’: *Je ne me soucie pas de, il ne me plaot pas, il ne me convient pas que. Je ne me soucie pas de le savoir* [4]. Данное значение считается устаревшим.

Дериват *souci* также засвидетельствован в 13 в. В современном французском языке он имеет значение ‘забота, попечение, хлопоты; тревога, беспокойство’. Как обозначено в словаре «Le Nouveau Littré» [4], это ‘забота, сопровождающаяся беспокойством’. В XIV–XVI в.в. была распространена конструкция *avoir en souci* в значении ‘любить’, которая вышла из употребления [3].

До XVII в. в семантической структуре лексемы *souci* также присутствовали семы ухаживания, обусловленного влюбленностью, а также беспокойства, связанного с трудностями, с опасностью для адресата. В художественном стиле данная лексема используется для обозначения объекта заботы, ухаживаний: *mon beau souci*.

Дериватом лексемы *souci* является прилагательное *soucieux*, которое также фиксируется в письменных источниках XIII в. Данное слово имеет значения ‘обеспокоенный, озабоченный’, а также ‘беспокоящийся, заботящийся’. Последнее реализуется в современном французском языке исключительно в синтагмах *soucieux de / soucieux que*: *Des gens sont soucieux de leur seul repos* [3]. И лексема *souci*, и ее дериват считались устаревшими в XVI в., но снова вошли в употребление начиная с XVII в. Чтобы проследить развитие значения заботы на примере вышеупомянутых генетически родственных лексем, необходимо также обратиться к семантике и этимологии исходного слова, т. е. этимона *sollicitāre (sollicito)*.

Данная лексема имеет достаточно широкую семантику, сочетая в своей семантической структуре указание на физическое воздействие на объект: ‘трясти, потрясать, колебать’; ‘бряцать, ударять’, ‘гнать, преследовать’ а также эмоциональное/психологическое – ‘удручать, беспокоить, тревожить’; ‘прельщать, обольщать, соблазнять’ и др. [2, с. 939]. В структурном отношении она является композитой, состоящей из двух основ — *sollus* со значением ‘полный, цельный’, восходящей к праиндоевропейскому корню **sol(h₂)-no-* с аналогичной семантикой и *cieō* со значением ‘приводить в движение, двигать, возбуждать, волновать, потрясать, колебать’, восходящей к корню **^(k)ei(h₂)-* с семантикой ‘приводить в движение’ [2, с. 180], [5, с. 571].

На основании этимологических данных можно проследить формирование семантики заботы на примере рассмотренных дериватов. Она возникла

кает у глагола *soucier* при его переходе от каузативности к возвратности как результат семантической деривации: приводить в движение – трясти(сь)/колебать(ся) – волновать(ся)/беспокоить(ся) – заботиться. Несмотря на то, что словари не фиксируют значения заботы у глагола *sollicitāre*, можно предположить, что оно может возникать окказионально, когда глагол приобретает возвратный и объектный характер. Это подтверждает наличие соответствующей семантики у его дериватов *sollicitūdo*, *sollicitē*, *sollicitātio*. Семантика любви, уходаживания (за женщиной), которая присутствует как у *sollicitāre*, так и у его производных, вероятно, появляется как следующий виток развития семантики заботы.

Список использованной литературы

1. Rey, A. Le Grand Robert de la langue française [Electronic resource] / A. Rey // Version électronique du Grand Robert de la langue française. – Paris, 2005. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М. : Рус. яз., 1976. – 1096 с.
3. Rey, A. Dictionnaire historique de la langue française / A. Rey. – Paris : Le Robert – Sejer, 2010. – 2614 p.
4. Littré, E. Dictionnaire de la langue française [Electronic resource] / E. Littré // Le Nouveau Littré. – Paris, 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
5. De Vaan, M. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages / De Vaan. – Leiden–Boston : Brill, 2008. – 825 p.

А. Коротынская

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5 КЛАССЕ С ОПОРОЙ НА ПРИНЦИП НАГЛЯДНОСТИ

Возраст пятиклассников – переходный этап от младшего возраста к младшему подростковому возрасту: с одной стороны, им присущи особенности младшего школьного возраста, а с другой стороны, требования средней школы повышают уровень всех познавательных процессов. Психологи отмечают, что в этот период у подростка уже развито непроизвольное внимание. Пятиклассник может сосредоточиться, может без усилий переключить внимание и распределить его, появляется привычка быть внимательным, но очень часто нарушается концентрация внимания и удержать внимание на каком-либо объекте продолжительное время удается с трудом.

Принцип наглядности – один из основных в процессе обучения русскому языку. Обоснованием этого принципа в дидактике занимались Я.А. Коменский, И.Г. Песталоцци, Ф. Дистервег, К.Д. Ушинский и др.

Ян Амос Коменский понимал наглядность широко – как привлечение всех органов чувств к лучшему восприятию вещей и явлений. Исходя из сенсуалистических взглядов, Я.А. Коменский в основу познания и обучения поставил чувственный опыт и провозгласил «золотое правило дидактики»: «...пусть будет для ... учащих золотым правилом: все, что только можно, представлять для восприятия чувствами, а именно: видимое – для восприятия зрением, слышимость – слухом, запахи – обонянием, подлежащее вкусу – вкусом, доступное осязанию – путем осязания ... А поэтому следовало бы начинать обучение не со словесного толкования о вещах, а с реального наблюдения над ними». В «Великой дидактике» Я.А. Коменский определил наглядность, ее задачи и значение в следующем: «Если мы желаем привить учащимся истинное и прочное знание вещей, вообще нужно обучать всему через личное наблюдение и чувственное доказательство» [1].

В современной дидактике средства обучения, реализующие принцип наглядности, различаются:

1) по характеру материала (словесный и изобразительный, конкретные языковые единицы и их модели, схемы, таблицы);

2) по видам восприятия (зрительному, слуховому, зрительно-слуховому);

3) по способам подачи материала (с помощью технической аппаратуры или без нее, в статике или в динамике);

4) по организационным формам работы (фронтальная работа на основе демонстрационных пособий и индивидуальная на основе раздаточного материала).

Рассмотрим названные средства наглядности на уроке русского языка в 5 классе. Для примера возьмем современный урок русского языка по теме «Правописание корней с чередующимися гласными *е-и*». Содержанием урока является формирование навыка написания корней *-бер-/-бир-, -дер-/-дир, -мер-/-мир-, -пер-/-пир-, -тер-/-тир, -стел-/-стил-, -блест-/-блист-*.

В блоке «Теория» в учебном элементе (далее – УЭ) «Подготовка учащихся к восприятию нового материала» используется словесная наглядность. Это самый популярный и часто используемый вид наглядности на уроках русского языка. С помощью словесной наглядности можно в кратчайший срок передать большую по объему информацию, поставить перед учениками проблемы, указать пути их решения, в итоге же у школьников развивается абстрактное мышление.

Приведем в пример слова учителя:

«Сегодня на уроке мы продолжим постигать законы русского языка. Вы сами будете открывать закон, а потом применять его на практике. Скажите, без чего не может существовать ни одно слово? Правильно, без корня! Но когда имеешь дело с корнями, нужно очень внимательно пи-

сать безударные гласные. А есть такие корни, в которых в одних случаях пишется “и”, а в других “е”. И почему так происходит, мы разберемся сегодня на уроке».

В УЭ «Формирование новых понятий» можно использовать таблицу.

Буквы е—и в корнях с чередованиями	
Есть суффикс <i>-а-</i>	Нет суффикса <i>-а-</i>
↓ и	↓ е
собира <u>т</u> ть	собе <u>р</u> у
зади <u>р</u> ать	заде <u>р</u> у
зам <u>и</u> рать	за <u>м</u> ереть
за <u>п</u> ирать	за <u>п</u> ереть
вы <u>т</u> ирать	вы <u>т</u> ереть
заст <u>и</u> лать	заст <u>е</u> лить
бл <u>и</u> стать	бл <u>е</u> стеть

Это достаточно распространенное и традиционное средство зрительной наглядности в современной школе. В таблицах отражена закономерность, сущность какого-либо правила или понятия, что способствует наиболее быстрому усвоению этого понятия, запоминанию правила, определенной нормы. Учащимся предлагаем изучить таблицу, представленную в учебнике, в § 16 [2, с. 57], проследить закономерность и сделать вывод

о написании корней с чередующимися гласными.

В УЭ «Закрепление знаний» используется зрительно-слуховая наглядность – электронные средства обучения (ЭСО). Сочетание интерактивных возможностей компьютера с коммуникативными особенностями видео является наиболее общим определением мультимедиа [3, с. 150]. Предложим учащимся видео «Чередование *-е-/-и-* в корне слова», взятое с ютуб-канала «Уроки Русского» [4].

В блоке «Практика» в УЭ «Формирование умений» используем индивидуальную наглядность на основе раздаточного материала. Учащимся раздается разрезанный алгоритм – точное предписание, определяющее процесс перехода от исходных данных к искомому результату, однако школьники должны самостоятельно выстроить верный ход действий по применению изучаемого правила. Учащиеся должны выстроить следующий алгоритм рассуждения:

1. Нахожу в тексте слово с чередованием *-е-/-и-* в корне.
2. Обозначаю в слове корень и подчеркиваю следующую за ним букву.
3. Если за корнем стоит суффикс *-а-*, то в корне пишу *-и-*.
4. Если за корнем нет суффикса *-а-*, то в корне пишу *-е-*.

В УЭ «Отработка навыков» тоже можно использовать раздаточный материал, но другого вида. Это конкретные языковые единицы, представленные как упражнения различной степени трудности, что способствует реализации принципа дифференцированного обучения. Предложим учащимся задание с двумя уровнями сложности:

1. Смелый умирает один раз, ...	соломки бы подстелил.
2. Солдат службы ...	а трус каждый день.
3. Кабы знал, где упасть, ...	сам слезу утирает.
4. Кто детям потакает, ...	от того и наберешься.
5. Не силой дерутся, ...	не выбирает.
6. С кем поведешься, ...	а умением.
7. Не все то золото, ...	считают.
8. Цыплят по осени ...	что блесит.

1 уровень: найдите слова с орфограммой, обозначьте ее графически.

2 уровень: составьте пословицы, найдите в них слова с изучаемой орфограммой и обозначьте ее графически.

В УЭ «Рефлексия» используем смайлики как форму самооценки учебной деятельности. Предлагаем учащимся определить, насколько глубоко они усвоили новый материал: улыбающийся – хорошо, нейтральный – недостаточно глубоко, грустный – плохо.

Таким образом, на одном уроке русского языка можно успешно использовать различные средства наглядности, понимая, что они могут принести пользу только в том случае, если органически связаны с содержанием урока. Приступая к использованию средств наглядности, следует осознавать цель использования того или иного вида наглядности, определить, на каком этапе урока ее можно использовать. По завершении урока следует определить результативность использования разных видов наглядности.

Список использованной литературы

1. Самойлова, С. В. Реализация принципа наглядности в процессе обучения детей [Электронный ресурс] / С. В. Самойлова. – Режим доступа: [https:// nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskietekhnologii/2013/-04/23/realizatsiya-printsipa-naglyadnosti](https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskietekhnologii/2013/-04/23/realizatsiya-printsipa-naglyadnosti). – Дата доступа: 25.05.2018.

2. Русский язык : учеб. для 5 кл. учреждений общ. сред. образования. с белорус. и рус. яз. обучения. : в 2 ч. – 2-е изд. – Минск : Нац. ин-т образования, 2014. – Ч. 2.

3. Гребенюк, О. С. Теория обучения / О. С. Гребенюк, Т. Б. Гребенюк. – М., 2003. – 384 с.

4. Урок «Чередование -е/-и в корне слова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=9XQb8UyKsHk>. – Дата доступа: 15.06.2018.

В. Костюченко

Белорусский государственный университет
(г. Минск, Беларусь)

МОДАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ СЕТЕВЫХ ТОК-ШОУ

Риторические вопросы как максимально модально маркированный класс вопросов. Состав текстов и их источники. Задачи исследования. Вопросительные высказывания обладают разной степенью модальной маркированности. Можно выделить прямой вопрос, основное иллокутивное предназначение которого запрос информации. Степень модальной нагруженности в этом виде вопросов минимальна. В «Русской грамматике» под редакцией Н.Ю. Шведовой это значение выступает как первичная функция вопросов. Н.И. Голубкина-Монаткина называет такие вопросительные высказывания собственно-вопросы и противопоставляет их несобственно-вопросам, которые не направлены на получение интересующей говорящего информации, а передают разные модальные оттенки: эмоциональную оценку, совет, предположение, выполняют контактоустанавливающую функцию [1]. Эти вопросительные конструкции наиболее модально окрашены, однако степень их маркированности в зависимости от иллокуции и прагматического контекста отличается. Проблематика данной статьи сосредоточена на вопросительных высказываниях, которые обладают максимальным градусом модальной маркированности, – риторическом вопросе. Риторический вопрос представляет высказывание, вопросительное только по форме, а не по существу, то есть в риторическом вопросе обнаруживается противоречие «между формой (вопросительная структура) и содержанием (значение сообщения)» [2, с. 423]. Это противоречие часто устанавливается по принципу утвердительность-отрицательность. Так, предложения, отрицательные по форме, передают утвердительное сообщение, а предложения с утвердительной формой имеют значение отрицаний. Сообщение в риторических вопросах всегда связано с выражением различных эмоционально-экспрессивных значений, часто возникает как эмоциональная реакция протеста. Для правильного понимания риторического вопроса особую роль играет интонация и контекст, в который включено вопросительное высказывание. Для исследования методом сплошной выборки были отобраны 8 фрагментов сетевых ток-шоу в русском и английском языках (объем одного фрагмента 1 000 слов). Все участники ток-шоу являются актерами. Исследованные ток-шоу не касаются острых социальных и политических тем, имеют средний градус дискуссии. В работе приведена классификация вопросов по степени модальной насыщенности, определено

их соотношение в русских и английских сетевых ток-шоу, выявлены основные модальные значения риторического вопроса в русском и английском материале, представлено их количественное и процентное соотношение в исследуемых интернет-текстах, выявлены сходства и отличия в употреблении и разнообразии модальных значений риторического вопроса между сетевыми английскими и русскими ток-шоу.

Основные модальные значения риторического вопроса в русских и английских сетевых ток-шоу. Таким образом, в ходе исследования были выделены собственно-вопросы (запрос информации) и их прагматические модификации (модально маркированные вопросы). В таблице 1 показано количественное и процентное соотношение прямых вопросов (собственно-вопросы) и модально маркированных вопросительных конструкций.

Таблица 1 – Количественная и процентная представленность прямых и модально маркированных вопросов

Классы вопросительных высказываний	Ток-шоу на русском языке		Ток-шоу на английском языке	
	с/у	%	с/у	%
Прямой вопрос	87	71	60	88
Модально маркированный вопрос	36	29	8	12
Всего	123	100	68	100

В целом вопросительные конструкции преобладают в русском материале. Риторический вопрос составляет 18 % (22 словоупотребления (далее – с/у)) в русских ток-шоу, и 4,4 % (3 с/у) в английских ток-шоу среди всех выявленных вопросов. В таблице 2 представлена продуктивность риторического вопроса среди других выявленных в исследовании разновидностей несобственно-вопросов (модально маркированных).

Таблица 2 – Количественное и процентное соотношение риторического вопроса среди модально маркированных вопросительных высказываний

Ток-шоу	Несобственно-вопросы			Всего
	Риторический вопрос	Самовопрос	Предположение (предложение)	
на русском языке	22 (61 %)	12 (33 %)	2 (6 %)	36 (100 %)
на английском языке	3 (37,5 %)	5 (62,5 %)	–	8 (100 %)

В русском материале по сравнению с английским значительно шире представлен риторический вопрос и другие вопросы с ярко выраженной модальной семантикой. Риторический вопрос выступает в следующих модальных значениях: выражает недовольство, неодобрение (*А нафига?* [Сигл]; *Why do people want to know?* ‘Почему люди хотят знать?’ [Carl]); возмущение, укор (*Вот советский, значит они сразу же подчеркнули мой возраст. Вот как это может быть?*; *Ну как это так?* [Сигл]), констатацию противоположного положения дел (*А как вы можете судить вам не нравится, я ничего не видела?* [Сигл] ‘вы не можете судить’; *Кому ты там нужен с русским акцентом?* [Ходч] ‘никому не нужен’; *Because what can you say?* ‘Потому что что ты можешь сказать’ [Carl]), эмоциональную оценку говорящим ситуации (*Знаете, а что это наш-то певич не прошел?* [Сигл]), побуждение к действию (*Что же вы ходите на плохие?* ‘ходите на хорошее’; *Ну почему же вы все про плохое говорите?* [Сигл] ‘не говорите про плохое’; *Don't you want to go into movie and like not know how they did it?* ‘А почему бы им не пойти в кино, не зная, как все происходило?’ [Carl]). Следует отметить, что риторический вопрос в русском материале направлен на собеседника, что увеличивает его эмоциональную нагруженность, в то время как в английском материале он ориентирован не на собеседника, а на потенциальную аудиторию, то есть на всех, что свидетельствует о разной степени эмоциональной напряженности английских и русских ток-шоу.

Сходства и отличия в употреблении модальных значений риторического вопроса в рассмотренных интернет-текстах. Выводы: 1. Риторический вопрос выступает как наиболее модально маркированная разновидность несобственно-вопросов. Назначение риторического вопроса – привлечь внимание, усилить впечатление, оказать воздействие на собеседника, повысить эмоциональный тон коммуникации, побудить адресата к активной реакции. 2. В русском материале риторический вопрос значительно преобладает по сравнению с английским материалом (в 2,4 раза больше) и выступает в следующих модальных значениях: недовольство, укор, возмущение, эмоциональная оценка, констатация противоположного положения дел, побуждение. 3. В отличие от русского материала риторический вопрос в английских ток-шоу представлен очень слабо, в основном в значении побуждения (причем побуждение смягченное), что подчеркивает более мягкий характер коммуникации, стремление к позитивной коммуникации, а также свидетельствует о меньшей степени открытости в выражении эмоций. 4. Полученные результаты подчеркивают необходимость рассмотрения категории модальности с учётом лингвокультурологического компонента.

Список использованной литературы

1. Голубева-Монаткина, Н. И. Вопросы и ответы диалогической речи: классификационное исследование / Н. И. Голубева-Монаткина. – 2-е изд. – М. : URSS, 2013. – 199 с.

2. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Н. Ю. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл. : Дрофа, 1997. – 703 с.

Список условных сокращений

Сигл – Шоу Парк КиО [В гостях Анна Сигалова и Дмитрий Бертман] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=4yI2QEDWgE0>. – Дата доступа: 03.11. 2017.

Carl – Actors on Actors: Steve Carell and Rooney Mara [ток-шоу «Актеры об актерах», участники Стив Кэрелл и Патриция Руни Мара] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Lk4fQLLs-tA>. – Дата доступа: 22.02. 2017.

Л. Косяк

Дальневосточный федеральный университет, Школа педагогики
(г. Уссурийск, Россия)

АРХЕТИП СЛОВА В ПОВЕСТИ М.А. ТАРКОВСКОГО «ПОЛЕТ СОВЫ»

Понятие архетипа встречается в разных отраслях науки, в том числе и в литературоведении. Как отмечает Е.М. Лулудова, данный термин пришел из позднеантичной философии Платона, был заимствован швейцарским ученым К.Г. Юнгом, который вкладывал в понятие архетипа «концентрированный человеческий опыт (наклонности..., традиции..., типичные жизненные ситуации...) и усредненную картину психической жизни [2]. Архетипы заложены в психике и реализуются, обнажая себя, «в разных формах духовной деятельности, более всего в ритуале и мифе» [1].

Авторы русской классической литературы XIX в., продолжателем традиций которой является М.А. Тарковский, в отличие от западных писателей, «претендуют на более широкий охват мировоззренческих проблем, на охват, сравнимый с мифологическим масштабом архетипов» [3, с. 75], что проявляется, по мнению Е.М. Мелетинского, в следующем: 1) трансформация традиционных архетипов в истории русской литературы и выражение в разной количественно-качественной характеристике; 2) трансформация «мифологического демонизма в окрашенный конфессионально и национально» – «демонический архетип трансформируется в эпического врага – иноверного и инационального в «Тарасе Бульбе» Гоголя [3, с. 85]; сужении космического до социального и индивидуального, фиксации «распада «эпической» общности людей, в выделении и отчуждении личности, представшей в образе маленького человека» в творчестве Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. Демонический архетип реализуется в образах инородцев, конфликт – в противостоянии «своего» («русского космоса») мира «чужому» (западному) «хаосу»: «только в России сохранилась «почва», а с нею Бог и возможность добра, возможность победы космоса над хаосом» [3, с. 104].

Данная традиция трансформации архетипа противостояния хаоса и космоса, «своего» и «чужого» мира, только теперь на национальном уровне находит отражение в повести М.А. Тарковского «Полет совы», главный герой которой С. Скурихин представляет собой трансформацию архетипа культурного героя, отправившегося не традиционно за «девицей», «волшебным предметом», а за познанием с одной стороны (*«И вот я тут и думаю, что значит быть русским, и насколько я достоин этого звания»*), и поиском самого себя – с другой (трансформация архетипа двойника). Архетип культурного героя повести «Полет совы» представлен борющимся с системой за идеи нравственного воспитания школьников, т. е. за русскую душу, хранящуюся в детях, за «свой» («русский») мир вообще, с «чужим» (западным) миром, трансформировавшимся здесь не в образах иноверцев, как в «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя, а в героях, признаваемых «своими-чужими» (новая категория) [3, с. 96]. В этом и заключается трагизм произведения: притаившаяся угроза для «русского космоса» осознается культурным героем не вне пространства «своего» мира, а внутри него.

Средством борьбы культурного героя с демоническим началом в традиционной архетипической структуре являются волшебные предметы. В повести они находят форму выражения в СЛОВЕ как элементе «своего» космоса, так и «чужого», причем различие «своего» слова и «чужого» в повести строго разграничивается, что отражается и на стилистическом уровне: *«То ли цепь растянулась, то ли ослаб какой-нибудь натяжитель или успокоитель. Словечки, конечно, расчудесные, но лучше чем всякие “иммобилайзеры”»* [4, с. 3–4].

Мы придерживаемся мнения Мелетинского о том, что архетип – не единица-образ, а «микросюжет, содержащий предикат (действие), агенса, пациенса и несущий более или менее самостоятельный и достаточно глубинный смысл» [3, с. 97]. Так, материалом нашего исследования будет событие, мотив использования, бытования СЛОВА. Архетип СЛОВА встречается в тексте на разных уровнях, трансформируясь, раскалываясь на мотивы и элементы. Так, взаимодействие с естественным началом «своего (русского)» мира реализуется героем в форме «разговора» с природой, которого его существу так не хватает в начале повести: *«Правда, разговора с природой еще не случилось, и моя мечта прокатиться на долбленой лодке по озеру остается мечтой...»* [4, с. 3].

Архетип слова «своего» мира представлен в номинации содержания «русского космоса», его представителей, что выделяется по-особенному, в позитивном свете. Так, дети как носители «зерна» «русского света», которых стремится защитить герой, названы следующим образом: *«Школьников здесь домашние называют учениками... “Галя, угольник не видала? Ученики куда-то утащили”. Слово он произнес с особой ноткой – “ученики” предстали как некая веселая и беспорядочная сила»* [4, с. 5].

А слово «*щеляется*», также принадлежащее ученику Коле, представляется как своего рода заклинание, имеющее невероятную силу, волшебное: *«И в этом “щеляется” столько же одобрения и восхищения чуркой, живущей своей таинственной и справедливой жизнью, сколько и моего убывающего авторитета. То же самое происходит с засасыванием бензина из бочки или завязыванием узла, разновидность которого я еще сам путем не выучил»* [4, с. 9].

Номинация «ученики» имеет символическое звучание – «последователи», они мыслятся как будущее всего «своего» мира. Затем в повести они переходят в подверженных опасности «переучения» «чужим» «словом» и угрозу уничтожения «своего» мира изнутри опять же с помощью «слова».

Формация «своего» слова в образ «литературы», всеобъемлющего хранилища наследия «русского мира» представлена с начала повести и осмысливается Скурихиным как основа, из которой он черпает силы для противодействия «чужому» миру: *«Мое решение работать именно в таком месте, кроме желания набраться силы и разгладить душу простором, было вызвано желанием отпиться этим взваром незыблемости, вековечно питавшим нашу литературу»* [4].

Образ русской литературы представлен, наравне с образом жизни, как познание и всеильная стихия: *«И понимаешь, насколько всеильна эта жизнь, мокрая, снежная, ветреная – когда обхватывает, облегает, пронзает, едва вышел из теплого класса на школьное крыльцо. И когда дождь и тьма дышит... Хотя конечно есть вещи, которые не меркнут. Это русская литература»* [4, с. 6].

Герой в противостоянии «чужому» миру использует литературу, он убежден, что только так, с помощью языка «своего (русского)» мира, можно бороться и победить:

«Как же не любить после этого русскую литературу! Прибежище наше, силу которого супостаты в полной мере не понимают, хоть и подбираются. Слово наши классики заранее заложили укрепрайоны по всем направлениям. И их огневая светоносная мощь автоматически крушит любую установку противника. Успешность – на тебе “Портрет”, безбожие – на “Карамазовых” и “Лето Господне”, толерантность – на Бунина, вообще лезешь – на Тараса!» [4, с. 9]

При этом ярко прослеживается изображение «своего» мира в фоне естественного начала, тогда как «чужой» мир представлен с другой стороны: *«столичное чиновничество» «путём бюрократизации образования, подмены дела разговорами об «инновациях»* [4, с. 7]. «Разговоры» выступают в иной роли в отличие от начала произведения. Здесь слово принадлежит враждебному миру и соотносимо с мотивом заговоров, заклинания, с помощью которых пленяется человек.

Слова «чужого» мира вызывают у героя мучения и на физиологическом, и на духовном уровнях, доводя героя, ослабевшего от мировоззренческого противостояния «чужому» слову и «чужим-своим», до болезни: *«...внутри моей головы, с обратной стороны... лобовины ...крышка начинает отделяться, отслаиваться, появляется двойное чувство черепа, будто там две пластины и меж них проливается горячая жидкость и постепенно опоясывает всю голову. Проливается, жжёт, и врезается в мозг, как петля из троса... Это происходит, когда я слышу некоторые слова, например, “успешность” и “толерантность”»* [4, с. 4].

Другая, скрытая форма выражения архетипа «слова» видится нам на стилистическом уровне всего художественного текста – это отражение культурного кода в метких единицах, представляющихся как «ритуальные, заклинающие, защитные» слова, использующиеся героем в тексте: «тальник», «чернолесье», «самопоглощаются», «дак» и др.

Далее он усугубляется появлением амбивалентных образов (например, В.И. Степановой, Лидии), в речи которых отмечает герой использование слов и «чужого», и «своего» мира. Архетип слова отражается в обобщенном образе языка «своего» и «чужого»: *«– Мы все знаем, в каком положении Россия. И что любой язык – это носитель национального. И что английский язык, носитель англо-саксонского национального духа, начал небывало теснить наш родной русский, а с ним и те ценности, которыми наша цивилизация жила столетиями...»* [4, с. 11].

Кроме этого, архетип «слова» как «чудесного» элемента двух противодействующих миров трансформируется у М.А. Тарковского в молитву, являющуюся таким же «своим» словом, но обладающим еще большей силой, спасающую героя в период тяжелой внутренней борьбы и болезни.

Мелетинский отмечает, что ни Достоевскому, ни Гоголю не удалось изобразить процесс гармонизации (просветления, космизации) во времени, а все люди, даже культурные герои, у них предстают источниками социального хаоса [3, с. 99]. По нашему мнению, М.А. Тарковский создает трансформацию культурного героя в виде активного, выбирающего путь созидания, познания, тогда как герои Достоевского только приходят к этому в финале. Примирение Скурихина со «своим миром», вера в него, борьба, стремление любыми силами его гармонизировать ведет героя к болезни, а затем к просветлению и внутренней гармонизации. Такое «успокоение» отражается в финале в форме преобладающего чувства персонажа – в наполненности силами «русского мира», которую он ощущает, и прошедшее понимание, мудрость, что все возможно изменить именно созиданием и тяжелым трудом. Как хаос «внутренний» и «наружный», внутри личности и в масштабах мира, переплетался между собой, так и в финале переплетается космизация «внешняя» и «личная».

Итак, наше исследование показало, как традиционные архетипы, архетипические мотивы трансформируются и преломляются в современной русской литературе, в частности в произведении «Полет совы» М.А. Тарковского. Основной архетипической фигурой, как и в произведениях русских писателей XIX в., остается культурный герой, а архетипическим мотивом – борьба с демоническими силами, представленная в форме конфликта «своего (русского)» и «чужого (западного)» миров, воплощенного в творчестве писателя, прежде всего, в архетипе «слово».

Список использованной литературы

1. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Л. В. Чернец [и др.] ; под ред. Л. В. Чернец. – М. : Высш. шк. : Академия, 1999. – 556 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/1583956/>. – Дата доступа: 15.04.2018.
2. Лулудова, Е. М. Архетип как литературоведческая категория [Электронный ресурс] / Е. М. Лулудова. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/28176058-E-m-luludova-arhetip-kak-literaturovedcheskaya-kategoriya.html>. – Дата доступа: 20.04.2018.
3. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах [Электронный ресурс] / Е. М. Мелетинский ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 1994. – 136 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/1424811/>. – Дата доступа: 04.05.2018.
4. Тарковский, М. А. Полет совы [Электронный ресурс] / М. А. Тарковский. – Режим доступа: <http://www.nash-sovremennik.ru/main.php?m=num&y=2016&n=8>. – Дата доступа: 11.05.2018.

Д. Кот

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ И ПРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ»

Повесть «Ася» написана в 1858 г. в Германии, в городе Зинцег-на-Рейне. Это была тяжелая пора крепостного права. Чутко относясь к веяниям эпохи, И.С. Тургенев ясно понимал, что тогдашнюю молодежь интересуют вопросы о том, к чему нужно стремиться, как жить и какие цели перед собой ставить. Если же его современник Н.Г. Чернышевский определенно и явственно видел, «что делать», то И.С. Тургенев не видел так отчетливо будущее своей родины. Свою эпоху писатель рассматривал как «переходное время», исполненное постоянной тревогой и стремлением к лучшему.

По признанию самого И.С. Тургенева сюжет повести ему подсказала увиденная в Германии мимолетная картина из окна дома: на первом этаже выглядывает пожилая женщина, а в окне второго этажа виднеется силуэт молодой девушки. Писатель, раздумывая над увиденным, придумывает возможную судьбу для этих людей. Так создается повесть «Ася». Основа «Аси» взята из биографического факта, дорогого самому автору.

Тематика произведения разнообразна. В повести «Ася» рассматривается несколько тем и все они важные. Но все же главенствующей является тема любви – любви загадочной и отторженной. Автор затрагиваются темы и вопросы главным образом психологического характера, ведь И.С. Тургенева увлекла история неудачной любви, ее последствия. Его часто посещали и волновали мысли о первой любви и ее значении в жизни человека. И.С. Тургенев был уверен, что первая любовь – это лучшее чувство, которое было в молодости и очень важно не пройти мимо счастья, не ошибиться. Так в «Асе» писатель развивает тему трагического смысла любви. «Нет, любовь есть одна из тех страстей, которая надламывает наше “я”, заставляет как бы забывать о себе и своих интересах» – говорил И.С. Тургенев. Трагическое значение любви, считает писатель, в том, что не все справляются и проходят эту проверку чувств. Один непритворно и душевно любит, а другой не сумел этого сделать. Это случилось и с главными героями повести «Ася»: девушке кажется, что у нее будто выросли крылья и теперь она может подняться ввысь, подобно птице. Она готова совершать трудные подвиги. Крылья у Аси выросли, но лететь ей было некуда. Н. Н. не смог пройти испытание любовью, а сама Ася Гагина не выдерживает такого огорчения и уезжает навсегда.

Следующая, не менее важная тема, которую рассматривает автор, – тема «лишнего человека». Главный герой господин Н. Н. не может найти себя, свое место в этом мире. Тургенев показывает нам его несостоятельность, его мягкость и неуверенность в себе. Он не может совершить «переход от жизни мечтательной к жизни действительной». Мы, таким образом, видим разлад между словом и делом. Н. Н. не в силах не только определить свое «я», наладить свое будущее, но он вовсе не готов бороться за свое счастье, свою любовь. Он колеблется, боится этого пристрастия и влечения, но одновременно замечает за собой слабость и склонность к Анне, поэтому главный герой уходит от этого чувства и избегает возможной влюбленности. Это в итоге делает его «лишним человеком», показывает его дряблость, испуганность и сомнение. Повесть «Ася» послужила поводом к созданию Н.Г. Чернышевским статьи «Русский человек на rendez-vous» (1858). В ней Чернышевский решительно критикует главного героя и в целом всю дворянскую интеллигенцию. Для критика господин Н. Н. – это слабовольный, бегущий от трудностей жизни «лишний человек». Эта фигура, по его мнению, является типичным представителем духовно и нравственно обедневшей дворянской интеллигенции.

Для своей повести Иван Сергеевич Тургенев выбирает также и тему семьи. Автор описывает тягостные жизненные положения и ситуации, в которых необходима поддержка и опора своего человека. Таким человеком для Аси был ее брат Гагин. У них были очень близкие и душевные отношения. Гагин знает, что она необычная, незаурядная и загадочная особа. Он старается оградить ее от несчастий, драм жизни

и злых взглядов. Это, как считал сам Гагин, являлось его долгом. Анна заявляет: «Я никого не хочу любить, кроме тебя, нет, нет, одного тебя я хочу любить – и навсегда» [1, с. 26]. Она же безмерно любила Гагина, и эти слова позволяют в это верить. И.С. Тургенев отмечает превосходство таких родственных отношений и семейных ценностей.

В повести получила развитие тема тоски по Родине. Вся повесть проникнута тоскливым, меланхолическим настроением главного героя, который живет воспоминаниями о том времени, когда он был молод и влюблен. Эти воспоминания дороги для героя. Они остаются в памяти на всю дальнейшую жизнь.

Широк также круг проблем, которые интересуют автора. Первая проблема, которую затрагивает автор, – это проблема нравственного выбора. Она очень актуальна, ведь каждый из нас в определенные моменты становится перед выбором. Перед главным героем встают проблемы, которые необходимо решать, и он должен делать какой-либо выбор. И зачастую такой выбор бывает нелегким и требует больших усилий над собой. Господин Н. Н. не знает, как ему следует поступить, он только и делает, что думает об этом. Герой взвешивает все «за» и «против». Он не уверен в том, что сможет нести ответственность за Анну, оберегать ее всю дальнейшую жизнь. Она для него все еще юное создание, у которого есть какая-то «тайна» внутри. Н. Н. не уверен, что сможет ее разгадать. Он не говорит самое важное, заветное слово «люблю», которое так хотела услышать Ася. Это и был его нравственный выбор, о котором он в скором времени пожалел, ведь он стал жизненно важным. Здесь одновременно раскрывается и проблема страха, нерешительности.

Писатель также не оставил без внимания проблему чувства и долга. Эти два понятия противостоят друг другу. Анна влюблена в Н. Н., и любовь порождает в ней стремление сделать свою жизнь осмысленной. Она становится смелой, уверенной, сильной духом девушкой. Внутри нее рождается и зреет первая любовь. Ася безгранично полюбила человека, с которым она была едва знакома, всего-то несколько дней. Тургенев показывает, как страсть и увлечение побеждают все, и уже вольная, решительная Ася готова отдать все и саму себя. Никак не ожидая того, что ее возлюбленный сомневается и будет упрекать ее, она понимает, что он не уверен в своих чувствах. Теперь для Анны чувство собственного достоинства становится превыше такой любви и ее чувств. Сердце велит ей покинуть немецкий городок, убежать от своей любви и искать уединения. В этом ее полностью поддерживает Гагин. Через эту борьбу между чувством и гордостью мы видим, как меняются люди и ломаются их судьбы.

И.С. Тургенев также рассмотрел проблему переходного возраста. Именно в этом состоянии, в таком возрасте показана главная героиня Ася. Это время, когда она принимает все близко к сердцу, поддается влиянию

окружающих ее людей. Она испытывает депрессию, пытается закрыть глаза на все проблемы. Вначале повести Ася показана еще девочкой: «Девушка, которую он назвал своей сестрой, с первого взгляда показалась мне очень милостивой. Было что-то свое, особенное в складе ее смугловатого круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щечками и черными, светлыми глазами. Она была грациозно сложена, но как будто не вполне еще развита» [1, с. 13]. На последних страницах произведения автор изобразил взрослую, непреклонную девушку, которая уже многое понимает, перед которой открылся мир взрослой жизни, и теперь она сама способна принимать решения.

Это основные проблемы, которые поднимает и рассматривает автор. Безусловно, все они являются жизненно важными.

И.С. Тургенев также выражает в своей повести и основную мысль. Нужно помнить, что помимо нашей мечтательности, наших надежд и желаний всегда есть суровая правда жизни, которая все расставит по своим местам, как бы мы ни проявляли старание. Так и героиня повести хочет любить и быть любимой. Но это не случится с ней в данный момент ее жизни, в этом городе и с ее избранником, ведь он не готов к этому. Жизнь разводит в разные стороны господина Н. Н. и Асю с ее разбитым сердцем. Но главный герой не просто отказывается от своего счастья, вскоре он понимает, что упустил ту самую любовь своей жизни. Н. Н. осознает главное: «У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее – и то не день, а мгновение» [1, с. 49].

Таким образом, «Ася» – повесть о первой любви. Основная тема могла бы быть сформулирована словами пушкинской Татьяны: «А счастье было так возможно, так близко». Это одна из значимых тем в творчестве Тургенева и особенно в повести «Ася», которая популярна и в наше время.

Список использованной литературы

1. Тургенев, И. С. Первая любовь. Повести / И. С. Тургенев. – М. : Дет. лит., 1973. – 110 с.

А. Кудельникова

Смоленский государственный университет
(г. Смоленск, Россия)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ

В конце XX – начале XXI в. в рамках лингвокультурологии возник интерес к исследованию лингвокультурного типажа, т. е. обобщенного типа личности, обладающего узнаваемыми характеристиками поведения.

Лингвокультурный типаж, отмечают лингвисты, способен определять поведение представителей той или иной культуры [1, с. 310].

Объектом нашего исследования является типаж современного учителя. Предмет изучения – позиционирование данного типажа в русском языковом сознании. Представление об учителе существует в сознании носителей современного русского языка и конкретизируется определенными характеристиками (речевыми, оценочными и др.).

В данной статье мы рассматриваем лингвокультурный типаж «учитель», используя представления носителей языка о данном типаже, полученные методами анкетирования и ассоциативного эксперимента. Для составления языкового портрета учителя мы провели анкетирование среди молодых педагогов и педагогов со стажем.

В анкете приводился ряд вопросов: «Какие слова Вы используете, когда хотите похвалить ученика?», «Какими словами Вы пользуетесь, когда оказываете поддержку?», «Приведите примеры слов/выражений, которые Вы употребляете, когда выражаете гордость за ученика», «Какие слова Вы употребляете, когда выражаете свое беспокойство?», «Какие слова Вы используете, когда хотите выразить свое недовольство (по отношению к ученикам)?», «Существует ли определенный набор фраз, которым пользуются учителя?». На вопрос о том, как должен выглядеть педагог, респонденты дали следующие ответы: учитель должен одеваться аккуратно, строго, но со вкусом, без лишних аксессуаров. Стоит отметить, что наиболее важным аспектом, по мнению опрошенных, является доброжелательность учителя. В образе педагога ключевую роль играет его отношение к деятельности и ученикам.

Для выражения похвалы учителя используют такие слова и фразы, как «*молодец*», «*умница*», «*прекрасно*», «*хороший ответ*», «*отлично*», «*здорово*», «*отлично выполнил работу*», «*ты превзошел всех*», «*гений*». Данные слова выражают оценку действия ученика, подчеркивают правильность выполнения задания. Для того чтобы оказать поддержку, учителя используют следующие выражения: «*ты справишься*», «*у тебя все получится*», «*сосредоточься*», «*ты все знаешь*», «*будь уверенным в себе*», «*давай разберемся вместе*», «*обращайся, если нужна помощь*», а также глаголы с отрицательной частицей «*не*» («*не бойся*», «*не волнуйся*», «*не переживай*», «*не сдавайся*»). Использование данных слов свидетельствует о том, что педагоги стремятся мотивировать ученика на дальнейшую деятельность, а также демонстрируют, что готовы оказать помощь в случае необходимости. Использование слов с отрицательной частицей говорит о некоем ограничении действий, которые ученик совершать не должен.

Слова, позволяющие педагогам выразить гордость за ученика, в большинстве случаев связаны с лексемой «*пример*» («*с тебя нужно*

брать пример», «ты хороший *пример* для ребят» и др.). В некоторых ситуациях учителя используют выражения, касающиеся чувственного восприятия («горжусь тобой», «рад(а) за тебя», «приятно наблюдать за твоими успехами» и др.).

В случае недовольства используются следующие выражения: «я ожидал(а) от тебя большего», «я недовольна тобой», «твои поступки огорчают меня», «подумай над своим поведением», «мне очень стыдно за тебя», «воспитанные люди себя так не ведут», «ты совсем не хочешь думать» и др. С целью неодобрения действий ученика педагоги склонны использовать такие слова, как «лентяй», «неуч», «бездарь» и др. Однако частое употребление данных лексем способствует тому, что ученик начинает искать в себе то или иное названное качество. Это может сильнее всего повлиять на его самооценку, а в дальнейшем и на определение жизненного пути.

Мы рассмотрели наиболее характерные ситуации, в которых учитель выражает свое отношение к ученикам. Это позволило определить роль речевого поведения педагога в формировании личности ребенка. Любое сказанное слово учителя способно оказать влияние на действия ученика и его мысли.

Языковой портрет педагога включает в себя набор определенных выражений, который используется учителями в различных ситуациях (в случаях беспокойства, волнения за ученика, радости, гордости и др.). Каждая группа слов свидетельствует о том, что учитель всегда стремится дать оценку поступкам ученика и каким-либо образом повлиять на его действия. Это ключевая фигура, от поведения которой (в том числе, речевого) зависит будущее молодого поколения.

Список использованной литературы

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

С. Кузнецова

Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского
(г. Брянск, Россия)

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ А.К. ТОЛСТОГО И Ф.И. ТЮТЧЕВА (НА ОСНОВЕ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ)

В отличие от психологического объяснения термина личности, языковая личность (далее – ЯЛ) – понятие довольно неоднозначное. По мнению Е.В. Иванцовой, «языковая личность – это личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах» [1, с. 10].

В данной статье мы проведем анализ ЯЛ А.К. Толстого и Ф.И. Тютчева, основанный на их эпистолярном наследии.

На основе изучения языка и содержания эпистолярия мы выделили два основных направления, согласно которым будем сопоставлять ЯЛ поэтов: 1) государственная деятельность, политические взгляды; 2) отношение к искусству.

В эпоху Российской империи государственная деятельность являлась главным источником дохода дворянства. Однако отношение к такому роду деятельности было неординарным. Известно, что А.К. Толстой находился на государственной службе, однако этот вид деятельности его тяготил и он ушел в отставку в 1861 г. в чине егермейстера. В своих письмах к жене и друзьям А.К. Толстой неоднократно упоминал, что служить своей стране таким образом он не может. А.К. Толстой был ярким противником государственной службы. *«Я не чиновник, а художник»*, – писал граф своей жене. Прося отставки у императора Александра II, А.К. Толстой пишет следующее: *«Государь, служба, какова бы она не была, глубоко противна моей натуре; знаю, что каждый должен в меру своих сил приносить пользу отечеству, но есть разные способы приносить пользу. Путь, указанный мне для этого провидением, – мое литературное дарование, и всякий иной путь для меня невозможен»* [2].

Такое неприятие государственной службы объясняется романтичностью и утонченностью натуры А.К. Толстого, жизнь которого была направлена главным образом на искусство. Однако стоит отметить тот факт, что поэт сам участвовал в военных действиях во время Крымской войны 1855 г., что также описывал в своих письмах.

Напротив, ЯЛ Ф.И. Тютчева репрезентирует постоянный анализ политической обстановки в Европе и России, оценку внешнеполитических событий, характеристики дипломатов и общественных деятелей того времени: *«Но что мне особенно приятно, это прием, какой он оказал моим мыслям относительно известного вам проекта, и готовность отстаивать их перед Государем, ибо на другой день после того, как я их ему изложил, он воспользовался последним своим свиданием с Государем перед его отъездом и довел их до его сведения. Он заверил меня, что мои мысли были восприняты весьма благосклонно и что можно надеяться, что им будет дан ход... Здесь в дипломатическом корпусе произошли некоторые перемены. Новые австрийский, английский и вюртембергский посланники... В иностранной же политике, почти никого здесь не занимающей, наиболее заметное сейчас явление – католическое движение в Германии, которое сильно будоражит и волнует...»* [3].

Ф.И. Тютчев в своем эпистолярном наследии не просто описывает события политической жизни – он остро переживает за судьбу Отечества. В письме к А.И. Георгиевскому поэт пишет: *«Мы здесь до сих пор ... все хлопотали и продолжаем хлопотать о мире, – но чем для нас будет этот*

мир, того мы понять не в состоянии. Во всяком случае, не мы при данных обстоятельствах оправдаем евангельское слово о миротворцах. Австрия, завершая все свои предыдущие позоры, решилась пойти в кабалу к Наполеону с тем только, чтобы заставить и враждующие с нею державы также закабалить себя у него» [3].

Если для Ф.И. Тютчева главным родом деятельности стала государственная служба, то для графа А.К. Толстого важнейшим явлением в жизни было искусство. Ядром ЯЛ А.К. Толстого является Толстой-литератор и Толстой-теоретик искусства. С раннего детства поэт был приучен к искусству, эстетике. В письме к А. Губернатиусу он пишет: *«...я всегда испытывал неодолимое влечение к искусству вообще, во всех его проявлениях» [2].* Именно ради искусства А.К. Толстой покидает государственную службу, т. к. в его понимании эти два занятия были несовместимы: *«Я думал тогда, что мне удастся победить в себе натуру художника... Служба и искусство несовместимы...»* (из письма Александру II). А.К. Толстой постоянно описывает в письмах свою творческую деятельность, обсуждает с друзьями и издателями процесс создания произведения, особенности персонажей и процесс постановки пьес на сцене.

Для Ф.И. Тютчева творческая деятельность была не основной, но являлась некоторого рода отдушиной для страдающего за свою родину поэта. Ф.И. Тютчев писал много стихов, которые являлись выражением его философских мыслей по поводу судьбы Отечества. Порой поэт дает советы в плане стихосложения друзьям: *«Хорошенько сообразив все, я полагаю, что лучше будет в стихе: “И нет конца твоим стрелам” – поставить так: “И счету нет твоим стрелам”, по той причине, что конец стрел может, пожалуй, означать острие стрел, и в таком случае фраза оказалась бы несколько двусмысленной...»* (из письма П.А. Вяземскому) [3]. В другом письме к Ф.И. Глинке поэт дает краткую характеристику современной ему литературе и языку: *«Стихи ваши, как и все ваши стихи, я читал с особенным наслаждением. В вас русский язык живет и дышит. Между тем как почти для всей нашей современной литературы он сделался каким-то мертвым, переводным языком – для чего бы вам их не напечатать?..»* [3].

Таким образом, при сравнении ЯЛ двух поэтов можно выделить два основных и наиболее ярких дифференцирующих критерия: отношение к государственной деятельности и отношение к искусству. Рассматривая ЯЛ поэтов с точки зрения отношения к этим двум видам деятельности, можно сделать вывод, что А.К. Толстой не выносил государственной службы и служением Родине считал свое занятие искусством, которое стало смыслом его жизни. Ф.И. Тютчев же, напротив, считал служение Отечеству на государственной должности основным своим родом деятельности, а в поэзии выражал мудрость жизни, приобретаемую в повседневности.

Список использованной литературы

1. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
2. Толстой, А. К. Собрание сочинений в 4 томах. Письма / А. К. Толстой. – М. : Худож. лит., 1963–1964. – Т. 4. – 1964. – 583 с.
3. Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений : в 6 т. / Ф. И. Тютчев. – М. : Классика, 2002–2004. – Т. 4 : Письма 1820–1849. – 2004. – 622 с.

Я. Ладутько

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИНЦИПА НОМИНАЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДРУГОМУ ОБЪЕКТУ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ АГРОУСАДЕБ БРЕСТЧИНЫ)

Ономастическое пространство (как категория определенной лингвокультуры в тот или иной период ее истории [1, с. 32]) русского и белорусского языков постоянно расширяется. Так, в последние годы в Беларуси развивается сельский туризм, появляются агроусадьбы, требующие интересных и отражающих местный колорит номинаций. Данные названия (мы отнесли их к эргонимам, т. е. собственным именам деловых объединений людей, включая «союзы, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружки» [2, с. 151]) и стали объектом нашего исследования. Источниками языкового материала послужили сайты *agrusadba.by*, *holiday.by*, *usadba.by* и др.

Названия туристско-рекреационных объектов (ТРО) образуют онимическую подсистему, для которой характерен свой перечень средств онимообразования, мотивировочных признаков и мотивирующих баз. В данной подсистеме сложился специфически ограниченный набор **принципов номинации**, отражающих «повторяющиеся, устойчивые, типичные ... признаки для членов данной группы» [2, с. 94].

Зафиксированные онимы (их более 200) демонстрируют разные принципы номинации, но речь пойдет **об именовании агроусадьбы по отношению к другим объектам** (в нашей выборке таких онимов почти 50 %). Данный тип эргонимов распадается на 6 тематических групп.

1. Отличаются продуктивностью номинации, мотивированы именами населенных пунктов, т. е. **ойконимами** [5, с. 93]; чаще – комонимами (названиями сельских населенных пунктов [5, с. 66]), на территории которых / около которых расположен ТРО: «*Богач*», «*Семисосны*», «*Каташи*», «*Забава*», «*Гортоль*», «*Валута*» (древ. рус. *Велута* / белорус. *Валута*); *агроусадьба в Малорите*, *агроусадьба в д. Ужово* и др.

Отмечены случаи мотивации названий агроусадьб астионимами (именами городов [5, с. 39]): «*Мотольская Венеция*» (жизнь д. *Мотоль*, подобно итальянскому городу, связана с водой: с р. Ясельда и Мотольским озером), «*Империя*» (хозяева ТРО приехали из одноименного города во Франции), «*Брестская*» (именуемый объект находится в г. Бресте) и др.

Имя ТРО может состоять из трансонима либо онимизированного оттопонимического адъектива: а) «*Павлиново*», «*Заболотье*» (д. Полонное *Заболотье*) и др.; б) «*Горновская*» (д. *Горново*), «*Богданная*» (д. *Богданы*), «*Любель Польская*» (д. *Любель-Поль*) и др. В состав эргонимов нередко входят лексеммы и другой семантики – и тем самым вербализуют иные принципы номинации: «*Любяшево-Агро*» (д. *Любяшево*), «*Завышанский рай*» (д. *Завышье*), «*Каменецкое затишье*» (г. *Каменец*) и др.

Отмечены наименования – отойконимные дериваты, образованные суффиксацией и плюрализацией: а) «*Млынок*» (д. *Млыны*), «*Ежонка*» (д. *Ежона*), «*Неплянка*» (д. *Непли*); б) «*Мшанка*» (д. *Мшанки*).

2. Беларусь не случайно называют «синеокой». Многие ТРО находятся на берегах живописных водных объектов. Поэтому номинаторами востребованы номинации, восходящие к гидронимам (названиям озер и рек): а) «*Любань*»; б) «*У реки Льва*», «*Лесная*», «*У Припяти*», «*Возле Щары*»; «*Дубое над Пиной*», «*Избушка на берегу Припяти*», «*Лявониха на Ясельде*», «*Припятский плес*» и др. В четырех последних примерах помимо рассматриваемого (гидрообъект) вербализованы и другие мотивировочные признаки.

Отдельные онимы требуют от адресата определенных фоновых знаний: «*Forest River*» (перевод на англ. номинации *Лесная река*); «*Река Богов*» (так индоевропейцы называли *Асальду*, т. е. нашу *Ясельду*).

3. Онимы, восходящие к **виконимам** (именам улиц [4, с. 179]), носят «адресный» характер и также удачны для запоминания, нахождения агроусадьбы: «*На Заречной улице*» (расположена на одноименной улице у р. Мухавец), «*Речная*» (по ул. *Речная*, на берегу р. Сож.), «*На Сосновке*» (по ул. *Сосновая*, 2, по соседству с *сосновым бором*), «*На ПАРковой*» (ул. *Парковая*, 2, – адрес агроусадьбы; а выделив при помощи заглавных букв компонент *ПАР*, имядатели прибегли к языковой игре и таким образом указали на предоставляемые *банные услуги*).

4. Для анализируемых названий мотивирующими могут выступать **хоронимы** (имена территорий [5, с. 160]): «*Хуторок у Званца*» (расположен около одноименного заказника республиканского значения).

Целая группа онимов связана со старейшим в Беларуси и Европе заповедным лесом: «*Беловежская*», «*Беловежское поместье*», «*Пуцанская*», «*Беловежская гостевая*», «*В Беловежской пуце*» и др.

К *Полесью*, самобытному региону, краю безбрежных болот, отсылают имена собственные «*На просторах Полесья*», «*Полесская жемчужина*», «*Жемчужина Полесья*» и др.

Брестская область граничит с *Польшей*, а раньше, с 1921 по 1939 г., Западная Беларусь входила в ее состав, что нашло отражение в языке, культуре приграничного региона: «*Польский маёнтак*».

Интересен эргоним «*В Царском селе*» (агроусадьба находится в деревне, которая фактически является окраиной г. Пружаны, и этот район города имеет неофициальное название *Царское село*).

5. Рельеф исследуемого региона в основном равнинный, и этим, видимо, объясняется единичность эргонимов, восходящих к **оронимам** (именам положительных элементов рельефа): «*Княжая гора*» (место, где, по преданию, после 1289 г. похоронена княгиня Ольга Романовна).

6. В отличие от рассмотренных эргонимов (мотивирующими для них выступали онимы разных разрядов) имена данной группы образованы от **апеллятивов** – названий объектов, относительно которых указывается месторасположение агроусадьбы: «*На краю сяла*», «*Лесная*» (ТРО расположен у самого *леса*) и др. Мотивирующие существительные входят в состав имени либо как апеллятив, либо как база для онимизированного прилагательного, например: а) «*Домик в саду*», «*Крайняя хата*», «*Домик на окраине*»; б) «*Приграничное*» (рядом – белорусско-польская *граница*).

Ориентирами для именованной агроусадьбы служат реалии: а) ландшафтные: «*Фальварак ля возера*», «*У озера*», «*Приозерная*», «*Озерное*», «*Панские пруды*», «*У ручья*», «*У Залива*» и др.; б) флористические: «*Домик у ели*», «*Сядзіба ў соснах*», «*Березовая роцца*», и др.; в) антропогенные: «*За паромом*», «*На пароме*», «*Домик в деревне*» и др.

Таким образом, данный номинативный тип имен агроусадоб Брестской области представляет собой дескрипцию, т. е. описание; а основная интенция имядателей – намеренное указание на те реальные признаки объекта, которые «способствуют восприятию локуса как включенного в окружающую природу и связанного с жизнедеятельностью местного населения» [3, с. 165–166]). Высокая продуктивность эргонимов, мотивированных названиями населенных пунктов, в первую очередь сельских, также вполне закономерна. Подобные имена собственные помогают номинатору без особых усилий сообщить нужную информацию о местонахождении усадьбы, а ее потенциальному гостю упрощают запоминание точного адреса, поиск туристско-рекреационного объекта.

Список использованной литературы

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика : учеб. пособие / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.

2. Голев, Н. Д. О принципе номинации и методе их исследования / Н. Д. Голев // Материалы науч. конф., посвящ. 50-летию образования СССР. – Томск, 1972. – Вып. 5 : Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. – С. 94–99.

3. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01 / М. В. Голомидова. – Екатеринбург, 1998. – 21 с.

4. Дорофеенко, М. Л. Пути репрезентации кодов культуры в виконимии белорусско-польского приграничья / М. Л. Дорофеенко // *Studia wschodniosłowiańskie*. – 2014. – Т. 14. – С. 179–188.

5. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Супранская. – М. : Наука, 1978. – 198 с.

Е. Лазакович

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
(г. Витебск, Беларусь)

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Как язык международного общения, английский сегодня не ограничивается только официально-деловой сферой использования. Открытость информационных границ и технологизация общества обусловили активное проникновение английского языка во все сферы деятельности.

Англицизмы – это слова или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения [1, с. 24].

Сегодня большинство молодых людей в разговорной речи употребляют английскую лексику, считая английский язык более привлекательным, звучным и актуальным. Нередко такое использование лексических единиц в повседневной речи происходит бессознательно.

Целью данной статьи является установление специфики использования англицизмов в студенческой среде.

Материалом исследования послужили результаты пилотного анкетирования, проведенного среди 250 респондентов в возрасте 18–25 лет (образец анкеты приведен ниже).

1. Нужны ли англицизмы в русском языке и как они на него влияют? (Англицизм – это слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения).

- а) англицизмы обогащают язык и делают его более современным;
- б) англицизмы негативно влияют на русский язык;
- в) нужда в англицизмах отсутствует.

2. Что вы вероятнее употребите в речи: «skill» или «навык»?

- а) «skill»;
- б) «навык».

3. Откуда вы узнаете о заимствованных словах английского языка?

Например, «скилл» (навык), «окей» (хорошо), «шоппинг» (процесс совершения покупок), «come on» (ну, давай).

- а) из социальных сетей;
- б) от друзей/знакомых;
- в) в процессе обучения в школе/университете;
- г) во время общения с носителями языка.

4. По какой причине вы употребляете в своем обиходе англицизмы?

- а) их употребление в тренде и распространено в социальных сетях;
- б) не употребляю англицизмы;
- в) не отделяю англицизмы от русского языка: они являются его частью.

Результаты исследования показали следующее. При ответе на первый вопрос анкеты 80 % респондентов солидарны с мнением, что англицизмы обогащают язык и делают речь более «современной». 20 % опрошенных полагают, что использование английских слов в речи негативно влияет на современный русский язык. Отметим, что никто из участников анкетирования не указал на отсутствие необходимости в англицизмах в языке.

При ответе на второй вопрос 100 % респондентов сделали свой выбор в пользу варианта «skill». Следует отметить, что никто из участников анкетирования не выбрал русскоязычного варианта «навык», что свидетельствует о преимуществе англицизма над русским вариантом лексической единицы.

Около 90 % опрошенной молодежи солидарны с мнением, что социальные сети помогают проникновению заимствований в русский язык и разговорную речь.

70 % участников опроса считают, что употребление англицизмов отражает «современность» речи.

Отметим, что в употреблении английских заимствований в русскоязычной коммуникации есть как достоинства, так и недостатки. Процесс заимствования английских слов, несомненно, расширяет словарный запас носителей русского языка, но все же способствует утрате уникальности русского языка.

Таким образом, причин заимствования из других языков очень много, и, как показывают результаты анкетирования, употребление заимствований считается «модным». Одним из основных источников заимствований для современной молодежи выступают социальные сети. Перспективы исследования видятся в установлении спектра информативных каналов, посредством которых англицизмы проникают в повседневную речь, а также выявлении качества влияния иностранного языка на коммуникативные стратегии.

Список использованной литературы

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.

А. Лазарчик, М. Шило

ГУО «Лицей № 1 г. Барановичи»

(г. Баранови, Беларусь)

ЭВФЕМИЗАЦИЯ РЕЧИ И ТИПИЗАЦИЯ ОШИБОК, ПРОТИВОРЕЧАЩИХ ПРИНЦИПАМ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ И ОРФОЭПИИ

Современное русское правописание опирается на определенные принципы. Понять принцип орфографии – значит увидеть ее систему, воспринять каждое ее отдельное правило как часть системы, понять орфографическое правило и каждую орфограмму во взаимосвязях грамматики, этимологии, истории языка. В теории русской орфографии указываются морфологический, фонетический, традиционный принципы, а также дифференцирующие написания.

Принципы русской орфографии – основные теоретические положения, на которых базируются правила. Каждый принцип орфографии объединяет группу правил, являющихся приложением этого принципа к конкретным языковым явлениям. Принято считать, что ключевых принципов четыре: 1) фонетический, 2) этимологический, или словопроизводственный, иначе морфологический, 3) исторический и 4) идеографический. Но основные принципы, на которых строятся правила слитного, раздельного или дефисного написания слов, определяют как лексико-синтаксический и словообразовательно-грамматический, не всегда соблюдаются. И это дает почву для создания эвфемизмов.

Слово *эвфемизм* произошло от сложного греческого термина, состоящего из двух слов: *хорошо* и *говорю*. Это стилистически нейтральное выражение или понятие, употребляемое нами вместо некоторой языковой единицы, являющейся синонимичной, которая представляется грубой, нетактичной или неприличной говорящему. Все эти особенности современной устной и отчасти книжно-письменной речи – следствие негативных процессов, происходящих во внеязыковой действительности; они тесно связаны с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности.

В результате анализа была выдвинута гипотеза: влияет ли современная устная и письменная речь на основные принципы русской орфографии и орфоэпии.

Объект исследования – основные принципы орфографии: морфологический, фонетический, традиционный принцип и дифференцирующие написания.

Предмет исследования – правила правописания и произношения, которые основываются на морфологическом, фонетическом, традиционном принципах.

Метод исследования – описательно-анализирующий.

Цель работы – анализ и описание принципов русской орфографии, действующих в русском языке и их реализации в школьном курсе русского языка и в общественной жизни.

Задачи работы:

- описать основные принципы русской орфографии, различные точки зрения на данные принципы;
- выявить нарушения других принципов русской орфографии (фонетический, традиционные написания, дифференцирующие написания);
- определить степень влияния эвфемизации речи на нарушение принципов орфографии и орфоэпии;
- проследить за реализацией принципов русской орфографии и орфоэпии в учебниках по русскому языку, действующих в современной школе.

Актуальность работы – умение находить не только ошибки, но и места возможных ошибок определяет орфографическую зоркость, что является залогом успеха на ЦТ.

В определенной степени противоположным по характеру, целям и результатам используемых средств является процесс эвфемизации речи, также весьма характерный для современного ее состояния.

Эвфемизмы, в отличие от большей части лексических средств языка, особенно чутки к изменениям в области культуры человеческих отношений и нравственных оценок тех или иных явлений общественной жизни. То, что кажется эвфемизмом на одном этапе развития общества, перестает им быть на следующем, превращаясь в средство, которое, с точки зрения большинства носителей данного языка, именуется объектом слишком прямо. В этом смысле весьма примечательны различия между носителями литературного языка с одной стороны и людьми, использующими в качестве основного или единственного средства местный диалект, городское просторечие, социальный жаргон и какие-либо еще неcodифицированные подсистемы национального языка, с другой. Все эти особенности современной устной и отчасти книжно-письменной речи – следствие негативных процессов, происходящих во внеязыковой действительности; они тесно связаны с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности. Успешный человек обязан быть грамотным.

Подводя итог, можно говорить о том, что многообразие правил русской орфографии объясняется с одной стороны особенностями фонетического и грамматического строя русского языка, спецификой его развития, а с другой – взаимодействием с другими языками, как славянскими,

так и неславянскими. Результатом последнего является большое количество слов нерусского происхождения, написание которых приходится запоминать.

В работе над формированием орфографических навыков у учащихся необходимо опираться на знание основных принципов орфографии в школе, а также учитывать возрастные и психологические особенности детей, особенности изучаемой темы.

Н. Лапука

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

РАЗМОЎНЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ Ў ТВОРАХ М. СТРАЛЬЦОВА

Размоўныя фразеалагізмы складаюць у сучаснай беларускай мове самую шматлікую групу – каля 67 % [1, с. 205]. Іх ужыванне ў паўсядзённым жыцці, літаратурных тэкстах надае маўленню вобразнасць, непасрэднасць і, як правіла, указвае на неафіцыйны характар адносін паміж суразмоўнікамі. У творах беларускага пісьменніка М. Стральцова размоўныя фразеалагізмы прадстаўлены дастаткова шырока.

Істотным элементам сэнсавай структуры значнай часткі размоўных фразеалагізмаў, выкарыстаных у творах М. Стральцова, з’яўляецца эмацыянальнасць. Эмацыянальную функцыю выконваюць фраземы, якія перадаюць розныя пачуцці, характарызуюць эмацыянальны стан чалавека, напрыклад: *божа барані, не дай бог, як у бога за пазухай* і інш. Адны фразеалагізмы выражаюць павагу, адабрэнне, пажаданне добра і інш., а другія – незадаволенасць, абурэнне, катэгарычную нязгоду. Важным звяном раскрыцця псіхалагічнага стану герояў твораў М. Стральцова становяцца падобныя фразеалагізмы, уведзеныя ў іх мову: – *Пагода не дай бог, дождж, бы насланне якое, вісіць і вісіць...* [2, с. 88]; – *Я канпель, халера на іх, той год мала сеяў, з імі ж важдцаца – не дай бог* [2, с. 187] (**не дай бог/Божа** ‘выказванне ацэнкі, характарыстыкі чаго-н. незвычайнага з боку сілы, ступені і пад.’) [3, с. 88]; *Цяпер два месяцы буду як у бога за пазухай* [2, с. 143] (**як у бога/хрыста за пазухай** ‘вельмі добра, прывольна і бесклапотна (жыць, расці, адпачываць і пад.)’) [3, с. 124]. У творах пісьменніка размоўныя фразеалагізмы выкарыстоўваюцца і ў аўтарскім тэксце, становячыся пры гэтым паказальнікам суб’ектыўнай аўтарскай мадальнасці: *Маці, бывала, як не дрыжала над ёй, над кожным яе крокам і глядзела, каб, божа барані, не стамілася адзіная дачушка ні ў школе, ні дома* [2, с. 52] (**барані Божа/Божачкі/Бог**

‘выказванне папярэджвання, засцярогі ад чаго-н. нежаданага, недапушчальнага’) [3, с. 126].

Размоўныя фразеалагізмы таксама дазваляюць аўтару трапна і лаканічна апісаць пэўную асобу, падзею, сітуацыю, абставіны і г. д. Так, у апавяданні «Блакiтны вецер» лірычны герой выкладчык Лагацкі надзелены пачуццёвым максімалізмам і часта трывожыцца з-за таго, што падумаюць і скажуць пра яго іншыя. Гэты псіхалагічны стан персанажа добра перадаюць фразеалагічныя адзінкі, уведзеныя і ў мову аўтара, і ў маўленне персанажаў: *Але нічога не прыйшло, і на душы засталася горыч* [2, с. 35] (**на душы** ‘хто-н. адчувае той ці іншы душэўны стан’) [3, с. 409]; *Ахвяруй, браце, сваім вясковым ідэалізмам, не трэба быць «дзядзькам у Вільні»* [2, с. 37] (**як дзядзька ў Вільні** ‘збянтэжана, непрывычна, ніякавата (адчуць сябе, паводзіць сябе і пад.)’) [3, с. 379]. У апавяданні «Суседзі» пры дапамозе фразеалагічных адзінак аўтар паказвае яркія эмоцыі гераіні: *Не, яна не памылілася, Зіначка; і тады ўжо, як загарэліся вочы ў Волькі пры аглядзе самых свежых яе абноў, яна затоена радавалася, заадно чытаючы пры гэтым зусім няхітрую аповесць чужых і жаданняў, і надзей...* [2, с. 61] (**вока гарыць (гарэла, загарэлася, загарыцца)** ‘каму-н. моцна захацелася нечага’) [3, с. 202]; або дае характарыстыку ім як асобам: *Які ж твой Вячаслаў Пятровіч асаблівы, калі ён нават вітацца з чалавекам не хоча, ходзіць, быццам у руках лейцы ад усёй зямлі трымае...* [2, с. 62] (**трымаць у руках лейцы** ‘ажыццяўляць кіраўніцтва, кіраваць чым-н., кім-н.’) [4, с. 529].

У аповесці «Адзін лапаць, адзін чунь» апісваецца жыццё пасляваеннай вёскі, якое падаецца з пункту погляду сямігадовага хлопчыка Іванкі. Апісваючы ўсе дзіцячыя пачуцці, аўтар паказвае сапраўднае, глыбокае веданне героем вясковага жыцця. Канкрэтныя жыццёвыя падзеі і дэталі ў творы трапна характарызуюцца, апрача ўсяго іншага, і праз устойлівыя адзінкі размоўнага характару: *А ў хаце халадзіна, хоць ты ваўкоў ганяй* [2, с. 186] (**хоць ваўкоў/сабак ганяй** ‘вельмі холадна (у хаце, у памяшканні і пад.)’) [3, с. 293]; *Дык жа, дык жа ў Валодзька цётчынага, – ледзь варочае языком Іванка, – урэзак быў...* [2, с. 194] (**варочаць языком** ‘вымаўляць словы, гаварыць’) [3, с. 176]; *Яшчэ большы ўзняўся вецер, холадам і страхам працінаў Іванку, аж сэрца як не выскоквала з грудзей* [2, с. 194] (**сэрца як/чуць не выскачыць** ‘хто-н. непакоіцца, трывожыцца ў чаканні чаго-н. страшнага’) [4, с. 489].

У апавяданнях «Мацеевы дровы» і «Добрае неба» размоўныя фразеалагічныя адзінкі таксама найперш вобразна і эмацыянальна характарызуюць герояў: – *Ды прачніся ты! Спіць як пяньку прадаўшы...* *Карову паглядзі* [2, с. 17] (**спаць як/нібы пшаніцу (пяньку, проса, муку, лыка) прадаўшы** ‘вельмі моцна’) [4, с. 242]; *Я сваім гарбом жыву, мне*

баяцца няма чаго [2, с. 16] (**сваім гарбом** ‘непасрэднай цяжкай працай (жыць, нажываць, здабываць і пад.)’) [3, с. 296]; *I тады ў яго на душы* [Мацея] *таксама нечага стала журботна, ціха – і гэта было горш, чым каб ён ведаў, пра што і чаго смуткуе* [2, с. 113] (**на душы** ‘хто-н. адчувае той ці інш. душэўны стан, хвалное, непакоіць і пад.’) [3, с. 409]; *Бацька нас тады пакінуў, сышоў сабакам сена касіць...* [2, с. 120] (**сабакам сена касіць** ‘знаходзіцца невядома дзе, хаваючыся ад сям’і’) [3, с. 564].

М. Стральцоў дастаткова актыўна і трапна ўжывае ў сваіх творах размоўныя фразеалагізмы найперш для характарыстыкі персанажаў, перадачы іх перажыванняў, думак, дзеянняў і ўчынкаў, а таксама для апісання рэчаіснасці, у якой і выяўляюць сябе героі твораў пісьменніка. Сярод размоўных фразеалагізмаў у творах М. Стральцова выяўляюцца найперш назвы дзеянняў (*хаваць вочы, кідаць вока, ні слова, малоць языком, насіць на руках* і інш), найменні абставін і акалічнасцей, у якіх адбываюцца падзеі, працэсы, дзеянні, апісанья ў творы (*сваім гарбом, як мае быць, на ўсе грудзі* і інш.), а таксама найменні, якія перадаюць стан чалавека (*на сэрцы, на душы*).

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапам. для філал. фак. ВДУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 2004. – 448 с.
2. Стральцоў, М. Л. На ўспамін аб радасці / М. Л. Стральцоў. – Мінск : Маст. літ., 1974. – 338 с.
3. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі. – Т. 1 : А–Л. – 2008. – 672 с.
4. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі. – Т. 2 : М–Я. – 2008. – 704 с.

Г. Латушка

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
(г. Мінск, Беларусь)

РОЛЯ СІНТАКСІЧНА НЯЧЛЕННЫХ ВЫКАЗВАННЯЎ У ХАРАКТАРЫСТЫЦЫ МОЎНАЙ АСОБЫ

Сінтаксічна нячленныя выказванні (далей – СНВ) – кароткія інтанацыйна аформленыя выказванні, што складаюцца з аднаго слова ці ўстойлівага спалучэння слоў і служаць для выражэння мадальных і экспрэсіўных адносін (напрыклад, *Канечне; Яшчэ чаго; Так; Ну; Слухаю; Прывітанне; Чорт яго ведае; Нічога сабе; Годзе; А як жа* і г. д.). СНВ вызначаюцца сцісласцю, аграматычнасцю і стэрэатыпнасцю [1, с. 543]. Такія выказванні характарызуюцца не толькі яркай нацыянальнай

самабытнасцю, але і індывідуальнай, яны могуць сведчыць пра ідыястыль, бо кожная моўная асоба сама выбірае пэўнае кола СНВ, якое ўжывае ў сваім маўленні [2, с. 32]. Некаторыя адзінкі становяцца выключна важнымі для характарыстыкі персанажаў як у творах літаратуры (напрыклад, Элачка Шчукіна з рамана І. Льфа, Я. Пятрова «Дванаццаць крэслаў»), так і моўцаў у жыцці.

Мы сабралі каля 1 100 мікрадыялогаў з СНВ згоды і нязгоды ў беларускіх творах апошніх 50 гадоў. Прааналізаваўшы гэтыя выразы, мы прышлі да высновы, што тое, якія СНВ ужывае ў сваім маўленні моўца, можа сведчыць пра розныя фактары, складаючы пэўную карціну рыс моўцы як асобы. Разгледзім, якую інфармацыю могуць несці ў сабе СНВ.

Нацыянальнасць. У кожнай мове існуе свой набор СНВ, некаторыя з іх яўна асацыююцца з пэўнай культурай. Ужываючы СНВ, моўца можа праявіць сваю прыналежнасць да нейкага народа, нават калі ён размаўляе на іншай мове. У наступным прыкладзе пра прыналежнасць каралевы да італьянскай нацыі сведчыць ужыванне ёй адмовы *Баста: І ніхто іншы, як ён, Гаштольд, у свой час схіліў вялікі сейм, каб той яшчэ пры маім жыцці зрабіў нашага сына Аўгуста маім пераемнікам. Такого яшчэ не ведаў свет!* – **Баста! Баста!** Гэта я зрабіла Аўгуста наследнікам караля (А. Петрашкевіч «Прарок для Айчыны»). У іншым дыялогу ўжыванне моўцам адмоўя *Та ні* сведчыць пра тое, што ён украінец: *Хведар Паўлавіч!!! – Та ні! Хведзька!* (А. Макаёнак «Пагарэльцы»).

Узровень культуры. Па СНВ лёгка можна зрабіць высновы пра ўзровень культуры моўцы. Напрыклад, грубыя, прастамоўныя, трасянкавыя, жаргонныя выразы яскрава характарызуюць моўцу: *Ды ты, відаць, за гадзіну перад тым ведаў.* – *Дагадваўся – да* (А. Макаёнак «Пагарэльцы») – трасянкавы выраз негатыўна характарызуе ўзровень культуры і адукацыі моўцы. Згоду і нязгоду можна выразіць ветліва, з дапамогай этыкетных форм, што пазіцыянуе моўцу як культурную асобу: *Можна да вас?* – **Калі ласка** (І. Шамякін «Сэрца на далоні»).

Прадстаўнік вясковай/гарадской культуры. Ужыванне СНВ рознымі персанажамі таксама можа разглядацца па восі 'вясковы жыхар' – 'гарадскі жыхар'. Для вясковых людзей звычайна характэрны трапныя, размоўныя, сакавітыя выразы, часам багатыя часціцамі. Напрыклад: *Кашу ўжо даюць... – То добра...* (А. Дударэў «Радавыя»); *У талковых руках была. Спраўная. Вось далібог! Каля гумна паставілі. Як убачыш, пяцёрку шчэ прыбавіш. Яй-бо! Залатая, залатая малатарня! Яй-бо!* (У. Бутрамееў «Страсці па Аўдзею»); *Дзядзечка Пятрок, рана яшчэ, ну зусім жа рана. – Усё. Ні-ні. Вы б ноч скакалі, як козы* (У. Бутрамееў «Страсці па Аўдзею»). Прадстаўнікі гарадской культуры звычайна характарызуюцца правільным, пісьменным маўленнем, часам ужываюць філасофскія, узвышаныя выразы,

напрыклад, як у дыялогу між мастаком і паэтам: *Я ж бард?! – О так!* (Г. Багданава «Ас-лінія»).

Узрост. Некаторыя СНВ могуць сведчыць таксама і пра ўзрост носьбіта. Так, выразы тыпу *супер, клас* і пад. звычайна адносяцца да моладзевага жаргону: (*Круціць пісталет і патроны ў руках.*) **Клас!** (А. Карэлін «Герда, альбо Горад, у якім мы будзем шчаслівыя»). Людзі старэйшага веку (асабліва вясковыя жыхары) могуць ужываць рэдкія і адметныя адзінкі, напрыклад: *Добра замужам усё-ткі... – Аёчкі!* (А. Дудараў «Вечар»).

Сфера дзейнасці. Некаторыя СНВ могуць указваць на прафесію, альбо, дакладней, сферу дзейнасці моўцы: *Чый веласіпед? Крадзены? – Ніяк не. Трафейны* (В. Быкаў «Пакахай мяне, салдацік»). Такое адмоўе мажліва ў вайскавай сферы.

Рысы характару (цвёрдасць, мяккасць і г. д.). Некаторых персанажаў аўтары вылучаюць тым, што перадаюць пэўныя рысы характару праз іх маўленне (у тым ліку ўжыванне СНВ). Так, гераіня рамана В. Быкава «Пакахай мяне, салдацік» Франя няўпэўненая, мяккая, запалоханая і самотная дзяўчына. Часта яна выражае згоду ціха, невыразна не ўжываючы звыклага **так**: *Вы з Беларусі? – здзіўлена папытаўся я. – Ну, – ціхенька адказала яна і бы насцярожылася затым.*

Спіс такіх характарыстык можа быць працягнуты.

Натуральна, што прыведзеныя СНВ не абавязкова могуць сведчыць пра фактары, апісаныя вышэй. Выказванне *Баста* можа ўжывацца не толькі італьянцамі, *Ніяк не* часам выкарыстоўваецца ў іранічным значэнні ў бытавой размове, *О так* не абавязкова сустракаецца ў маўленні гарадскіх жыхароў, СНВ *Да* трапляе ў дыялогі адукаваных ды пісьменных людзей, а вясковыя настаўнікі, напрыклад, могуць размаўляць на правільнай літаратурнай мове і г. д. Тым не менш, у некаторых СНВ даволі выразна праяўляюцца пералічаныя характарыстыкі.

Акрамя таго, што аўтары ўкладаюць у вусны сваіх герояў пэўныя СНВ, яны і самі ўжываюць абмежаваны набор такіх выказванняў. Часта па адным ці некалькіх творах бачна, якія выказванні імпануюць аўтару. Для параўнання, на 1 100 мікрадыялогаў, што ўтрымліваюць СНВ згоды і нязгоды, прыходзіцца каля 50 дыялогаў з СНВ *Так* у розных мадыфікацыях (*Так-так, Менавіта так* і г. д.) і толькі каля 10 СНВ *Але*, прычым амаль усе яны (акрамя 1 адзінкі) сустракаюцца ў творы І. Шамякіна, што можа быць такама абумоўлена асаблівасцямі яго ідыялекта. Ёсць і такія выразы, якія мы сустрэлі толькі ў пэўнага пісьменніка. Напрыклад, на 1 100 мікрадыялогаў выраз *Брэшааш* мы зафіксавалі толькі ў А. Дударова (5 разоў): *Піша каму-небудзь твой Грышка? – (Ніякавата.) Піша... Мне піша... – Брэшааш... Мае не пішуць, і твой павінен не пісаць... – Піша! – (Спакойна.) Брэшааш...* (А. Дудараў

«Вечар»); СНВ *Няўжо ж* было знойдзена ў творы У. Бутрамеева (3 разы): *Андрэчка, праўда? – Няўжо ж* (У. Бутрамееў «Страсці па Аўдзею»); там жа *Цыц* (3 разы): *Пятрок! А госпадзі! – (Тунае нагой.) Цыц! Марш атсюдава!* (У. Бутрамееў «Страсці па Аўдзею»); СНВ *Ха!* было зафіксавана ў М. Матукоўскага (3 разы): *Значыць, трэба замяніць абсталяванне. – Ха! Лёгка сказаць – замяніць!..* (М. Матукоўскі «Амністыя»); *Ну і ёлун!* (2 разы) у А. Петрашкевіча: *Цяпер святыя суддзі пераканаліся, што ерэтык друкаваў свае кнігі ў саюзе з д’яблам. – Ну і ёлун! Перад табой жа не проста кнігі* (А. Петрашкевіч «Напісанае застаецца») і г. д.

Нават у напісанні некаторых СНВ, якія дапускаюць варыятыўнасць, ці ў пастаноўцы знакаў прыпынку, пісьменнікі звычайна з’яўляюцца паслядоўнымі. Так, напрыклад, у «Сэрцы на далоні» І. Шамякіна ўсе дваіныя і траіныя адмоўі падаюцца праз коску (каля 10): *Зося, табе холадна? – спытала Маша, якая сядзела за яе спіной. – На маю куртку. – Не, не. Нічога. Гэта так.* У «Амністыі» М. Матукоўскага, наадварот, праз дэфіс: *Добры дзень (сядае ў другім радзе) – Не-не, калі ласка, сюды!* У той жа час у М. Матукоўскага адмоўе ў пераважнай большасці разоў аддзяляецца коскай, а ў І. Шамякіна вылучаецца ў асобныя сказы. Натуральна, што такія рэчы не сведчаць пра тое, што некаторыя пісьменнікі не ведаюць ці зусім не ўжываюць пэўныя СНВ, але яны ўказваюць на тое, што ў кожнага пісьменніка (як і ў любой моўнай асобы) ёсць свой набор СНВ, якія ён выкарыстоўвае часцей, свае правілы ўключэння такіх адзінак у дыялог (як асобнае выказванне, у межах іншых сказаў і г. д.). Мы таксама падкрэслім, што не робім канкрэтных высноў пра аўтарскі ідыялект, бо аналізавалі адзін ці некалькі тэкстаў кожнага аўтара, аднак звяртаем увагу на тое, што нават у межах аднаго твора пісьменнік можа праяўляць некаторыя свае моўныя асаблівасці.

Такім чынам, СНВ хаваюць у сабе шмат цікавай інфармацыі: яны могуць сведчыць пра прыналежнасць моўцы да пэўнай нацыянальнасці, вясковага ці гарадскога жыцця, пра ўзровень культуры моўцы, яго рысы характару, узрост, сферу дзейнасці і г. д. Названыя фактары могуць стасавацца як герояў літаратуры, так і моўнай асобы ў жыцці.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Шаронов, И. А. Коммуникативы и методы их описания / И. А. Шаронов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. междунар. конф. «Диалог 2009». – М. : РГГУ, 2009. – Вып. 8 (15). – С. 543–547.
2. Колокольцева, Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т. Н. Колокольцева. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. – 260 с.

Т. Лукашевич

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ПОДЪЯЗЫК ГЕЙМЕРОВ: К ВОПРОСУ О МЕСТЕ В ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В лингвистике нового тысячелетия пристальное внимание уделяется исследованию коммуникативной среды Интернета, под которой понимаются взаимосвязанные и активно действующие в этой среде люди вместе с продуктами их активности – сообщениями, веб-страничками, записями и др. В этом коммуникативном пространстве складывается новый тип дискурса, который имеет разные обозначения: электронный дискурс, компьютерный дискурс, виртуальный дискурс, интернет-дискурс и т. д. Отдадим предпочтение последнему, так как в каждом случае под компьютерным дискурсом понимается коммуникация в сети Интернет.

Интернет функционирует как социальные сети, предоставляет информационные и образовательные ресурсы, служит коммуникации и рекламным целям, наконец, поставляет развлечения в виде компьютерных игр. Популярность последних по всему миру стала так велика, что появилось особое сообщество людей, которое насчитывает десятки миллионов людей, – геймеры. Это люди разного возраста. По данным за 2016 год, опубликованным *ESA* корпорации *IBM*, средний возраст игроков – 35 лет. Возрастной состав игроков (по всем жанрам видеоигр) выглядит так: 27 % – до 18 лет; 29 % – от 18 до 35 лет; 18 % – от 36 до 49 лет; 26 % – старше 50 лет. Соотношение мужчин и женщин равняется 59 % и 41% соответственно [5].

В новой субкультуре бытует специфический подъязык, обеспечивающий взаимодействие геймеров в виртуальном пространстве, в том числе речевое. Этот относительно автономный лингвистический феномен, развивающийся необычайно интересно и стремительно, требует, на наш взгляд, всестороннего изучения и описания. В первую очередь представляется необходимым охарактеризовать его специфику, определить место в общенациональном языковом пространстве и уточнить терминологический статус названного явления.

Материалом для исследования в рамках доклада послужил подъязык геймеров, участвующих в одной из игр типа MMORPG (от англ. *massively multiplayer online role playing game*). Этот вид игр позволяет одновременно взаимодействовать тысячам и сотням тысяч игроков. Одна из самых известных игр такого жанра – World of Warcraft (WoW) – объединяющая более 10 миллионов человек по всему миру [4]. Материал для статьи был отобран на основе данных официального форума названной онлайн-игры, так как

именно здесь язык участников представлен особенно полно, притом в контекстах, что позволяет не только фиксировать лексические и иные языковые единицы, но и получить представление о специфике ситуаций общения.

Анализ материалов форума обнаруживает необычайное многообразие и разнородность лексических ресурсов, используемых участниками игры. Это связано со спецификой игрового дискурса, для которого характерен ряд свойств, а именно: 1) двуплановость общения геймеров – реальная и виртуальная. В реальности осуществляется синхронная (в чатах) и асинхронная (на форумах) переписка геймеров, ведутся переговоры в *Skype*; в виртуальном пространстве идет сама игра, в которой геймеры «вживаются» в образ героев, участвуют в заданных диалогах и т. д.; 2) предварительное проектирование игрового виртуального пространства в соответствии с заранее написанным текстом, сюжетной основой, определенным хронотопом, составом персонажей, а также реализация его как видеоряда; 3) полифункциональность общения: обмен информацией, организация взаимодействия и воздействия, чувственное восприятие видеообразов как основа взаимопонимания; 4) многомерность коммуникации с точки зрения статусно-ролевых характеристик участников общения. Здесь есть и геймеры, и модераторы игры, и ее составители [3].

Вследствие этого в подязыке геймеров можно выделить виртуальное и реальное пространство, а в них три пласта лексики.

В виртуальном пространстве прежде всего функционируют обозначения игрового мира, которые, на наш взгляд, можно условно назвать «реалиями». В обычном понимании реалии – это слова, называющие «элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам» [2, с. 6]. Номинации игрового мира – тоже «реалии», придуманные разработчиками игры и подлежащие усвоению как готовая информация о виртуальном игровом пространстве. Например, фантастический мир в рассматриваемой игре – это *Азерот*, *Альянс* и *Орда* – противоборствующие его стороны, их столицы – города Альянса *Штормград*, *Экзодар*, *Стальгорн* и *Дарнасс*) и Орды – города *Луносвет*, *Громовой Утес*, *Оргриммар* и *Подгород*); в событиях участвуют представители разных рас (*эльфы*, *тролли*, *орки*, *гномы*, *таурены*, *дренеи* и др.), персонажи имеют разные классовые роли (*шаман*, *охотник*, *маг*, *монах*, *чернокнижник*, *друид*, *жрец*, *паладин* и др.). Заметим, что содержание этих своего рода «реалий», за каждой из которых стоит готовый видеообраз, понятно лишь геймерам.

В реальном общении участниками игры используется ряд специальных терминов, которые функционируют в речи модераторов, организующих реальное взаимодействие игроков и осуществляющих контроль за их интерактивным общением. Это лексемы гайд ‘информация, помогающая и облег-

чающая прохождение сложных моментов игры’, аддон ‘программа-дополнение для игры’, эвент ‘нестандартное для игрового процесса событие, устраивается администрацией игры’, *квест* ‘жанр игры’ или ‘задание, выдаваемое игроку’, *патч* ‘файл, вносящий обновление в игру’, *приквелл* ‘новая часть в серии игр, рассказывающая историю до основных событий’ и др.

Основное же место на форуме отводится неформальному личностно ориентированному общению игроков, в котором активно функционирует, обновляется, трансформируется и продуцируется игровая эмоционально-оценочная лексика, специфически представляющая реалии игры, действия игроков, взаимоотношения, потребности, степень заинтересованности и др. Например, номинации игроков и виртуальных реалий (*танк, сап; моб, фаер, шмот, пэт, армор* и др.), обозначения действий (*танковать, захилить, афкашить*) и состояний в игре (*лоулвл* ‘низкий игровой уровень’; *хп* ‘уровень здоровья персонажа’), оценочные номинации состояний игрока (*паровоз* или *вагон* ‘игрок, проходящий какое-либо испытание «на хвосте» у сильных игроков’, *нуб* ‘неумелый игрок’, *читерный* ‘нечестный, использующий какую-либо лазейку в игре’, *вайнить* – ‘ныть’; *жирный, донатный, застанен, забанен*) и мн. др.

На первый взгляд, подъязык геймеров представляет образование, чуждое общенациональному языку, существующее изолированно и недоступное для непосвященных. Однако, судя по материалам форума, в основе подъязыка геймеров лежит общеупотребительная лексика общенационального языка. Достаточно привести несколько контекстов:

«Ха, Сильвана бесчеловечна, грешно, хуже всех? Да вот только она все правильно делает. Она ведет войну и любыми способами пытается победить, я абсолютно поддерживаю ее во всем. Я уж лучше буду следовать за великой, амбициозной, воинственной женщиной азерота...»;
*«Те **разрабы** (разработчики) до сих пор не анонсировали дату выхода **патча** с 2,5 изменениями? Неплохо. **Ми густа** (от исп. *Me Gusta* ‘мне нравится’, мем, используемый только по отношению к чему-то противному) (разг.)»;*
*«**Монах** (один из классов) вполне неплохой **хил** (лечащий персонаж). В **рейде** (групповое прохождение сложного подземелья) так точно. Достаточно много **рейдил с монком** (то же, что и монах) **хилом** и никаких нареканий на него не было. Ну кроме кувыркков не туда. Но это беда вообще всех **монков** независимо от **спека** (специальности). ... В **5 ппл** (5 человек) говорят что **монки** не очень».*

Анализ показывает, что специфическая по содержанию лексика геймеров тем не менее грамматически оформлена по законам русского языка. Здесь можно видеть слова разной частеречной принадлежности: имена существительные (*треш, лут, голда, ачива, сурв, элем, паровоз* и др.), глаголы (*застанить, диспелить, вайпнуть, дамажить, скипать, хилить* и др.),

в том числе причастия (*забаненный, застаненный, прокаченный*); имена прилагательные (*рукастый, зеленый, криворукий, донатный* и др.), некоторые наречия (*рандомно*).

Складывание и развитие лексикона геймеров тоже происходит в соответствии с общеязыковыми процессами формирования словарного состава (морфологическое словопроизводство, семантическая деривация, лексическое заимствование). Но их соотношение разительно отличается от узуального. Лексические заимствования занимают в формировании подъязыка геймеров приоритетные позиции. Как правило, сначала они принимают форму существительных (*дамаг* ‘урон’, *стан* ‘обездвиживание’, *бан* ‘запрет на игру’, *вайп* ‘гибель отряда’, *лив* ‘уход из группы’, *агро* ‘уровень вероятности нападения’, *сейв* ‘сохранение подземелья’ и др.), а на их основе образуются слова других частей речи. Например, *вайп* → *вайпнуть*, *агро* → *агранный*, *дамаг* → *дамажный*, *стан* → *застанить*.

Используя словообразовательные возможности языка, игроки способны выразить широкий спектр значений, образуя от иноязычных основ цепочки дериватов (*слак* → *слак-а-ть* → *слак-ер*) и даже словообразовательные гнезда: *хил* → *хил-и-ть*, а далее ряд производных нового глагола: *хил-ер*, *хилить-ся*; *вы-хилить*; *пере-хилить*; *за-хилить* → *захил-енн-ый* и т. д.

Семантическая деривация ведет к переосмыслению узуальной лексики языка: *рак* ‘человек, играющий очень плохо, будто клешнями’, *бревно* ‘друид в специальности Исцеление, выглядящий как дерево’, *жирный* ‘персонаж с большим запасом здоровья’, *танцевать* ‘постоянно перемещаться во время боя’ и др.

Таким образом, и лексическая основа подъязыка геймеров, и грамматическая оформленность его единиц, и деривационные процессы в нем демонстрируют несомненную связь и включенность данного подъязыка в общенациональный язык.

Осталось ответить на вопрос, как же дефинировать подъязык геймеров по отношению к общеязыковой системе. Это необычное лингвистическое явление. Несомненная специфика игрового дискурса, особая ситуация общения, сложная структура подъязыка геймеров, интенсивное развитие его словаря на основе английских заимствований, наконец, особенности самого сообщества геймеров как необычайно большой социальной группы, объединенной игровыми, развлекательными целями, – все это затрудняет терминологическое определение рассматриваемого подъязыка. Ведь в нем есть и элементы «языка для непосвященных» типа арго, когда речь идет о придуманных реалиях; и компьютерная терминология, которой пользуются организаторы игры, и жаргон. К тому же в речи игроков на основе первоначальных нейтральных номинаций возникают эмоционально-экспрессивные эквиваленты, так как практически любое явление подверга-

ется оценке и последующей формальной трансформации на основе личного отношения игрока (*альянс – алены* (уничиж.), *рога – рогалик* (ласк.), *друид – друля* (ласк.), *паладин – паладинчик* (ласк. или уничиж.), *дк – дкашка* (уничиж.)). Могут появляться индивидуальные обозначения, связанные и с техническими характеристиками игры, с ее изменением (*фиксить* ‘исправлять ошибки’, *fps* (от англ. *frames per second*) ‘количество кадров в секунду’, *ГМ* (с англ. *Game master*) – ‘мастер игры, человек, следящий за следованием игровым правилам’). Следовательно, можно говорить и о сленге, так как его основной характеристикой признается эмоциональность и экспрессивность.

Однако если определить данное явление как сленг, то фактами сленга геймеров придется признать лишь часть лексем, используемых в игровом дискурсе, так как существенная их доля не несет в себе никаких коннотаций.

Очевидно, более правильным будет пока остановиться на термине *социолект*. Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи – в виде слов, словосочетаний, синтаксических конструкций. Основа же социолектов – словарная и грамматическая – обычно мало чем отличается от характерной для данного национального языка [1, с. 30]. Термин социолект, по мысли Л.П. Крысина, удобен для обозначения разнообразных и несхожих друг с другом языковых образований, обладающих, однако, общим объединяющим их признаком: эти образования обслуживают коммуникативные потребности социально ограниченных групп людей. В нашем случае следует только уточнить, что сообщество геймеров – необычная социальная группа, так как ее объединяет не только специфическая ситуация общения – Интернет, но и специфическая социальная роль – это люди, целью деятельности которых является развлечение. Таким образом, язык коммуникации геймеров представляет собой развивающуюся на периферии национального языка многослойную структуру, которую следует считать особым социолектом.

Список использованной литературы

1. Беликов, В. И. Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 315 с.
2. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 342 с.
3. Королевич, С. А. Дискурсивный подход к изучению сленга геймеров / С. А. Королевич // Коммуникативное пространство и информационное поле в языке и речевой деятельности : сб. материалов респ. науч.-практ. конф., Брест, 19 апр. 2017 г. – Брест : БрГУ, 2017. – С. 62–67.
4. Blizzard press center [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blizzard.gamespress.com/WORLD-OF-WARCRAFT-SURPASSES-10-MILLION-SUBSCRIBERS-AS-WARLORDS-OF-DRAE>. – Дата доступа: 04.04.2017.
5. Essential Facts 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://essentialfacts.theesa.com/Essential-Facts-2016.pdf>. – Дата доступа: 12.02.2017.

Лю Ида

Белорусский государственный университет
(г. Минск, Беларусь)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАЧИНАНИЯ

Для китайцев, изучающих русский язык, является трудным употребление слов, близких по значению. Словари дают такое определение синонимов: «это слова, принадлежащие, как правило, к одной и той же части речи, различные по произношению и написанию, но имеющие похожее лексическое значение и способные заменять друг друга в речи». Однако взаимозамена синонимов возможна не всегда, и причины этого не очень понятны китайским студентам.

Например, глаголы *появиться*, *возникнуть*, *начаться*, *наступить*, *настать*, *стать* имеют общий смысл ‘что-то не существовало, а теперь существует’, но они не могут свободно заменять друг друга, сфера их употребления и лексическая сочетаемость различны. Так, нельзя сказать: *стали холода*, *стала необходимость*. По правилам русского языка *холода наступают*, а *необходимость возникает*. Можно сказать *стало темно*, но *темнота только наступает*. Главным различием между *стать*, *наступить* и *возникнуть* в этих примерах является их синтаксическая сочетаемость. *Стать* употребляется как глагол-связка в составном сказуемом, а *наступить* и *возникнуть* – как самостоятельные предикаты. Ошибки в речи китайских студентов при употреблении этих синонимов обычно связаны с расширением зоны употребления глаголов *стать* и *начаться*: *стал вечер*, *началась культура*; с непониманием различий между глаголами *возникнуть* и *появиться*. В словарях определение лексемы часто дается через синоним, иногда более сложный, чем толкуемое слово. Такое определение служит причиной смешения студентами-китайцами синонимичных слов. Мы попытались проанализировать семантику и сочетаемость глаголов: *появиться*, *возникнуть*, *начаться*, *наступить*, *настать*, *стать*, чтобы разграничить их значения и определить правила сочетания с существительными. Такая работа поможет избежать ошибок китайских студентов в русской речи.

В некоторых контекстах глаголы *появиться* и *возникнуть* могут заменять друг друга, и это не меняет смысла и правильности предложения, например: *в стране появились/возникли новые отрасли промышленности, электростанции, предприятия; астрономы говорят о появлении/возникновении новой звезды* и т. п. Но, с другой стороны, *культура только возникает* (не появляется), *в городе новые детсады, школы, больницы, магазины появляются* (не возникают). И появляться, и возникать могут различные состояния, чувства, например, *появились и возникли вопрос, сомнение, необ-*

ходимость и др. Но *недоразумение* только возникло, а *старание*, *навык*, *умение* только появились. Существительные, обозначающие некоторые материальные предметы (а также живых существ), не сочетаются с глаголом *возникнуть*, а употребляются только с глаголом *появиться*. Так, можно сказать «*В группе появился новый студент*», «*У него появился новый телефон*», но нельзя сказать «*Возник новый студент*», «*Возник новый телефон*». Как это объяснить?

Глагол *возникнуть* имеет одно значение – ‘не существовать вообще, теперь существовать’, а глагол *появиться* имеет два значения – ‘не существовать вообще, теперь существовать’ и ‘не быть тут, теперь быть тут’. Там, где контекст включает в себе элемент смысла «откуда-то», можно использовать только глагол *появиться*: *в группе появился новый студент*, *у него появился новый телефон*. Там, где этого элемента смысла нет, допускается употребление обоих глаголов: *возникли/появились новые предприятия*, *отрасли промышленности* и т. п.; *возникли/появились мысли*, *страх*, *сомнение*, *желание* и т. п.

Однако элемент смысла «откуда-то» может пониматься не только в значении места, но и в значении причины. Например, состояния, свойства, которые являются результатом усилий, которые постепенно нарастают, могут только появляться: *появляются умения*, *навыки*, *знания*. А вот *чувства*, *мысли*, *идеи* могут и появиться, и возникнуть. В некоторых случаях употребление этих глаголов с существительными объяснить невозможно, потому что оно закреплено традицией: *возможность появляется* (не возникает), *недоразумение возникло* (не появилось), *в городе появился театр* (не возник) и др. Такие сочетания следует запоминать. Сфера употребления глагола *начаться* пересекается со сферой употребления глагола *возникнуть*, например, *разговор*, *движение* могут как *начаться*, так и *возникнуть*. Но *урок*, *занятия* могут только *начаться*. А глагол *появиться* не сочетается ни с одним из этих существительных.

Все виды произвольной человеческой деятельности могут только *начаться*: *доклад*, *работа*, *лекция*. Но те действия, которые могут быть как произвольными, так и непроизвольными – и начинаются, и возникают: *начался/возник спор*, *разговор*. И начинаются, и возникают процессы, стихийные явления, но не все. Так, существительные *движение*, *процесс*, *разговор* сочетаются не с двумя глаголами, а только с глаголом *начаться*. Не могут *начаться* различные состояния и свойства, они только возникают: *чувство*, *сомнение*, *желание*, *любовь*.

Очевидно, что в русском языке не может *начаться* процесс, который говорящий понимает как завершенное действие, феномен. Глагол *начаться* содержит элемент развития, изменения, развертывания во времени. *Возникнуть* может и что-то, что не обязательно имеет развертывание во времени, что является недлительным актом. Поэтому с глаголом *начаться* сочетают-

ся существительные, в значении которых есть элемент «развертывание во времени», а с глаголом *возникнуть* сочетаются существительные, для которых этот элемент значения не обязателен.

В русском языке есть случаи, когда могут употребляться все три глагола – *появиться, возникнуть, начаться*: *жизнь на Земле появилась, возникла, началась*; *новое направление в искусстве появилось, возникло, началось*. Но в этих случаях все же есть небольшие различия. Так, *жизнь возникла* (появилась) – значит, что возникло (появилось) новое явление; *жизнь началась* – значит, что начался процесс, который будет развертываться во времени.

Если сравнить сочетаемость глаголов *начаться* и *наступить*, то оказывается, что сфера употребления глагола *наступить* уже. Глагол *наступить* сочетается только с существительными, которые обозначают отрезок времени: *эра, век, день, ночь, момент* и др. Но с названиями времени года и суток сочетаются как глагол *начаться*, так и глагол *наступить*: *наступила/началась зима, весна, лето, ночь, гроза, ветер, дождь*, т. е. названия «разового» действия, не связанного с определенным периодом времени, могут только *начаться*. Действия человека *начинаются*, но не *наступают*: *начался разговор, урок, доклад, началось развитие, размножение, вращение* и т. п.

Таким образом, элемент длительности, развертывания во времени обязателен для глагола *начаться* и не обязателен для *наступить*. Поэтому, например: *наступило минутное молчание, замешательство* (но не *началось*); *наступил конец* (но не *начался*). В связи с этим интересно следующее: *смех, шум, крик* и т. д. только *начались*; *тишина, молчание* могут и *наступить*, и *начаться*; *война, ссора, ругань* только *начались*, а *мир и покой наступили*; *гроза* только *началась*, а *затишье перед грозой наступило*.

Не делать ошибки в употреблении глаголов со значением ‘начало’ помогает и сопоставление их с глаголами со значением ‘продолжение и конец действия’: *кончиться, прекратиться, исчезнуть, перестать существовать*. Например то, что *началось* может *продолжаться* и *кончиться*: *урок начался, продолжается, кончился*; *жизнь началась, продолжается, кончилась*; *каникулы начались, продолжаются, кончились*; *разговор начался, продолжается, кончился*. Может *продолжаться* и *кончиться* то, что *наступило*. Но явления, которые могут *наступить*, не могут *прекратиться*: *год, лето, утро, день* только *кончились*, но не *прекратились*. То, что *появилось*, не может *продолжаться* и *кончиться*, но может *исчезнуть* или *перестать существовать*: *жизнь на планете появилась – жизнь на планете исчезла/перестала существовать* (не *кончилась*). То, что *возникло*, может (в зависимости от значения существительного) и *кончиться*, и *прекратиться*, и *исчезнуть*: *сомнение возникло, кончилось, прекратилось, исчезло*.

И. Масляно

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В «GENERATION “П”» В. ПЕЛЕВИНА

Концепция личности представляет собой определенную систему, обусловленную совокупностью различных факторов, аспектов и контекстом эпохи. При взаимодействии личности с обществом и государством можно наблюдать контрастную модель поведения: человек противоречивый и трагический контрастирует с активным созидателем и преобразователем.

Цель данной работы – охарактеризовать индивидуальную художественную концепцию личности в «Generation “П”» В. Пелевина.

Тематика и проблема отношений между представителями различных поколений становятся наиболее актуальными в литературе постмодернизма. В статичном социуме писателя интересует отличие одной группы или класса людей от другой, но в эпоху неопределенностей и регулярно меняющихся тенденций на первый план выходят более масштабные с исторической точки зрения общности. В трактовке понятия *поколение* В. Пелевин ориентируется на социологию знания Карла Мангейма, который одним из первых определил сущность и границы рассматриваемого понятия: «Поколение не образует сообщество через посредство социальных уз того типа, что ведут к формированию конкретных групп, хотя иногда может случиться, что чувство единства сознается в качестве основания для создания конкретных групп по возрастному признаку, но в этом случае группы чаще всего представляют собой просто клики с единственной отличительной чертой: образование группы основано на сознании принадлежности к одному поколению, а не на определенных целях» [1, с. 125].

Утверждение о стереотипности мышления человека мы можем наблюдать в концепции социологии знания: «Факты принадлежности к одному и тому же классу и к одному и тому же поколению или возрастной группе имеют общую черту: в обоих случаях индивиды наделены положением в социальном и историческом процессе; тем самым до определенного уровня ограничивается их потенциальный опыт, и они склоняются к специфическому образу мыслей и характерному, исторически уместному образу действий. Если так, то конкретное местоположение исключает большее разнообразие стилей мысли, опыта, чувств и поступков, обозначает предел для персонального самовыражения. Однако эта негативная граница не исчерпывает существа дела. Каждому местоположению в позитивном

смысле присуща тенденция, ориентирующаяся на определенные способы поведения, чувствования и мышления» [1, с. 128].

Поколение переходного типа обладает чертами предыдущего, но приобретает свои особенности в процессе эволюционного развития, так как приходит на смену предыдущим поколениям; такое поколение является базисом постсоветского общества в романе «Generation “П”». Данное поколение не может определиться со своими основополагающими идеями: «О русской идее напоминало только блатное обращенье “россияне”, всегда казавшееся Татарскому чем-то вроде термина “арестанты”» [2, с. 200].

Советское поколение 1990-х находится в непрекращающихся поисках своих идеалов в новой действительности: «Отец Татарского, видимо, легко мог представить себе верного ленинца, благодарно постигающего над вольной аксеновской страницей, что марксизм изначально стоял за свободную любовь, или помешанного на джазе эстета, которого особо протяжная рулада саксофона заставит вдруг понять, что коммунизм победит. Но таков был не только отец Татарского, – таким было все советское поколение пятидесятых и шестидесятых» [2, с. 14].

«Новые русские» заработали огромную сумму денег преступным путем; идея обогащения любыми путями поглотила умы людей; изменение психологии людей привело к потере каких-либо других идей и мотиваций; моральные ценности потеряли свою актуальность, что выражено в пространстве как размывание границ между несочетаемыми объектами: «Во всем царила странноватая неопределенность. Этот мир был очень странным. Внешне он изменился мало – разве что на улицах стало больше нищих, а все вокруг – дома, деревья, скамейки на улицах – вокруг как-то сразу постарело и опустилось. Татарский часто представлял себе Германию сорок шестого года, где доктор Геббельс истерически орет по радио о пропасти, в которую фашизм увлек нацию, бывший комендант Освенцима возглавляет комиссию по отлову нацистских преступников, генералы СС просто и доходчиво говорят о либеральных ценностях, а возглавляет всю лавочку прозревший наконец гауляйтер Восточной Пруссии» [2, с. 19].

По определению Льва Рубинштейна, вслед за физической наступает виртуальность духовная: «На следующий день Морковин приехал к Татарскому домой рано. Он привез с собой большой полиэтиленовый пакет ярко-желтого цвета. В пакете был бордовый пиджак из материала, похожего на шинельное сукно. На его нагрудном кармане посверкивал сложный герб, напоминающий эмблему с пачки “Мальборо”. Ещё Морковин достал из пакета пижонский блокнот в кожаной обложке, невероятно толстую ручку с надписью “Zoom” и пейджер – тогда они только появились в Москве» [2, с. 26].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что человеческая индивидуальность подменяется стереотипами, формирующими массовое сознание; сложившиеся социальные условия, в которых находятся представители «поколения Пепси», способствуют активизации лингво-креативных мыслительных процессов, обострению интуиции, моделированию теоретических концепций и систем образов.

Список использованной литературы

1. Мангейм, К. Очерки социологии знания / К. Мангейм. – М. : ИНИОН РАН, 1999. – 162 с.
2. Пелевин, В. О. Generation «П» / В. О. Пелевин. – М. : Вагриус, 2004. – 335 с.

Н. Мацкевіч

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

«ПРАЗ ВОГНЕННЫ НЕБАСХІЛ»: ПАЭЗІЯ МАКСІМА ТАНКА ВАЕННАГА ПЕРЫЯДУ

Пасля 1939 г., калі збыліся мары паэта аб аб'яднанні Заходняй Беларусі з усёй краінай, паэзія Максіма Танка напоўнілася новымі тэмамі і вобразамі. Але ўслаўляць стваральную працу савецкага народа доўга не давлялося: пачалася вайна. Паэт балюча перажываў расстанне з Радзімай.

Творчасць Максіма Танка ваеннага перыяду ў многім грунтуецца на багаці і разнастайнасці народных «духоўных залежаў» – матываў, вобразаў, сюжэтаў беларускага фальклору. Несумненна, для таленавітага мастака дужа важным было паэтызаваць нацыянальна-патрыятычныя першакаштоўнасці, маральна-этычныя асновы людскай супольнасці, што ва ўсе складаныя, лёсавызначальныя часы працавала на абуджэнне жыццясцвярдзальных сіл народа.

Падчас Вялікай Айчыннай вайны Максім Танк заставаўся верным сваім прынцыпам і адданасці сваёй радзіме – Беларусі. Для яго незалежнасць радзімы, свабода і мір з'яўляліся не проста прыгожымі словамі, а заклікам да дзеяння. Паэт з першых дзён вайны імкнецца трапіць на фронт, хоць яго жонка цяжарная і хутка павінна нарадзіць. Але асабістыя праблемы адыходзяць на другі план. Асноўным і адзіным для Яўгена Іванавіча ў той час было ўбачыць радзіму вольнай. У пісьме ад 13.08.1941 г. да жонкі Максім Танк піша: «Хоць шкада мне было Вас пакідаць адных (з сынам), але я рад і за цябе, і за сябе, што выехаў, што можа буду стаяць на сваім пасту і пры патрэбнай рабоце...» [2, с. 18]. Імкненне паэта абавязкова ўдзельнічаць у барацьбе з захопнікамі было праявай яго грамадзянскага сумлення і патрыятычнага абавязку, важнейшай умовай яго далейшага жыцця, творчасці і сямейнага шчасця.

Лірычны герой паэзіі Максіма Танка ваеннага часу – чалавек нацыянальна свядомы, патрыёт сваёй зямлі, нястомны змагар, ён выяўляўся яшчэ ў творчасці заходнебеларускага часу праз мэтанакіраванае баявое дзеянне. І зараз гэта амаль заўсёды баец-беларус, вызваліцель роднай зямлі ад чужынцаў, які падаваўся ў незвычайным фізічным, духоўным напружанні, гатовы да подзвігу і самаахвяравання.

Першыя вершы, якімі пачалася ваенная тэма ў творчасці паэта, мелі характар заклікаў. Гэтая форма непасрэднага звароту, публіцыстычнага маналога найбольш адпавядала грозным і трагічным падзеям, на якія трэба было адгукнуцца неадкладна. Адным з такіх з’яўляецца верш Максіма Танка «**Не шкадуйце, хлопцы, пораху...**». Вялікую глыбіню і сілу набывае мастацкае слова паэта ў развіцці тэмы вызвалення Радзімы ад захопнікаў. «Не шкадуйце, хлопцы, пораху...» – звяртаўся Максім Танк да беларускіх партызан, якія з цёмнай пушчы помсцілі ворагу, не давалі яму ні хвіліны спакою. Паэт падтрымлівае гэту святую помсту за смерць бязвінных дзяцей, за разбураныя мірныя хаты, патаптаныя хлебныя нівы: *Не шкадуйце, хлопцы, пораху, / Куль гарачых і гранатаў. / Ўсе, каму свабода дорага, / Падымайцеся на ворагаў, / На катаў!* [1, с. 162].

Менавіта такімі радкамі паэт заклікаў змагацца супраць фашыстаў на фронце і на акупіраванай тэрыторыі, каб наблізіць дзень вызвалення. Лірычны герой гэтага верша перакананы, што беларускія пушчы, паляны, лясы і рэкі стануць «могільнікам ворагам». Паэт ужывае народную экспрэсіўную лексіку, называе акупантаў «звяр’ём», «бандай воўчай», «катамі», «гадамі» і выказвае перакананне, што ворагам нідзе не схавацца ад народнай помсты: *Чуюць гады ў кожным шораху, / што ўжо блізіцца расплата, / чуюць з страхам песню ворагі: / не шкадуйце, хлопцы, пораху / на катаў!* [1, с. 163]. Несумненна, асноўная ідэя верша заключаецца ў словах закліку «Не шкадуйце, хлопцы, пораху», які тройчы паўтараецца ў творы.

Сярод вершаў заклікавага, пераможнага гучання ў паэзіі Максіма Танка ваеннага часу сустракаюцца вершы элегічнага настрою. Менавіта такім з’яўляецца верш «**Хмары з захаду...**». Паэта хвалюе лёс роднай зямлі. Пакуты Радзімы становяцца яго ўласнымі пакутамі. Гэта перажывае лірычны герой верша, назіраючы за адлётам журавоў з Беларусі ў вырай: *У асеннім галошанні іх / Чуем матчыну скаргу і голас. / Не пытае ніхто журавоў, / Што нясуць, пралятаючы міма. / Кожны ведае: родных сыноў / І чакае, і кліча радзіма* [1, с. 163].

Лірычны герой уяўляецца адным з тысяч байцоў-беларусаў, якія знаходзяцца на фронце і змагаюцца з ворагам. Ён з сябрамі моўчкі пазірае на хмары з захаду, якія нізка праплываюць над імі. Байцы смуткуюць, ім здаецца, што гэтыя хмары нясуць слёзы матуль, дзяцей з акупіраванай Беларусі. Павевы ветру, здаецца, даносяць сумнае галашэнне, скаргі мірных жыхароў, якія зараз жывуць у фашысцкай няволі.

У вершы «Хмары з захаду...» паэт паказвае, што журавы, якіх выгнаў дым пажараў з родных гнёздаў, напамінаюць людзям, як родная зямля чакае сыноў сваіх, давярае ім свой лёс і спадзяецца на іх. Пейзаж, які стварыў паэт, напоўнены шэрымі фарбамі, якія скіроўваюць чытача на роздум аб будучыні Радзімы. Усё нагадвае паэту і яго лірычнаму герою боль і пакуты Бацькаўшчыны: і заходнія вятры, якія быццам скардзяцца на напаткаўшае Беларусь гора, і журавы, якія шукаюць выратавання ад пажараў родных вёсак пералётам на ўсход. Герой верша марыць вярнуцца ў родны край пераможцам, вызваліцелем. Кожны з байцоў разумее, што іх нецярпліва чакае зняволеная родная зямля.

Другая кампазіцыйная частка твора з'яўляецца зваротам лірычнага героя да Беларусі. Ён ад імя сваіх сяброў-франтавікоў абяцае: пакуль рукі трымаюць аўтамат і гранату, байцы будуць змагацца за вызваленне родных мясцін ад фашыстаў: *Яшчэ вернемся мы і прыйдзём, / Беларусь, на прасторы шчасліва, / Каб ты зноў расцвітала і зноў / Хваляваліся золатам нівы* [1, с. 164].

Апошняя страфа гэтага верша гучыць як рэквіем. Лірычны герой абяцае: нават калі дзевяццаці загінуць, сыны Беларусі і ў апошнія хвіліны будуць думаць аб вызваленні Радзімы: *Нават паўшы ў баі, не спачнём, / На глухім і маўклівым пагосце, – / Мы, як цені, на зорах прыйдзём / І за раны радзімы адпомсцім* [1, с. 164].

Сярод твораў ваеннага часу Максіма Танка асабліва ўражваюць вершы баладнага гучання. Жанр балады быў запатрабаваны ў беларускай ваеннай паэзіі. Да гэтага жанру звярталіся розныя паэты, сярод іх быў А. Куляшоў. Знакамітыя балады «Маці», «Балада аб чатырох заложніках», «Паланянка», «Ліст з палону» і іншыя сталі класікай нацыянальнай літаратуры. Лірычная гераіня верша «**Маці**» Максіма Танка нагадвае гераіню аднаіменнай балады А. Куляшова: абедзве матулі горача жадаюць і спадзяюцца, што іх сыны жывымі і здаровымі вернуцца з трывожнага ваеннага паходу і, як могуць, малітваю, закліццем, варажбой, просяць аб гэтым нябёсы.

Старая матуля па даўняй народнай традыцыі звяртаецца да чарадзейства. Асенняй ноччу «за лучынай» яна шые сыну-партызану кашулю і «выводзіць песняй салаўінай» на ёй узор – нацыянальны арнамент. Яна верыць, што злая куля абміне яе сына: *Не, не павінен ён загінуць. / Старая хіліць галаву...; ... Чырвонай ніткаю закліцце / Тчэ на кужэльным палатне. / Закліцце ад варожай кулі, / Ад лютай смерці, ад пятлі, / Ад груганой, каб праз кашулю / Дастаць да сэрца не змаглі* [1, с. 166].

З дапамогай элементаў фальклорна-рамантычнай умоўнасці Максім Танк імкнуўся выявіць драматызм і трагізм вайны з глыбінь, асудзіць яе разбуральную, антычалавечую сутнасць. Каб падкрэсліць значнасць ідэі духоўна-маральнага адзінства нацыі і ўсяго народа, важнасць істотных грамадскіх змен і глыбінных душэўна-псіхалагічных зрухаў у асобе

сучасніка, паэт не без поспеху звяртаўся да такіх шырока апрабаваных традыцыямі вуснай народнай творчасці стылявых сродкаў і прыёмаў, як містыфікацыя, адухаўленне навакольных прадметаў і прыродных з’яў.

Творчасць Максіма Танка перыяду Вялікай Айчыннай вайны была дзейсным сродкам мабілізацыі духоўных сіл народа на разгром ворага, крыніцай патрыятызму і сапраўднай школай нянавісці да акупантаў. Мужнела паэзія паэта, развіваліся яго ідэйна-эстэтычныя і творчыя прынцыпы, працягваўся працэс настойлівых пошукаў новых форм адлюстравання гераічных спраў народа, дакладнага і вострага слова, якое можна было б прыраўняць да штыка.

Паэзія Максіма Танка ваеннага часу – чарговы крок наперад у станаўленні і развіцці яго паэтычнай музы і рэалістычнай паэтыкі. Галоўны вынік пошукаў – далейшае ўдасканаленне паэтычнага майстэрства Максіма Танка, набліжэнне мастацкага слова да жывой гутарковай мовы, да фальклорных крыніц. Узбагачаная вопытам шматнацыянальнай літаратуры, лірыка паэта разгортваецца з новай сілай і набывае новыя якасці.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Танк, Максім. Збор твораў / Максім Танк ; прадм. М. Мікуліча. – Мінск, 2010. – 1008 с.
2. Танк, Максім. Збор твораў : у 13 т. / Максім Танк. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – Т. 9 : Лісткі календара. Дзённікі (1941–1959) / рэд. Г. М. Кісліцына ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. – 592 с.

А. Медведчук

Уманський державний педагогічний університет імені Павла Тичини
(г. Умань, Україна)

КВАНТИТАТИВИ В ПОЕЗІЯХ І. ВЕЛИЧКОВСЬКОГО

Числівники становляць незначны лексічна замкнуты клас слів, які хоч і мае доўгу історыю свого фармування, проте в аснове поповнення «ілюзорна» новымі адзінцамі лежыць назвы чисел першага дзясятка та запозычэння в старо- та новоукраінскіх перыодах развітку мовы. Фармування числівніків як самостійнаго класу слів заўжды перебувало в полі зору даследніків мовы (див. праці Г.І. Грымашевіч, О.Ф. Жолубова, Ю.О. Карпенка, О.І. Кржжанівскаго, Т.Б. Лукінавоі, А.Є. Супруна та ін.).

У даследженні числівніків спостерігаемо своерідны консерватызм: квантататывы студуюць переважна на матэрыялі пам’яток діловаі пісемності таго чы таго рэгіону, зрідка залучаючы дані сучасных діалектів, що дэманструюць досіть строкату картину вжывання різноманітних форм числівніків. Це, своєю чергою, дозволяє майже аднозначно стверджуваці,

що в живому мовленні українців минулого ця строкатість існувала в такому ж або й більшому вияві. У нашій розвідці проаналізуємо систему квантитативів, що їх ужив у власних творах маловідомий український поет Іван Величковський, діяльність якого, за різними даними, припадає на другу половину XVII – початок XVIII ст.

Зазначимо, що письменник активно послуговується числівниковими словами, зокрема власне кількісними та порядковими.

Квантитатив *один* у досліджуваних поезіях репрезентовано формами з початковим *је*, узгоджуваними з означуваними словами в роді, відмінку й числі, наприклад: *Вѣра єдно єст крило, о єдном несмѣло / крилѣ летѣти, злаца морем – страшно дѣло* [1, с. 54]; *Бог во троици єдиній дал тебѣ єдину / булаву, которая аби трвала вину* [1, с. 55]; *На суд оний, на котром на все и всѣ люде / отвѣт дадут, чи досит єдного дня буде?* [1, с. 152]. Авторські контексти дозволяють спостерегти і транспозиційні явища в числівнику *один*, коли він набуває статусу неозначеного займенника, наприклад: *Спытано раз єдного філіозофа: «Що бог чинит?» Отповидѣл: «Високіє рѣчи понижаєт, а низкіє вивишаєт»* [1, с. 152].

Числівник *два/дві* демонструє родову й відмінкову парадигму залежно від слова, з яким сполучається, наприклад: *На древѣ крестнѣ(о)м Христа-бога пригвоздиша, / а с ним два разбойника близу повѣсиша* [1, с. 111]; *Двѣ свѣци, двоє солнца, матер и отрока, / иже тя благословить, зарю без порока* [1, с. 117]. Числова парадигма квантитатива *два* неповна, представлена формою двоїни, що засвідчує збереження цих форм не тільки як писемну традицію, але і як живомовну рису, наприклад: *Ущйрбна луна двѣ нузѣ лобизбѣт. / Чтѣ єст си? Бьнти пулна от дѣвы желбѣт* [1, с. 58]; *Пять хлѣбов и двѣ ри(ы)бѣ отрок продаяше* [1, с. 107].

Числівник *три* репрезентовано різними відмінковими формами, наприклад: *Трема сими крилами, данними ти свишиє, / буди благословеній трикратне и лишие!* [1, с. 54]; *А жеби совершена была память крестна, / даровал бог три знаки тебѣ креста честна* [1, с. 55]; *Воведенная во церков, в трех лѣтєх, в дар тройци, / дажд ми входом во церков вход в храм вышній творци* [1, с. 95]; *Бо хот єго на три дни во гробѣ сховано, / предся, яко послушний сын, рекл: «Встану рано»* [1, с. 117].

Числівник *чотири* І. Величковський використовує в різних фонетичних варіантах, що зумовлено вимогами рими. Стилістичного ефекту віршованому тексту надає поєднання семантично тотожних лексем, наприклад: *Смерть, [страшный] сэд, бд, небо, нѣбы чтьнры квадры, / Збвше их мѣй при сердцу, як компас в занбдри* [1, с. 66]; *Востук, збпад, юг, сѣвер сут чбсти четьнри / Міра, а вси божію мбтер чтэт без мѣры* [1, с. 66].

Числівники *п'ять* – *сім* репрезентовано відповідними церковно-слов'янськими формами. Особливо це стосується квантитатива *сім*, що

в усіх засвідчених випадках має форму з давнім сполученням **дм**, наприклад: *ІСУСЕ, **пять** язв болиших – в ребрах, в руку, в ногу – / пріємый, за **пять** чувств, в нас согрѣших ти богу, / Тіх язв **пяти** таланта **пять** приобрѣтенны, / моя чувства да будутъ вѣчно ти врученны* [1, с. 104]; *Седм даров и **пять** талант за звѣзды таковы / тому в руцѣ господней, с ним сущей, готовы* [1, с. 102]; *Для безпечности **шесть** крил приправил превзятых, / бы достигл серафимов так шестокрилатых* [1, с. 54].

Аналізовані вірші презентують не всю десяткову парадигму, наприклад: *ІСУСЕ, за **тридесят** сребрников проданный, / им же ест искуплен мір, от тройци созданный; / В честь тройци заповѣди дажд **десят** хранити, / умом, словом и дѣлом: з грѣх ся искупити* [1, с. 102]; *Тридесят лѣт имѣя, Христос-бог крестися* [1, с. 106]; *Десять муж прокаженных словом очищает, / егда ко священником оны поси(ы)лает* [1, с. 109].

Спостерігаємо цікаве використання числівника **сорок** у віршах, присвячених Богородиці. І. Величковський тлумачить числове значення букви М, з якої починається ім'я Марія, наприклад:

М̄ арІа

Бы богородицею не была Марія,

Не докбжет, хуч бѣм глбв мѣл М̄ (сурок) АРІА [1, с. 82].

Небагато автор використав і складених числівників, наприклад: *Пять тысяц насытил ест, выше того взяху / укрухов дванадесят кошниц, что остаху* [1, с. 107]; *Седмдесят двоих апостол имена святых, / аще кто не вѣсть, убо да увѣсть, суть сія* [1, с. 124].

І. Величковський описово передає числа 888 та 666, наприклад: *Єму же **три** крати осм, молю: «Ты спаси мя», / а єму же **три** крати **шесть**: «Ты не паси мя»* [1, с. 139].

Порядкові числівники репрезентовано меншою мірою. Вони засвідчують узгодження з означуваними іменниками з роді, числі, відмінку. Утворення від квантитативів на позначення чисел другого десятка, десятків засвідчують традиційні для церковнослов'янської мови форми, наприклад: *Час **первый, третий, шестый, девятый** читати, / вечерню, навечерню чинно совершати* [1, с. 104].; *В року **тысяча шестсот осмдесятом**, / декамеря по дню **пятнадесятом*** [1, с. 100].

За допомогою числівників різних семантичних груп автор обіграє символіку християнської віри, наприклад: *Чбс ест **дванбдесятый**: «Рбдуйся, єзу же / **Дванбдесят** апостол ты мати, госпоже»* [1, с. 60]; *Чбс гласит **пятый**: «Рбдуйся отсюду: / Сын **пятьма** хлѣбы кормил мнуго люду»* [1, с. 62]; *Чбс ест **пятнбдесятый**: «Рбдуйся в честь мнуга / **В пятнбдесяти** лѣтех родившая бога»* [1, с. 61].

У вірші «Молитва сѣм различностей маст» саме числівники допомагають І. Величковському реалізувати семантику єдинства віри і розмаїття світського її сприймання. Крім того, поезія засвідчує перехід займенників

у квантитативну сферу, водночас разом із числівниками – у субстантивну, наприклад: *Іншій* молиться, яко осужденник, / *Другий* молиться, яко должник, / *Третій* молиться, яко невольник, / *Четвертий* молиться, яко наємник, / *П'ятий* молиться, яко друг, / *Шестій* молиться, яко сын, / *Седмій* молиться, яко брат – / не стидится братію нарицати нас [1, с. 142].

Збірні числівники репрезентовано спорадично. Це квантитативи *двоє*, *троє*, *об'ї*, у використанні яких можна спостерегти закономірність: вони сполучаються з іменниками середнього роду, демонструючи узгодження з означуваним словом, наприклад: *Три тіє крести знаки тоє призначали, / иж ся троє началства во єдино злучали* [1, с. 55]; *Вѣра и добродѣтель, суть то двоє крыла, / на двоих тѣх вся висить спасенія сила. / Должна птица обѣма крилома лѣтати, / должен человек вѣру и дѣла стяжати* [1, с. 90]; *Да умру и аз, и во едином гробѣ / тѣлеса наша положатся обѣ* [1, с. 120].

Отже, зафіксовані в поезіях І. Величковського квантитативи засвідчують традиційність вербального вираження кількості. Можна констатувати тільки спорадичні спроби модифікувати числівникову систему церковнослов'янської мови до української народнорозмовної, проте й вони свідчать про ослаблення старої системи форм квантитативів.

Список використаної літератури

1. Величковський, І. Твори / підгот. тексту та комент. В. П. Колосової, В. І. Кречотня. – Київ. : Наук. думка, 1972. – 191 с.

А. Мередов

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ИГРОВЫЕ ЗАДАНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5 КЛАССЕ

Одной из задач современной школы является воспитание подлинно культурных людей. Показателем культуры человека является его речь. Чем выразительнее, точнее, грамотнее речь человека выражает его мысль, тем значительнее человек как личность и тем ценнее он для общества.

Обучение школьников речевой деятельности предполагает, что учащиеся должны в итоге научиться свободно пользоваться устной и письменной речью: владеть различными видами речевой деятельности (грамотно писать, бегло и осознанно читать, хорошо говорить, правильно понимать чужое устное высказывание и уметь слушать), соблюдая при этом языковые нормы (орфоэпические, лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические и стилистические) и проявляя при этом качества «хорошей» речи (Б.Н. Головин) [1].

В 6 классе при изучении имени существительного программа предусматривает наряду с изучением грамматических категорий, присущих этой части речи (род, число, падеж, склонение), работу над усвоением учащимися языковых норм, в первую очередь – грамматических.

В действующем учебнике по русскому языку для 6 класса [5] при изучении имени существительного есть ряд упражнений, направленных на формирование культуры речи учащихся. Например, в § 27 «Имена существительные собственные и нарицательные» – упр. 205, в § 28 «Род неизменяемых имен существительных и сложносокращенных слов» – упр. 228, 229 и др. Эти задания являются традиционными с точки зрения современной методики обучения русскому языку.

Е.Н. Ильин, известный педагог, заметил: «Соедините Духовность и Игру, а проще – учебу и интерес, вот и выход на все проблемы и из всех проблем, какие давно и мучительно волнуют школу» [2, с. 8]. На наш взгляд, одним из эффективных методов формирования речевой культуры учащихся является применение игровых ситуаций. Эффективность обращения на уроке к игре объясняется тем, что ее эмоциональность, спонтанность позволяют, во-первых, включить учащихся в занятие неформально, стимулирует их к активному участию в уроке; во-вторых, в любом случае игры способствуют совершенствованию словарного запаса школьников, развитию речевых умений и навыков, повышают интерес к предмету.

Для учащихся 6 класса нами составлена система заданий, имеющих игровой характер и предусматривающих формирование культуры их речи. Задания были апробированы в ходе педагогической практики. Приведем некоторые из заданий с сопровождением методического комментария.

Задание 1. Игра «Озвучь картинку». Назовите предметы на слайде. На какой слог падает ударение?

Свекла, щавель, цепочка, торты, банты, жалюзи, каталог, столяр, дремота, аналог, квартал, творог.

*Ответы учащихся: *свЕкла, щавЕль, договОр, тОрты, бАнты, жа-люзИИ, каталОг, досУг, дремОта, анАлог, квартАл, твОрОг.*

Методический комментарий. Выполнение этого задания имеет цель закрепить в речи учащихся орфоэпическую (произносительную) норму. В игре участвует весь класс. «Озвучивать картинку» может ученик, вызванный учителем. Или можно использовать и прием хорового проговаривания, при котором все учащиеся класса при появлении картинки одновременно называют слово. В случае неверно поставленного ударения ошибка заметна сразу.

Задание 2. Игра «Маленькие открытия».

1. Прочитайте названия парных предметов и нескольких предметов. А как можно назвать один предмет из пары или множества? Запишите. О каких предметах нельзя сказать в ед. ч.? Образец: *банты – бант, шорты – нет ед. ч.*

Сандалии – ...; туфли – ...; тапки – ...; щипцы – ...; семена – ...; куры – ...; цветы – ...; брюки –

*Ответы учащихся: *сандалии – сандалия, туфли – тУфля, тапки – тапка, щипцы – нет ед. числа, семена – семя, куры – кура, цветы – цветок, брюки – нет ед. ч.*

2. Прочитайте названия единичных предметов. А как нужно сказать, если таких предметов много? Запишите. У каких предметов нет мн. ч.? Образец: *бант – банты, молоко – нет мн. ч.*

Цветок – ...; курица – ...; масло – ...; шофер – ...; катер – ..., повидло –

*Ответы учащихся: *цветок – цветки (цветы), курица – куры (курицы), масло – нет формы мн. числа, шофер – шоферы, катер – катера, повидло – повидла.*

Методический комментарий. Игра называется «Маленькие открытия», поскольку даже носители языка не всегда верно образуют формы ед. и мн. ч. некоторых имен существительных. Учащиеся могут попытаться самостоятельно выполнить задание, но, убедившись в его сложности, могут воспользоваться «Школьным грамматико-орфографическим словарем» [3] или «Словарем трудностей русского языка» [4].

Задание 3. Игра «Кто лучший редактор?». Исправьте грамматические ошибки.

1. Михаил знал множество историй, стихотворений, басней и песней. 2. В кладовой хранилось много одеялов, подушек, простыней и полотенец. 3. Купим по паре сапогов, туфлей, сандаля, кедров, носок.

*Ответы учащихся: *1. Михаил знал множество историй, стихотворений, басен и песен. 2. В кладовой хранилось много одеял, подушек, простыней и полотенце. 3. Купим по паре сапог, туфлей, сандалий, кедр, носков.*

Методический комментарий. Задание предполагает отработку употребления в речи существительных в форме родительного падежа множественного числа. Поскольку упражнение носит корректурный характер, оно может быть дано только сильным учащимся, способным опознать грамматическую ошибку и исправить ее. При необходимости школьники могут обратиться к указанным выше словарям.

Таким образом, формировать речевую культуру учащихся при изучении темы «Имя существительное» в 6 классе можно как с помощью традиционных грамматических заданий, так и с помощью нетрадиционных игровых форм работы. Достоинство игровых заданий заключается в том, что они вызывают у детей повышенный интерес, положительные эмоции, помогают концентрировать внимание на учебной задаче.

Список использованной литературы

1. Головин, Б. Н. Основы культуры речи. / Б. Н. Головин. – М. : Высш. шк., 1980. – 320 с.

2. Ильин, Е. Н. Путь к ученику: Раздумья учителя-словесника: книга для учителя: Из опыта работы / Е. Н. Ильин. – М. : Просвещение, 1988. – 224 с.
3. Панов, Б. Т. Школьный грамматико-орфографический словарь русского языка / Б. Т. Панов, А. В. Текучев. – М. : Просвещение, 1991. – 288 с.
4. Розенталь, Д. Э. Словарь трудностей русского языка / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Айрис-Пресс, 2016. – 703 с.
5. Учебник для 6 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения / Л. А. Мурина [и др]. – Минск : 2015. – 272 с.

А. Нестерук

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ЖЕНСКАЯ СУДЬБА В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ДУШЕЧКА»

В центре рассказа «Душечка» – история жизни девушки, которую называют Оленькой или просто «душечкой» независимо от ее возраста.

Автор дает героине такую характеристику: *«Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом, очень здоровая... Полные розовые щеки, мягкая белая шея с темной родинкой, добрая, наивная улыбка»* [1]. Все это А.П. Чехов пишет об Оленьке – героине, поражающей своей внешностью как мужчин, так и женщин.

Можно сказать, что любовь для Ольги – смысл жизни. Ее первым избранником стал Кукин – антерпренер и содержатель увесилительного сада «Тиволи». Но была ли это любовь? На наш взгляд, жалость и сочувствие к заботам и проблемам Кукина привели героиню к увлечению этим мужчиной. Автор сообщает нам, что именно несчастья Кукина тронули героиню.

В скором времени они повенчались. А.П. Чехов показывает, как изменилась жизнь Оленьки после венчания: *«Она сидела у него в кассе, смотрела за порядками в саду, записывала расходы, выдавала жалованье»* [1]. Дело мужа становится теперь и ее делом. Так, под влиянием Кукина меняется наша героиня, меняются ее интересы, взгляды. Она стала похожа на своего мужа во всем, как в действиях, так и на словах: *«И что говорил о театре и об актерах Кукин, то повторяла и она. Публику она так же, как и он, презирала за равнодушие и за невежество»* [1].

Счастье с Кукиным длилось недолго. Отъезд любимого мужа для Оленьки – тяжелая разлука, ведь *«она без него не могла спать, все сидела у окна и смотрела на звезды»* [1]. Еще страшнее удар она получила, прочитав телеграмму, из которой говорилось, что Кукин скоропостижно скончался.

Но жизнь Оленьки на этом не закончилась – она повстречалась с Василием Андреевичем Пустоваловым. Чувства вспыхнули и *«Оленька его полюбила, так полюбила, что всю ночь не спала и говорила, как в лихорад-*

ке» [1]. Теперь она стала женой управляющего лесным складом, сменив театральную кассу на лесную контору, где *«сидела до вечера и писала там счета и отпускала товар»* [1].

Удивительно, как резко изменяются взгляды Душечки, как она умеет быстро приспособиться к «новой» жизни. Если еще вчера она утверждала, *«что самое замечательное, самое важное и нужное на свете – это театр»*, то сейчас ее мнение изменилось: она считает, что самое важное – это лес. Душечка стала жить мыслями Пустовалова, отсюда понятно ее охлаждение к театру: *«Мы люди труда, нам не до пустяков. В театрах этих что хорошего?»* [1].

Из ее уст стала звучать «лесопромышленная» лексика: *балка, кругляк, шелевка*. Оленька настолько была погружена в тему леса и всего, что с ним было связано, что даже *«по ночам, когда она спала, ей снились целые горы досок и теса»* [1]. Душечка снова очень быстро забыла о том, что было смыслом жизни.

Очередная разлука с мужем оборачивается для героини рассказа испытанием: *«она сильно скучала и по ночам не спала, плакала»* [1]. Чтобы скрасить печальные дни «душеньки», писатель добавляет в сюжет ветеринарного врача Смирнина. Он появляется в тот момент, когда Оленька нуждалась в поддержке. Смирнин действительно заинтересовал Душечку рассказами, *«и это ее развлекало»* [1].

Героиня, уже раз испытала чувство потери любимого человека, даже и предположить не могла, что судьба разлучит ее и со вторым мужем. Смерть Пустовалова она переживает глубоко: *«Выходила из дому редко, только в церковь или на могилку мужа, и жила дома, как монашенка»* [1].

Несмотря на то что Оленька овдовела дважды, она не может долго жить без любви и счастья. По этой причине Чехов сближает одинокую Душечку с ветеринаром. Сблизившись с ним, *«она повторяла мысли ветеринара и теперь была такого же мнения, как он»* [1]. Так Душечка нашла свое новое счастье, без которого не могла прожить и дня. С ветеринаром она позабыла все, что было до встречи с ним. Поэтому читатель легко замечает, что театр и лесная промышленность перестают для нее быть смыслом жизни. Здоровье домашних животных – единственное, что беспокоило ее сейчас.

Счастливая жизнь со Смирниным прервалась, как и с бывшими мужьями, но теперь уже навсегда. Оставшись совершенно одна, она стала безразлична к жизни и ко всему окружающему: *«ни о чем не думала, ничего не хотела»* [1]. Ей стало неинтересно заботиться о саде, волноваться о торговле лесом и переживать за здоровье животных. Все это было уже не в ее интересах.

Казалось, остаток жизни Оленьки так и пройдет бесцельно, без собственных мнений. Внезапное возвращение Смирнина с женой радует Оленьку: *«Услышав, что ветеринар ищет квартиру для себя с семьей, она готова отдать ему все, только бы рядом с ней были живые существа»* [2, с. 307].

В жизни Душечки появляется Саша – сын ветеринара. Жена Смирни-на уехала, бросив мальчика, а ветеринар часто уезжал по делам. Конечно, ни о какой родительской любви и заботе здесь и речи идти не может – мальчик будто принадлежал сам себе. Оленька понимала трагедию ребенка и старалась заменить родную мать, могла присмотреть за мальчиком. Она полюбила Сашу как своего родного сына. А.П. Чехов подчеркивает особую привязанность героини рассказа к мальчику: *«Из ее прежних привязанностей ни одна не была такою глубокой, никогда еще раньше ее душа не покорялась так беззаветно, бескорыстно и с такой отрадой, как теперь...»* [1].

Интересно, что у Душечки теперь появилось собственное мнение, она самостоятельно думает и рассуждает: *«Все-таки классическое образование лучше реального, так как в гимназии всюду открыта дорога...»* [1].

С появлением Саши ее жизнь обрела смысл, полюбив его всем сердцем, она уже не могла потерять его. Героиня боится, что родная мать может вот-вот объявиться, тогда ей не о ком будет заботиться, некому будет отдавать свою любовь. «В финале рассказа Чехов дает почувствовать читателю, что, возможно, последняя любовь Оленьки имеет особый характер, что, быть может, в этой любви есть тайна и глубина ... Все привязанности Душечки были по-своему сильными и искренними, хотя в их зарождении и развитии не было никакой любовной “интриги”, никакого “развития отношений”, одним словом, ничего похожего на “роман”» [3, с. 174].

В этом рассказе А.П. Чехов дает один важный совет: жизнь состоит из светлой и черной полосы, но несмотря ни на какие преграды необходимо пережить трудные моменты и продолжать жить. Мы видим, что Оленька следует этому принципу. Похоронив мужа, она некоторое время в печали, в трауре, но, *«когда прошло шесть месяцев, она сняла плерезы и стала открывать на окнах ставни»* [1]. Она понимала, что жизнь продолжается. Тем не менее, смело можно осудить героиню рассказа за неспособность самостоятельно думать, принимать решения, жить своими собственными интересами.

Это произведение по-разному было встречено русскими писателями. Например, Л.Н. Толстой заметил противоречие между замыслом писателя и его воплощением: «Он считал, что А.П. Чехов задумывал образ отрицательный, но независимо от его желания, характер героини получился положительный» [4, с. 80]. Совсем другое мнение высказал в своей статье М. Горький, который осуждал Душечку за ее покорность: «Ее можно ударить по щеке, и она даже застонать громко не посмеет, кроткая раба» [4, с. 82]. Современный критик В. Лакшин так оценил героиню Чехова: «Оленька – существо робкое, покорное, во всем послушное судьбе. Она начисто лишена самостоятельности в мыслях, и в мнениях, и в занятиях. У нее нет иных интересов, кроме интересов мужа-антерпренера или мужа-лесопромышленника, которые и сами по себе ничтожны и смешны. Жизненные идеалы Оленьки просты: покой, благополучие мужа, тихие, семейные радости» [5, с. 29].

Рассказ А.П. Чехова «Душечка» по праву можно считать произведением, в котором судьба женщины раскрыта очень ярко. Ольга Семеновна навсегда останется в душах читателей.

Рассказ А.П. Чехова современен и в XXI веке. Несомненная ценность и актуальность творчества А.П. Чехова в том, что он на примере житейских мелочей, обыденных отношений между мужчиной и женщиной раскрывает идеалы, к которым человек должен стремиться.

Список использованной литературы

1. Чехов, А. П. Избранные произведения / А. П. Чехов. – Минск : Наука и техника, 1983. – 447 с.
2. Паперный, З. С. Записные книжки Чехова / З. С. Паперный. – М. : Совет. писатель, 1983. – 389 с.
3. Лишаев, С. А. Дух, Душа и «Душечка»: форма и материя по рассказу А. П. Чехова «Душечка» / С. А. Лишаев // Нева. – 2010. – № 6. – С. 164–177.
4. В творческой лаборатории Чехова : сб. ст. / Академия наук СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; редкол.: Л. Д. Опульская [и др.]. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
5. Гаранина, А. И. От сопоставления разных интерпретаций к собственному творчеству / А. И. Гаранина // Рус. яз. и лит.– № 7. – С. 26–30.

Н. Пашко

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

В современном обществе наблюдается тенденция к экономии языковых средств (простые предложения, сокращения слов и др.), что не могло не отразиться на интернет-коммуникации школьников. Основной задачей автора любого сообщения в виртуальном пространстве становится обеспечение собеседникам сети наиболее благоприятных условий для понимания текста. В интернет-коммуникации на сегодня все чаще используются не линейно построенные тексты, требующие вдумчивого чтения, а креолизованные (Е.Е. Анисимова, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов), или семиотически осложненные тексты.

С целью выявления особенностей виртуальной коммуникации школьников нами было проведено эмпирическое исследование «Подростки и социальные сети» среди учащихся ГУО «Ореховская средняя школа» Брестской области. Анализ анкетирования показал, что 87 % опрошенных учащихся являются пользователями социальных сетей, в своей письменной речи кроме вербальных средств коммуникации активно используют и невербальные средства коммуникации (смайлы, стикеры, картинки и т. д.), которые в совокупности образуют особый тип текста – креолизованный.

Под креолизованными следует понимать тексты, состоящие из двух частей: вербальной (языковой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам). Вербальный компонент в текстах такого типа представлен надписями или подписями. Невербальный (иконический) компонент креолизованных текстов, согласно результатам исследования, представлен различными невербальными знаками: чертежами, схемами, фигурами, фотографиями, карикатурами, шаржами, гротесками, картинками, рисунками и т. д. Использование такого типа элементов в виртуальной коммуникации школьников позволяет говорить о принципиальной разнице для учащихся между текстами полностью вербальными и креолизованными, поскольку последние обладают основными категориями текста: целостностью и связностью.

Как показали результаты проведенного исследования, наиболее распространенными примерами креолизованных текстов в письменной речи школьников в киберпространстве являются креолизованные мемы (высказывания с иронией или сарказмом) – указали 80 % опрошенных, креолизованные смайлы (набор символов, передающих эмоции человека) – 98 % респондентов. Часть анкетированных в виртуальном общении не используют мемы и смайлы, поскольку негативно относятся к их употреблению – 45 % пользователей, не умеют создавать мемы и пользоваться смайлами – 32 %, на электронных носителях отсутствуют программные средства для их создания – 18 %, не понимают значения мемов и смайлов – 5 %.

Креолизованные мемы создаются либо используются школьниками уже в готовом виде и включаются в виртуальный контекст для достижения комизма. Источником появления таких мемов становится специфический интернет-жанр – демотиватор – определенное изображение, состоящее из рисунка и комментирующей его неожиданной надписи-слогана. Например: использование соответствующих изображений, сопровождающихся надписями «Кэп» – «Капитан Очевидность», «Котэ» – мем, вариант слова *кот*, *баян* – старая шутка, «FFUUUU» – крайнее негодование, «LoL» – англ. *laughing out loud* – громко, вслух смеясь и т. д.

Креолизованные смайлы – графические элементы, выражающие эмоции коммуникантов. При взаимодействии в киберпространстве смайлы «берут» на себя роль «эмоций» участников дискурса. В совокупности с вербальным элементом, к которому прикрепляется смайл, они образуют креолизованный текст. Например: сообщение «Привет!» и соответствующий улыбающийся смайл создает впечатление пребывания собеседника в хорошем настроении, сообщение «Нет!» в комбинации с соответствующим смайлом указывает на категорическое несогласие, слово «Жду» в комбинации с известным интернет-стикером «Ждун» означает очень долго ждать чего-либо и т. д.

В качестве креолизованных текстов в виртуальных сетевых сообществах могут использоваться различные шрифтовые и цветовые выделения, которые несут в себе определенную смысловую нагрузку, а также в сочетании «аватара» (картинки, отображающейся на странице пользователя и представляющей его) с «никнеймом» (сетевым псевдонимом пользователя) страницы способны выступать средством самопрезентации автора виртуального сообщения.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что современные школьники в виртуальном общении активно используют креолизованные тексты с целью создания дополнительной «образности» сообщений и самопрезентации личности.

Д. Печко

ГУО «Средняя школа д. Черни»
(Брестский р-н, Беларусь)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Под топонимом понимается имя собственное любого географического объекта, который находится на поверхности земли или в недрах земной коры выделяется человеком как самостоятельная единица.

В каждом языке топонимы составляют большой пласт лексикона – сотни и тысячи слов. Топонимы, как и любые другие слова, образуются в одном языке, широко распространяются во все языки мира. Топонимы как часть лексикона определенного языка не ограничиваются территорией, на которую распространяется этот язык. Топонимы Великобритании широко известны всему миру благодаря истории страны, широкому распространению английского языка. «Географическое название не бывает случайным. Его дает общество. Как все общественные явления, оно всегда обусловлено исторически, продиктовано уровнем социально-экономического развития. В одни эпохи давали географические названия преимущественно по природным или хозяйственным признакам объекта; в другие – чаще всего называли объект по его принадлежности владельцу; в третьи – возобладало названия посвящения, не связанные ни с признаком объекта, ни с его принадлежностью, а придающие ему идеологическую окраску... Всего драгоценнее свидетельства топонимии для определения древнего расселения народов. По языковой принадлежности названий выясняют бывшие границы размещения народов и пути миграций... Много ценного дают топонимы для истории языка, сохраняя черты, давно утраченные живой речью» [1, с. 3–5].

Выделяют несколько классов топонимов по типу обозначаемых географических объектов: 1) ойконимы – названия населенных пунктов: *Лондон (London)*, *Манчестер (Manchester)*; 2) урбанонимы – названия внутригородских объектов: *Оксфордский университет (The University of Oxford)*, *Трафальгарская площадь (Trafalgar Square)*; 3) гидронимы – названия водных объектов: *р. Северн (Severn)*, *р. Темза (Thames)*, *о. Лох-Несс (Loch Ness)*; 4) оронимы – названия особенностей рельефа: *г. Меррик (Mount Merrick)*, *Пеннинские горы (Pennines)*.

Топонимы, как правило, передаются путем транслитерации и транскрипции. Наряду с ними встречаются случаи перевода географических названий, имеющие семантическое обоснование.

Согласно структурной (морфологической) классификации топонимы делятся на 4 типа [2, с. 66]: а) простые (состоят только из корневого слова без каких-либо служебных формантов): *Бат (Bath)*, *Перт (Perth)* и т. д.; б) производные (образуются при помощи присоединения к корню морфологического признака-аффикса): *Кингстон (Kingston)*, *Бирмингем (Birmingham)*, *Скарборо (Scarborough)* и т. д.; в) сложные (состоят из двух морфем, которые выступают в качестве основы топонима): *Кембридж (Cambridge)*, *Ливерпуль (Liverpool)*, *Манчестер (Manchester)* и т. д.; г) составные (представляют собой словосочетание, состоящее из двух и более частей речи: *Стратфорд-авон-Эйвон (Stratford on Avon)*, *Британские острова (British Isles)*, *Северная Ирландия (Northern Ireland)* и т. д. Следует отметить, что название на английском языке может быть составным (*Great Britain*), а на русском языке по структуре сложным (*Великобритания*).

Географические названия Британских островов довольно хорошо изучены. В образовании английского языка, а также происхождении названий английских городов и территорий существует, в основном, влияние нескольких языков – кельтского, латинского, старого германского, скандинавского и французского языков, что связано, прежде всего, с историей Великобритании.

В ойконимы обычно входят топоформант (топонимический формант) – повторяющаяся часть ойконима (и топонима вообще) – суффикс или совокупность суффикса и грамматического окончания.

Кельтские компоненты: *-бороу/-бург/-беру* (англ. *borough/burgh/bury*) – ‘небольшой город’: *Эдинбург (Edinburgh)*, *Скарборо (Scarborough)*.

Латинские компоненты: *-касл/-кастер/-честер* (англ. *Castle/Caster/Chester*) – от лат. *castra* – ‘военный лагерь’: *Ньюкасл (Newcastle)*, *Ланкастер (Lancaster)*; *-фос* (англ. *foss*) – от лат. *fossa* – ‘ров’: *Фосбрук (Fossebrook)*; *-кол* (англ. *col(n)*) – от лат. *colonia* – ‘поселение’: *Линкольн (Lincoln)*, *Колчестер (Colchester)*.

Староанглийские компоненты: *-берн/-берн* (англ. *bourne, burn*) – ‘течение, поток, ручей’: *Блекберн (Blackburn)*; *-хем/-гем (ham)* – от англ.

home – ‘дом, группа построек, поселок’: *Бирмингем (Birmingham)*, *Тоттенхэм (Tottenham)*; *-тон/-таун* (англ. *ton*) – *от town* – ‘город’: *Саутгемптон (Southampton)*, *Брайтон (Brighton)*; *-филд* (англ. *field*) – ‘поле’: *Шеффилд (Sheffield)*; *-пул* (англ. *pool*) – ‘пруд, заводь, бухта’: *Ливерпуль (Liverpool)*; *-форд* (англ. *ford*) – ‘брод’: *Оксфорд (Oxford)*; *-мут* (англ. *mouth*) – ‘устье’: *Плимут (Plymouth)*, *Портсмут (Portsmouth)*.

Скандинавские компоненты: *-би* (англ. *by*) – ‘деревня, небольшое поселение, отдельно стоящая ферма’: *Гримсби (Grimsby)*, *Тенби (Tenby)*; *-торп* (англ. *thorp*) – ‘деревня, селение, ферма’: *Сканторп (Scunthorpe)*.

В структуру топонима может входить имя собственное, названия животных, растений, описательных прилагательных и др. Например, *Бирмингем (Birmingham)* упоминается в XI в. как *Bermingeham* – ‘селение рода Берма’; в названии *Berm* или *Beorm* личное имя, *-ing* притяжательный суффикс, *ham* др. -англ. ‘дом, жилище’, группа построек, поселок’; *Оксфорд (Oxford)* упоминание в 912 г. как *Oxnaford*, в 1000 г. *Oxenaford* от *ford* ‘брод’, *oxen* – ‘рогатый скот’, т. е. брод на постоянной скотопрогонной дороге; го-род *Ковентри (Coventry)* упоминается как *Couaentree*, *Cofentreium* – ‘дерево Ко-фа’ (*Cofa* – личное имя, *tree* – ‘дерево’), а по другой этимологии др.-англ. *cofa* соответствует совр. *cove* ‘бухта’ и относилось к заводи реки, на которой находится город; дерево в этом случае могло служить ориентиром и др.

Любой топоним можно охарактеризовать по типу обозначаемого им объекта и с точки зрения морфологической структуры. Однако установить значение топонима не всегда представляется возможным из-за существующих проблем топонимики: утери мотивации названия, ошибочной замены одних элементов другими по причине внешнего сходства, многозначности элементов топонима, ложной аналогии. Наличие различных языковых источников также может осложнять толкование топонима.

Одна из особенностей топонимии Великобритании заключается в том, что компоненты названий редко соотносятся на современном уровне с реальной лексикой английского языка. Английские топонимы сложились 10–15 столетий назад и в своей основной массе отображают древнейшее состояние языка. Современная топонимия Англии – это результат многовекового развития названий, которые подвергались воздействию многочисленных факторов, среди которых можно упомянуть, в первую очередь, морфологическое опрощение [2, с. 66].

Список использованной литературы

1. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М. : Мысль, 1966. – 509 с.
2. Леонович, О. А. В мире английских имен : учеб. пособие по лексикологии / О. А. Леонович. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ООО Астрель, 2002. – 160 с.

П. Питкевич

Белорусский государственный университет
(г. Минск, Беларусь)

ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ГИПЕРАВТОРСТВО КАК ФЕНОМЕНЫ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В конце XX в. ряд философских, культурных, научных явлений стал употребляться с приставкой *гипер-*, обозначающей усиление, чрезмерность, расширение и выход понятия на новый уровень охвата вследствие преодоления некоего умозрительного барьера. Прежде всего, изменения произошли в реальности, «усиленным» аналогом которой стала гиперреальность – «иллюзия, создаваемая средствами коммуникации и выступающая как более достоверная, точная, “реальная” реальность, чем та, которую мы воспринимаем в окружающей жизни» [5, с. 23]. Также стали возможны более частные явления, такие как гипертекстуальность, гиперэкзистенциальность, гиперсоциальность, гиперматериальность и др.

В постмодернистской философии возникла концепция «мир как текст», разработанная Ж. Деррида, Р. Бартом, Ю. Кристевой. Смысл концепции в том, что человек воспринимает окружающий мир посредством текстов культуры, образующих единый Текст, или Сверхтекст – «аструктурированную гетерогенную множественность симулякров» [2]. «Мир мыслится как текст, как бесконечная *перекодировка и игра знаков*, за пределом которых нельзя явить означаемые, «вещи», как они есть, «истину» саму по себе. Текст мыслится *«интертекстуально»*, как игра сознательных и бессознательных заимствований, цитат, клише» [5, с. 12].

Текст, или Сверхтекст, постструктуралистов в виртуальном пространстве – это гипертекст. Понятие *гипертекст* появилось в 1965 г. благодаря Т. Нельсону, который задумал проект глобальной электронной библиотеки *Xanadu*. Для расшифровки того, что такое гипертекст, важно уяснить характер связей между текстами внутри него. Они организуются посредством ссылок, в том числе перекрестных ссылок (гиперссылок), что обеспечивает нелинейность, многовариантность и индивидуальность алгоритма чтения. Попадая в открытую систему гипертекста с параллельными и перпендикулярными ветвлениями информации, точно соединенными ссылками, читатель становится активным субъектом коммуникации, поскольку он сам волен выбрать свой путь в матрице текста. Интересно, что гипертекстуальность, воспринимаемая сейчас в качестве обязательного атрибута Интернета, была присуща некоторым неэлектронным текстам еще до появления всемирной сети. С одной стороны, словари и энциклопедии – наглядный пример гипертекста, пронизанного отсылками к другим текстам. С другой стороны, литературные эксперименты Х. Кортасара,

М. Павича, Д. Галковского указывают на попытку создания романа по принципу гипертекста. В этой связи гипертекст можно рассматривать как «радикальную (постмодернистскую) форму бытия интертекста» [1, с. 272].

Текстуализованность мирового пространства коррелирует с понятием *литературоцентризм*, однако в гомогенной, плюралистичной современной системе исключено противопоставление центра и периферии, поэтому российский и американский литературовед, лингвист Михаил Эпштейн предлагает для ее описания иной термин – *пантекстуализм*, в рамках которого снимается деление текстов на литературные и нелитературные.

Приведем два ранних примера освоения возможностей Сети в русской культуре. Это два независимых друг от друга виртуальных проекта, датируемые 1995 г. Так, Михаил Эпштейн создал ‘ИнтеЛнет’ (inteLnet, сокращение от *intellectualnetwork*, ‘интеллектуальная сеть’) – межкультурное и междисциплинарное сообщество для создания и распространения новых идей и интеллектуальных движений через электронное пространство. Далее, говоря о гипертексте, нельзя не упомянуть «РОМАН» – первый русский интерактивный литературный проект Д. Манина и Р. Лейбова. Суть его состояла в том, что пользователям Рунета (русскоязычной Сети) предлагалось поучаствовать в написании романа, начало которого было выложено в Интернет. Каждый желающий мог сочинять роман с любого места и присоединять свой фрагмент текста к его «телу» с помощью гиперссылки. В результате коллективного творчества получилось хаотичное повествование с множеством сюжетных линий.

Проблема авторства в виртуальном пространстве, где категория автора как конкретного субъекта творческой деятельности размывается окончательно, дает основания для выдвигания наряду с гипертекстом понятия *гиперавторство*. Если в отношении гипертекста речь идет о распылении (по выражению М.Н. Эпштейна) текста по виртуальным пространствам, то гиперавторство характеризуется распылением авторства «по многим возможным, “виртуальным” авторствам, которые несводимы в точку одного реально живущего индивида» [3]. «Гиперавторство означает преизбыток авторов над текстами, умножение возможных авторств одного и того же текста, так что на один порядок знаков приходится уже несколько порядков означивания, несколько возможных авторизаций (виртуальных подписей)» [4]. Явление гиперавторства наглядно демонстрируют факты литературной мистификации. Можно привести в пример автора (гиперавтора) цикла повестей «Плохих людей нет» «еврокитайского гуманиста и писателя» Х. ван Зайчика, под именем которого скрывается группа российских писателей-фантастов и ученых-китаеведов во главе с В. Рыбаковым и И. Алимовым.

Говоря о феноменах гипертекстуальности и гиперавторства, нужно дать название той общей характеристике, что позволяет говорить про со-

временный образ культуры, текста, автора, – ризоматичность. Понятие ризомы как новой модели мышления, культуры, общества предложили постструктуралисты Ж. Делез и Ф. Гваттари в своей книге «Капитализм и шизофрения. Тысяча плато». Ризома (фр. *rhizome* – ‘корневище’) – децентрированная сеть без начала и конца с множеством случайно расположенных точек, где какая-либо одна соединяется с любой другой – противопоставляется господствующей до нее модели дерева, то есть централизованной системе с иерархической коммуникацией. В пространстве гипертекста роль точек соединения ризом выполняют ссылки, скрепляющие отдельные тексты в гетерогенную, мультикультурную систему ризоматического типа.

Таким образом, гипертекстуальность и гиперавторство, присущие постмодернистской литературе, обозначили трансформацию традиционных категорий «текст» и «автор» в условиях развития информационного общества. Текст преобразовался в гипертекст, характеризуемый нелинейностью, интертекстуальностью, интерактивностью. В свою очередь, авторство из единоличного и реального стало коллективным и виртуальным.

Список использованной литературы

1. Левченко, М. А. Сетература / М. А. Левченко // Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.) : учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений / С. И. Тимина [и др.] ; под ред. С. И. Тиминой. – СПб. ; М., 2010. – Гл. 13. – С. 269–288.
2. Скоропанова, И. Мини-словарь постмодернистской терминологии [Электронный ресурс] / И. Скоропанова // Филолог. – 2004. – № 6. – Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_141. – Дата доступа: 07.04.2018.
3. Эпштейн, М. Информационный взрыв и травма постмодерна [Электронный ресурс] / М. Эпштейн // Электронная библиотека RuBooks.org. – Режим доступа: <http://rubooks.org/book.php?book=9700>. – Дата доступа: 09.04.2018.
4. Эпштейн, М. Н. О виртуальной словесности [Электронный ресурс] / М. Н. Эпштейн // Рус. журн. – 1998. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/journal/netcult/98-06-10/epstyn.htm>. – Дата доступа: 09.04.2018.
5. Эпштейн, М. Н. Постмодерн в русской литературе : учеб. пособие для вузов / М. Н. Эпштейн. – М. : Высш. шк., 2005. – 495 с.

Е. Просолова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
(г. Витебск, Беларусь)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ГОДОНИМОВ ВИТЕБЩИНЫ

Доклад посвящен семантике и тематической классификации эмоционально-характерологических названий линейных объектов Белорусского Поозерья. Исследование проводится на базе крупного культурного центра Беларуси – Витебщины.

Малоисследованным является контрастивно-типологический аспект географических названий, урбанонимов в частности, как в плане выражения, так и в плане содержания. Этим обусловлена **актуальность** данной работы. **Научная новизна** исследования заключается в выявлении эмоционально-характерологического компонента топонимии, а также в том, что в ней онимы рассматриваются как носители не только сугубо лингвистической, но и богатой лингвострановедческой информации.

Цель данной работы – выявить эмоционально-характерологические названия в топонимной системе Белорусского Поозерья.

Материалом исследования послужили эмоционально-характерологические топонимы Белорусского Поозерья. Данная выборка географических наименований произведена нами на основе географических карт и интернет-источников.

К **методам исследования**, использованным в работе, относятся метод сплошной выборки, метод компонентного анализа, сопоставительный, описательный и статистический методы, обобщение, а также формантный и этимологический методы.

В ходе исследования были выявлены топонимические единицы, которые относятся к эмотивной лексике, т. е. являются эмоционально-характерологическими. Всего 604 объекта. Поскольку в нашей работе проводится исследование эмоционально-характерологических топонимов, а универсальной классификации эмоций не существует и, по мнению Б.И. Додонова, существовать не может, то за основу мы приняли деление эмоций, соответствующих характеру их воздействия на человека [1, с. 83]. В соответствии с этими группами эмоционально-характерологические названия внутригородских и внутрисельских линейных объектов можно классифицировать на: 1) связанные с положительными эмоциями; 2) связанные с отрицательными эмоциями.

К **первой** из них мы отнесли наименования: 1) с созначением *«приятная, вызывающая в ком-либо радостное настроение, связанная взаимным согласием, внушающая полное доверие, сулящая счастье»*: в **урбанонимии** (*Рассветная ул., ул. Энтузиастов* и т. д.), в **виконимии** (*Медовая ул., ул. Романтиков, Дивная ул.* и т. д.); 2) с созначением *«предпочитаемая остальным»*: в **урбанонимии** таких объектов не выявилось, в **виконимии** (*Любимая ул.*); 3) с созначением *«сверкающая, украшенная, праздничная»*: в **урбанонимии** (*Алмазный пер., Солнечная ул., Солнечный пер.*), в **виконимии** (*Солнечная ул., Звездный пер.* и т. д.); 4) с созначением *«исполненная доброты, задушевности, доброжелательности»*: в **урбанонимии** таких объектов не выявилось, в **виконимии** (*Хлебосольная ул., Братская ул.*); 5) с созначением *«чистая, свободная, просторная»*: в **урбанонимии** (*ул. Свободы, Зеленая ул., Широкая ул.* и т. д.), в **виконимии**

(Зеленая ул., Вольная ул., Просторная ул. и т. д.); 6) с созначением **«спокойная, тихая, такая, в которой приятно находиться»**: в урбанонимии (Снежная ул., Цветная ул. и т. д.), в виконимии (ул. Мира, Тихая ул., Роскошная ул. и т. д.); 7) с созначением **«передовая, характеризующаяся изобилием»**: в урбанонимии (Урожайная ул., Фруктовый пер. и т. д.), в виконимии (Трудовая ул., Ударная ул., ул. Новаторов и т. д.).

Учитывая веру христиан в то, что с окончанием земного пути жизнь человека не заканчивается, положительную эмотивность можно усмотреть и в названии улицы *Встречная*, ведущей к кладбищу (г. Витебск) [1, с. 84].

Вторую, заметно менее многочисленную группу формируют следующие номинации: 1) с созначением **«находящаяся на большом расстоянии, на краю, неудобная»**: в урбанонимии (Дальний пер., ул. 1-я Дальняя, Крайний пер. и т. д.); в виконимии (Дальний пер., Дальняя ул., Поперечная ул., Угловая ул.); 2) с созначением **«давно используемая, утратившая от долготы свои свойства»**: в урбанонимии (шоссе Староостровенское, Староулановская ул.), в виконимии (Старая ул., пер. 1-й Старосельский); 3) с созначением **«недостаточно широкая, имеющая ограниченные пределы»**: в урбанонимии (Малый пер., Малая ул., Тупой пер.), в виконимии (Короткая ул., Тупиковая ул., Узкая ул. и т. д.); 4) с созначением **«неровная, непрямая»**: в урбанонимии (Кривой пер.), в виконимии (Извилистая ул.).

Таким образом, процесс номинации линейного объекта не может быть изолирован от субъективной оценки его с точки зрения номинатора [1, с. 85]. Выявляя *семантические особенности*, мы пришли к выводу, что заметную группу названий линейных объектов составляют эмоционально-характерологические, которые свойственны как урбанонимной, так и виконимной системам. Среди годонимов, относящихся к эмотивной лексике, преобладают наименования, выражающие положительные эмоции. Отметим, что в семантике годонимов заключена информация о географическом объекте, о его связи с человеком и обществом в целом.

Подводя итог, подчеркнем, что годонимы как класс топонимии, а соответственно, и достаточно широкий пласт лексики являются также предметом изучения семасиологии – науки, изучающей лексическое значение слов и выражений. В значениях слов мы выделяем также эмотивный компонент как результат отражения эмоций в слове, а за единицу эмотивной лексики считаем эмотивную сему [2, с. 24]. В лингвистической литературе выделяется и эмотивная функция языка, целью которой является осуществление специфической формы эмоциональной коммуникации людей. Все это находит отражение в классификации названий улиц с позиций эмотивной семантики, т. к. по своему содержанию определенная часть сегодняшних урбанонимов и виконимов связана с выражением эмоций номинаторов внутригородских и внутрисельских объектов.

Список использованной литературы

1. Мезенко, А. М. Эмотивная лексика в урбанонимии Витебщины и Смоленщины: представленность, особенности функционирования / А. М. Мезенко // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города) : сб. ст. по материалам докл. и сообщ. конф., Смоленск, 4–5 окт. 2012 г. – Смоленск : Маджента, 2012. – С. 81–85.
2. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж, 1987. – 24 с.

К. Протосовицкая

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

PR-ТЕХНОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

«Беларусь 1» является общереспубликанским и национальным телеканалом. На медиарынке канал занимает ключевое место. Основу эфира составляют информационные и политические программы, ток-шоу, спортивные передачи. Поскольку канал «Беларусь 1» принадлежит «Белтелерадиокомпании», то на нем не допускается появление антигосударственных и антиправительственных новостей, тем самым осуществляется пропагандистская функция средств массовой информации. Главным образом в новостных блоках представлена информация общеполитического и мирового масштаба. Однако повестка дня «Беларусь 1» формируется в основном исходя из актуальных новостей государства.

Как показал анализ эмпирического материала, повестка дня телеканала «Беларусь 1» представляет собой набор из 5–7 различных тем, которые предлагаются СМИ для ознакомления обществу. Среди них нами выделены три тематические доминанты, в частности политика, экономика и культура. Данные и другие темы могут актуализироваться на канале на протяжении различных промежутков времени. В зависимости от этого были выделены новости:

- краткосрочные (например, репортажи о борьбе с последствиями непогоды, которые идут не более 2–3 дней);
- среднесрочные (например, избирательные кампании в регионе, время представления которых в новостях – до месяца);
- долгосрочные (например, противостояние международному терроризму, время представления – от нескольких месяцев).

Безусловно, эти временные ограничения условны, однако стоит заметить, что, чем большее количество информационных фильтров прошло какое-либо сообщение, тем больше у него возможностей оказаться в среднесрочной либо долгосрочной повестке дня.

Механизм повестки дня предполагает, что массмедиа могут оказывать влияние на когнитивный уровень сознания индивидов, что подтверждалось многими социологическими исследованиями. Проблемы, рассматриваемые зрителями как «наименее важные» или «наиболее важные», отражают картину их освещения в СМИ.

Для выявления PR-технологий воздействия на общественное сознание, которые использовались в формировании повестки дня телеканала «Беларусь 1», был проведен контент-анализ двух информационных программ за период 2017 г. и начала 2018 г. – «Панорама» и «Главный эфир». «Панорама» – ежедневная вечерняя информационная программа, которая формирует информационную картину дня страны и мира. «Главный эфир» – еженедельная информационно-аналитическая программа, формат которой подразумевает подведение итогов недели [2].

Нами было выявлено больше десяти технологий Public Relations, применяемых в конструировании повестки дня телеканала «Беларусь 1», что отражено в следующей таблице.

Таблица – Технологии влияния на общественное мнение в новостных программах «Панорама» и «Главный эфир»

Технология	Пример из выпуска новостей	
	«Панорама»	«Главный эфир»
Манипулирование с истинной информацией	«В интересах государства» (04.12.2017 г.)	«Сферы национальных интересов» (29.04.2018 г.)
Тенденциозный подбор тем и материалов	«Эмоции Олимпиады: лучшие кадры из Пхенчхана-2018» (12.02.2018 г.)	«Курс на экспорт» (18.03.2018 г.)
Распределение непропорционально эфирного времени	«О перспективах на урожай» (25.07.2017 г.), «Уборочная кампания» (03.08.2018 г.)	«Беларусь помнит» (13.05.2018 г.)
Фрагментарность представления информации	«Экстремальная ситуация» (01.02.2018 г.)	«Показать товар лицом» (25.03.2018 г.)
Намеренно выравненное представление малосравнимых факторов – «media amplification»	«Стратегия в тактике» (04.04.2018 г.)	«Время постправды» (15.04.2018 г.)
Выбор выгодного момента для формирования населения	«Великая суббота» (07.04.2018 г.)	«Мисс Беларусь» (06.05.2017г.)
Эмоциональное представление происходящего	«Женский день» (09.03.2018 г.)	«Малая родина» (25.03.2018 г.)
Двухступенчатый коммуникационный поток: использование в комментариях мнений компетентных персон	«Общественная сила» (19.01.2018 г.)	«Каникулы безопасности» (01.04.2017 г.)

Продолжение таблицы

Использование в качестве телеведущих обаятельных и привлекательных людей, наиболее убедительных в случаях, когда важно субъективное предпочтение	«По тонкому льду» (15.01.2018 г.)	«Взрывной новый год» (24.12.2018 г.)
Технология влияния СМИ на деформацию архетипических образов, внедрение в общественное сознание элементов нестабильности	«Теракт на Манхеттене» (01.11.2017 г.)	«Фейк дурно пахнет нафталином» (22.04.2018 г.)
Технологии манипуляции в СМИ с опросами общественного мнения	«По новым правилам» (09.03.2018 г.)	«Спасенные души» (15.04.2018)
Эксплуатация в СМИ всевозможных слухов, которые могут целенаправленно влиять на информационно-психологический климат в обществе	«Финальные штрихи» (23.11.2017 г.)	«Взрывоопасная тема» (18.03.2018 г.)

Исследование показало, что основной PR-технологией для формирования повестки дня, использованной телеканалом «Беларусь 1» за период 2017 г. и начала 2018 г., послужило манипулирование истинной информацией. Наиболее часто телеканал осуществляет манипуляцию истинной информацией с помощью следующих приемов:

– информационной перегрузки, суть которой заключается в том, что сообщается большое количество информации, основная часть которой представлена абстрактными рассуждениями, ненужными деталями и т. п., вследствие этого объект не может понять истинную суть проблемы;

– дозирования информации: как правило, сообщается лишь часть сведений, а остальные скрываются; это ведет к тому, что реальная картина искажается в ту или другую сторону или вообще становится непонятной;

– смешивания истинных фактов с предположениями, гипотезами и слухами, в результате чего становится непросто различить правду и вымысел;

– затягивания времени: под разнообразными предлогами оттягивается обнародование важных сведений до момента, когда будет уже поздно что-либо изменить.

Таким образом, в результате дозирования и затягивания информации у канала появляется время для информационного маневра и более точного анализа последствий обнародования той или иной информации.

Список использованной литературы

1. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в особых условиях : монография / А. В. Манойло. – М. : МИФИ, 2003. – 388 с.

2. Сайт Белтелерадиокомпания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tvr.by/>. – Дата доступа: 29.06.2018.

В. Пукала

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

**ЛЕКСЕМЫ ТЭМАТЫЧНАЙ ГРУПЫ «КАХАННЕ»
Ў АПОВЕСЦЯХ У. КАРАТКЕВІЧА**

Тэма каханьня – вечная тэма, якую закранае ў сваёй творчасці амаль кожны пісьменнік. У. Караткевіч не стаў выключэннем. Нельга не пагадзіцца з думкай, што «гэтае пачуццё ва ўяўленні беларусаў больш моцнае, чым усе астатнія, яго можна параўнаць хіба толькі з ісцінай або праўдай» [1, с. 54]. Аповесці У. Караткевіча «У снягах драмае вясна» і «Чазенія», у якіх, апрача ўсяго іншага, апавядаецца і пра каханне, падкрэсліваюць слушнасьць такога меркавання і дазваляюць вылучыць ключавыя моўныя адзінкі для апісання названага пачуцця пісьменнікам. Варта сказаць, што аналіз мовы мастацкіх твораў з боку выяўлення ў ёй тэматычных груп лексікі з’яўляецца досыць актуальным у сучаснай філалогіі, у тым ліку і пры вывучэнні ідыястылю пісьменнікаў.

Цэнтральнымі вобразамі аповесці «Чазенія» з’яўляюцца Севярын Будрыс і Гражына Арсайла. Падчас падарожжа на Тыгравую Падзь да таго месца, дзе знаходзіцца Арсайла, Севярын гаварыў з сябрам Паўлавым, які падчас размовы заўважае, што Будрыс ужо знаходзіцца ў стане каханьня. Але юнак імкнецца абгрунтаваць думку з адваротнага боку: *Кінь! Слова гонару даю. Якое там каханне! Нязручна. Слова дзяўчыне даў. Палічыць за хлуса...* [2, с. 227]. Стан адчування каханьня Севярынам перадаецца наступным кантэкстам: *Яго і сапраўды нібы асяніла раптоўная магчымасць і дазволенасць гэтага, свая **нязвязанасць**, свая поўная **свабода**. І раптоўнае, ад магчымасці гэтага, пачуццё **радасці*** [2, с. 223]. У. Караткевіч паказвае, што моцнае каханне выклікае ў героя менавіта адчуванні **радасці**, **нязвязанасці**, **свабоды**. Пералічаныя назоўнікі, як і дзеяслоў **кахаць**, аб’ектыўна і арганічна ўключаюцца ў тэматычную групу «каханне». Мабыць, неад’емнымі атрыбутамі каханьня яшчэ з’яўляюцца **спатканні**, **пацалункі**, праяўленне **пяшчоты** адзін да аднаго, і натуральна, што названыя намінацыі выкарыстоўваюцца пісьменнікам для раскрыцця і паказу інтымнай лініі ў аповесці. Далейшы кантэкст аповесці толькі ўзбагачае палітру пачуццяў закаханых і папаўняе тэматычную групу новымі адзінкамі – **шкадоба**, **замілаванне**, **жаданне бараніць**: *У гэтых цёмна-сініх вачах жыву такі незразумелы боль і такое каханне, што Будрыс увесь здрыгануўся ад **шкадобы**, **замілавання**, **жадання бараніць*** [2, с. 288]. Пісьменнік метафарызуе каханне, шукае алегарычны вобраз для перадачы пачуцця, і такім вобразам становіцца ў аповесці **папараць-кветка**: героі дамаўляюцца аб тым, што калі пачуццё каханьня

будзе страчана, то Севярын павінен прыйсці ў Тыгравую і знішчыць папараць-кветку, бо «яна ўсю сілу... кахання запасіць у корані» [2, с. 287].

Пісьменнік не давёў да канца, абарваў сюжэтную лінію асабістых пачуццяў, моцнага кахання герояў аповесці. З дапамогай лексемы **страта** аўтар апісвае ўнутраныя адчуванні і перажыванні галоўнага героя: *З пакутлівым пачуццём апошняй страты ўяўляў сонечныя ліянікі, шызыя гроны вінаграду, вугальны змрок у хатцы, яе вусны, дотык яе грудзей, крокі леопарда ўначы* [2, с. 302]. Але таемныя пачуцці Будрыса ўвасоблены ў яго прызнанні: *Ты дала мне гэтую моц. І дазволь ужо мне трымаць гэтае маё каханне, каб яно не памерла. У цвёрдых руках. Я не разаб'ю яго і не дам разбіць табе. Я не дапушчу, каб яно памерла ў маім сэрцы, і не дазволю, каб яно памерла ў тваім. Не дазволю мудрасцю, бязмежным цярпеннем, сілай свайго кахання...* [2, с. 306]. **Моц, сіла кахання**, якое можна **трымаць у цвёрдых руках** і не **разбіць**, – вось што становіцца важным для Будрыса, дае яму надзейную жыццёвую ўстойлівасць. Уключэнне ў тэматычную групу слоў **мудрасць, бязмежнае цярпенне**, што сінанімізуюцца ў далейшым аўтарскім кантэксце, паказвае на тое, што глыбокае пачуццё выходзіць чалавека, дае яму мажлівасць вялікага духоўнага росту.

Каханне ў творы ўяўляецца нейкай жывой, адухоўленай субстанцыяй, што асабліва выразна ўсведамляецца, калі ў тэксце аповесці побач са словамі **каханне, кахаць** ужываецца дзеяслоў **памерці**: *Ён бачыў ліянікі, добрыя, нібы ў светлым сне, паляны ў серабрыстай месячнай імгле міскантуса, рознакаляровыя завесы вінаграднай лістоты, пяшчотных аленяў з чорнымі вачыма, матылёў над кветкамі, жэньшэнь, што расце недзе для іх на выпадак, калі памрэ каханне* [2, с. 307]; *Не кахаць, бо каханне можа памерці...* [2, с. 306]. Нават сама гераіня Арсайла ў сваім лісце адзначае: *Не дапушчу, каб яно <каханне – В. П.> памерла ў маім сэрцы, і не дазволю, каб яно памерла ў тваім* [2, с. 306].

У аповесці «У снягах драмае вясна» іншая лінія кахання. Галоўны герой аповесці Уладзіслаў Берасневіч моцна і пяшчотна пакахаў Алёнку. Яму здаецца, што гэта тая **адзіная**, якую сустрэў назаўсёды. Падчас наведвання аднагрупніка Жэні і адбылося знаёмства Уладзіслава з дзяўчынай. І пасля гэтай выпадковай сустрэчы, як і Севярын Будрыс, Уладзіслаў значна мяняецца ў паводзінах: яго «**сэрца захлыналася ад радасці, ад бязмежнага шчаслівага болю...**» [3, с. 306]. Відавочна, што ў дадзенай аповесці У. Караткевіч ужывае тыя ж адзінкі тэматычнай групы «каханне», што і ў папярэднім творы: **сэрца, радасць, боль**. Пры дапамозе дзеяслова **захлыналася** і прыметнікаў **бязмежнага, шчаслівага** пісьменнік выразна перадае ўнутраныя глыбокія пачуцці Берасневіча. Каханая для яго становіцца **бессмяротнай**. Метафарычныя дзеясловы падкрэсліваюць асаблівае, персаніфікаванае пачуццё, якое «*быццам драмала,*

захаванае, каб зноў **вырвацца** на волю, калі прыйдзе час» [3, с. 269]. Ёсць у аповесці «У снягах драмае вясна» тая самая антытэза, што і ў «Чазеніі»: **каханне – боль**. Аднак у гэтым творы пісьменнік выкарыстаў яшчэ і супрацьпастаўленне **каханне – нянавіць**. Гэта выяўлена ў наступным кантэксте: *Ён шчыра думаў, што ў яго грамадская нянавіць, а зусім не асабістая, і не ўглядаўся ў глыбіны свайго сэрца* [3, с. 272]. Закаханыя вымушаны былі расстацца. У сказе «...**мара** аб ёй, поўнае ўсведамленне таго, што яна – **адзіная** і што ён яе ніколі не пабачыць» [3, с. 307] лексемы **мара, адзіная** паказваюць на тое, што каханне светла жыве ў душы галоўнага героя, хоць надзеі на шчасце ён ужо і не мае. Толькі праз чатыры гады ён зразумеў, што «не подласць, не несправядлівасць, не зацісканне рота, не здрада Алёнкі былі самымі жахлівымі» ў гісторыі іх расстання. Слова **здрада**, якое таксама ўключаецца ў аналізуемую тэматычную групу, азначае несупадзенне жыццёвых поглядаў і прынцыпаў, адсутнасць адзінадумства ў закаханых. З разважанняў гераіні можна вылучыць новыя адзінкі тэматычнай групы – выразы **вышэйшая істота** (каханы чалавек), **вырваць з сэрца з крывёю, амаль з жыццём** (старацца забыць пра сваё каханне): *Я вельмі, вельмі кахала цябе, бачыла ў табе **вышэйшую істоту**, верыла да апошняга слова. І менавіта таму, а не таму, што цябе зрынулі, адышла ад цябе, **вырвала з сэрца з крывёю, амаль з жыццём**, калі мне здалося, што ты **здродзіў праўдзе*** [3, с. 312–313].

Героі аповесці разумеюць, што іх каханне не згасла, і дамаўляюцца сустрэцца зноў, каб, магчыма, не раставацца ўжо ніколі. Пра гэта аўтар аповесці У. Караткевіч піша так: «*Мо таму, што **сэрца** пасля доўгай, чатырохгадовай зімы **адтайвае, пускае парасткі новага кахання**, знішчае апошні на зямлі след старога? І калі прынюхацца, як адчуваецца будучая **вясна**, хоць бы ў тым як пахне свежасцю, як мякаць сланечнікавага сцябла, снег! ...У снягах драмала вясна*» [2, с. 319]. З прыведзенага кантэксту можна зрабіць выснову, што пісьменнік і тут рамантызуе пачуццё, імкнецца знайсці сімвалічны абагульнены вобраз для яго прэзентацыі – у дадзеным выпадку вобраз вясны, якая выступае сімвалам новага жыцця, адухоўленага каханнем.

Прааналізаваны матэрыял дазваляе выявіць наступнае лексічнае ядро тэматычнай групы «каханне» з аповесцей У. Караткевіча: **назоўнікі каханне, сэрца, радасць, свабода, мудрасць, спатканне, боль, пацалунак, пяшчота, замілаванне, боль, нянавіць, здрада**; прыметнікі **бязмежнае, шчаслівае**; дзеясловы **кахаць, памерці, разбіць, здрадзіць, вырваць, адтайваць**. Каханне, па Караткевічу, гэта найперш надзея, самаахвярнасць, радасць, свабода. Але разам з тым яно можа быць звязана з болем, перажываннем, расстаннем, калі ў закаханых не хапае мудрасці, разважлівасці, умення слухаць і чуць адзін аднаго.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Садоўская, А. Л. Каханне ў моўнай карціне свету беларусаў / А. Л. Садоўская // Род. слова. – 2011. – № 5. – С. 53–56.
2. Караткевіч, У. С. Збор твораў : у 25 т. / У. С. Караткевіч ; падрыхт. тэкстаў і камент. П. Жаўняровіча і А. Вераб'я ; рэд. тома В. Іўчанкаў. – Т. 5 : Легенды. Навела. Паэма. Аповесць: 1960–1972. – Мінск : Маст. літ., 2013. – 541 с.
3. Караткевіч, У. С. Збор твораў : у 25 т. / У. С. Караткевіч ; падрыхт. тэкстаў і камент. П. Жаўняровіча і А. Вераб'я ; рэд. тома В. Іўчанкаў. – Т. 4 : Аповесці. Легенда: канец 1940-х–1958. – Мінск : Маст. літ., 2013. – 861 с.

А. Саларьова

Сумський державний педагогічний університет імені А.С. Макаренка
(м. Суми, Україна)

ГЕНДЕРНИЙ АСПЕКТ НЕВЕРБАЛЬНОЇ КОМУНІКАЦІЇ (НА МАТЕРІАЛІ ДРАМАТИЧНИХ ТВОРІВ П. АР'Є)

Процес людського спілкування здійснюється шляхом вербальної комунікації, а також за допомогою невербальних кодів, які супроводжують слово, «доповнюють й уточнюють його, надають емотивності й експресивності» [6, с. 622].

Проблема дослідження особливостей невербальних засобів знайшла своє відображення у працях Ф. Бацевича, Т. Ковалевської, Г. Крейдліна, Г. Сагач, Л. Славової, Л. Ставицької та ін.

Невербальними засобами комунікації, за словами Ф. Бацевича, називають «елементи комунікативного коду, які мають немовну (але знакову) природу і разом із засобами мовного коду служать для створення, передавання і сприйняття повідомлень» [3, с. 59].

Невербальні коди становлять основну складову частину персонажного мовлення в драматичних текстах, набуваючи вигляду ремаркових конструкцій і передаючи індивідуальні та соціальні характеристики мовців.

На вибір невербальних засобів значною мірою впливають соціальні чинники, одним із яких є гендерний статус комунікантів. Відтак, метою нашої статті є аналіз гендерного аспекту невербальної поведінки персонажів драматичних текстів п'єс П. Ар'є «На початку і наприкінці часів», «Слава героям», «Людина в підвішеному стані», що виражена в ремарках.

У драматургії Павла Ар'є гендерні проєкції простежуємо в парамовній поведінці. Так, у п'єсах найбільш частотнимим відзначаємо такий невербальний компонент жіночої комунікації, як плач, що реалізується через такі одиниці (усього 13; тут і далі подається кількість виявлених одиниць), як сльози (*ледь стримує сльози* [1, с. 117]; *з її очей течуть сльози* [1, с. 54]; *йде в сльозах у хату* [1, с. 74]; *захекавшись крізь сльози* [1, с. 210]; *крізь кашель і сльози* [1, с. 131]); плач (*зриваючись на плач*

[1, с. 252]); плакати (*плаче* [1, с. 73]; *радісно плачуть* [1, с. 270]; *гірко плаче* [1, с. 82]; *істерично плаче* [1, с. 258]); ридати (*ридаючи* [1, с. 262]; *ридає* [1, с. 271]); ревити (*реве щосили* [1, с. 86]). Натомість у мовленні чоловіків такі невербальні коди є нечисленними (7 одиниць): сльози (*обтираючи сльози* [1, с. 128]; *з очей течуть сльози* [1, с. 177]; *з його очей ллються щирі сльози* [1, с. 232]); плакати (*плаче* [1, с. 199]; *плаче, як дитина* [1, с. 265]; *гірко плаче* [1, с. 223]); ревити (*реве, як мала дитина* [1, с. 177]). Таке кількісне співвідношення підтверджує думку психологів про те, що «в комунікативній поведінці жінки експресії та переживань більше, ніж у чоловіків. Жінка частіше плаче, зривається на крик» [5, с. 32].

Гендерно маркованим є такий компонент невербальної комунікації, як сміх. На думку дослідників, чоловікам більше «притаманний щирий сміх для вираження емоції радості; жінки ж використовують його, крім емоцій радості, при страхові і в момент гніву, суму чи розчарування» [2, с. 22]. Зокрема, у «жіночих» ремарках знайшли своє вираження такі елементи невербаліки зі значенням 'сміх' (11 одиниць): всміхатися (*всміхаючись* [1, с. 179]); посміхатися (*посміюється* [1, с. 88]); хіхикати, хихотати (*позаколотницьки хіхікає* [1, с. 44]; *хихоче, як дитина* [1, с. 88]); сміятися (*сумно сміється* [1, с. 161]; *голосно сміється* [1, с. 247]; *нервово сміється* [1, с. 247]); реготати (*продовжує реготати* [1, с. 51]). Прикметно, що в жіночій невербальній поведінці, на відміну від чоловічої, можуть поєднуватися сміх і сльози: *плаче і сміється одночасно* [1, с. 251]. У комунікації чоловіків 'сміх' репрезентований поодинокими ремарками (7 одиниць): усмішка (*із щасливою усмішкою* [1, с. 233]); посмішка (*на його обличчі з'являється зла посмішка* [1, с. 273]); посміхатися (*дурнувато посміхаючись* [1, с. 41]); всміхатися (*всміхається* [1, с. 106]); сміятися (*сміється* [1, с. 107]); реготати (*регочуть* [1, с. 199]); сміх (*із диким сміхом* [1, с. 233]).

Гендерно вирізняється і тактильна комунікація. Дотик виражає стан мовця та передає його емоції адресатові. До тактильної комунікації в аналізованих п'єсах здебільшого звертаються жінки. Цю закономірність пояснює С. де Бовуар, яка зазначає, що «чоловік живе в чутливому світі лагідності, ніжності, доброзичливості, одним словом, в жіночому світі, тим часом як жінка перебуває в суворому і жорстокому чоловічому світі. Ось чому її руки таять бажання торкнутися гладенької шкіри, м'яких округлих форм...» [4, с. 364]. У невербальній комунікації жінки виокремлюємо такі одиниці тактильної комунікації (29 одиниць): стукотати пальцями (*стукотить їй пальцями по голові* [1, с. 180]); лоскотати (*лоскотить Вовчика губами в шию* [1, с. 27]); простягати руки (*простягає руку* [1, с. 171]; *простягає руки до тіла режисера* [1, с. 238]); брати за руку (*бере його за руку* [1, с. 122]); класти голову (*кладає Остапові голову на груди* [1, с. 186]); чіплятися (*чіпляється в руку завіта* [1, с. 240]); торкатися (*торкає його за шию* [1, с. 186]); обіймати (*пробує обійняти Соля* [1, с. 229]; *бере Соля*

в обійми [1, с. 241]; обіймає сина [1, с. 46]; обіймає матір [1, с. 61]; обіймає розгубленого завліта [1, с. 215]; стурбовано обіймає брата [1, с. 265]; кидається його обіймати і розцілювати [1, с. 271]; падає в його обійми [1, с. 54]; обіймає Ольгу і спроваджує її до дверей [1, с. 161]); цілувати (цілує її ніжно в уста [1, с. 249]; цілує Остапу руки [1, с. 122]; цілує його у щоку [1, с. 184]; цілує всюди [1, с. 54]); штовхати (жартівливо штовхає [1, с. 61]; штовхає Ганну плечем [1, с. 131]; відштовхує її [1, с. 39]); затуляти рота (затуляє рукою синові рота [1, с. 47]); хапати (хапає Прісю за ноги [1, с. 85]); бити (б'є Андрія Васильовича [1, с. 175]; сильно б'є в груді [1, с. 176]; б'є Славу навідліг [1, с. 86]). Відтак, можна стверджувати, що для жінок тактильна комунікація відіграє провідну роль у процесі спілкування, виражаючи емоційний стан мовців.

Натомість тактильне спілкування чоловіків позначене використанням нечисленних одиниць (13): обіймати (обіймає бабу [1, с. 27]; обіймає дружину і сплячого у неї на руках малюка [1, с. 32]); брати за плечі (бере бабу Прісю за плечі [1, с. 31]); давати ляпаса (дає йому дзвінкого ляпаса [1, с. 262]); хапати (хапає за обличчя [1, с. 56]; хапає батька за руку [1, с. 167]; хапає його за шию, трусить [1, с. 174]; хапається за предмети на сцені і за ногу Ре [1, с. 260]; хапає Соля за барки [1, с. 244]); заламувати руку (заламує До руку [1, с. 239]); відштовхувати (відштовхує Остапа Ільковича [1, с. 174]; відштовхує До [1, с. 239]); тягати за волосся (тягає її за волосся [1, с. 56]). Як бачимо, чоловіки використовують тактильні контакти переважно в конфліктних ситуаціях.

Отже, результати аналізу ремарок, що характеризують невербальну поведінку персонажів, у гендерному аспекті дозволяють стверджувати, що жінки значно частіше звертаються до невербальних засобів, ніж чоловіки. Виявлено, що у жіночому спілкуванні, порівняно із чоловічим, вдвічі переважає плач, у півтора рази – сміх, що інколи поєднуються з плачем, а також удвічі частіше використовується тактильна комунікація. Усе це свідчить про відкрите виявлення емоційності в жіночій комунікації та достатню стриманість чоловіків під час спілкування.

Список використаної літератури

1. Ар'є, П. Баба Пріся та інші герої / П. Ар'є. – Брустури : Дискурсус, 2015. – 275 с.
2. Барышникова, Г. В. Гендерные различия эмоционального коммуникативного поведения художественных партнеров (на материале французской литературы XVII–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г. В. Барышникова. – Волгоград, 2004. – 25 с.
3. Бацевич, Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – Кипв : Академія, 2004. – 342 с.
4. Бовуар, С. Друга Статя : в 2 т. / С. Бовуар. – Кипв : Основи, 1994–1995. – Т. 2. – 391 с.
5. Крейдлин, Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Г. Е. Крейдлин. – М. : Яз. славян. культуры, 2005. – 223 с.

6. Селіванова, О. О. Сучасна лінгвістыка: напрамы та праблеми : падручнік / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 712 с.

К. Сель

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

3 УРБАНАНІМІ Г. БРЭСТА

Уласныя імёны вуліц, завулкаў, плошчаў і іншых унутрыгарадскіх аб'ектаў, якія фарміруюцца пад уздзеяннем розных (гістарычных, геаграфічных, этнаграфічных, сацыяльных, лінгвістычных) фактараў, з'яўляюцца багатай крыніцай для вывучэння культуры і гісторыі беларусаў, беларускай і іншых моў. Гэта даволі ўстойлівая сістэма, якая функцыянуе стагоддзямі і здольная да самазахавання, але ў той жа час гэта самы рухомы і зменлівы пласт тапанімнай лексікі. Змены, што маюць месца, тычацца тых фрагментаў сістэмы, якія выражаюцца ў знікненні назваў, звязаных з рэаліямі, якія засталіся ў мінулым, або якія маюць дачыненне да галіны палітыкі і ідэалогіі. Таму ўрбананімія ўяўляе сабой асобную і асаблівую галіну анімічнай прасторы, што характарызуецца адметнымі рысамі.

Даследуючы ўрбананімы, якія адказваюць прынцыпу намінацыі ўнутрыгарадскіх аб'ектаў па іх уласцівасцях і якасцях, Г.М. Мезенка адзначае, што «перыяды адносна актыўнага дзеяння гэтага прынцыпу намінацыі ў гісторыі ўрбананіміі Беларусі чаргуюцца з перыядамі яго згасання. Так, калі ў XVI ст. назвы вуліц, якія адказвалі данаму прынцыпу намінацыі, складалі ў сярэднім каля 7 % ад агульнай колькасці гадонімаў гарадоў, што даследаваліся, то ў XVII ст. працэнтнае змесціва іх зменшылася больш чым у два разы (3,2 %). Да канца XVIII ст. яно рэзка павялічылася, дасягнуўшы самага высокага паказчыка – 11,8 %. Аднак ужо да сярэдзіны XIX ст. зноў прыкметна скарацілася – 6,7 %. Далейшае ажыўленне гэтага прынцыпу на працягу другой паловы XIX – пачатку XX ст. зараз зноў прыпынілася і нават пачало зніжацца» [1, с.104–105].

У залежнасці ад прыкметы, пакладзенай у аснову намінацыі, зафіксаваныя намі назвы лінейных аб'ектаў г. Брэста, што адпавядаюць указанаму прынцыпу, былі размеркаваны па наступных групах:

– назвы, якія характарызуюць унутрыгарадскі аб'ект з пункту гледжання памеру, канфігурацыі, фізіка-геаграфічных асаблівасцяў узнікнення (ступені забудовы, прасторавых параметраў, асаблівасцяў глебы і інш.): *вул. Вуглавая, Вузкая, Высокая, Глінная, Далёкая, Дальняя, Кальцавая, Каменная, Кароткая, Касая, Крайняя, Кругавая, Ландшафтная, Лінейная, Люстраная, Малая, Нафтавая, Нізкі зав., вул. Прасторная, Прахалодная, Пясочная, Пясчаная, Радыяльная, Светлая, Смаляны зав.,*

вул. Сонечная, Сустрэчная, Сярэдняя, Тарфяная, Узыходзячая, Цалінная, Цэнтральная, Цяністая, Шырокая;

– назвы, якія характарызуюць лінейны аб’ект з пункту гледжання часу існавання або ўзросту, якія ўключаюць марфемы *нов-* і *стар-*: *вул. Навасельская, Навасёлкаўская, Навасёлаў, Новазадворская, Новая, Новая 1-я, Новая Аркадзія, Старадарожная, Старажытная, Старазадворская, Старазадворскі зав., вул. Старасельская, Стараславянская;*

– назвы, якія маюць у сваім складзе словы са значэннем колеру: *вул. Алая, Блакітная, Зялёная, Зялёны зав., вул. Изумрудная, Каляровая, Ліловая, Ружовая, Серабрысты зав., вул. Чырвоная, Шэрая, Шафранавая, Янтарная.*

Умоўна да ўрбанонімаў, якія адказваюць прынцыпу намінацыі ўнутрыгарадскіх аб’ектаў па іх уласцівасцях і якасцях, можна аднесці:

– фларыстычныя (або батанічныя) і фаўністычныя (ці заалагічныя) назвы: *вул. Абыкосавая, Альховая, Арэхава, Бераставая, Бруснічная, Бэзавая, Бярозавая, Васільковая, Верасовая, Вербавая, Вербная, Вінаградная, Вішнёвая, Грушавая, Грыбная, Журавіная, Жытная, Зерневая, Калінавая, Калінавы 1-9-ы зав., вул.Каштанава, Кветкавая, Кедровая 1–5-я, Кіпарысава, Кляновая, Лаўровая, Ландышавая, Лілавая, Лазовая, Малінавая, Півоневая, Піхтавая, Пладовая, Платанавая, Пралескавая, Пішанічны зав., вул. Ракітная, Ржаная, зав. Руж, вул. Рабінава, Рамонкава, Самшытава, Сасновая, Сунічная, Таполева, Травяная, Трысняговая, Фруктовая, Хвойная, Цісавая, Цюльпанавая, Чаромхава, Чаротавая, Яблынева, Ягадная, Ядлоўцава, Язмінава, Яловая, Ясенева; Варання, Галубіная, Жураўліная, Лебядзіная, Салаўіны зав.;*

– эмацыйна-характаралагічныя назвы: *вул. Адраджэння, Аксамітная, Вольная, Вясёлая, Добрая, Дружная, Дружны 1–5-ы зав., вул. Жамчужная, Запаветная, Звонкая, Казачная, Крыштальная, Купальская, Лірычная, Малахітава, Міра, Мірная, Мірская, Мядовая, Надзеі, Нектарная, Прамяністая, Прыветная, Радасная,Сардэчная, Спакойная, Сяброўская, Ураджайная, Ціхая, Чыстая, Юбілейная, Яснагорская, Ясная.*

Можна сказаць, што дзве апошнія групы займаюць своеасаблівую пераходную пазіцыю паміж прынцыпам намінацыі ўнутрыгарадскога аб’екта па яго ўласцівасцях і якасцях і наступным прынцыпам – намінацыі ўнутрыгарадскога аб’екта па сувязі з абстрактным паняццем, бо на сучасным этапе падобныя назвы вуліцам і завулкам даюцца ўмоўна, без уліку іх уласцівасцяў і якасцяў.

«Самым “маладым” сярод прынцыпаў намінацыі ўнутрыгарадскіх тапаграфічных аб’ектаў з’яўляецца прынцып намінацыі па сувязі аб’екта з абстрактным паняццем. Пачатак яго фарміравання належыць да XIX ст. і даволі цесна звязаны з адміністраваннем працэсу намінацыі ў цэлым» [1, с.109].

Намі выдзелены наступныя групы ўрбанонімаў, што адпавядаюць прынцыпу намінацыі аб'екта па яго сувязі з абстрактным паняццем:

– назвы, матываваныя назвамі месяцаў, пор года, часу сутак і прыродных з'яў: *вул. Жнівеньская, Кастрычніцкая, Ліпеньская; вул. Восеньская, Вясновая, Зімовая, Летняя; вул. Вясёлкавая, Вячэрняя, Зарнічная, Зоркавая, Месячная, Палярная, Ранішняя, Світанкавая, Снежная;*

– назвы, асновай намінацыі якіх сталі сімвалы сацыялістычнай эпохі: *вул. Інтэрнацыянальная, Кааператыўная, Калгасная, Камсамольская, Камуністычная, Маладагвардзейская, Моладзевая, Народная, Піянерская, Пралетарская, Працоўная, Працы, Рэспубліканская, Рэспублікі пр., Свабоды плошча, вул. Савецкая, Савецкай Канстытуцыі, вул. Чырванасцяжная.*

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Мезенко, А. М. Белорусская ономастика. Топонимия : учеб. пособие / А. М. Мезенко. – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.

А. Семёнова, Н. Новосёлова

Смоленский государственный университет
(г. Смоленск, Россия)

ЛЕКСИКА СМОЛЕНСКО-МОГИЛЕВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В СЛОВАРЕ СМОЛЕНСКИХ ГОВОРОВ

В последние десятилетия говоры становятся забытыми и малоиспользуемыми. Однако актуальность изучения данной проблемы приобретает новую значимость. Для того чтобы выяснить цели изучения говоров, мы провели опрос студентов Смоленска и Могилева.

Респонденты считают, что говоры позволяют:

- 1) изучить историю языка;
- 2) узнать языковые особенности разных регионов;
- 3) познать культурное наследие определенной территории;
- 4) изучить уклад жизни, быт деревенских жителей;
- 5) «чтобы было веселее, чтобы пополнить словарный запас интересными словами».

Респонденты были выбраны нами не случайно. Мы поставили перед собой цель изучить говоры приграничных регионов Смоленской области, к которым относятся Монастырщинский, Хиславичский, Ершичский и Шумячский районы. Объектом изучения являются говоры районов приграничья. Мы поставили перед собой две основных задачи: выделить лексико-семантические группы, а также рассмотреть словообразование и этимологию говоров.

Лексико-семантические группы представляют собой объединение двух или нескольких слов одной части речи по их лексическому значению. В говорах приграничных районов мы выделили 4 группы.

Респондентам мы предложили определить общее значение слов *недолюба*, *красовка*, *кислуха*. Получились следующие результаты:

Смоленск	Могилев
Еда (6 человек)	Реки
Характеристика женщин, (2 человека)	Жилые пункты
Ягоды	Внешняя характеристика человека
Обувь	Растения, ягоды
	Характеристика женщин
	Еда (2 человека)

Слова *недолюба*, *красовка*, *кислуха* относятся к лексико-семантической группе «кушанье, еда». *Недолюба* – это пшеничная каша. Такое наименование связано с отношением говорящего к данному блюду. Здесь можно выделить корень *-люб-* и приставку *недо-*, которая имеет значение отрицания. *Красовка* – холодный борщ. Данное слово образовалось от основы прилагательного *красный* с присоединением суффикса *-овк-*, имеющим значение предмета, характеризующегося признаком. *Кислуха* – щавелевый суп. Образовалось от основы прилагательного *кислый* с добавлением суффикса *-ух-*, который обозначает отношение к тому, что названо мотивирующим словом. Щавель имеет кислый привкус, поэтому блюда, приготовленные из данного растения, ассоциативно приобретают его признак.

Совсем небольшой по количеству является лексико-семантическая группа «постройки». В нее входят слова *коровница* и *мишаник*. *Коровница* – сарай для коров. Данное слово получило свою номинацию по принадлежности. Значение слова *мишаник* мы решили узнать у опрашиваемых. 90 % ответили, что это мох или территория, покрытая мхом. 10 % сказали, что данное слово обозначает сарай, и оказались правы. *Мишаник* получил свою номинацию по особенностям строения, поскольку данная постройка утеплялась мхом.

В группу «животные» вошли слова *ляга* и *однокорытник*. *Однокорытники* – это животные одного выводка. Образуется от сложения основ *один* и *корыто* с добавлением суффикса *-ник-* со значением лица по признаку, которое определяет отношение к занятию. Определить значение слова *ляга* мы предложили в нашем опроснике и получили следующие результаты:

Смоленск	Могилев
Лягушка (5 человек)	Ляжка (2 человека)
Змея	Место для лежания
Мера веса	Орудие труда
Место для лежания	Скамейка
Лежанка на печи	Яма
	Доска

Многие респонденты, выделив в слове *ляга* корень, присвоили ему значение действия, лежания. Однако *ляга* – это лягушка. Данный диалектизм показывает, что в мотивирующем слове изначально был суффикс *-ушк-*, поскольку лягушка образовалось от *лягва* – рыба.

Еще одной лексико-семантической группой является «внешняя характеристика человека».

Диалектизм	Значение диалектизма	Производящее слово	Значение словообразующих суффиксов
Лоснёха	О женщине с гладким, лоснящимся лицом	Лосниться	<i>-ёх-</i> со значением лица женского пола
Космыня	О непричесанной девушке, женщине	Космы ← косы	<i>-ын-</i> со значением лица женского пола
Косьё	О косоглазом человеке	Косой	<i>-j-</i> со значением признака
Клюй	О длинноносом человеке	Клюв (как перенос части тела по смежности)	<i>-j-</i> со значением признака

Данная группа выделяет в основном признаки, несущие в себе отрицательную коннотацию. Происходит это из-за ассиметрии оценки.

В результате нашей работы мы пришли к выводам о том, что в говорах приграничных районов присутствуют традиционно выделяемые лексико-семантические группы. Их образование связано с тем, что окружает человека и как носитель говоров относится к окружающей действительности. Но, несмотря на простые словообразовательные модели, проведенный нами опрос показал, что говоры остаются непонятными для большинства. В связи с этим актуализируется проблема их изучения, потому что говоры являются истоком литературного языка, отражают картину мира диалектоносителя, его культуру, историю и языковые особенности.

Список использованной литературы

1. Бояринова, Л. З. Диалектное словообразование / Л. З. Бояринова. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2013.
2. Словарь смоленских говоров: Вып. 5–7. – К. ; Смоленск : СГПИ им. К. Маркса, 1988.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. : пер. с нем. / М. Фасмер – 4-е изд., стер. – М. : Астрель-АСТ, 2007.

И. Сергеенко

Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского
(г. Брянск, Россия)

ЭЛЕМЕНТЫ ЖИВОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В РОМАНЕ Е.А. ЕВТУШЕНКО «ЯГОДНЫЕ МЕСТА»

Евгений Александрович Евтушенко – значимая фигура в отечественной литературе. Он пополнил русскую и мировую литературу большим количеством поэтических и прозаических текстов.

Роман Е.А. Евтушенко «Ягодные места» был написан в 1982 г. При его написании автор пользовался уникальными словарями «старожильческих» слов. «Несмотря на то что я сибиряк и хорошо знаю диалектизмы и всякие сибиризмы, я первый раз в жизни пользовался словарями старожильческого говора. Это шедевры лингвистического искусства, ничего подобного не выпустил больше никто из всех университетов, даже занимающихся исследованиями Сибири. Вам низкий поклон – всем создателям этих великих книг. Это великие словари для писателей будущего», – сказал поэт.

Автор сочетает в романе разные эпохи (от дореволюционного периода до будущего). В романе встречаются люди разного происхождения и социального положения, что приводит к сочетанию книжной, возвышенной лексики с просторечиями, диалектами, разговорной речью.

Предметом данного исследования являются просторечия и разговорные слова, свойственные бытовой речи. Просторечия – это слова, выражения, формы словообразования и словоизменения, черты произношения, не входящие в норму литературной речи, характеризующиеся оттенком упрощения, сниженности, грубоватости, часто используемые в литературных произведениях и разговорной речи как экспрессивные элементы.

Издавна существовала тенденция использования просторечных слов в литературе для усиления эффекта. Мы изучили примеры подобной лексики в романе «Ягодные места». Разговорные слова широко представлены в данном произведении:

– *Ессенция*, – *немногословно пояснил Тихон Тихонович в ответ на нездорово оживившиеся глаза грузчиков и протянул кладовщице накладную.* –

*Ты чо, рехнулась? Одна **тыща** восемьсот семьдесят третьим годом пометила. На сто лет ошиблась. А ну-ка, своей рукой исправь...*

*Забывая о своем возрасте, дядя держал голубятню, наполненную воркованием, хлопаньем крыльев, запахом помета, и они вместе с **племяшом** гоняли голубей, размахивая шестами на крыше и свища, как соловьи-разбойники.*

Данные слова позволяют читателю более детально осмыслить произведение, т. к. использование разговорных слов относит нас к устной речи, к обиходно-бытовому общению.

В тексте также представлено большое количество просторечий: *Закнул я было насчет жажды, а мне мигом **ихний** солдатик, надрываясь, целый переносный холодильник приволок с разными напитками.*

*Дядя восхищенно заорал: «Австралия, племяш!», тыкая голубем в иллюминатор, и космонавт подумал, что придет же время, когда любой сибирский шофер или лесоруб, припоздало просыпаясь в первый отпускной день и блаженно потягиваясь, сможет пробурчать своей пышущей жаром, как большая белая печь, жене: «Ну, Машка, вот и отпуск. **Чо**, в Майами-Бич подамся, чо ли? Или на острова Пасхи? На Гавайях тоже, говорят, **ничо** – дышать можно... Опять же Галапагосы...» А Машка возьми да и ответь: «Мы с тобой **ишо** в Греции не были, дурень... Все-таки колыбель культуры, а не фунт изюму... Я, Ваня, **ишо** храмом Баальбек интересуюсь. В Тибет тоже чо-то тянет...» А Ваня зевнет от этих культурных закидонов и предложит компромиссное: «А может, Машка, лучше в **Со-чах попляжничаем?** Все же поближе, да и кабаре там **получшей**, чем в каком-нибудь Майами...» – «Все тебе твои **кабареты**... – недовольно ерзнет жена. – Чо тебе, “Крэзи Хорст” или “Лидо” прошлым летом в Париже не **обрыдли**? В Париж я больше, Ваня, ни ногой. Нет, Вань, либо в Тибет, либо в Африку – **посафарить**...»*

*А как не бить в морду, если она – **морда**?*

*– Да не ее отец, товарищ доктор, это я усвоил, а ребенка **еёного** отец кто? – рассердился Тихон Тихонович, очевидно делая какие-то одному ему понятные прикидки в уме.*

Автор употребляет такое большое количество просторечий для передачи местного колорита, как стилистическое средство для придания речи оттенка шутового, пренебрежительного, иронического, грубоватого. Функционально противопоставленное литературному языку, просторечие, как и литературный язык, коммуникативно значимо для всех носителей национального языка. Будучи категорией универсальной для национальных языков, просторечие в каждом из них имеет специфические особенности и свои особые взаимоотношения с литературным языком.

Диалектизмы представлены в романе не так широко, но их наличие говорит о желании автора подчеркнуть важность, принадлежности текста к конкретному региону:

Гриша небрежно кивнул смоляным чубом.

– *И шанежки я тебе испекла, там же в сверточке лежат.*

Диалектные слова встречаются в художественной литературе для передачи особенностей речи жителей описываемой местности.

Произведения Е.А. Евтушенко являются народными и отражают жизнь и речь обычных обывателей. Роман «Ягодные места» воссоздает картину мира, передает местный колорит и особенности речи. Использование данной лексики в художественной литературе помогает понять не только то, что говорит тот или иной персонаж, а также то, как он это говорит. Язык развивается вместе с развитием всего остального мира, а просторечия, диалектизмы, разговорные слова, как элементы живой разговорной речи уходят на второй план, забываются. Эти «несловарные» лексические средства и делают язык живым.

Список использованной литературы

1. Будагов, Р. А. Язык, история и современность / Р. А. Будагов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 300 с.
2. Сиротинина, О. Б. Что и зачем учителю нужно знать о русской разговорной речи / О. Б. Сиротинина. – М. : Просвещение : Учеб. лит., 1996. – 174 с.

О. Сердюкова

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ТИПОЛОГИЯ ЗАЧИНОВ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.А. БУНИНА

В настоящее время особое внимание исследователей привлекают сильные позиции художественного текста, к которым относятся заглавие, эпиграф, начало и конец текста. Понятие *зачин* в лингвистике появилось из литературоведения и фольклористики. Под *зачином* традиционно принято понимать начало, характерное для произведений фольклора (былины, песни, сказки), которое подготавливает слушателя к дальнейшему повествованию. Первоначально *зачин* выделяли в произведениях устного народного творчества. Впоследствии каноническая форма *зачина* утратилась, и данный термин стал употребляться в связи с другими жанрами художественной литературы [1].

В современной лингвистике текста *зачин* понимается как элемент композиционно-тематической структуры, который занимает начальную позицию в строении текста, как первичный фрагмент произведения, представляющий читателю факты и события, необходимые для дальнейшего восприятия текста; как начальная часть текста, имеющая особое коммуникативное назначение (функцию), определяемое автором в соответствии

с целями, темой и идеей текста, а также возможностями и интересами адресата [1]. В прозе зачином называют начало повествования, отличающееся от завязки и экспозиции тем, что оно может и не быть непосредственно связано с развитием фабулы. Исследованием зачина как сильной позиции текста, его типологией и определением функций занимаются такие лингвисты, как М.Р. Чернышов, В.В. Силаев, Л.В. Храмушина, Л.А. Ноздрина, Н.К. Обнорская, Н.В. Слухай и др.

В основу анализа произведений И.А. Бунина была положена типология зачинов, предложенная Н.В. Слухай [2]. В 100 проанализированных прозаических произведениях И.А. Бунина были выявлены следующие типы начала: 1) **по способу введения текстовых координат**: а) **начала нарративного типа** (зачины, последовательно развивающие представление о персонаже) – в 41 произведении («Птицы небесные», «Князь во князьях», «Я все молчу», «Небо над стеной», «Деревня» и др.). Например, в рассказе «Господин из Сан-Франциско» начало представлено одним абзацем, который вмещает в себя знакомство с персонажами, внешней обстановкой и началом событий одновременно: *Господин из Сан-Франциско – имени его ни в Неаполе, ни на Капри никто не запомнил – ехал в Старый Свет на целых два года, с женой и дочерью, единственно ради развлечения.* В зачине такого типа автор сразу переходит к основным событиям произведения, и уже из первого предложения читатель узнает, кто, на какое время, с кем, куда и с какой целью отправляется в путь; б) **начала по типу композиционной ретардации** (представляют собой феномен замедления прямого фабульного повествования в литературном произведении путем введения описаний природы, обращений к прошлому героя, философских рассуждений, лирических отступлений и т. п.) были выделены в 59 из проанализированных произведений И.А. Бунина («Всходы новые», «Заря во всю ночь», «Сны», «Цифры», «Подторжье», «Суходол», «Сила», «Сверчок», «Захар Воробьёв», «При дороге», «На край света», «Поздней ночью» и др). Так, в рассказе «Надежда» начало ограничено одним абзацем, в котором нет ни объектной, ни событийной информации. Данный композиционный элемент текста представляет собой описание природы, осенних дней. Начало такого типа акцентирует внимание реципиента на чувствах и образах, подготавливающих читателя к правильному восприятию информации: *В усадьбе праздник – весна. // Днем жарко, весело, в голубом небе круглятся белые облака. Припекает облупившуюся железную крышу дома, мохнатые бревенчатые стены его, черные стекла окон. В слуховом окне, против солнца, воркуют голуби. На сохнувшем и рассыпающемся фундаменте, на сирени палисадника липнет много крупных мух. Караковый жеребец князя стоит в пустой поварской, в длинной черной избе крепостных времен. Он беспокоится, не ест овса, насыпанного в лоток на лавке. Просунув голову в окно без рамы, он смотрит на широкий зазеленевший двор и жалобно-страстно ржет.*

В произведениях со стремительным развитием событий автор использует **нарративный тип начала** текста. Данный вид зачина задает определенный темп рассказа, и внимание реципиента акцентируется на действии. Однако данные произведения не лишены образности, описательности. Автор активно использует в них те же приемы, что и в произведениях с зачинами по типу композиционной ретардации, только в других композиционных элементах текста. Так, например, в рассказе «Пароход “Саратов”» подробное красочное описание природы находится уже в основной части текста: *Под густой маслянистой зеленью деревьев мелькал ясный блеск фонарей, запах мокрых тополей был и свеж и прян, лошадь неслась, высекая подковами красные искры. Все было прекрасно: и зелень, и фонари, и предстоящее свидание, и вкус папиросы, которую ухитрился закурить на лету.*

По **позиции автора в сюжетном времени** выделяются следующие типы зачинов в прозаических текстах И.А. Бунина: а) **симультаннные** (начало событий и начало рассказа о них совпадают) – в 41 произведении («Божье дерево», «Телячья головка», «Благосклонное участие», «Муравский шлях и др.). Симультаннные зачины соотносятся с нарративным типом начала, повествуя о каких-либо событиях с первых строчек рассказа. Например, в произведении «В августе» уже из первого предложения мы узнаем, что главный герой страдает, и знаем почему: *Уехала девушка, которую я любил, которой я ничего не сказал о своей любви, и так как мне шел тогда двадцать второй год, то казалось, что я остался один во всем свете.* Далее происходит подробное знакомство читателя с ситуацией: *Был конец августа; в малорусском городе, где я жил, стояло знойное затишье. И когда однажды в субботу я вышел после работы от бондаря, на улицах было так пусто, что, не заходя домой, я побрел куда глаза глядят за город;* б) **проспективный зачин ретроспективного повествования** (эпилог в начале произведения, начало из прошлого) – в 59 произведениях («Старый порт», «Первая любовь», «В Париже», «В одной знакомой улице», «На хуторе», «Холодная осень» и др.). Проспективный зачин ретроспективного повествования напрямую связан с началом по типу композиционной ретардации. Разновидностью данного типа зачина является **экспозиционный зачин**, в котором фиксировано начало повествования в связи с якобы случайной встречей, воспоминанием, возвращением, ассоциацией. Например, повествование в рассказе «Холодная осень» начинается с воспоминаний героини, которые приобретают развернутый характер в последующих композиционных элементах текста: *В июне того года он гостил у нас в имении – всегда считался у нас своим человеком: покойный отец его был другом и соседом моего отца. Пятнадцатого июня убили в Сараеве Фердинанда. Утром шестнадцатого привезли с почты газеты.* Начало занимает здесь доминирующую позицию в структурно-композиционном

плане, так как воспоминания, заявленные в начале текста, продолжают раскрываться в середине произведения и заканчиваются лишь в конце рассказа: *Так и пережила я его смерть, опрометчиво сказав когда-то, что я не переживу ее. Но, вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же все-таки было в моей жизни?*

Таким образом, в творчестве И.А. Бунина преобладают начала по типу композиционной ретардации и проспективный тип зачина ретроспективного повествования. Рассказы автора построены в первую очередь на описании: автор дает подробную характеристику внешности героя, передает его внутренние переживания. Зачины такого типа выполняют задачу погружения реципиента в художественный мир произведения.

Список использованной литературы

1. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский // Советская Энциклопедия. – М., 1966. – 375 с.
2. Слухай, Н. В. Художественный образ в аспекте лингвистики текста / Н. В. Слухай. – Симферополь : Крым. учеб.-пед. гос. изд-во, 2000. – 84 с.

О. Сиянбиль

Дальневосточный федеральный университет, Школа педагогики
(г. Уссурийск, Российская Федерация)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА ГЛАГОЛОВ МЫШЛЕНИЯ С ДОМИНАНТОЙ «ДУМАТЬ» В ПРОИЗВЕДЕНИИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Глаголы интеллектуальной деятельности являются ядерными для любого языка. Они связаны в первую очередь с когнитивными процессами человеческой психики, обозначают различного рода ментальные действия и представляют собой способы восприятия и отражения объективной действительности в сознании человека. Глаголы интеллектуальной деятельности, по мнению Л.Н. Кондратенко, «как совокупность лексических единиц русского языка характеризуют деятельность языковой личности, выражают динамику образовательного, научного, духовного потенциала человека» [1].

Значителен интерес лингвистов к глаголам интеллектуальной деятельности. Известны три диссертационных исследования, посвященные глаголам интеллектуальной деятельности, которые были защищены в последние пятнадцать лет, а также ряд научных статей, относящихся к данной теме. Изучением глаголов интеллектуальной деятельности занимались Р.Н. Гуднов, Н.Э. Карандашова, Л.Н. Кондратенко, Е.И. Зиновьева, Н.В. Каныгина. Их работы послужили методической основой нашей работы.

Мышление, лежащее в основе познания, является сущностным свойством человека. Оно отражает действительность и познает связь и отношение явлений и предметов окружающего мира. Так, Р.Н. Гуднов в своем диссертационном исследовании выделяет лексико-семантические группы глаголов понимания, познания и мышления как ядерные для глаголов интеллектуальной деятельности, аргументируя выбор тем, что «три базовые лексико-семантические группы (далее – ЛСГ), входящие в ядерную зону, образуют концептуальную основу подкласса, раскрывающую взаимосвязь мыслительных когнитивных процессов» и «создавая «зонтик», под которым помещаются все глаголы данного класса» [2, с. 17].

Исследование глаголов интеллектуальной деятельности в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» ранее не проводилось, что свидетельствует об актуальности данной работы.

Материалом для нашего исследования послужили контексты употребления глаголов мышления в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», представленные на сайте «Национальный корпус русского языка».

Используя инструменты поиска данного сайта, была произведена выборка глаголов мышления из романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Выбранные глаголы мышления образовали синонимический ряд с доминантой *думать*: *думать – мыслить – вникать (вникнуть) – раздумывать – размышлять – соображать – сообразить*.

Количество употреблений этих глаголов в тексте – 1 185. Из них 1 124 принадлежат глаголу *думать*, что составляет 92,51 % употреблений глаголов ЛСГ мышления. Этот глагол является доминантой синонимического ряда как наиболее частотный и стилистически нейтральный.

Общее значение семантики синонимического ряда – ‘рассуждать, строить умозаключение как высшую форму отражения действительности’.

Значение глагола *думать*, в котором он входит в синонимический ряд и является его доминантой, – ‘размышлять о чем-либо, направляя свои мысли на кого-либо, что-либо’: «*Боже мой! все ли благополучно?*» – **подумал** Ростов, с замиранием сердца останавливаясь на минуту и тотчас пускаясь бежать дальше по сням и знакомым, покривившимся ступеням» [3]. Глагол обозначает продолжительное действие, связанное с некоторыми временными затратами. Косвенное дополнение может расширять семантику глагола, например, вносить сему глубинного постижения явлений субъективной действительности: «*Глядя в глаза Наполеону, князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих*» [4].

Наиболее близким синонимом к доминанте, на наш взгляд, является глагол *размышлять*. Лексическое значение глагола – ‘думать о ком-либо,

чем-либо, углубляясь мыслью во что-либо, предаваясь мыслям': «Он приятно **размышлял** о том, что на днях должен выйти ему следующий чин за последнюю рекогносцировку, и ожидал куда-то вышедшего Денисова» [3]. Для этого глагола характерны глубина и продолжительность времени мыслительного процесса: «Ему захотелось заговорить с проезжающим, но когда он собрался обратиться к нему с вопросом о дороге, проезжающий уже закрыл глаза и, сложив сморщенные старые руки, на пальце одной из которых был большой чугунный перстень с изображением Адамовой головы, неподвижно сидел, или отдыхая, или о чем-то глубокомысленно и спокойно **размышляя**, как показалось Пьеру» [3]. Сема длительности и глубины мыслительного действия в данном примере подчеркивается сочетанием глагола с наречиями *глубокомысленно* и *спокойно*. Также у этого глагола можно выделить сему направленности мышления на различные объекты, которая актуализируется в определенном контексте: «Хотел **размышлять**, но вместо того воображение представило одно происшествие, бывшее четыре года тому назад» [3]. В данном примере невозможность осуществления субъектом мышления разнонаправленного действия *размышлять* объясняется возникновением в сознании одного воспоминания, которое и становится объектом мысли.

Глагол *раздумывать* употребляется в тексте дважды. В обоих случаях его значение 'думать в течение некоторого времени, колеблясь, долго не приходя к какому-либо решению, заключению': «Пьер удивленно и наивно смотрел через очки то на него, то на княгиню и зашевелился, как будто он тоже хотел встать, но опять **раздумывал**» [4]. Дифференциальные семы этого глагола – сема длительности процесса и сема колебания в принятии решения в процессе мысли: «Пьер постоял несколько времени молча, **раздумывая**, пойти за ним или ехать домой» [5]. В данном примере видно, что форма глагола *раздумывать*, которая обозначает добавочное действие, требует достаточного времени для принятия решения. При этом продолжительность действия основного глагола – сказуемого – выражается обстоятельством времени *несколько времени*. Колебания в принятии решения ясно показаны тем, что субъект рассматривает, взвешивает два варианта решения.

Глагол *соображать* в романе имеет значение 'думать о чем-либо, взвешивая детали, чтобы найти нужный ответ, решение': «Князь Андрей, постоянно находясь при главнокомандующем, следя за движениями масс и общими распоряжениями и постоянно занимаясь историческими описаниями сражений, и в этом предстоящем деле невольно **соображал** будущий ход военных действий только в общих чертах» [4]. В семантике глагола подчеркивается направленность мыслительной деятельности на результат – нахождение решения. Другая дифференцирующая сема глагола – анализ в процессе мышления: «Он не проранивал ни одного слова из

того, что говорил Пьер, и потом с Десалем и сам с собою вспоминал и **сообразал** значение каждого слова Пьера» [6]. Встречаются случаи противопоставления глагола мышления *сообразать*, выражающего способность человека думать и анализировать, глаголам восприятия *видеть* и *слышать*: «Несколько барабанов вдруг ударили со всех сторон, и Пьер почувствовал, что с этим звуком как будто оторвалась часть его души. Он потерял способность думать и **сообразать**. Он только мог **видеть** и **слышать**» [6]. Таким образом усиливается типовая семантика глагола *сообразать* как глагола мышления. При этом употребление глаголов *думать* и *сообразать* в одном контексте, с одной стороны, может конкретизировать их значения и усиливать дифференциальные семы, а с другой стороны, нейтрализовать их: «Через полчаса граф ехал на быстрых лошадях через Сокольничье поле, уже не вспоминая о том, что было, и **думая** и **соображая** только о том, что будет» [5].

Лексическое значение глагола *сообразить* – ‘думать о чем-либо важном, нужном в данный момент’. Для глагола *сообразить* характерны направленность на результат и высокая степень важности объекта мышления: «Одна армия бежала, другая догоняла. От Смоленска французам предстояло много различных дорог; и, казалось бы, тут, простояв четыре дня, французы могли бы узнать, где неприятель, **сообразить** что-нибудь выгодное и предпринять что-нибудь новое» [6]. Дифференциальной семой также выступает быстрота мыслительного действия в условиях ограниченного времени: «Но он не успел еще **сообразить** того, что полковник был убит, что кричавший “братцы!” был пленный, что в глазах его был заколот штыком в спину другой солдат» [5]. В данном примере употребление глагола с отрицанием сообщает о недостаточности времени для осмысления субъектом событий объективной реальности.

Глагол *мыслить* имеет значение ‘рассуждать о чем-либо, работой мысли, ума сопоставляя явления объективной действительности, данные опыта и делая выводы, обобщать познанное’: «Сила **мыслить**, чувствовать, наблюдать мгновенно удесятерилась во всех их, и как будто до сих пор происходившая во мраке, их жизнь будто осветилась новым, полным значения светом» [4]. Этот глагол обозначает высший процесс мышления, характеризующийся анализом, сопоставлением и обобщением, способность к которому может утрачиваться субъектом: «Так как ей нужно было поработать желчью, так ей нужно было иногда поработать оставшимися способностями **мыслить**, и для этого предлогом был пасьянс» [6]. Анализ в процессе мышления предполагает продолжительность, а также глубину и всесторонность мыслительного действия: «Здоровый человек обыкновенно **мыслит**, ощущает и вспоминает одновременно о бесчисленном количестве предметов, но имеет власть и силу, избрав один ряд мыслей и явлений, на

этом ряде явлений остановить все свое внимание» [5]. Глагол имеет важное значение для раскрытия интеллектуального и духовного развития личности.

Глагол *вникать* (*вникнуть*) входит в анализируемый синонимический ряд в значении ‘осмысляя что-либо сосредоточенно и внимательно, обдумывать (обдумать) что-либо; разобраться в чем-либо, понять суть чего-либо’: «*Когда Николай взялся за хозяйство и стал **вникать** в различные его части, мужик особенно привлек к себе его внимание, мужик представлялся ему не только орудием, но и целью, и судьей»* [6]. Семантика глагола обозначает глубину, всесторонность и продолжительность мыслительного действия: «*И чем больше она **вникала**, не умом, а всей душой, всем существом своим, в занимавший ее предмет, тем более предмет этот разрастался под ее вниманием, и тем слабее и ничтожнее казались ей ее силы, так что она их все сосредоточивала на одно и то же, и все-таки не успевала сделать всего того, что ей казалось нужным»* [6]. Интересно, что в данном примере глагол *вникать* имеет в качестве косвенного дополнения категорию психики, которая включает все виды психических процессов. Семантика глагола таким образом расширяется, и обозначаемый им ментальный процесс, первоначально связанный только с функцией мозга, приобретает возможность выражаться другими категориями и явлениями. Процесс интеллектуальной деятельности, который обозначает данный глагол, предполагает значительные умственные усилия, что подчеркивается сочетанием глагола *вникать* с глаголом *стараться*: «*На другой день, после приема в ложу, Пьер сидел дома, читая книгу и **стараясь вникнуть** в значение квадрата, изображавшего одной своей стороною Бога, другое нравственное, третьюю физическое и четвертою смешанное»* [3]; «*Для того чтобы уяснить себе этот последний вопрос, князь Андрей, пользуясь своим положением и знакомствами, **старался вникнуть** в характер управления армией, лиц и партий, участвовавших в оном, и вывел для себя следующее понятие о положении дел»* [5].

Таким образом, нами был проведен функционально-семантический анализ глаголов мышления в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». В результате путем анализа контекстов словоупотреблений глаголов синонимического ряда, сопоставления их лексического значения с доминантой были выявлены следующие семантические различия: 1) время мыслительного процесса (продолжительное действие обозначают глаголы *думать*, *раздумывать*, *размышлять*, *мыслить*, *вникать*, а ограниченное временем действие глагол *сообразить*); 2) глубина и всесторонность обдумывания (*размышлять*, *мыслить*, *вникать*); 3) анализ явлений объективной действительности (*соображать*, *мыслить*); 4) направленность мыслительного действия на результат (*соображать*, *сообразить*); 5) требование умственного усилия (*вникать*); 6) важность объекта мышления (*сообразить*); 7) наличие колебаний в процессе мышления (*раздумывать*).

Синтагматическіє зв'язи глаголів мислення актуалізують імпліцитну сему вимоги значительних умисленних зусиль для досягнення результату.

В проаналізованих контекстах зустрічаються випадки зближення синонімів для посилення їх диференціальних сем і конкретизації значення. Також існують випадки протиставлення глаголів мислення глаголам сприйняття, що веде до посилення типової семантики глаголів мислення.

Список использованной литературы

1. Кондратенко, Л. Н. Глаголы интеллектуальной деятельности (на примере текстов прозы И. С. Тургенева) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Н. Кондратенко. – Воронеж, 2005. – 189 с.
2. Гуднов, Р. Н. Синонимические ряды глаголов интеллектуальной деятельности в современном русском языке (функционально-семантический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Р. Н. Гуднов. – СПб., 2013. – 24 с.
3. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1980. – Т. 5 : Война и мир: т. 2. – 426 с.
4. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1979. – Т. 4 : Война и мир: т. 1. – 398 с.
5. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1980. – Т. 6 : Война и мир: т. 3. – 445 с.
6. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1981. – Т. 7 : Война и мир: т. 4. – 429 с.

А. Сніжко

Сумський державний педагогічний університет імені А.С. Макаренка
(м. Суми, Україна)

ЛЕКСИКО-ГРАМАТИЧНА ПРИРОДА СУБСТАНТИВНОЇ МЕТАФОРИ В ПОЕТИЧНОМУ МОВОМИСЛЕННІ Л. КОСТЕНКО

В україністиці вивчення поетичних метафор має свою історію. Насамперед ідеться про метафоричні конструкції, що функціонують у поетичних текстах, виявляючи особливості світобачення, моделювання світу, творення індивідуальної мовної картини світу, а також відбиття в поетичній мові характерних соціальних, художньо-естетичних цінностей суспільства (Л. Пустовіт, В. Калашник, Л. Шевченко, Н. Слухай, О. Тищенко, Л. Кравець та ін.). Дослідження мовної образності на різних часових відтинках розвитку художнього стилю безпосередньо пов'язане з вивченням загальних тенденцій розвитку літературної мови. Закономірно, що особлива роль у розвитку літературної мови належить письменникам-мовотворцям.

Актуальність нашого дослідження зумовлена функціонуванням метафори як результату оригінального мовомислення в поетичних текстах Л. Костенко. Вивчення метафори широко представлено у працях сучасних дослідників Н. Сологуб, С. Єрмоленко, Л. Мацько, Л. Пустовіт, Т. Панько, Н. Сидяченко, Л. Ставицької, Г. Сюті.

Метою нашої наукової розвідки є виявлення й аналіз структурно-граматичних типів субстантивних метафор, представлених характерними граматичними моделями; з'ясування специфіки взаємодії граматичних структур і відповідних лексем у метафоричних конструкціях, дібраних з поетичних текстів Л. Костенко.

Метафора пронизує все наше повсякденне життя й «виявляється не тільки у мові, але й у мисленні та дії» [1, с. 221]. Т. Вознюк стверджує, що метафора – «один з найбільш уживаних, популярних і важливих тропів, що полягає в перенесенні ознак, особливостей, характеристик за принципом схожості, подібності одного предмета, особи, явища на інші. Це слово, зворот, у якому завжди присутнє буквальне значення (денотативне) і переносне (конотативне)» [2, с. 152].

Проаналізуємо структурно-граматичні типи субстантивних метафор детальніше.

Численні *прості метафори* – двочленні словосполучення, які мають фігуративне значення незалежно від контексту, – базуються на лексичній основі: *Чи плем'я, знищене для битви, помстилось голосом співця?* [3, с. 242]; *Вже дожились – забули колір неба, / воно буває кольору досад* [3, с. 86].

Найпродуктивнішою групою простих метафор є генітивні конструкції, представлені схемою «іменник у Н. в. + керований іменник у Р. в.», де метафоризується другий член конструкції, який займає позицію додатка або неузгодженого означення: *мудрість борід* [3, с. 353]; *стриптиз осені* [3, с. 339]; *нитка сивини* [3, с. 333]; *готика самотності, готика суворості* [3, с. 62]; *кущ туману* [3, с. 412]; *премудрість алфавіту* [3, с. 404]; *обличчя долі* [3, с. 394].

Такі конструкції можуть поширюватись іншими словами, потрібними для образної конкретизації одного чи обох компонентів. Вони представляють найчисленнішу групу *ускладнених іменникових метафор*. Складником генітивної метафори виступає прикметникова форма: *пожежі вулканічна лава* [3, с. 31]; *пелюстки старовинного романсу* [3, с. 46]; *оленятко сонячних галявин* [3, с. 375]; *стріл розлога траєкторія* [3, с. 391]; *індустріальний подих п'ятиріччя* [3, с. 68]; *тендітні пальці етики* [3, с. 66]; *тоненькі стебла літер* [3, с. 24]; *дивна музика сходів* [3, с. 374]; *глухих лісів німі аборигени* [3, с. 350]; *сліпого духу зарості дрімучі* [3, с. 348]; *ласкавий блиск жіночої коси* [3, с. 73]; *сніги паперу білі* [3, с. 410]; *темна вода очей* [3, с. 388].

Часто прикладкові конструкції поширюються прикметниками: *суворий, грізний воїн-степовик* [3, с. 430]; *натхненним опівнічникам-*

поета [3, с. 166]. За розташуванням у структурі метафори прикладка щодо означуваного іменника перебуває у препозиції (*Близнята-зерна туляться впокоси* [3, с. 333]; *Проходив мимо велетень-художник* [3, с. 131]) або в постпозиції (*Злітаються горобці-хвилини* [3, с. 128]; *Є вакантні посади: / поет-автомат* [3, с. 159]) тощо.

Характерним для поетичного стилю поетеси є використання моделі «іменник у Н. в. + метафоричний іменник у Н. в.», що виконує синтаксичну роль присудка: *захід сонця – медовар* [3, с. 372]; *Довіра – звір полоханий...* [3, с. 82].

Об'єкт метафоричного осмислення може бути виражений іменним словосполученням: *І всесвіт цей – акваріум планет* [3, с. 33]; *Бо тільки Слово – пам'яті спасенність* [3, с. 440]; *Печаль моя – ріка без переправи* [3, с. 412].

Субстантивні метафори – різноманітні, багатокомпонентні й досить продуктивні засоби авторського світобачення в поезії. Основна функція іменникової метафори – називання вже відомого новим, експресивно навантаженим індивідуально-авторськими асоціаціями.

Отже, у поезії Л. Костенко функціонують субстантивні метафори з різною лексико-граматичною природою, оскільки значний метафоричний потенціал таких метафор формується не лише за рахунок лексичної сполучуваності іменників, але й завдяки обіграванню відповідних граматичних значень.

Список використаної літератури

1. Генералюк, І. І. Метафора в аспекті теорії концептуальної метафори та теорії релевантності / І. І. Генералюк // Лінгвістика. – 2008. – № 6. – С. 221–227.
2. Вознюк, Т. Лінгвостилістичні параметри метафори / Т. Вознюк // Українознавство. – 2010. – № 2. – С. 150–153.
3. Костенко, Л. Вибране / Л. Костенко. – К. : Дніпро, 1989. – 559 с.

Ю. Степаненко

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ПРЕФИКСЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В исследованиях слов с уменьшительно-ласкательным и увеличительным значением главное внимание обычно уделяется суффиксам, но в русском языке есть и ряд экспрессивных приставок. Интересно, что для существительных есть увеличительные приставки, но нет уменьшительных. В «Русской грамматике» (1982) в качестве увеличительных названы префиксы *рас-* (*раскрасавец*), *сверх-* (*сверхчеловек*), *супер-* (*супертанкер*), *ультра-* (*ультрареакционер*), *экстра-* (*экстракласс*), а в оценочных названиях лиц также *архи-* (*архиплут*), *обер-* (*оберлодырь*), *прото-* (*протобес-*

тия)» [1]. Конечно, последние две приставки устарели и сейчас непродуктивны, приставка *архи-* малопродуктивна: в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) удалось найти лишь 4 несловарных слова нашего века (*архизлодей, архизлодейство, архиглупость, архиреволюционер*).

Приставка *рас-* используется чаще для прилагательных, но и для существительных в НКРЯ есть несколько примеров: *Конечно, серийному автомобилю, даже самого «раскомпакт-класса», литра топлива хватит в лучшем случае километров на 30* [А. Воробьев-Обухов. Двадцать кубиков на сотню? (2004) // «За рулем», 2004.03.15]; *У православных так не получится, будь ты хоть патриарх, хоть **распатриарх*** [В. Лебедев. Апрельско-майские тезисы президента (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.05.05]; *Американская профурсетка с головой влюблялась в душку-юнкера со всеми его набережными, **растуманами** и подлесками* [Д. Горелов. Собачкин вальс. «Очи черные» (2002) // «Известия», 2002.04.21]; а также *раскумир, разгений, разболван* и *разболванка*.

Приставки *сверх-*, *ультра-* и *экстра-* далеко не всегда экспрессивны, с ними образуется множество терминов: *сверхдоходы, сверхскорость, ультрабук, ультрафльтрация, экстрасеть, экстрарефлекс* и др. Фактически такой префикс не создает экспрессивность, а только усиливает положительную или отрицательную оценку производящей основы: *сверхглупость, сверхнаглость, ультрафемина, ультралевак, экстрамалышка* и т. п.

Такие же приставки используются для прилагательных и наречий. Префикс *архи-* для прилагательных гораздо продуктивнее, чем для существительных: *архискверный, архиблагоприятный, архидурацкий* и мн. др. То же можно сказать о приставке *раз-/рас-*: в подкорпусе текущего века НКРЯ можно обнаружить не только упомянутые в «Русской грамматике» *раскудрявый, распрекрасный, распоследний* (последнее – 33 раза), но и *раскрасивый* (3, в том числе *красивый-раскрасивый*), *распропащий, растреклятый* (4), *расчумелый, расхороший, развеселенькая, разъединственный* (2), *разъединый, разничтожный, разъяпонской, разэлитный, раскрутой, распозорный, расталантливый, расхудожественная самодеятельность*. В ряде случаев такая приставка сочетается с другими усилительными аффиксами – суффиксом *-эйш* или приставкой *пре-*: *раскрасивейший, размилейший, разуважаемейший разлюбимейший, длинный-распредлинный*. Кроме того, прилагательные с префиксом *раз-/рас-* могут быть образованы от местоимений: *распроэтакый, разлюбой*. Реже, чем прилагательные, но регулярно встречаются наречия с таким же префиксом: *рас-так, расхорошо, разъединственно, чучулечку-расчучулечку*.

Как и для существительных, префиксы *сверх-* и *ультра-* усиливают положительную или отрицательную оценку производящей основы прилагательных и наречий: *сверхгениальный, сверхинтересный, сверхнеудобный,*

ультрароскошную, ультраблагополучный, ультрачудно (экспрессивных примеров на *экстра-* в НКРЯ не встретилось).

Приставка *супер-* наиболее продуктивна как для существительных, так и для прилагательных и наречий: *супербестселлер, суперхит, суперидея, супервуз, супердорогой, суперпрофессиональный, суперуспешный, суперэлитный, суперпрестижный, супергордо, супермного* и мн. др.

Приставка *гипер-* в «Русской грамматике» называется только в ряду адъективных аффиксов, но в НКРЯ можно обнаружить ряд существительных с этой приставкой: *гипершулер, гиперкарманник, гиперпофизм, гиперэгоизм* и др. Она остается продуктивной и для прилагательных: *гипертупой, гиперкомпетентный, гиперспокойный, гиперсовременный* и др.

Только у прилагательных и наречий используются приставки *наи-, пере-* и *пре-*. Первую из них можно было бы рассматривать как средство образования грамматической формы превосходной степени, но примеры из НКРЯ *наиабзацнейший, наитехничнейший, наиндуизмейший индуизм* не укладываются в такую трактовку. Встретились и окказиональные прилагательные и наречия без суффиксов превосходной степени: *наисторический, наиподлинный, наисущественный, наипрекрасный, наибогаой, наидемократический, наипрочий (ко всему наипрочему), наивозможно* и др.

Приставка *пере-* достаточно редко используется в усилительном значении. К бесспорным примерам можно отнести только случаи с редупликацией: *латанный-перелатанный, крашенные-перекрашенный, хоженный-перехоженный*. Если существительное или прилагательное имеют отглагольное происхождение, то можно предположить как префиксальное, так и суффиксальное образование: *переобложение, перенакопление, переускоритель, перерастянутый*. Явно префиксальным способом образованы существительные *перепанилаг, мат-перемат*, наречие *перетак*.

Приставка *пре-*, как и *пере-*, часто встречается в прилагательных и наречиях с редупликацией: *большущий-пребольшущий, огромный-преогромный, любой-прелюбой, красный-прекрасный, жаркий-прежаркий, грязный-прегрязный, тихо-претихо* и др. Но есть и прилагательные без редупликации: *препорядочнейший, прелюбопытнейший, прелюбопытный, премиленький, прехорошенький* и др.

Уменьшительное значение у префиксальных существительных можно увидеть разве что в приставке *недо-*: в «Русской грамматике» она отнесена к аффиксам со значением подобия, причем указывается, что в существительных с этой приставкой «усилен оттенок неполноценности предмета (*недочеловек*)» [1]. В НКРЯ зафиксирован ряд нейтральных слов с префиксом *недо-*, активно используемых в официально-деловом и публицистическом стилях: *недопродажа, недопоставка, недоначисление* и т. п. Но в том же публицистическом стиле можно обнаружить и слова, где *недо-* означает неполноценность и придает лексеме коннотацию пренебрежи-

тельности: *Итак, интеллигенция сначала была недоклассом, а теперь недосословие* [Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]; *Если на месте каждого брежневского недопамятника Победе будет стоять по часовне, это будет, в общем, очень даже хорошо* [О. Кашин. Парадоксы сакральности // «Русская жизнь», 2012]; *...Судить о том, что такое наука, а что – не наука, не совсем наука или недонаука, я бы поостерегся...* [С. Неклюдов. Гуманитарное знание и народная традиция // «Знание – сила», 2009]. В газетах и художественной литературе встречаются также слова *недогосударство, недонация, недожених, недоспециалисты, недофильм, недокабриолет* и др.

Для прилагательных в русском языке есть префиксы со значением умеренной степени проявления признака, то есть с уменьшительным значением. Правда их всего два: *небез-* (*небезызвестный*) и *по-* в образованиях от форм компаратива (*посильнее*), а усилительное значение выражается 8 префиксами [1]. Как и о приставке *наи-*, о *по-* можно сказать, что она является формообразующей: с ее помощью образуется вариантная форма сравнительной степени. С приставкой *небез-/небес-* образованы слова *небезлюбопытный, небесприятный, небезынтересно* и др.

Таким образом, в русском языке префиксы с усилительным, увеличительным значением гораздо разнообразнее, чем с уменьшительным. Гораздо чаще используются приставочные диминутивы и аугментативы с атрибутивным значением (прилагательные и наречия), чем субстантивы.

Список использованной литературы

1. Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1982. – 1492 с.

А. Суркова

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПРАГМАТОНИМИИ И ЭРГОНИМИИ

Коммерческие номинации демонстрируют многие тенденции, характеризующие современный русский язык. Так, одной из особенностей прагматонимов, эргонимов конца XX – начала XXI в. стало широкое использование в их составе иноязычных слов. Данный пласт лексики являет собой сложную и неоднородную группу, единицы которой отличаются степенью освоенности, структурно-семантического преобразования, спецификой функционирования в языке-реципиенте.

В зафиксированном языковом материале (мы исследуем имена собственные товаров и деловых объединений людей, функционирующие

в современном ономастическом пространстве Беларуси; онимы извлечены из официальных бюллетеней Национального центра интеллектуальной собственности «Товарные знаки и знаки обслуживания. Наименование мест происхождения товаров» №№ 1–6 за 2017 г.) представлена, во-первых, **ассимилированная лексика**. Ее адаптированность может быть различной и зависит от того, насколько давно произошло заимствование, как оно протекало (устно/письменно), насколько употребительно слово и т. д.

В нашем исследовании латинизмы, галлицизмы, итальянизмы, англицизмы, заимствования из иных языков (*медицинский центр «Гармония», гастроном «Гурман», развлекательный центр «Трио», гастроном «Фермер»* и др.) приспособляются к русской языковой системе не только лексически, но и фонетически, графически, морфологически, словообразовательно. Остановимся на некоторых примерах. Номинация *салон красоты «Мон Пари»* адаптирована к русской графике по произносительному типу – так звучит фр. *mon Paris* ‘мой Париж’. Эргоним *бар «Дэно»* пишется через э, отражая звучание (как вариативное) данного слова в русском языке и сближаясь с произношением во французском. Рекламное имя *«Дельбар»* восходит к итал. *del* – частичный артикль и *bar* – имя существительное; однако название *бара* пишется в одно слово (номинаторы как средство ономообразования используют и интеграцию, т. е. снятие пробела). Имя *магазина «Дезира»* связано с французским глаголом *désirer* ‘желать’ и оформлено с помощью русской флексии *-а*; в грамматическом отношении в принимающем языке соотносится с классом существительных. Нечто похожее пережил и английский глагол *drink* ‘пить’: в ониме *бар «Дрынка»* заимствование стало существительным, которое к тому же воспринимается как однотипное с дериватами, образованными при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса (ср.: *водочка, закусочка* и т. д.). В то же время ряд иноязычных лексем в русском характеризуются неизменяемостью: *доставка пиццы «Бонджорно»* – итал. *buongiorno* ‘добрый день’, *электроприборы «Ники»* – японское название поселка на острове Хоккайдо и др.

Задействованы в коммерческой номинации **экзотизмы**, которые отличаются отнесенностью к реалиям лингвокультуры-донора, отсутствием эквивалентов в принимающем языке, например: *кондитерская «Жизель»* – так звали героиню французского спектакля «Жизель, или Вилисы» (данный оним интересен и потому, что иллюстрирует обращение создателей рекламных имен к прецедентным феноменам); *развлекательный центр «Манты-понты»* – тюрк. *манты* ‘традиционное мясное блюдо ряда восточных народов’ (в эргониме также наблюдаем «повтор-отзвучие», а в целом имя репрезентирует языковую игру, распространенную в современной коммерческой номинации).

Использование экзотизмов (апеллятивов и онимов) в рекламном имени нацелено на его выделение за счет оригинальности, необычности на фоне других названий, например: *бар «Сэр Чайз»* – англ. *sir* ‘почтительное обращение к мужчине в Англии, США и других странах, где распространен английский язык’; *салон красоты «Леди Стайл»* – англ. *lady* ‘хозяйка дома’; ‘в Великобритании: жена лорда или баронета, а также замужняя женщина аристократического круга’ (данные и подобные номинации отличаются подчеркнута «британским»/«английским» либо «американским» характером); *кондитерская «Шарлотка»* – фр. *charlotte* (обращает на себя внимание тот факт, что слово оформлено по законам русского языка с помощью продуктивного суффикса *-к(а)*). Кстати, существует несколько версий происхождения наименования этого сладкого кушанья: 1) рецепт якобы был предложен королевой *Шарлоттой*, женой короля Великобритании Георга III; 2) название десерта связывают с др.-англ. *charlyt* ‘блюдо, приготовленное из взбитых яиц, сахара и молока’; 3) будто бы безнадежно влюбленный повар посвятил придуманное им блюдо даме своего сердца – *Шарлотте*; 4) еще по одной версии, в конце XIX – начале XX в. в России было множество немецких пекарен, в которых готовили этот пирог из остатков хлеба и булочных изделий. Русские посмеивались и говорили, что жены немцев экономят и даже пироги делают из сухарей, а самих жен, обобщая, за глаза называли *Шарлоттами*: это было довольно популярное имя, уже ставшее нарицательным для любой немки, проживающей в России [1]).

Номинаторы обращаются и к неосвоенной иноязычной лексике, т. е. **варваризмам**, например: *сеть кофеен «Амато Кофе»* – итал. *amato* ‘любимый’; *алкогольные напитки «Мимино»* – груз. *დოდობი* ‘сокол’ (данный варваризм в качестве рекламного имени ассоциируется с высоким качеством грузинских вин, гостеприимством жителей этой страны. В прагматониме ощущается и связь с прецедентным именем – номинацией известной советской комедии режиссера Г. Данелия, где прозвищем *Мимино* друзья называют летчика Валико Мизандари).

Достаточно активны в словесных товарных знаках и названиях деловых объединений людей **иноязычные вкрапления**. Они не адаптированы русским языком графически и морфологически, сохраняют форму построения, типичную для языка-донора: *рекламное агентство «Fashion Secret Night»* – англ. ‘Мода. Секрет ночи’; *косметика «Be Love Home SPA ritual»* – англ. ‘любимый домашний спа-ритуал’; *игристые вина «Bonne Chance»* – франц. ‘удачи!’; *кондитерские изделия «Rio D’Oro»* – итал. ‘золотая река’; *маркетинговая компания «Amigo»* – исп. ‘друг’. Для сокращения дистанции между таким названием и его адресатом нередко параллельно дается русскоязычный перевод: *препараты для отбеливания «Sunny Bunnies» / «Солнечные зайчики»*, *алкогольная продукция «Schwarze Katze» / «Черная кошка»* и др.

Итак, в современных рекламных именах широко используется иноязычная лексика разных типов, что связано, в первую очередь, с глобализацией, интернационализацией коммуникации, вхождением Беларуси в современные экономические, нейминговые процессы.

Востребованность иноязычных слов в прагматонимах, эргонимах также обусловлена желанием имядателя товара, предприятия повысить его в ранге через подчеркивание иностранного происхождения; экспрессивностью новизны подобных названий, их способностью деавтоматизировать восприятие; данью моде, престижностью иностранных языков (соответственно, использование «чужой» лексики усиливает привлекательность рекламного имени, вызывает уважение и доверие его адресата); созданием «иллюзии уникальности», впечатления особой значимости именуемого объекта; гарантией качества, поскольку представителями лингвокультуры Беларуси «заграничное» (о чем свидетельствует и иноязычие в ониме) оценивается как надежное, проверенное, как более высокого качества; эстетическим восприятием, более привлекательным – с точки зрения номинатора и/или потенциального потребителя товара, услуги – звучанием иноязычных слов.

Список использованной литературы

1. Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 10.11.2017.

М. Сярко

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

АСАБЛІВАСЦІ ВЫРАЖЭННЯ ХРАНАТОПУ Ў «ХРОНІЦЫ БЫХАЎЦА» І «БАРКУЛАБАЎСКІМ ЛЕТАПІСЕ»

«Хроніка Быхаўца» і «Баркулабаўскі летапіс» – гэта два ўнікальныя па сваім змесце творы, якія маюць вялікую гістарычную каштоўнасць і прадстаўляюць багаты матэрыял для розных даследаванняў, у тым ліку філалагічных. Звернемся да аналізу асаблівасцей моўнага выражэння хранатопу ў названых тэкстах.

«Хроніка Быхаўца» – гэта трэці звод літоўска-беларускіх летапісаў, яна датуецца 1550–1570 гг. У хроніку ўваходзяць аповесці, напісаныя ў розны час і размешчаныя ў храналагічнай паслядоўнасці. Даследчыкі пішуць пра тое, што «Хроніку Быхаўца» можна разглядаць як спробу стварэння гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. «Баркулабаўскі летапіс» ахоплівае падзеі з 1563 да 1608 г. Галоўнае месца ў ім займае аповед пра

барацьбу ўкраінскага і беларускага народаў супраць каталіцызму, уніі. Вялікая ўвага пры гэтым таксама надаецца апісанню жыцця і быту народа.

Названыя хронікі можна разглядаць не толькі як гістарычную крыніцу, але і як мастацкія тэксты. А мастацкі тэкст, які цесна звязаны з рэальнасцю, не можа існаваць без часу і прасторы [1, с. 173], што выступаюць універсальнымі катэгорыямі любога тэксту. Пры гэтым і час, і прастора займаюць у любым тэксце сваё асобнае месца, а істотную ўзаемазвязь часавых і прасторавых адносін, выражаных у кантэксце, мы і называем хранатопам. «Хранатоп, – як сцвярджае даследчык В.Я. Халізеў, – вызначае мастацкае адзінства літаратурнага твора ў яго дачыненні да рэчаіснасці» [2].

Час у мастацкіх тэкстах – гэта форма быцця эстэтычнай рэчаіснасці. І разам з тым асобная форма пазнання свету, якая дазваляе з максімальнай суб'ектыўнасцю ўспрымаць і інтэрпрэтаваць тэкст. У хроніках спалучаюцца самыя розныя віды моўнага выражэння часу. Самая першая заяўлена самой назвай: *хроніка* – летапісна-гістарычны твор, у якім падзеі фіксуецца ў іх *часавай* паслядоўнасці. Хроніка блізкая да звычайнага летапісу, але адрозніваецца ад яго большай закончанасцю і цэласнасцю [3, с. 342]. З першых радкоў хронік сустракаюцца канструкцыі, што паказваюць, з якога часу будуць разгортвацца падзеі ў творы. У «Хроніцы Быхаўца» гэта колькасна-іменная канструкцыя са словам *год*: «**У год ад Божага нараджэння 401...**» [4, с. 125]. У «Баркулабаўскім летапісе» гэта таксама дакументальны час, які дае пачатак твору і выражаецца падобнай канструкцыяй, у якой, аднак, лексема *год* замяняецца на ўстарэлы сінонім *лета*: «**Сейм великий был у Берести лета бож(ого) нарож(еня) 1545**» [4, с. 125]. У абодвух тэкстах мы бачым вялікую колькасць лексем, якія выражаюць канкрэтны час: «**У год 6910 месяца чэрвеня сёмага дня, праз тры гадзіны пасля ўзыходу сонца, калі пяюць да абедні, згінула сонца і схавала промні свае, і зоркі з'явіліся, як уночы, і свяцілі тры гадзіны**» – кантэкст з «Хронікі Быхаўца» [4, с. 172]; «**А потом року 1576, месяца августа 20 дня, в понедельник, у вечере, дву годин в ночи, пан Баркулаб переставился на старостве Дисенском в замку Дисенке**» – з «Баркулабаўскага летапісу» [4, с. 309]. Выразнай адметнасцю абодвух твораў выступае ўжыванне ўдакладняльных адасобленых акалічнасцей часу, якія даюць разгорнутае і падрабязнае хранікальнае апісанне падзей.

Для выражэння катэгорыі часу аўтары абодвух летапісаў шырока карыстаюцца назвамі пораў года. У «Баркулабаўскім летапісе» гэта пераважна назоўнікі ва ўскосных склонах: «**В лете дождю не было, а ў восень снегу не было...**» [4, с. 316]; «**Року 1587 зима была велми снежная**» [4, с. 314]; «**Того ж року, по весне, у Могилеве, заложен костел...**» [4, с. 325]. А ў «Хроніцы Быхаўца» гэта часцей утвораныя ад назоўнікаў прыслоўі: «**...і былі яны ў Смаленску, Віцебску і Полацку,**

і навесну зноў вярнуліся ў Вільню» [4, с. 204]; «**Налета** пайшоў князь вялікі Вітаўт пад гарады пскоўскія...» [4, с. 173].

Выразную тэмпаральную семантыку маюць тэалагізмы, якія выкарыстоўваюцца ў абодвух творах: *на святым тыдні* [4, с. 191]; *аж до святого Юрья* [4, с. 314]; *за тыдзень да Божага ўнебаўступлення* [4, с. 202]. Варта адзначыць, што ў «Баркулабаўскім летапісе» тэалагізмаў значна больш. Гэта можна растлумачыць тым, што ў летапісе, як ужо было адзначана, адлюстравана жыццё простых людзей, якое цесна было звязана не толькі з прыродным цыклам, але і з царкоўным календаром.

У абодвух летапісах актыўным сродкам перадачы катэгорыі часу служаць прыслоўі. Часта ўжываюцца такія прыслоўі, як *потым, затым, тады, калі*: «**Потым** князь Кернус **шмат гадоў** жыў на Літве» [4, с. 129]; «**І затым** памёр князь вялікі Вікінт...» [4, с. 130]; «Якраз **тады**, калі біскуп кафінскі сядзеў за сталом у пана Марціна...» [4, с. 200]; «**А ў той час, калі** Кунас панаваў на Завельскай старане...» [4, с. 128] – з «Хронікі Быхаўца»; «**Потом** прислали князя Шуйского...» [4, с. 332]; «**Затым** турбоване Речы Посполитой ест нам приписано...» [4, с. 338]; «**Тогды** жито у цвету мороз побил» [4, с. 343] – з «Баркулабаўскага летапісу».

Абедзве хронікі багатыя на разнастайныя спосабы выражэння прасторы ў мове. Гэта непасрэдна звязана з тым, што гэта творы летапісна-гістарычныя, таму ў іх вельмі часта выкарыстоўваюцца тапонімы, географічныя назвы, напрыклад: *Новагародак, Горадзень, Берасце, Дарагічын, Полацк, Вялікі Ноўгарад, Пскоў, Могилев, Руская зямля, Жамойцкая зямля* і інш. Падобныя назвы і з'яўляюцца выражэннем аб'ектыўнай прасторы.

Трэба адзначыць, што выражэнне катэгорыі прасторы найбольш пашырана ў «Хроніцы Быхаўца», дзе назіраецца выкарыстанне значнай колькасці прыслоўяў з прасторавай семантыкай: «**Выйшаў ён адтуль з трыма братамі сваімі...**» [4, с. 125]; «**І, наслаўшы іх уперад, сам пайшоў да горада Менска...**» [4, с. 209]. У «Баркулабаўскім летапісе» яны таксама ўжываюцца, але абмежавана: «**Там же у краі Шклов, Копысу, села велми выпустошили**» [4, с. 310]; «**Если што мают до мене, ставлюся их милости всюду, где ми кажут**» [4, с. 323].

Абмежаванае прасторавае значэнне ў абедзвюх хроніках выражаюць таксама назвы, якія ўключаюцца ў лексіка-семантычную групу «Пабудовы, памяшканні»: «**І быў Войшлак у манастыры тры гады...**» [4, с. 135]; «**...Сооружен и посвящен бысть храм святаго великомученика Георгия...**» [4, с. 325]. Ужываюцца таксама і лексемы, што маюць больш шырокае прасторавае значэнне: «**Першы быў Валадзімір, які трымаў удзел у Кіеве**» [4, с. 154]; «**Року божего нарожненя 1588 взято на королевство Полское королевича шведского Жикгимонта Третега**» [4, с. 315].

Бываюць выпадкі, калі ў хроніках выражаецца неканкрэтнае або прыкладнае месца, у якім адбываюцца пэўныя падзеі: «**Загінуў у тым жа**

годзе на полі бою, у сечы з турэцкім валадаром, *невядома дзе*» [4, с. 188]; «*З захаду сонца вы прыйшлі, на захад жа і ідзіце...*» [4, с. 153]; «*А около Головчина, Полоцка и Витебска куповали щита четверть*» [4, с. 341]; «*...Месяца септеврия 17 дня, у в олторок, от западу силный, великий гром был и в нас и по всем сторонам велми сильно гримел*» [4, с. 336].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.
2. Хализев, В. Е. Теория литературы [Электронный ресурс] / В. Е. Хализев. – Режим доступа: <https://fanread.ru/book/2491635/?page=48>. – Дата доступа: 25.02.2018.
3. Рагойша, В. Тэорыя літаратуры ў тэрмінах : дапаможнік / В. Рагойша. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2001. – 384 с.
4. Старажытная беларуская літаратура : зб. для дзяцей ст. шк. узросту / уклад. Л. С. Курбека, У. А. Марук ; прадм. У. Г. Кароткага. – Мінск : Юнацтва, 2002. – 509 с.

А. Трофимук

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

АФФИКСАЛЬНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Неологизмы – наиболее заметное свидетельство динамичности языка, словарный запас постоянно пополняется, чутко реагируя на изменения в каждой сфере человеческой жизни. С появлением электронных средств коммуникации, особенно форумов и блогов, газеты, возможно, уступили им пальму первенства в регистрации на письме новых слов. Но тематика и стиль газетных публикаций все же отличают их от разговорного языка форумов и блогов. Слово, попавшее в газету, претендует если не на литературность, то во всяком случае на общеупотребительность, а многие экономические, общественно-политические и другие термины на форумах и в блогах не встречаются. Поэтому именно на материале российских газет («Комсомольская правда»), включенном в Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ), нам показалось наиболее целесообразным изучать современные деривационные процессы.

Заимствованные префиксы *супер-*, *ультра-*, как и русский *сверх-*, выражают отношения интенсификации, высокой степени чего-либо и образуют существительные и прилагательные: *супертайфун*, *супербогач*, *суперпопулярный*, *супертоталитарный*, *ультрамини*, «*ультралюкс*», *ультралиберальный*, *ультраюный*, *сверхсмертность*, *сверхреализм*, *сверхкомический*, *сверхзакрытый*. Первый из перечисленных аффиксов наиболее продуктивен, а второй – наименее: в материалах «Комсомольской правды»

НКРЯ встретилось 3 911 вхождений несловарных слов на *супер-*, 840 на *сверх-* и всего 156 на *ультра-*.

Под влиянием английского языка несколько активизировалась приставка греческо-латинского происхождения *диз-/дис-*: *диспаритет*, *дисрегуляция*, *дислайк/дизлайк*.

Разумеется, приставочный способ остается продуктивным для глаголов: *зачиповать*, *запикать*, *отсканировать*, *отпиариться*, *подзачахнуть*, *подустать*, *приобнять* и т. п.

Достаточно активно в процессе образования новых слов участвуют суффиксы.

Наименования лиц образуются при помощи суффиксов *-анин/-янин*, *-ач*, *-ец*, *-овец*, *-нец*, *-ик*, *-ник*, *-чик*, *-шник*, *-щик*, *-ист*, *-л(а)*, *-ун*: *форумчанин*, «*заробитчане*», *однопартиец*, *мордобоец*, *альфовец*, *гринписовец*, *попаданец* (герой фильма или книги, попадающий по сюжету в другое время, измерение и т. п.), «*личник*» (личная охрана), *пэпээсник*, *квартетчик*, *вдвешник*, *айтишник*, *переправщик*, *спецслужбист*, *джихадист*, *водила*, *решала*, *борцун*, «*звездун*». Менее продуктивны суффиксы *-ит*, *-оид*, *-атик*: *свидомиты* (от *свидомый* – украинизм, проникший в русский язык в связи с российско-украинским конфликтом; в русском языке приобретает отрицательную коннотацию, поскольку для «сознательных украинцев» характерна русофобия), *путиноид*, *харизматик*.

Суффикс *-к* имеет значение ‘лицо женского пола’: *правдолюбка*, *живописка*, последний окказионализм явно имеет пренебрежительную окраску.

Встретилось несколько слов, образованных при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов: *печеньки*, *пузырики*, *анкетка*, *бложик*, *размерчик*, *крохотулечка*, *няшечка*, *малюсечка* (суффикс *-ечк* в последнем слове имеет и модификационное, и мутационное значение, поскольку образовано от прилагательного *малюсенький* с усечением основы). Близок к уменьшительно-ласкательным суффикс *-ат/-ят*. Обычно он образует названия детенышей животных, но в нашем материале встретились наименования детей – *узбечата*, *киргизята*. Еще один модификационный суффикс – *-ух* и его вариант *-овух*. Они образуют стилистически сниженные синонимы мотивирующих имен существительных: *бицуха* от *бицепс*, *бытовуха* в значении ‘повседневная жизнь’ – от *быт* (*бытовуха* ‘бытовое преступление’ образовано способом универбации). Оказались довольно продуктивными суффиксы *-ашк* и *-ушк* в различных значениях: *потеряшка*, *обнимашки*, *целовашки*, *войнушка*.

Нарицательные существительные со значением ‘предмет, характеризующийся производящим словом’ образуются при помощи суффиксов *-ик*, *-шк*: *многоквартирник*, *полторашика*.

Для абстрактных существительных наиболее продуктивен суффикс *-изация*: *брутализация*, *деофшоризация*, *хаотизация*, *сексуализация* и др.

Бессуффиксным способом образовано слово *отвяз* от жаргонного *отвязный* с усечением производящей основы.

Прилагательные образуются при помощи суффиксов *-н*, *-ов* и *-аст*: *фейсбучный*, *мегапиксельный*, *драйвовый*, *лонастый*, *персястый* (последний образует прилагательные, обозначающие «обладающий в большой степени тем, что названо производящим словом»).

Для глаголов продуктивны суффиксы *-и-*, *-ирова-*: *истерить*, *креативить*, *инстаграмить*, *постить*, *сканировать*, *чипировать*, *криминализовать*, *турбировать*, *исламизировать* и др. Встречаются и другие суффиксы: *лайкать*, *лайкнуть*, *целительствовать* и т. п.

Конфиксальный способ также используется в современном русском языке. Например, в слове *ножники* конфикс *на-* + *-ник*, в *примкадье* – приставка *при-* и суффикс *-й-*. Приставочно-суффиксально-постфиксальным способом образовано слово *отфрендиться* (отписаться от кого-либо в социальных сетях).

Таким образом, аффиксальные способы словообразования в современном русском языке остаются весьма продуктивными. Это опровергает расхожее мнение, что лексикон сейчас пополняется только за счет англицизмов и жаргонизмов.

М. Тукай

ГУО «Средняя школа № 7 г. Барановичи»

(г. Барановичи, Беларусь)

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ В МЕСТНОЙ ПРЕССЕ

Все больший интерес современники проявляют к истории родного края. А история печатного слова Барановичского района недостаточно полна. Этим обусловлена **актуальность** и новизна нашего исследования. Нам стало интересно, всегда ли уделялось большое внимание названию газетной публикации, насколько актуальной была проблема заголовка в старейшем барановичском издании – газете «Наш край». Эта проблема приобрела еще большую актуальность в преддверии предстоящего в 2019 г. 80-летия газеты.

Еще в 1971 г. в издании Н.М. Сикорского по теории и практике редактирования отмечается, что «заглавие – необходимый элемент каждого литературного произведения», и выдвигаются требования к нему [3, с. 248]. Среди белорусских исследователей проблему заголовка затрагивал Б.Ю. Норман [1]. Наиболее же обстоятельно к решению проблемы заголовка подошли Г.Г. Хазагеров и Э.А. Лазарева [2].

Объектом нашего исследования стали газеты, издававшиеся барановичскими органами власти в период с 1939 по 2017 г. Это «Голас рабочага», «Чырвоная звязда», «Знамя коммунизма» и «Наш край».

Предметом исследования стали заголовки вышеперечисленных изданий. Особое внимание уделялось оригинальным и прецедентным.

Приступая к исследованию, мы поставили **цель** – выяснить, какие изменения претерпел заголовок в период с 1939 по 2017 г., в связи с чем предположили, что с течением времени заголовки в местной прессе постоянно совершенствуются, все большую долю среди них занимают оригинальные и прецедентные.

Для достижения цели мы поставили перед собой **задачи**: выяснить краткую историю развития старейшей барановичской газеты «Наш край»; составить перечень заголовков отдельных номеров и определить количество оригинальных и прецедентных среди них; выяснить позицию журналистов, работавших в «Нашем крае», относительно проблемы заголовка, а также мнение современных читателей о роли заголовка при выборе газетного материала для прочтения.

Для исследования были выбраны следующие **методы**: теоретический анализ литературы; лингвистический анализ компонента текста; анкетирование; интервью; метод статистической обработки данных.

Данные нашего исследования интересуют сотрудников редакций газет, студентов факультета журналистики. Они могут помочь начинающим писателям и журналистам в выборе заголовка (заглавия).

Мы обратились к газете «Голас рабочага», так как выход первого номера этой газеты обозначен как день рождения «Нашего края» – 21 сентября 1939 г.

Выход «Голаса рабочага» почти совпал с началом освободительного похода Красной Армии на территорию Западной Белоруссии. Заголовки этого издания не отличаются оригинальностью. В названии статей – тема: «Лікаванне працоўных» «Дэманстрацыя любові і адданасці» («ГР», 01.10.39). 4 декабря 1939 г. произошло образование Барановичской области. И с 1940 г. вместо «Голаса рабочага» выходит «Чырвоная звязда». Заголовки этой газеты также не отличаются оригинальностью. Даже в одном номере встречается несколько заголовков с однокоренными словами: «Новы год сустрэлі з радасцю», «Радасць дзяцей», «Радасна сустрэлі Новы год», «Радасць рабочага». Все эти заголовки видим в одном номере – за 03.01.40.

С 01.05.62 в Барановичах издаются две газеты – «Чырвоная звязда» и «Знамя коммунизма». Журналисты по-новому стали относиться к заголовкам. Появляются заголовки-образы, заголовки-вопросы: «Сеют, сеют, а вырастет ли?» («ЗК», 06.09.61). Редко – прецедентные заголовки: «В тесноте и в обиде» («ЗК», 04.10.62).

2 марта 1963 г. произошло объединение двух изданий в одно под названием «Знамя коммунизма». Из интервью с корреспондентом, работавшим в то время, мы узнали, что к заголовкам уже принято было подходить со всей ответственностью, но таких, которые называют прецедентными, практически не было.

1990-е гг. стали переломными и для страны, и для газет. Редакции были заинтересованы в привлечении читателей. Многие поняли, что успех кроется в том числе и в удачном заголовке.

Барановичские журналисты с 1991 г. уже стали сотрудниками «Нашего края» в связи с переименованием газеты. Именно в этот период резко увеличивается количество прецедентных и оригинальных заголовков. В одном номере можно было встретить до 30 % заголовков, мгновенно привлекающих внимание.

Так, объектом прецедентных заголовков становятся:

1) афоризмы (приведенные дословно или в сокращении), взятые из:

а) литературных произведений: «Владельцы заводов, мельниц и пароходов» («НК», 25.11.08);

б) музыкальных произведений: «Осень жизни, как и осень года...» («НК», 02.10.08), «Нежное эхо друг друга...» («НК», 27.08.09);

в) фильмов: «Куда идем мы с “Пятачком”? Секрета нет» («НК», 15.08.09);

2) фразеологизмы: «Плакали денежки» («НК», 02.12.08);

3) пословицы, поговорки: «Мир не без добрых людей» («НК», 02.10.08).

Способы использования прецедентного текста могут быть разными:

1) дословное приведение: «Аппетит приходит во время еды» («НК», № 140 от 25.11), «Манит, ранит, обжигает» («НК», 04.12.08);

2) усечение: «Не оскудеет рука» («НК», 07.10.09);

3) замена слова: «Не ходите, девушки, вечером гулять» («НК», 02.12).

Для новостной информации достаточно краткого указания на тему, использования глагола и т. п. Выделим еще несколько способов создания привлекательного заголовка, которые можно назвать креативными (оригинальными):

1) окказионализм: «Замостовка» («НК», 11.12.08);

2) визуальный эффект: «МИРное небо. ТРУДное время. МАЙские праздники» («НК», 29.04.95);

3) каламбур: «Надежда живет надеждой» («НК», 02.09.95), «Охота снова на охоту?» («НК», 30.10.08);

4) оксюморон: «Горячий лед» («НК», 18.10.08), «Горький вкус меда» («НК», 29.08.09), «Первые дожинки» («НК», 18.08.09).

К осознанию важности заголовка журналисты пришли не сразу. Мы считаем, что обратить более пристальное внимание на заголовок журналистов побудило несколько причин. Во-первых, борьба за читателя в условиях резко возросшей конкуренции. Во-вторых, темп современной жизни, вынуждающий читателя избирательно подходить к выбору публицистического материала для прочтения. Ведь, согласно нашему исследованию, только 3 % опрошенных читают все подряд.

Список использованной литературы

1. Лазарева, Э. А. Заголовок в газете / Э. А. Лазарева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 86 с.
2. Норман, Б. Ю. Лингвистика каждого дня / Б. Ю. Норман. – Минск : Выш. шк., 1991. – 304 с.
3. Сикорский, Н. М. Теория и практика редактирования / Н. М. Сикорский. – М. : Высш. шк., 1971. – 367 с.

Фу Цзяхао

Белорусский государственный университет
(г. Минск, Беларусь)

СПЕЦИФИКА РУССКИХ АТРИБУТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Среди русских прилагательных, характеризующих внешность человека, можно выделить две группы. Первую группу составляют прилагательные со значением общей характеристики: *высокий, низкий, полный, худой, красивый, уродливый* и т. п. Вторая группа – это атрибутивные прилагательные типа *узкоглазый, белокожий, бородатый, носатый, веснушчатый, длинноногий* и др. Она отличается от первой своим составом, словообразовательными моделями, значением, сочетаемостью и др. Атрибутивными прилагательными мы называем такие, которые, выделяя и определяя отдельные внешние атрибуты человека с точки зрения какого-либо бросающегося в глаза признака, служат для характеристики его внешности.

Атрибутивные прилагательные можно подразделить на следующие подгруппы в зависимости от того, особенности какого атрибута или части тела они характеризуют.

1. Глаза:

- по форме: *узкоглазый, широкоглазый, пучеглазый, глазастый* и др.;
- по цвету: *сероглазый, кареглазый, зеленоглазый, мутноглазый* и др.

Некоторые прилагательные, выражающие характеристику человека по цвету глаз, имеют параллельные формы с основой *-око-*, которые различаются стилистическими оттенками, например, *черноглазый – черноокий* (книжн.-поэт.), *синеглазый – синеокий* (книжн.).

2. Брови:

- по цвету: *чернобровый, седобровый* и др.;
- по интенсивности признака: *густобровый, безбровый, бровастый* и др.

3. Нос:

- по форме: *горбоносый, кривоносый, тупоносый, носатый* и др.;
- по цвету: *красноносый*.

4. Губы:

- по форме и размеру: *губастый, тонкогубый, толстогубый*;
- по цвету: *красногубый, белогубый*.

5. Щеки:

- по форме: *пухлощекий, полнощекий, щекастый, толстощекий*;
- по цвету: *краснощекий, розовощекий, румянощекий*.

6. Уши:

- по форме: *лопоухий, остроухий, ушастый*.

7. Лоб:

- по форме: *узколобый, высоколобый, низколобый*.

Интересно, что только в этой подгруппе есть слова с переносным значением, которые служат характеристикой интеллектуальных качеств человека, например, *туполобый* – «неумный, глупый», *твердолобый* – «глупый, косный», *крепколобый* – «упрямый, излишне упорный» и др.

8. Лицо:

- по форме: *узколицый, широколицый, полнолицый, остролицый* и др.

В этой подгруппе много просторечных слов, которые употребляются не столько для характеристики внешности человека, сколько для выражения неодобрения по отношению к человеку, к его внешности, например, *широкомордый, толсторылый, мордатый* и др. В таких словах лицо человека сравнивается с мордой животного или рылом свиньи, поэтому они обладают большой степенью сниженности и употребляются как бранные слова;

– по цвету: *светлолицый, краснолицый, темнолицый*. В устаревшей книжной (поэтической) лексике есть прилагательные с основой *-лик-*: *бледнолицый, румянолицый* и др. Имеющиеся в просторечной лексике русского языка прилагательные *краснорожий, красномордый* чаще всего употребляются как бранные слова.

9. Волосы:

- по цвету: *светловолосый, черноволосый, рыжеволосый* и др.;
- по длине: *длинноволосый, коротковолосый*;
- по отсутствию: *безволосый*;
- по густоте: *пышиноволосый, густоволосый, редковолосый, жидковолосый*.

10. Голова:

– по форме: *большеголовый, круглоголовый, длинноголовый*. Прилагательные *тупоголовый, пустооголовый, безголоный* и некоторые другие

имеют переносное значение и для характеристики внешности человека не употребляются.

11. Руки:

- размер/длина: *длиннорукий, короткорукий*;
- количество: *однорукий*.

12. Ноги:

- размер/длина: *длинноногий, коротконогий*;
- форма: *кривоногий*;
- количество: *одноногий*.

13. Грудь: *узкогрудый, широкогрудый, грудастый, пышногрудый*.

14. Живот: *пузатый, брюхастый, толстопузый, толстобрюхий*. Интересно отметить, что все русские прилагательные, характеризующие человека в связи с его животом, образуются только от стилистически сниженных слов *брюхо* и *пузо* и выражают неодобрительное, пренебрежительное отношение говорящего. Образования, мотивированные словом *живот*, отсутствуют.

Как видно из анализа материала, в русских атрибутивных прилагательных особенности частей тела человека выражены по таким признакам, как цвет, форма, размер, количество, наличие, отсутствие. Не все эти признаки присутствуют во всех подгруппах. Так, признак «цвет», важный для определения особенностей волос, глаз, щек, губ, не характерен для выражения особенностей рук, ног, ушей и др. Признак «количество» и его указатель *-одно-* характерен для тех атрибутов, которые поддаются счету, и всегда указывает на физический дефект.

Хотя атрибутивные прилагательные в русском языке обычно однозначные и выражение характеристики внешности человека является основным в их значении, некоторые из них могут развивать переносные значения, например: *тупоголовый* – «очень глупый», *узколобый* – «недалекий», *рукастый* – «умелый», *криворукий* – «неловкий в работе», *тонкогубый* – «злой», *безрукий* – «неумелый» и др.

Большая часть атрибутивных прилагательных в русском языке – это сложные слова. Среди них есть антонимы (например, *высоколобый* – *низколобый*, *коротконогий* – *длинноногий*) и синонимы (например, *долгоносый* – *длинноносый*, *пухлощекий* – *круглощекий*, *черноглазый* – *черноокий* и др.). Члены таких синонимических рядов могут отличаться как оттенками значений, так и стилистической принадлежностью.

Только некоторые сложные атрибутивные прилагательные образуют формы с уменьшительно-ласкательным значением, например *синеглазенький*, *чернобровенький*, *глазастенький* и т. п.

Атрибутивные прилагательные, как правило, однозначны и мотивированы существительными, называющими части тела человека. Поэтому они обладают меньшей степенью лексической сочетаемости по сравнению с прилагательными общей характеристики (*красивый, здоровый, ху-*

дой и др.). Атрибутивные прилагательные сочетаются с существительными, обозначающими человека, например, *кареглазый (-ая) ребенок, мужчина, девушка* и т. п., *светловолосый (-ая) юноша, мужчины, девочка* и т. п. Атрибутивные прилагательные не сочетаются с теми существительными, которые выступают в качестве мотивирующих, например, невозможны сочетания *кривоносый нос, толстощечие щеки* и др. Исключение составляет сочетание *курносый нос*.

Некоторые атрибутивные прилагательные в переносных значениях сочетаются с существительными, обозначающими неодушевленные предметы, например: *тупоносые ботинки, остроносые туфли, хромоногий стол, ушастая шапка, пузатая бутылка, бледнолицая луна* и др.

Таковы семантические и функциональные особенности этой подгруппы прилагательных в русском языке.

I. Хафізаў

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

СТРУКТУРА ПРЫКАЗАК І ПРЫМАВАК ДРАГТЧЫНШЧЫНЫ

Беларускія прыказкі і прымаўкі лічацца ўзорам павучальнасці і мудрасці, рэпрэзэнтантамі нацыянальнай культуры. Гэта самыя кароткія творы, якія існуюць у гаворках. Самая яскравая рыса прыказак і прымавак – гэта тое, што ў іх няма канкрэтнага адрасата і яны заўсёды грунтуюцца на канкрэтных фактах з жыцця беларускага народа.

Прыказкі і прымаўкі могуць мець форму як простага, так і складанага сказа. Простыя ў сваю чаргу бываюць аднасастаўныя і двухсастаўныя. І тыя, і другія сказы інтанацыйна і граматычна аформлены, валодаюць прэдыкатыўнасцю, мадальнасцю і камунікацыйнасцю.

Часта прыказкі і прымаўкі бываюць двухсастаўнымі. У такіх сказах ёсць і дзейнік, і выказнік, звязаныя прэдыкатыўнай сувяззю. Акрамя галоўных, ёсць у простых двухсастаўных сказах і даданыя члены – дапаўненне, акалічнасць і азначэнне, якія залежаць ад галоўных і ўваходзяць у іх склад: *Ласкавэ тэлятко дзве маткі сцэць; Новэ сыточко на колочку вісыць; На Покрову зарывэ дівка як корова; У страху гочы вылыкі; Яблоко од яблоні далёко ны откотыцца; Под лыжычы камынь вода ны тычэ; Дрова бэз поджогу ны горать; Збан до поры воду носыць; Малыі дідкы – малыі бідкы; Сам ны гам і другому ны дам; Пошкодовав вовк кобылу да з'ів; Нывістка – чужая кістка; Ліпша родня – своя родня; У дурного півня дурная і пісня; Сова ны прывыдэ сокола, а токого, як сама (Ліпнікі).*

Аднасастаўнымі называюць сказы, у якіх толькі адзін з галоўных членаў выконвае ролю граматычнай асновы. У такіх сказах ёсць толькі

галоўны член, і няма ні дзейніка ні выказніка: *На довгому выку як на вовчой ныві. Пана выдно по холявам. Дыржысь, козак, атоманом будыш. На чужы кусок ны розявай роток. Бэз охоты ныма і роботы* (Ліпнікі).

Аднасастаўныя сказы бываюць дзейнікавыя і выказнікавыя. Аднасастаўныя выказнікавыя ў сваю чаргу падзяляюцца на пэўна-асабовыя, няпэўна-асабовыя, абагульнена-асабовыя і безасабовыя. Як правіла, прыказкі бываюць абагульнена-асабовымі: *Дарэмному коню в зубы ны глядять; На чужыі вуста ны положыш хуста; Сторого ліса ны выманьш з лісу* (Ліпнікі).

Прыказкі могуць мець форму безасабовых сказаў. У іх ёсць толькі выказнік, што называе стан або дзеянне, і адсутнічае дзейнік, які называе суб'ект дзеяння – таго, хто яго выконвае: *Бэз охоты ныма і роботы; Ныма навукы бэз муку* (Ліпнікі).

Прыказкі і прымаўкі Драгічыншчыны маюць і структуру складанага сказа. Яны складаюцца з дзвюх ці болей састаўных частак, якія маюць структуру простых сказаў і ўтвараюць адно сінтаксічнае цэлае.

Прыказак, якія належаць да складаназлучаных сказаў, нямнога. Прэдыкатыўныя часткі ў такіх сказах часцей звязваюцца пры дапамозе злучніка **а**, які выражае адносіны супастаўлення і супрацьпастаўлення: *Дывкы замуж збыраюцца, а бабы каюцца; Скілько вырочцы ны выйся, а конэц будэ; Кому шо, а курыці просо; Прыдэ коза до воза, а сіна ны будэ; Дывкы добры, а бабы злыі; Встрычають по одэжы, а проводять по розуму; У бабы косы довгы, а розум короткы; Вік жывы, вік учысь, а дураком помрэш; Маты хату ны будуе, а дэтэй погадуе; За рубль свічку бырэ, а з бідного опошню шкуру здырэ; Старому – піч, а молому – калыска; Ты йому про діло, а він тобі про козу білу; По хаті ходыть, а двырэй ны знае; Добра работа, алы дэнь малы; Кров – ны вода, а сэрцэ – ны камінь; Знаеш – кажы, а ны знаеш – мовчы* (Ліпнікі).

Існуе шмат прыказак і прымавак са структурай складаназалежнага сказа. У такім сказе адна састаўная частка паясняе другую і звязана з ёй пры дапамозе злучальнага слова ці падпарадкавальнага злучніка. Адна састаўная частка складаназалежнага сказа падпарадкоўваецца другой сінтаксічна і семантычна.

Сказы з даданымі дзейнікавымі часткамі назіраюцца сярод прыказак і прымавак вельмі часта: *Шо голова – то розум; Шо правда, то ны гріх; Хто кого любыть, той того губыть; Хто нужды ны бачыв, той шчасья ны знае; Хто рано встае, тому Бог дае* (Ліпнікі).

Значная частка прыказак і прымавак Драгічыншчыны з'яўляецца сказамі з даданымі дапаўняльнымі часткамі. Часта з іх дапамогай канкрэтызуецца дапаўненне галоўнай часткі, якое выражаецца субстантыўнымі займеннікамі: *Які сам, такую і судосыв; На тобі, Божэ, шо мыні ныгожэ; За чыйім столом сыжу, тому і пісню пою* (Ліпнікі).

Вылучаюцца і іншыя структурна-семантычныя тыпы прыказак і прымавак з будовай складаназалежных сказаў: а) з **даданай умовы і часу**: *Ны кажы гоп, як ны сів* (Ліпнікі) ; *Тоды ля сыроты няділя, як кошуля (сорочка) біла; Як лад, то й Біг рад; Як мука тычэ, то й свиння пырогы пычэ; Як ны бачыш, то попытай гочэй; Як ны оддасы свинні, то сам ззысы за свинню; Як ны піп, то ны вбывайсь і в рызу; Як ны розжовав, то ны клыкай; Як схоч собаку выцяты, то найдыш і кыя; Як удасця біс, то побы на ёму ліс; Як хоч бытыся, то й свій лоб пудстав; Як хочыш пропасты, то нагучысь красты; Як хто до чого стрымыця, то нічога доб'еця; Як шчясце ны шукае чововіка, то сам ёго ны найдыш* (Сіманавічы); б) з **даданай мэты**: *Коваль опцэнькы дыржыть, коб рук ны попычы; Рука руку мые, коб обідьвы булы білы* (Сіманавічы); в) з **даданай спосабу дзеяння**: *Як грають, так і танцюй; Як заскачано, так заплачано; Як ішов, так і пошов; Як ты до людэй, так до тыбэ людэ; Як хто вміе, так і розуміе* (Сіманавічы); г) з **уступальна-супрацьпастаўляльнымі адносінамі**: *Чым б дытятко ны тішылося, лыш бы ны плаколо* (Ліпнікі); д) з **даданай прычыны**: *Тобі кысьць, бо ты гысьць* (Сіманавічы); е) **даданай месца**: *Дэ врожэй, там і вмольт; Дэ колія, там і я; Дэ коротко, там і рвэця; Дэ лад, там і клад; Дэ нянёк много, там дытына быз носа; Дэ п'ють, там і льють; Дэ чововік уродывсь, там і згодывсь; Дэ чярка, там і сварка* (Сіманавічы).

Сярод прыказак і прымавак назіраюцца і бяззлучнікавыя сказы. Такія прыказкі і прымаўкі могуць мець супастаўляльна-супрацьпастаўляльныя, тлумачальныя, умоўна-выніковыя адносіны, а таксама выяўляць пералічальнае значэнне: *Старосьт ны радосьт, горб ны корысьт; Хай думае кінь, у його голова вылыка; Хочыш нажыты ворага – позыч грошы; Вовка боятыся – в ліс ны ходыты* (Ліпнікі); *Баба з воза – колёсам лёкш; Дяку Богу, хліб удавсь – пуд скорынку кыт схававсь; Жды Пытра – ззысы сыра; Ліс говорыть – полэ чуе; Мало мілы – хутко ззілы; На коні йіду – коня шукаю; Нагучытысь – трэба прынуждытысь; Ны можыш – ны бырысь* (Сіманавічы).

Прыказкі і прымаўкі Драгічыншчыны маюць структуру і складаных сказаў з рознымі відамі сувязі. Састаўныя часткі гэтых сказаў могуць звязвацца рознымі сродкамі – злучальнымі і падпарадкавальнымі злучнікамі, бяззлучнікавай і злучнікавай сувяззю: *В кого дочок сім, то й доля всім, а в кого одна, то й долі жадна; До поры збан воду носыть, а як оборвэця, то й лыхо складэця; Злодэй як ны бырэ, то всёго ны забырэ, а огонь як пудчыстыть, то й углыв ны покынэ; Як молодое впадэ, то Біг подушку стэлэ, а як старое, то чорт рожна пудставляе; Як сын родыця, то одын угол пуднымыця, а як дочка – то опадэ; Як умэр богатыр, то пошов увэсь мір, а як вмер біднячок, то оно піп і дячок; Як хороство дылылы, то я спала, а як шчясце дылылы, то я встала* (Сіманавічы).

Такім чынам, у гаворках Драгічыншчыны шырока выкарыстоўваюцца прыказкі і прымаўкі з будовай простага і складанага сказаў. Яны адлюстроўваюць народную мудрасць і назіральнасць, паказваюць на аналіз розных жыццёвых сітуацый і фактаў, перадаюць нашчадкам глыбокія высновы і абагульненні.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Клімчук, Ф. Д. Прыказкі і прымаўкі з вёскі Сіманавічы Драгічынскага раёна / Ф. Д. Клімчук // Беларуская дыялекталогія: матэрыялы і даследаванні. Вып. 3. – Мінск: Беларус. навука, 2014. – С. 157–168.

О. Чабурко

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Акцентология русского языка достаточно сложна и ставит ряд проблем даже перед носителями языка как родного, не говоря уж об изучающих русский язык как иностранный. «В современном русском языке круг факторов, от которых хотя бы в некоторых случаях может зависеть акцентуация слова, весьма значителен. Помимо фактора традиции (т. е. прямого наследования установившегося в прошлом ударения), сюда прежде всего относятся: морфемный состав слова, его словообразовательная история, его значение, длина (число слогов) его основы, характер конечной фонемы его основы, а также степень его освоенности (для данного говорящего)» [1, с. 10].

Часто говорящие на русском языке испытывают затруднения в акцентуации глаголов, заканчивающихся на *-ировать*. По данным орфографического академического ресурса «Академос» (<http://orfo.ruslang.ru/>), среди таких слов ударение на последнем слоге имеют 108, на третьем слоге от конца – 1 535, у 18 глаголов существуют акцентологические варианты. Существуют ли какие-либо правила, закономерности выбора места ударения глаголах на *-ировать*?

А.А. Зализняк описал случаи, в которых ударение должно быть на последнем слоге: «1. При односложном базовом компоненте и значениях: а) ‘покрывать веществом (рисунком, нарезкой и т. п.) X’, ‘насыщать, пропитывать X-ом’ (*лак-ировать, бронз-, глаз-, брон-, мат-, также план-, пол-, пан-, блинди́рова́ть; грим-ирова́ть, марк-, лесс-, грав-, гофр-, плисс-, фарш-, мебл-, ср. газирова́нный*); б) ‘покрывать, укрывать предметом (одеждой) X’ (*маск-ировать, драп-, пломб-*); в) ‘организовывать, подразделять в соответствии с X’, ‘упражнять, улучшать способом X’ (*групп-ирова́ть, сорт-, план- [об участках земли], норм-, форм-, трен-, дресс-, юстирова́ть*).

2. В нескольких глаголах с неодносложным базовым компонентом при тех же значениях, что в 1а и 1б: *эмал-ировать*, *никел-*, *костюм-*, *экип-*, *татуировать*. 3. В изолированных случаях: *марш-ировать*, *рок-* (непереходные глаголы); *серв-*, *прем-* (ср. ненормативное *премировать*), *пик-* (о сеянцах), *кол-*, *крок-*, *плас-*, *декатировать*» [1, с. 106]. И далее: «Из глаголов, отвечающих условиям пункта 1, лишь очень немногие имеют ударение *-ировать*; это глаголы с базовым компонентом на *р* (*хлор-ировать*, *нитр-*, *вир-*), а также *газ-ировать* (но *газированный*), *хром-* (но обычно *хромированный*), *арм-*, *гумм-*, *сульф-* и некоторые совсем редкие. Напротив, при неодносложном базовом компоненте *-ирова-ть* является нормой (ср. *бетон-ировать*, *цемент-*, *асфальт-* и т. д.)» [1, с. 106]. Следует отметить, что для слов *крокировать*, *планировать* (участки) и А.А. Зализняк, и словарь С.И. Ожегова 1984 г. дают один вариант ударения [2, с. 264, 449], но в академическом орфоэпическом словаре 1983 г. для этих глаголов по два равноправных варианта [3, с. 228, 390]. Орфоэпический словарь допускает также вариант *нормировать* [3, с. 311].

Глагол *бронзировать*, имеющий в XX в. ударение на последнем слоге, в наше время приобрел второй акцентологический вариант, зафиксированный на «Академосе». Но, если судить по этому ресурсу, есть и обратные случаи – сдвига ударения к концу слова: дается только *юстировать*, хотя А.А. Зализняк называет два варианта; *понтировать*, хотя в орфоэпическом словаре 1983 г. только *понтировать*; приводится слово *пласировать*, отсутствующее в других словарях.

Однако новые слова с суффиксом *-ирова-* всегда имеют ударение на первом слоге суффикса: *сканировать* и *отсканировать*, *зумировать*, *анимировать*, *хеджировать* и мн. др. Неологизмы такого рода легко найти в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) (<http://ruscorpora.ru>), используя опцию «несловарное» при поисковом запросе «*ировать». Среди новых слов на *-ировать* есть и такие, которые означают ‘покрывать веществом (рисунком, нарезкой и т. п.) X’ и имеют односложный базовый компонент: *шпонировать*, *тонировать* (стекла). Значение ‘организовывать, подразделять в соответствии с X’ и односложный корень можно обнаружить в словах *зонировать*, *фазировать* (разбивать в соответствии с фазами: *антенна с фазированной решеткой*, *фазированный взрыв*). Значение ‘улучшать способом X’ наблюдается в глаголах *турбировать* (улучшать свойства двигателя), *брендировать* (наносить фирменный логотип с целью рекламы, использовать бренд для повышения спроса на товары и, соответственно, их цены: «Цена ... окажется значительно ниже, чем на импортные брендированные аналоги», – говорит Григорьев [Н. Литвинова. Российский лифт поднялся в бизнес-класс // «Эксперт», 2013]).

Кроме того, в узусе постоянно встречаются варианты *пломбировать*, *запломбировать*, не рекомендуемые нормативными словарями. Например,

в акцентологическом подкорпусе НКРЯ: [Елена, жен] *И такой вот вопро́с/ скажи́те/ пожа́луйста/ аа заплombsи́ровать/ аа просто обы́чная пломба/ сколько сейча́с будет стои́ть?* [Запись к стоматологу (2015)]. Других случаев использования данных глаголов в акцентологическом подкорпусе, к сожалению, не зафиксировано.

Интересно также появление слова *презенти́ровать* вместо нормально-го *презентова́ть* или *демонстрировать* (в НКРЯ 7 примеров): *Добровольное, радостное служение Отечеству царь презентировал в собственном образе «слуги Отечества»* [Ольга Кошелева. Пигмалион, отец отечества (2007) // «Родина», 2011]; *Не гнобить линию одежды, которую презентуют их дочери, жены или любовницы* [Ольга Новикова. Каждый убивал // «Сибирские огни», 2012]. Правда, и слово *презентовать* в толковых словарях дается только в ироническом значении ‘подарить’, связанном с существительным *презент*, хотя в современном узусе этот глагол тесно связан с понятием *презентация* и синонимичен словам *представлять*, *демонстрировать*: *Сайт спикера собирались презентовать еще летом, после окончания весенней сессии Совета федерации, однако подготовленный на тот момент интернет-продукт главного заказчика не удовлетворил* [Н. Ратиани. Уединение с книгами и камнями. Глава Совета федерации попал в сеть (2002) // «Известия», 2002.09.29]; *От того <...> как именно он будет презентовать себя и выглядеть в глазах окружающих напрямую зависит скорость реализации его планов и целей, а также конечный результат* [Д. Савчик. Личный опыт. Социализация и школа (2015)]; *На днях Минрегион презентовал бодрый иллюстрированный отчет об экономическом положении регионов* [С. Сухова. Раздача вслепую // «Огонек», 2014] и мн. др.

А.А. Зализняк называет среди основных тенденций развития русской акцентологии выравнивание ударения в объединяемой по каким-либо признакам группе форм и семантизацию ударения (перераспределение слов по акцентным группам в зависимости от их значения) [1, с. 371]. По нашему материалу совершенно очевидно, что для глаголов на *-ировать* в настоящее время действует лишь первая из названных тенденций, поддерживаемая стремлением к гармоническому равновесию слова. Вторая же тенденция нивелируется: новые слова с односложным базовым компонентом и значениями ‘покрывать веществом (рисунком, нарезкой и т. п.) X’, ‘организовывать, подразделять в соответствии с X’, ‘улучшать способом X’ имеют ударение на *и*, как у подавляющего большинства глаголов с суффиксом *-ирова-*. Заметна большая активность этого суффикса в современном русском языке и даже его конкуренция с более коротким суффиксом *-ова-*.

Список использованной литературы

1. Зализняк, А. А. От праславянской акцентуации к русской / А. А. Зализняк. – М. : Наука, 1985. – 428 с.

2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1984. – 797 с.

3. Борунова, С.Н. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова ; под ред. Р. А. Аванесова. – М. : Рус. яз., 1983. – 704 с.

Чжао Наньнань

Белорусский государственный университет
(г. Минск, Беларусь)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Выбор в качестве объекта исследования способов выражения категоричности связан с изучением категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе. Акцентность представляет собой категорию, обозначающую смысловое выделение (актуализацию) важных, по мнению автора, моментов содержания речи, привлечения к ним внимания аудитории. Смысловое акцентирование способствует убеждению адресата в правильности авторской точки зрения и достижению таким образом взаимопонимания между отправителем и получателем сообщения [1, с. 120–121]. Согласно концепции М.Н. Кожинной, которая исследовала акцентность в научной речи, данная категория имеет полевою структуру и включает пять микрополей: уточнения, усиления, оценки, категоричности/некатегоричности, активизации внимания. Соотношение этих микрополей определяется типом дискурса.

Политическая коммуникация, субъектами которой выступают государственные лидеры, предполагает демонстрацию уверенности в правомерности, справедливости определенной оценки событий, фактов, ситуаций, различных сторон общественной жизни. Отсюда необходимость использования в политическом дискурсе языковых средств, выражающих категоричность (безапелляционность) суждений.

Закономерно поэтому, что вербальные единицы с семантикой категоричности характеризуются частотностью и регулярностью употребления: в категориальном поле акцентности они занимают промежуточное положение между центральными и периферийными языковыми элементами и составляют 13,4 % от общего числа выявленных акцентуаторов. Эти данные были получены на основе изучения фактического материала – текстов выступлений политических лидеров России и Китая за 2000–2017 г. Эмпирическая база исследования насчитывает 50 текстов (25 русских и 25 китайских).

В результате анализа было выявлено три группы акцентуаторов, выражающих категоричность.

Первую группу составляют модальные слова и словосочетания с семантикой уверенности говорящего в истинности высказываемого, выступающие в роли вводных слов: рус. *бесспорно, безусловно, несомненно*; кит. *当然 (конечно), 毫无疑问 (вне (без) всякого сомнения), 理所当然 (разумеется), 自然的 (естественно)* и др. Например: рус. *И, конечно, мы всегда будем помнить подвиги героев Великой Отечественной войны* [3, с. 66]; кит. *毫无疑问, 俄罗斯是共建“一带一路”构想最重要的国家之一 – Россия, бесспорно, является ключевой страной в деле совместного строительства «одного пояса и одного пути»* [4].

Вторая группа включает глаголы, краткие прилагательные и причастия с семантикой уверенности, убежденности, выполняющие функцию сказуемого или выступающие в роли вводных слов: рус. *уверен, убежден, не сомневаюсь*; кит. *丝毫不动摇 (ни на минуту не сомневаюсь), 丝毫不改变 (ничуть не изменилась)* и др. Например: рус. *Убежден, что эта крепкая дружба всегда будет служить нам основой совместной работы* [5, с. 48]; кит. *我们坚信, 香港同胞、澳门同胞不仅有智慧、有能力、有办法把特别行政区管理好、建设好 – Мы твердо уверены, что у соотечественников из Сянган и Аомэня не только вполне достаточно ума, возможностей и средств хорошо управлять своими районами и их благоустраивать* [6].

Третью группу акцентуаторов категоричности образуют модальные слова с семантикой долженствования, необходимости, входящие в состав сказуемого: рус. *должен, обязан, нужно*; кит. *要 (надо), 必须 (необходимо), 绝不 (нельзя)* и др. Например: рус. *Необходимо шире использовать режим особых экономических зон, которые создаются с целью приоритетного развития высоких технологий в России* [7, с. 13]; кит. *要提倡对主要储备货币发行经济体宏观经济政策和主权信用评级机构的监 – Надо усилить надзор за макроэкономической политикой государств, выпускающих основные резервные валюты, и суверенными кредитными рейтинговыми агентствами* [5].

Языковые средства, выражающие категоричность, активно используются и в русском, и в китайском политическом дискурсе. При этом, как показал сравнительный анализ, частотность акцентуаторов категоричности неодинакова в сопоставляемых языках. В русских текстах языковых единиц со значением категоричности зафиксировано больше, чем в китайских: 14,64 % и 10,80 % соответственно. Такая статистика, вероятно, объясняется различиями русской и китайской лингвокультуры.

Прагматический анализ способов выражения категоричности позволяет согласиться с мнением исследователей, которые отмечают, что «стремление выразить свою мысль категорично – это интенция, дополнительная к основным целям говорящих: высказать мнение, согласиться или не согласиться с чужим мнением, оценить что-либо, побудить к действию и т. д. [2, с. 111].

Использование акцентуаторов категоричности в политическом дискурсе дает возможность регулировать коммуникацию в соответствии с принятыми в данной сфере социальными нормами и правилами речевого поведения и, таким образом, является одним из условий организации эффективного общения.

Список использованной литературы

1. Иванова, Т. Б. Категория акцентности / Т. Б. Иванова. // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева [и др.] ; под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006. – С. 120–126.
2. Малышкин, К. Ю. Лексико-грамматические маркеры категоричности высказывания. / К. Ю. Малышкин, Л. Б. Никитина. – ОНВ, 2014. – № 5 (132). – С. 108–110.
3. Лю Ианьбянь. Выступление В. Путина на Российско-китайском экономическом форуме деловых кругов / Лю Ианьбянь. – Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. – Пекин, 2012. – С. 60–66.
4. Выступление посла КНР в Московском государственном университете путей сообщения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwtd/t307525.htm>. – Дата доступа: 01.09.2016.
5. Лю Ианьбянь. Выступление на церемонии открытия памятника Сергею Михалкову / Лю Ианьбянь. – Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. – Пекин, 2012. – С. 47–53.
6. Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwtd/t307525.htm>. – Дата доступа: 01.09.2016.
7. Лю Ианьбянь. Выступление В. Путина на митинге в Лужниках в 2012 году / Лю Ианьбянь. – Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. – Пекин, 2012. – С. 12–17.

Чжан Яньбинь

Белорусский государственный университет
(г. Минск, Беларусь)

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ИЛИ ПРЕДЛОЖНЫЙ?

Большую трудность для студентов-китайцев, изучающих русский язык как иностранный, представляют предложные конструкции «в + винительный падеж» и «в + предложный падеж», выражающие время. Как понять и чем объяснить, почему по-русски следует говорить *в октябре*, но *в субботу*; *в прошлом году*, но *в год науки*? Мы предприняли попытку выявить некоторые закономерности, на которые можно ориентироваться в выборе падежной формы стержневого слова в интересующих нас конструкциях.

Первым и самым важным фактором, который влияет на выбор падежной формы стержневого слова, являются сами значения этих слов. Их можно разделить на две группы: слова, которые вне контекста время не выражают (*ветер, дождь, встреча, обед, поездка* и др.), и слова, которые обозначают время (отрезки времени) (*век, год, месяц, неделя, день; время, эра, эпоха, момент; праздник, годовщина*).

Слова первой группы, обозначая время, используются в конструкции «в + винительный падеж»: *в дождь, в мороз, в этот приезд*.

Вторая группа более многочисленна и по составу, и по семантике входящих в нее слов. Их можно разделить на: 1) слова, выражающие время: *век, год, месяц, час, минута, секунда; эпоха, эра, время, миг, момент, мгновение*; 2) слова, передающие значение времени косвенно, с помощью невременных понятий: *весна, осень, утро, вечер, день, ночь; воскресенье, праздник, годовщина, Новый год, Рождество*.

Возможна и другая классификация этих слов: 1) слова, обозначающие определенный отрезок времени, т. е. временные единицы: *век, год, месяц, неделя, день, час, минута, секунда*, и 2) слова, выражающие неопределенный отрезок времени: *эпоха, время, момент, миг, час* в значении «время», *минута* – «момент», *секунда* – «миг». Эти классификации пересекаются.

Слова, косвенно передающие время, и слова, выражающие неопределенный отрезок времени, используются только в конструкции «в + винительный падеж» независимо от других факторов: *в прошлое лето, в первую неделю нового семестра, в ту эпоху, в решительный момент* и т. п.

Слова, непосредственно выражающие время в определенном количестве, могут употребляться и в предложном, и в винительном падежах в зависимости от таких факторов, как наличие или отсутствие определения, характер определения (согласованного или несогласованного), например: *в первом часу дня – в первый час работы; в том году – в тот год; в прошлом месяце – в прошедший месяц* и т. п.

Определения, которые влияют на выбор падежной формы стержневого слова, можно также разделить на две группы. К первой группе относятся такие, которые указывают на порядок расположения временных единиц и которые чаще всего выражены порядковыми числительными и словами типа *прошлый, нынешний, наступивший, будущий*. Их можно назвать порядковыми указателями. Во вторую группу входят слова, которые дают качественную характеристику временной единице: *трудный, памятный, незабываемый* и др. Их можно назвать качественными определителями.

При наличии порядкового указателя стержневое слово, которое выражает «чистое» время в определенном количестве, может стоять и в предложном, и в винительном падежах. Это зависит от характера определения:

в 2018 году – в первый год; в третьем часу ночи – в третий час тренировки; в последнем десятилетии прошлого столетия – в последнее десятилетие.

При отсутствии порядкового указателя стержневое слово стоит всегда в винительном падеже (кроме названий месяцев, в лексическом значении которых содержится порядковый указатель), например: *в год смерти отца – в месяц китайско-белорусской культуры, но в апреле, в мае.*

На форму стержневого слова оказывает влияние характер несогласованных определений, которые по общему значению возможно разделить на две группы. Первую группу составляют определения, которые обычно выражаются временными единицами с порядковыми указателями: в первом году нового тысячелетия, в январе будущего года, в первом часу дня. Их мы называем временными уточнителями. Вторую группу образуют несогласованные определения, которые характеризуют отрезок времени через невременные понятия: *в первый год строительства, во второй месяц учебы, в третий час работы.* Это уточнители вневременного характера.

При наличии уточнителя вневременного характера стержневое слово всегда стоит в винительном падеже независимо ни от чего: *в первый год пребывания в Минске, в третий час испытаний.*

При наличии временных уточнителей стержневые слова в большинстве случаев стоят в предложном падеже, если при них нет определителя качественного характера: *во втором часу ночи, в апреле этого года.*

Кроме того, на выбор винительного или предложного падежа влияет форма множественного числа стержневых слов, которые выражают «чистое время в единственном числе». Дело в том, что в русском языке форма множественного числа таких слов делает определенный отрезок времени неопределенным: век – это сто лет, а века – ?; год – 12 месяцев, а месяцы – ?; месяц равен 30 дням, а месяцы – ? и т. д. Сравним: *в том году – в те годы, в этом месяце – в эти месяцы, в первом часу – в первые часы.*

Таковы лексико-семантические факторы, которые влияют на падежную форму в интересующих нас конструкциях.

А. Швидченко

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ПОВЕСТИ МАРИНЫ МОСКВИНОЙ «НЕБЕСНЫЕ ТИХОХОДЫ»

Процесс заимствования в русском языке обусловлен как лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами. К лингвистическим

причинам относятся следующие: необходимость в наименовании нового предмета, явления или понятия; устранение полисемии исконного слова и упрощение его смысловой структуры; разграничение содержательно близких, но различающихся понятий, наконец, по мнению М.И. Фоминой, тенденция к замене расчлененного наименования нерасчлененным («авто-трасса» вместо «автомобильная дорога», «мотель» вместо «гостиница для автотуристов») [1]. К экстралингвистическим причинам заимствования относятся: наличие культурных, политических и экономико-промышленных связей между языковыми носителями; социальные, экономические и политические изменения внутри страны заимствующего языка, политическая роль страны и языка [2].

Л.П. Крысин в своей работе, посвященной проблеме заимствования, говорит о том, что многие придерживаются отрицательного мнения о заимствованиях, так как это происходит «в ущерб самобытности собственного словарного запаса» [3] и отвечает на это следующее: «...частое употребление иноязычных слов вовсе не означает, что все они, безусловно, вредны для языка, что они лишь засоряют речь. Напротив, процесс влияния одного языка на другой или другие – вполне естественный и закономерный: в ходе постоянных контактов представители разных стран обмениваются не только товарами, технологическими достижениями, объектами культуры, но и словами, называющими предметы обмена» [3].

Большинство заимствованных слов в русском языке являются лексически освоенными. Однако среди заимствований есть слова, которые не освоены русским языком: на фоне русских слов видно, что они заимствованы. Особое место среди них занимают экзотизмы – слова иноязычного происхождения, называющие предметы и явления, несвойственные русской жизни. Они употребляются для придания речи местного колорита при описании чужеземных обычаев, нравов [5, с. 114]. Л.П. Крысин пишет: «Границы между экзотической лексикой и “обычными” заимствованиями, т. е. словами, семантика и употребление которых не специфичны для той или иной страны, – не жестки. При определенных обстоятельствах экзотизм может превратиться в слово, хотя и сохраняющее признаки иноязычности (что обычно более или менее ясно ощущается говорящими), но имеющее реалию, которая прививается в жизни носителей заимствующего языка. Таковы, например, слова *мэр*, *префект*, *парламент*, *муниципальный*, *спикер* и др., которые до середины 80-х годов XX в. были в русском языке на положении экзотизмов, характеризующих политическое и государственное устройство других стран» [3].

Экзотическая лексика занимает особое место в повести М. Москвиной «Небесные тихоходы» [4]. Это, например, такие слова, как *сари* (традиционная женская одежда на Индийском субконтиненте), *урни*

(гитара), *дал* (индийский суп) и др. С помощью таких слов люди одной национальности познают культуру другого народа. Повесть «Небесные тихоходы» написана в 2004 г. Марину Москвину с детства звала Индия, пока она сама не сделала шаг ей навстречу: писательницу, ставшую лауреатом международной литературной премии имени Ганса Христиана Андерсена, пригласили в Дели получать Почетный диплом. Но вместо того, чтобы купаться в лучах славы, Марина Москвина и художник Леонид Тишков отправились в Гималаи. Путь «небесных тихоходов», полный опасных приключений, – это своеобразное паломничество к святым местам высокогорной Индии, где авторы искали и встретили древних и вечных Учителей, ведущих человечество к истине, мудрости и просветлению. Вся книга наполнена юмором, теплотой, в ней много гротескных рисунков, сделанных Леонидом Тишковым, известным художником и карикатуристом.

Мы выполнили тематическую классификацию сегмента лексического состава повести, отражающего реалии, мифы, имена собственные Индии. Всего нами выделено 15 тематических групп. Тематическая группа «Специи» является самой многочисленной – 17 названий; далее, состоящие из 11 и 12 наименований соответственно, группы «Еда» и «Фауна»; за ними следуют группы «Флора» и «Боги», в которые входят по 10 компонентов; тематические группы «Музыкальные инструменты» и «Ритуальные предметы и знаки», включающие в себя по 8 названий; группы «Одежда», «Книжное наследие», «Речевой этикет» представлены 7 наименованиями каждая; тематическая группа «Касты, племена» состоит из 6 наименований; группа «Богини» представлена 3 именами, а «Благовония» – 2 наименованиями предметов. Самыми малочисленными являются тематические группы «Денежная единица» и «Оружие» – по одному названию.

В статье остановимся подробнее на рассмотрении тематической группы «Ритуальные предметы и знаки». В повести М. Москвиной встречаются лексемы, называющие предметы, явления и понятия, отражающие атрибутику и философию индуизма. Индуизм – одна из индийских религий, которую часто описывают как совокупность религиозных традиций и философских школ, возникших на Индийском полуострове и имеющих общие черты. Историческое название индуизма на санскрите – санатана-дхарма, что в переводе означает ‘вечная религия’, ‘вечный путь’ или ‘вечный закон’. В индуизме не существует общей, центральной доктрины, авторитетной для всех индуистских традиций, а многие индуисты вообще не считают, что принадлежат к какой-либо определенной традиции. Типичными для индуизма можно признать такие религиозные положения, как *дхарма* (божественный закон), *карма*, *сансара* (колесо перерождений), *майя* (иллюзия внешнего мира), *мокша* (освобождение от иллюзии и перерождений) и *йога* (слияние с божественным).

В повести «Небесные тихоходы» встретилось 8 лексем, обозначающих ритуальные предметы и знаки индуизма, которые являются неотъемлемыми атрибутами жизни индусов. Почти все лексеммы по происхождению восходят к санскриту. Марина Москвина об этом языке пишет: «Санскрит – один из самых загадочных на свете языков. Такое ощущение, будто на санскрите между собой общались боги и просто в порыве великодушия, как в новогоднюю ночь ребенку кладут под елку подарок, они осенили санскритом человечество» [4].

Тематическую группу «Ритуальные предметы и знаки» составляют слова: *тилак*, *кум-кум*, *кудуми*, *пуджа*, *мурти*, *даршан*, *кисмат*, *мандала*. Большинство лексем комментируются автором, поэтому читатель не испытывает трудностей в восприятии текста. Рассмотрим данные лексеммы.

Отличительной чертой внешнего вида индусов является знак **тилак** на теле индусов. **Тилак** (санскр.) – священный знак, который последователи индуизма наносят глиной, пеплом, сандаловой пастой или другим веществом на лоб и другие части тела. Виды **тилака** отличаются у последователей разных направлений индуизма и, среди прочего, служат опознавательным знаком, говоря о принадлежности к той или иной религиозной традиции. **Тилак** наносится ежедневно или только в особых случаях. **Тилак** может наноситься специальным порошком, который называется **кум-кум**. **Кум-кум** используется в индуизме для социальных и религиозных моток: *Ананда в одних носках расхаживал по храму, звонил в колокольчики, на лбу у него красовалось красное пятно – тилак. Это пятнышко в районе «третьего глаза» наносит жрец-брамин, окуная палец в специальный красный порошок под названием «кум-кум»* [4].

Еще один знак принадлежности к индуизму – **кудуми**. Это особый вид стрижки, имеющий ритуальное значение. Автор повести так объясняет сакральный смысл этого знака: *Иногда на голове трехлетнего человека оставляют только небольшой клочок волос – кудуми, – «священный чуб», за который, так сказано в священных писаниях, после кончины ангел смерти увлекает блаженного в назначенный ему богом Ямой рай* [4].

В повести М. Москвина описывает религиозные обряды, которые ей удалось увидеть во время путешествия. Один из таких религиозных обрядов – **пуджа** (санскр. – ‘поклонение’, ‘молитва’), который заключается в обращении к скульптурному образу божества с предложением пищи, воды, благовоний, цветов и других элементов: *Такая освященная молитвами статуя называется мурти, зов, обращенный к божеству, – пуджа, а духовная встреча бога со своими преданными – даршан* [4]. В данном примере встретилось еще два слова, связанных с индуизмом, – **даршан** и **мурти**. **Даршан** переводится с санскрита как ‘лицезрение’. Этот термин в философии индуизма означает лицезрение, видение Бога (или его проявления), объекта религиозного поклонения

(например, мурти, гуру или святого). Считается, что можно «получить *даршан*» божества в храме или от великого святого. Слово *мурти* также восходит к санскриту и означает ‘проявление’. *Мурти* – это статуя или изображение определенной формы Бога, дэвы или святого.

Индусы верят в судьбу, предназначение, рок. М. Москвина пишет об этом так: *Но судьба (индийцы зовут судьбу «кисмат») распорядилась иначе, подарив нам маршрут, который уж был уготован.* Слово *Кисмат* употребляется и как имя собственное в арабском мире, в Средней Азии. Имя *Кисмат* в арабском языке означает ‘предназначение, доля’.

В повести М. Москвина употребляет лексему *мандала*: *Особенно круг (на востоке его называют мандала), – символ пробужденного сознания, Чистой Земли и Поля Будды* [4]. Слово *мандала* в переводе с санскрита означает ‘круг, диск’. Это сакральное схематическое изображение либо конструкция, используемая в буддийских и индуистских религиозных и эзотерических практиках. *Мандала* символизирует сферу обитания божеств, чистые земли будд. Это геометрический символ сложной структуры, который интерпретируется как модель Вселенной, «карта космоса». Типичная форма – внешний круг, вписанный в него квадрат, в который вписан внутренний круг, который часто сегментирован или имеет форму лотоса. Внешний круг – Вселенная, внутренний круг – измерение божеств, бодхисаттв, будд. *Мандала* имеет сложную символику. Она может быть как двумерной, изображенной на плоскости, так и объемной, рельефной. Их вышивают на ткани, рисуют на песке, выполняют цветными порошками и делают из металла, камня, дерева, теста и т. д. *Мандалы* часто изображают на полах, стенах и потолках храмов. *Мандала* является настолько священной на Востоке, что рисуется под аккомпанемент особых ритуалов и сама может считаться объектом поклонения [5].

Таким образом, вводя читателя в мир верований, обрядов и сакральных знаков индуизма, автор повести использует экзотическую лексику. Экзотизмы семантизируются в тексте повести, автор старается пояснить их значение, дать комментарий тому или иному инокультурному предмету или явлению. Экзотизмы в повести выполняют определенную функциональную нагрузку. Основная их функция – номинативная, т. е. называние инокультурных реалий и понятий. Сопутствующие ей функции – познавательная (вокруг данных слов возникает определенный ассоциативно-культурный фон, расширяющий кругозор читателей, их представления о быте и культуре Индии) и эстетическая (создаются яркие, красочные, художественные образы, доставляющие определенное эстетическое наслаждение читателям).

Список использованной литературы

1. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология : учеб. для филол. специальностей вузов / М. И. Фомина. – М. : Высш. шк., 1990. – С. 181–182.
2. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – С. 21–22.
3. Крысин, Л. П. Заимствованные слова как знаки иной культуры / Л. П. Крысин. – Рус. яз. в шк. – 2007. – № 4. – С. 85.
4. Демидова, Е. Б. Стиль... Стиль... Стиль... : учеб. пособие / Е. Б. Демидова. – М. : МГПУ, 2011. – С. 114.
5. Москвина, М. Л. Небесные тихоходы / М. Л. Москвина. – М., 2004. – 220 с.
6. Мандала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мандала>. – Дата доступа: 14.05.2018.

I. Шыдлоўскі

Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт
(г. Брэст, Беларусь)

**ПОСТАЦЬ К. КАЛІНОЎСКАГА Ў АСЭНСАВАННІ
СУЧАСНЫХ БЕЛАРУСКІХ ПАЭТАЎ**

К. Каліноўскі загінуў, калі яму было ўсяго дваццаць шэсць гадоў. Але сэрца нашчадкаў беражліва захоўвае памяць пра яго асобу, гераічныя і трагічныя старонкі нашай гісторыі, якія звязаны з постаццю К. Каліноўскага. Дарэчы, у 2018 гадоў споўнілася 180 гадоў з дня нараджэння паэта, публіцыста, грамадскага дзеяча: *«Не парваць векавую повязь. / Не замкнуць на замок прастору. / Род не згасне, пакуль ён помніць»* (П. Ламан «Паўстанец»).

Як бачна, П. Ламан сцвярджае, што памяць – гэта найвялікшы скарб, які дастаецца чалавеку ў спадчыну. Толькі дзякуючы памяці мінулае трывала ўваходзіць у сучаснасць, а будучае як бы прадугледжваецца ім і яднаецца з мінулым у адзіную жыццёвую плынь.

Складанымі формамі родавай памяці, як нам вядома, валодаюць нават птушкі. Гэта дазваляе ім ажыццяўляць пералёты да родных гнёздаў. Аб гэтым пісаў яшчэ на мяжы XI–XII стст. Уладзімір Манамах у сваім «Павучанні».

Аб магчымасці аднаўлення і развіцця беларускай нацыі П. Ламан разважае не рытарычна, а паэтычна. Ідэйны змест твора паглыбляецца за кошт выкарыстання аўтарам верша «Паўстанец» ланцужка вобразаў: зерне, духоўны хлеб, воля. Шчымліва і адначасова ўрачыста-сцвярджальна гучаць наступныя радкі: *«Быў ахвяраю – буду зернем»; «Прарастаю духоўным хлебам»; «Хлеб і воля не паміраюць»*.

Верай у нацыянальнае адраджэнне прасякнуты і верш А. Жамойціна «Балада пра ўцалелых паплечнікаў Каліноўскага»: *«Не астыць беларускаму сэрцу / На каменных далонях вякоў!!!»*. Апантаная святым патрыятычным

гневам паэты-гуманісты – М. Багдановіч, А. Жамойцін, П. Ламан – насылаюць на бязродных паслугачоў сваёй Бацькаўшчыны, яе абыякавых і неабуджаных дзяцей Пагоню: *«Ды з туманаў вынырваюць коні, / Зброя коннікаў грозна звініць. / Старажытная наша Пагоня / Да агню на ратунак ляціць!»* (А. Жамойцін «Балада пра ўцалелых паплечнікаў Каліноўскага»). Як бачна, і праз стагоддзі пагоня з'яўляецца ахоўніцай нацыянальнага духу, дзяржаўнай моцы і незалежнасці. А. Жамойцін, як у свой час М. Багдановіч, верыць у чалавека, давярае яго здольнасцям выходзіць сябе, знаходзіць шчасце ў дапамозе слабейшым, слугаванні Радзіме і народу.

Да вобраза К. Каліноўскага паэты звярталіся ў час важных гістарычных падзей. У гады вайны П. Броўка ў вобразе легендарнага героя ўвасобіў Беларусь-партызанку. Прыцягвае нашу ўвагу верш С. Новіка-Пяюна «Беларуская мова мая». Твор напісаны ў канцы вайны, у ім паэт праз зварот да постаці К. Каліноўскага ўзнімае праблему адносін да роднай мовы. У час нацыянальнага адраджэння нашы сучаснікі імкнуліся да вырашэння на гістарычным матэрыяле надзённых жыццёвых праблем.

Верш М. Арочкі «Бытаньскі шлях» – яркае сведчанне таго, як блізка да сэрца ўспрыняў паэт трагедыю, якую паведаў яму М. Грынчык. Пра гэта чытач даведваецца з эпіграфа да паэтычнага твора: *«Уздоўж старога Бытаньскага шляху на Картуз-Бярозу яшчэ нядаўна вусцішна затрымлівалі падарожных даўнія іконкі-абразкі, глыбока ўрэзаня ў камлях сосен, на якіх былі павешаны паўстанцы К. Каліноўскага»*. Бытаньскі шлях беларускі паэт параўноўвае ў вершы са скразной ранай: Зямля Беларусі памятае, як вялі паўстанцаў *«на страту... / Дзеля постраху / Скатаванай бунтоўнай зямлі»*, бачыла яна і жах вісельняў, смерці. Але нікому не ўдалося заглушыць і забіць у чалавеку пачуццё годнасці за сваю гісторыю: *«Але ж памяць – даўкая вельмі! / Без яе тут камусьці лягчэй... / Сосны рухнулі – у друз іконкі. / Але боль каранёў не ачах. / І ўжо стогне з сасоннікам гонкім / Даўні Бытаньскі шлях»*. Відавочна, вобраз-сімвал шляху з верша «Бытаньскі шлях» увасабляе ў сабе трагічны лёс К. Каліноўскага і яго паплечнікаў і адначасова выяўляе абыякавае стаўленне асобных прадстаўнікоў дзяржавы да гістарычнай, духоўнай спадчыны народа.

Асноўныя вехі развіцця краіны асэнсоўваюцца ў вершы М. Пракаповіча «Шляхі». Ён вылучае гістарычныя падзеі, якія, з пункту гледжання паэта, адыгралі важную ролю на шляху беларусаў да волі і нацыянальнай кансалідацыі. Першай вызначальнай падзеяй ён лічыць Грунвальдскую бітву, наступнай называе 1863 г.

Наследаванне фальклорным традыцыям (паралелізмы, лексіка-інтанацыйныя паўторы, фальклорная сімволіка) дапамагае аўтару наблізіць да чытача жывое, трапяткое слова К. Каліноўскага. М. Пракаповіч здолеў таленавіта перадаць асноўную ідэю завету К. Каліноўскага, для якога га-лоўным было не выжыць, а перамагчы ворага – расійскі царызм, дамагчыся, каб ніхто ніколі не панаваў над беларусамі, над родным краем. Апош-

няе двухрадкоўе верша *«Можна, не ўсе мы выстаім, / але Беларусі – жыць!»* сугучна з развітальным словам самога кіраўніка паўстання: *«Бо я табе з-пад шыбеніцы кажу, Народзе, тагды толькі зажывеш шчасліва, калі над табою Маскаля ўжэ не будзе»* [1, с. 22].

Для лірычнага героя верша В. Зуёнка *«Развітанне з Каліноўскім»* страшней за смерць, «страшней пятлі і турмы» жыць у краіне, якая і назвы нават сваёй не мае. У вершы выкарыстана рэлігійна-хрысціянская сімволіка: *«Адно толькі знаю: Бог нас пакінуў. / Страшней пятлі і турмы, / Калі мы ўсё яшчэ не краіна: / То край, то ўскраіна мы»*.

Лірычны герой беларускага мастака слова разгублены, бо Бог становіцца на бок тых, якія забралі ў народа волю і праўду. У гэтым, думаецца, паэт працягвае традыцыю, распачатую К. Каліноўскім у яго адзіным вершы *«Марыська чарнаброва, галубка мая!..»* Прыгадаем радкі з верша К. Каліноўскага: *«Калі за нашу праўду Бог нас стаў караці, / Дый у прадвечнага саду вялеў прападаці, / То мы прападзем марна, но праўды не кінем, / Хутчэй Неба і шчасце, як праўду, абмінем!»*. Гэтыя радкі, як заўважае даследчык А. Лойка, «паказваюць усю рашучасць барацьбітоў, якія хутчэй адмовяцца ад Бога, ад дэклараванага ім людзям неба як прытулку шчасця, чым ад сваіх ідэалаў. У імя тых жа ідэалаў яны адмаўляюцца і ад асабістага шчасця» [2, с. 191]. Матыў непадзельнасці асабістага лёсу і лёсу Радзімы яднае верш К. Каліноўскага *«Марыська чарнаброва, галубка мая!..»* і В. Зуёнка *«Развітанне Каліноўскага»*. У невялікім па аб'ёме творы В. Зуёнка мы прасочваем і няскоранасць духу беларусаў: *«Пакуль застаецца з нашага стану / Хоць бы адзін жывы, / То не лічыце справу прайгранай. / Народ прад'явіць правы»*, і мару аб свабодным развіцці роднага краю: *«Адно толькі знаю: паўстаць за волю – / Сваю – павінен народ. / Іначай вольным не быць ніколі. / Рэкі ўзрываюць лёд»*. У вершы яскрава акрэслена самаахвярная грамадзянская пазіцыя паэта і яго лірычнага героя: *«Шляхі не купляюць за пяць капеек – / Бяруць іх жыццём сваім»*. Паэт перасцерагае сучаснікаў ад духоўнага манкурцтва: *«Бунт не на плошчы – у сэрцы спее / І памірае ў ім»*. Менавіта такой высокай маральнай сілы павінна быць паэтычнае слова.

В. Жуковіч у вершы *«Роздум над лёсам Кастуся Каліноўскага»* разважае аб свабодзе асобы: *«Ёсць каты, / ёсць плаха, / пятля і турма, / ёсць кара за волю да волі, / за праўду. / Дзе ж воля? / Яе ўсё няма. / Няўжо і не будзе ніколі?...»*.

Не застаецца абыякавым да ўзнятай праблемы і В. Шніп (верш *«Воля Кастуся Каліноўскага»*). Лірычны твор насычаны рытарычнымі пытаннямі: *«Што выбраць: волю ці няволю?», «А хто чужы?», «А хто свае?»* Самаахвярная грамадзянская пазіцыя В. Шніпа выразна акрэслена не толькі ў змесце верша, але і ў эпіграфе да паэтычнага твора, які належыць А. Дудару: *«Беларусь – не царам маскоўскім, / Беларусь – не варшаўскім панам!»*.

Як бачна, сучаснае пакаленне беларускіх паэтаў хвалююць тыя самыя праблемы, якія былі ўзняты аўтарам «Мужыцкай праўды», якія працягвалі ў паэтычнай і публіцыстычнай спадчыне ідэйныя пераемнікі К. Каліноўскага.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Каліноўскі, К. За нашу вольнасць : творы, дакументы / К. Каліноўскі. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1999. – 464 с.
2. Лойка, А. Гісторыя беларускай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд : у 2 ч. / А. Лойка. – 2-е выд., дапрац. і дап. – Мінск : Выш. шк., 1989. – Ч. 1. – 319 с.

М. Шэльпук

Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт
(г. Брэст, Беларусь)

АДМЕТНАСЦЬ ДЫЯЛЕКтнаГА СЛОВА ГАВОРКІ ВЁСКІ ВУЛЬКА ДРАГІЧЫНСКАГА РАЁНА

Вёска Вулька – адміністрацыйны цэнтр аднайменнага сельсавета – размешчана за 8 км на поўнач ад раённага цэнтра г. Драгічына. Паводле археалагічных матэрыялаў, гэта паселішча вельмі старажытнае. Ва ўрочышчы Гара на поўдзень ад вёскі, ля вытоку рэчкі Ласінцы, на ўзбярэжжы былога Безыменнага возера (мясцовая назва *Вол’анске гозыро*) была стаянка каменнага і бронзавага вякоў і селішча ранняга жалезнага веку (не захаваліся). Частка знаходак паступіла ў Сіманавіцкую сярэ-днюю школу. Сярод іх крамянёвыя матыкі, ножападобныя пласцінкі, адчшэпы, абломкі старадаўняй керамікі і інш. Паводле пісьмовых крыніц, Волька (тагачасная назва) вядома з XVII ст. У другой палове XVII ст. вёска знаходзілася ў Пінскім павеце Берасцейскага ваяводства Вялікага Княства Літоўскага. На той час паселішча ўваходзіла ў склад маёнтка Хомск, якім валодаў падкаморый Пінскага павета, каралеўскі ротмістр Ян Караль Дольскі. Волька ўпамінаецца ў 1663 г. у сувязі з «наездам» і рабункамі маёнтка жаўнерамі харугвы мазырскага падкаморыя Абуховіча. У канцы XVIII ст. Волька – гэта ўладанне Агінскіх у складзе маёнтка Хомск Пінскага павета Берасцейскага ваяводства Вялікага Княства Літоўскага. У час трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай (1795) паселішча далучана да Расійскай імперыі, спачатку ў Кобрынскім павеце Слонімскай, з 1797 г. – Літоўскай, з 1801 г. – Гродзенскай губернях. У 1858 г. вёска Волька – цэнтр аднайменнай сельскай грамады, у складзе маёнтка Хомск памешчыкаў Пуслоўскіх. З гэтага часу Вулька ў Хомскай воласці Кобрынскага павета Гродзенскай губерні. У 1905 г. тут пражывала 693 чалавекі. У Першую сусветную вайну Вулька была спалена. У 1921–1939

гг. паселішча ў складзе Хомскай гміны Драгічынскага павета Палескага ваяводства Польшчы. У 1921 г. у вёсцы налічвалася 309 жыхароў (усе праваслаўныя) і 50 двароў. З 1939 г. паселішча апынулася ў складзе БССР, у Хомскай воласці Драгічынскага павета Пінскай вобласці. У гэты час тут налічвалася 813 жыхароў і 170 двароў. З 15 студзеня 1940 г. вёска ў Драгічынскім раёне. З 12 кастрычніка гэтага ж года Вулька – цэнтр аднайменнага сельсавета. У Вялікую Айчынную вайну загінулі 32 вяскоўцы, 18 з іх не вярнуліся з фронту. З 1954 г. Вулька ў складзе Брэсцкай вобласці. У канцы сакавіка 2018 г. тут налічвалася 412 жыхароў і 159 гаспадарак [1, с. 13; 2, с. 39, 67–71, 108, 197; 3, с. 18, 80–81, 157–159, 190–191, 226; 4, с. 264; 5, с. 18–19, 20–21, 518–519; 6].

Дыялектны матэрыял у в. Вулька (мясцовая назва *Выл'ка*, *Сымонов'ка*, *Выл'ка*, *Сымонов'ка*, *В'іл'ка*; жыхары: *вул'ковцы*, *вул'ковск'і*, *вул'ковска*) быў запісаны ў верасні – снежні 2017 г. і студзені – сакавіку 2018 г. ад мяса-цовай жыхаркі В.Ф. Шэльпук 1946 г. н. Для запісу дыялектнага матэрыялу намі была выкарыстана праграма «Атласа гаворак Выганаўскага Палесся. Фанетыка. Марфалогія. Лексіка» [7, с. 32–35].

Разгледзім асноўныя фанетычныя і марфалагічныя асаблівасці гаворкі в. Вулька Драгічынскага раёна.

Даследаванай гаворцы характэрны шасціфанемны склад галосных гукаў [i], [y], [e], [a], [o], [y]. У першую чаргу адзначым такую адметную рысу гаворкі, як захаванне гістарычнага *o ў ненаціскным становішчы пасля цвёрдых зычных, г. зн. оканне: *голова́*, *дору́ха*, *кору́ва*, *молоко́*, *с'іно*, *л'іто*, *жыто*, *садо́к*, *трава́* і інш.

Найбольш яркая і выразная асаблівасць націскага вакалізму гаворкі – гэта рэалізацыя галоснага [i] на месцы этымалагічнага *Ѣ: *л'іс*, *с'іно*, *л'іто*, *сн'іх*, *в'іт'ор*, *хл'ів*, *д'ід*, *т'ін'* і інш. Аднак пераважна пасля зацвярдзелых зычных у акрэсленай пазіцыі часам ужываецца гук [y]: *хрых*, *порызав*, *рычка*, *зыл'л'е* і інш.

Наступнай значнай і адрознай адметнасцю гаворкі з'яўляецца паслядоўнае вымаўленне галоснага [y] ў наступных пазіцыях: на месцы гістарычнага *o ў новых закрытых складах пад націскам: *был'ш*, *выз*, *вын*, *вил*, *пыйдеш*, *корыўка*, *ныс*, *стыл*, *кын'*, *кыт* і інш.; на месцы этымалагічных *e, *Ѣ ў першым пераднаціскным складзе пасля губных: *высна́*, *быда́*, *мышо́к*, *выдро́*, *пысо́к*; на месцы гістарычных *e (*Ѣ) у першым пераднаціскным складзе пасля этымалагічных *з, *н, *с, *т, *д: *зымл'а*, *ныма*, *сыло́*, *тыпёр*, *дын'ок*.

Істотная асаблівасць гаворкі – гэта наяўнасць гука [a] на месцы гістарычнага *ę ў пераднаціскных і паслянаціскных складах у словах тыпу *зл'аканс'а*, *уз'ала*, *зайац*, але *па́мет'*.

І апошняй паказальнай адметнасцю гаворкі ў галіне вакалізму з'яўляецца рэалізацыя галоснага [o] на месцы паслянаціскага этымалагічнага *e ў лексемах *вечор, берох*. Аднак у націскным становішчы названы гістарычны галосны захоўваецца ў словах *овес, мед*, але *дол'око*.

Найбольш яркая і значная асаблівасць сістэмы кансанантызму гаворкі – гэта вымаўленне толькі цвёрдых зычных у наступных пазіцыях: губныя цвёрдыя перад этымалагічным *e (ва ўсіх пазіцыях), *Ѣ (у ненаціскных складах), *і, гістарычныя *з, *н, *с, *т, *д, *л – перад этымалагічным *e (*ь), *і: *высна, берох, вечор, до мыне, першыи, быда, мышок, выдро, пысок; забыраты, ловыты, мыска, пысаты, робыты; зымл'а, ныма, сыло, тыпер, дын'ок; зыма, ныва, косыты, ходыты; але, лед', поле; колы, лыпа, лыты, ходылы*.

Істотнай адметнасцю гаворкі з'яўляецца таксама ацвярдзенне гістарычных паўмяккіх *д, *т перад *е, *і: *ден', тыпер; тыхо, ходыты*. Этымалагічныя ж, мяккія *д, *т захаваліся перад націскным *Ѣ і на канцы дзеясловаў у форме трэцяй асобы адзіночнага і множнага ліку: *д'ид, т'ин'; вын ходыт', носыт', воны ход'ат', нос'ат'*.

Выразная асаблівасць гаворкі – гэта наяўнасць мяккіх зычных у гістарычных спалучэннях *гы, *кы, *хы, што ўзніклі пры ўтварэнні поўных форм прыметнікаў, а таксама ў пазіцыі перад галосным [e] у прыметніках ніякага роду адзіночнага ліку: *довн'ий, коротк'ий, тых'ий; довн'е, коротк'е, тых'е*.

Паказальнай адметнасцю гаворкі з'яўляецца таксама ацвярдзенне этымалагічных мяккіх *р, *ж, *ш, *ч у пэўных пазіцыях: *порадок, hryx, порызав, рычка, на дворы, жар, жыто, на мыжы, шапка, волочыты* ‘баранаваць’ і інш. Аднак гістарычны мяккі *ц у гаворцы як цвёрды, так і мяккі: *цацка, цевка, цеп, хлопцы, на концы* і інш.; *молодыц'а, копыц'а* ‘капа (сена)’, *хулыц'а, курыц'а, брусныц'і* і інш.

Адрозная асаблівасць гаворкі – гэта зычны *в, што паходзіць з *ѡ, *л. У пазіцыі перад галосным, а таксама пасля галоснага гука перад зычным і ў канцавым становішчы ён даў рэфлекс губна-зубнога [v]: *вата, вода, вол'ный, в'ит'ор, плыву, лавка, правда, довн'ий, купыв* і інш. Зафіксаваны губна-зубны [v] і ў пачатковым становішчы перад зычнымі: *впартый (кын)* ‘наравісты (пра каня)’, *в хаты, в л'исовы* ‘у лесе’ і інш.

Вельмі яркай адметнасцю гаворкі з'яўляецца рэалізацыя фрыкатыўна-фарынгальнага зычнага [h]: *хустый, хород, хород* ‘агарод’, *над'ука, з нох'і* і інш.

Значная асаблівасць гаворкі – гэта захаванне звонкіх зычных у канцавым становішчы і ў сярэдзіне слова перад глухімі: *выз, дуб, ныж, холод* і інш.; *хубка, заһадка, сказка, ныжка* і інш.

Істотнай адметнасцю гаворкі з'яўляецца таксама вымаўленне на месцы этымалагічнага спалучэння “**мяккі зычны + Ъ**” у становішчы паміж галоснымі падоўжаных зычных: *зыл'л'е, насын'н'е*.

І апошняя выразная і паказальная асаблівасць гаворкі ў галіне кансанантызму – гэта наяўнасць пратэтычнага [h] перад галоснымі [a], [o], [y]: *horaты, hoстрый, hoзыро, hoсынъ, hoчы, ныhoдного, hanу́ча, huлыц'а*.

Значнымі адметнасцямі характарызуецца даследаваная гаворка і ў галіне марфалогіі. Назоўнікі мужчынскага і ніякага роду другога скланення з асновай на мяккі і зацвярдзелы зычны ў творным склоне адзначаны з канчаткам **-ем**: *конем, рублем, ножем, йайцем*.

Назоўнікам жаночага і мужчынскага роду адзіночнага ліку першага і другога скланення ў з асновай на зацвярдзелы зычны ў месным склоне ўласцівы канчатак **-ы**: *на мыжы, на дворы, на концы*.

Назоўнікі жаночага, мужчынскага і ніякага роду адзіночнага ліку першага і другога скланення ў з асновай на цвёрды і мяккі зычны ў месным склоне ўжываюцца з канчаткамі **-ы**, **-овы**: *в хаты, в лісовы* ‘у лесе’, *в носовы* ‘у носе’, *в пол'овы* ‘у полі’.

Формы клічнага склону агульных назоўнікаў і ўласных імёнаў жаночага і мужчынскага роду адзіночнага ліку зафіксаваны з канчаткам **-о**: *мамо, бабо, Марыно, Вал'о, Над'о, Ман'о; бат'ко, Дм'ітро, Саішо, Вас'о* і інш.

Назоўнікам жаночага роду множнага ліку першага скланення ў родным склоне характэрны канчатак **-ей**: *бабей, головей, йамей, дорожей, стрехей, хатей*.

Назоўнікі мужчынскага роду множнага ліку другога скланення ў давальным склоне вымаўляюцца з канчаткам **-ум**: *кон'ум, л'уд'ум*.

Прыметнікі мужчынскага роду адзіночнага ліку ў назоўным склоне пашыраны з націскным і ненаціскным канчаткам **-ый**: *молодый, старый, малый, новый, добрый, хороший*.

Ярка і адрозная асаблівасць прыметнікаў гаворкі – гэта т. зв. «сцягнутыя» аднаскладовыя ненаціскныя канчаткі **-а**, **-е** ў назоўным склоне адзіночнага ліку адпаведна жаночага і ніякага роду: *добра, нова; нове, хороше, солодк'е*. Аднак пад націскам прыметнікі ў падобных умовах маюць тут поўныя двухскладовыя канчаткі **-айа**, **-ойе**: *молода́йа, старайа; молодойе, сторойе*.

Інфінітыў дзеясловаў з асновай на галосны адзначаны з фанема-тычным варыянтам старажытнага суфікса **-ц'і**, **-ты**: *ходыты, робыты, спаты*.

Дзеясловам першага і другога спражэння ў трэцяй асобе адзіночнага і множнага ліку ўласцівы канчаткі **-е**, **-ыт'**, **-ут'**, **-ат'**: *вын іде, нысе, ходыт', носыт', воны ідут', нысут', ход'ат', нос'ат'*.

Зваротныя дзеясловы ў гаворцы ўжываюцца з постфіксамі **-с'а** (**-с'**): *братыс'а, зватыс'а, мытыс'а, робытыс'а, бойус', купа́йус'а, бойавс'а, купавс'а, н'ішо зробы́лос'а*.

Выразная і значная адметнасць гаворкі – гэта аднаўленне форм інфінітыва на **-ты** з захаваннем зычных [к], [н] у аснове: *пыкты, сыкты, стрыпты*. У форме трэцяй асобы множнага ліку цяперашняга часу падобныя дзеясловы маюць у аснове перад канчаткам зычныя [ч], [ж], але непаслядоўна: *пычут', сычут', стрыжут'* [8, с. 316–318; 9, с. 64, 116, 184–185; 10, с. 155].

Такім чынам, гаворка в. Вулька Драгічынскага раёна характарызуецца значнай колькасцю фанетычных і марфалагічных асаблівасцей і адносіцца да сярэднезагародскіх гаворак, адной з чатырох асобных разнавіднасцяў заходнепалескіх, або загародскіх, гаворак [10, с. 150–157, 201–202, 204–208; 11, с. 133–136; 12, с. 22–24, 38–39].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Брестская область [Карты] : общегеогр. атлас / сост. и подгот. к печати РУП «Белкартография» в 2003 г. ; ред. Н. И. Шлык. – 1 : 200 000, 2 км в 1 см. – Минск : Белкартография, 2003. – 1 атл.
2. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 4 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – [Маштабы розныя]. – Мінск : Белкартаграфія, 2009–2018. – Т. 2. – 2013. – 1 атл.
3. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 4 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – [Маштабы розныя]. – Мінск : Белкартаграфія, 2009–2018. – Т. 3. – 2016. – 1 атл.
4. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2004–2018. – Т. 3 , кн. 1 : Брэсцкая вобласць. – 2006. – 528 с.
5. Памяць: Драгічынскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / уклад. С. А. Супрун ; рэдкал.: Я. Я. Аляксейчык [і інш.]. – Мінск : БелТА, 1997. – 572 с.
6. Вулька (Вулькаўскі сельсавет) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: [https://be.wikipedia.org/wiki/Вулька_\(Вулькаўскі_сельсавет\)](https://be.wikipedia.org/wiki/Вулька_(Вулькаўскі_сельсавет)). – Дата доступу: 28.03.2018.
7. Самуйлік, Я. Р. Атлас гаворак Выганаўскага Палесся / Я. Р. Самуйлік ; Брэсц. дзярж. тэхн. ун-т. – Брэст : БрДТУ, 2013. – 322 с.
8. Булыка, А. М. Гістарычная марфалогія беларускай мовы / А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 328 с.
9. Янкоўскі, Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы : вучэб. дапам. для філал. фак. пед. ін-таў / Ф. М. Янкоўскі. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск : Выш. шк., 1983. – 271 с.
10. Крывіцкі, А. А. Дыялекталогія беларускай мовы : дапам. для філал. спецыяльнасцей ВНУ / А. А. Крывіцкі. – Мінск : Выш. шк., 2003. – 293 с.
11. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Берасцейскай вобласці / Ф. Д. Клімчук // Gdzie bije źródło... Pieśni ludowe pogranicza Polski i Białorusi ; red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, M. Żygalova. – Lublin ; Wisznice : Polihymnia Gminny Ośrodek Kultury i Oświaty, 2015. – S. 129–143.
12. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся: фанетычны нарыс / Ф. Д. Клімчук ; рэд. М. І. Талстой ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 126 с.

А. Юсупова

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Понятие присоединения как особого языкового явления (и особого семантического отношения между компонентами предложения) возникло, как известно, в связи с отмеченной впервые Л.В. Щербой особой присоединительной функцией у сочинительных союзов.

Вопрос о статусе присоединения решается по-разному. Так, присоединение квалифицируют как особую, отличную от сочинения и подчинения синтаксическую связь (А.П. Сковородников, Н.С. Валгина и др.) или, напротив, как качественную разновидность сочинения или подчинения (Ю.В. Ванников), а также как речевую трансформацию бессоюзной связи.

Не признавая за присоединением статуса синтаксической связи, другие ученые рассматривают его как один из видов логико-грамматических отношений, оформляемых сочинительной связью (В.Г. Гак, И.Н. Кручинина, Г.В. Валимова, А.П. Величук), или своеобразное наложение на связи конструктивного уровня (М.Е. Шафиро). Стилистическим приемом называет присоединение Н. Ю. Шведова, как явление коммуникативно-синтаксического уровня языковой системы характеризует его И.Р. Гальперин. Г.Я. Солганик, Ю.Р. Гепнер, И.Г. Добродомов и др., напротив, анализируют присоединение как явление разговорной речи [1–3].

Присоединение – особый вид синтаксической связи, не совпадающий ни с понятием сочинения, ни с понятием подчинения, обладающий спецификой как в семантическом, так и в формальном аспекте. При присоединении постпозитивный (реже – интерпозитивный) элемент возникает в сознании говорящего непосредственно в процессе высказывания, поэтому основная часть фразы всегда автосемантична, а присоединяемый компонент представляет собой дополнительное суждение, конкретизирующее, расширяющее или характеризующее информацию базовой части.

Средствами выражения данного вида синтаксической связи могут служить: 1) специфическая присоединительная интонация, предполагающая значительное понижение тона перед присоединением, «предупредительную» паузу, отдельное фразовое ударение на присоединяемом члене; 2) наличие специализированных присоединительных союзов и союзных сочетаний (*да и, причем, и притом* и т. п.) либо сочинительных союзов (*и, а, тоже* и т. п.) или союзных слов (*что, отчего* и т. п.), употребленных в присоединительном значении; 3) особый порядок слов.

Таким образом, присоединение – это вид синтаксической связи (наряду с сочинительной и подчинительной) в синтаксической системе современного русского языка, который требует более последовательного и системного изучения и описания не только в вузовской, но и в школьной грамматике.

Присоединительные конструкции (далее – ПК) начинают изучаться в 8 классе в разделе «Синтаксис и пунктуация» «Простое и осложненное предложение». В учебной программе отмечено только «Обособленные члены со значением уточнения».

В 9 классе продолжается изучение раздела «Синтаксис и пунктуация». О ПК говорится в разделе «Сложное предложение» в теме «Сложносочиненное предложение».

В 11 классе ПК рассматриваются в разделе «Пунктуация как система знаков препинания и правил их употребления».

В календарно-тематическом планировании конкретно освещены рассматриваемые темы.

В 8 классе на тему «Обособленные члены предложения со значением уточнения, пояснения и присоединения и знаки препинания при них» отведено два часа.

Определены следующие цели урока: показать своеобразие конструкций, содержащих обособленные члены предложения со значением уточнения, пояснения и присоединения, ознакомить с правилами постановки знаков препинания при них.

В 9 классе ПК рассматриваются в теме «Сложносочиненные предложения с соединительными союзами», на которую отведен один час.

Определены следующие цели урока: ознакомление с основными средствами выражения соединительных отношений, учить пользоваться сложносочиненными предложениями в речи в соответствии с намерениями говорящего: повторить правило правописания союзов *тоже, также*, закрепить навык разграничения простых предложений с однородными членами и сложносочиненных предложений, отрабатывать умение расставлять знаки препинания в сложносочиненных предложениях.

В 11 классе ПК рассматриваются в теме «Употребление запятой».

Цели урока определены следующим образом: обобщение и систематизация правил постановки отделяющих (разделяющих) и выделяющих запятых; совершенствование пунктуационного умения постановки повторяющихся одиночных запятых, выполняющих отделяющую (разделяющую) функцию, и двух запятых как единого парного знака препинания, выполняющего выделяющую функцию.

В школьном учебнике для 8 класса присоединение рассматривается в § 48 «Обособленные члены предложения со значением уточнения, пояснения, присоединения»; в учебнике для 9 класса тема рассматривается

в § 9 «Сложносочиненные предложения с соединительными союзами»; в учебнике 11 класса в § 26 изучается употребление знаков препинания при присоединении.

Таким образом, в школьном курсе, как видно из проанализированного материала, изучению присоединительных конструкций уделяется мало времени, о чем свидетельствует небольшое количество теоретического материала и упражнений. Данная тема не выделена в отдельный параграф.

Одно из самых сложных правил в русском языке – знаки препинания при уточняющих, присоединительных и пояснительных членах предложения – несколько незаслуженно обходится в учебных пособиях.

Правило об употреблении знаков препинания и вычленении ПК предложения вытеснено на периферию русского языка. Ошибки учащихся заключаются в нетвердом понимании сути присоединительных конструкций.

Поэтому в первую очередь надо сформировать устойчивое представление о присоединительных конструкциях.

Основное правило, которое должны усвоить учащиеся: присоединительный член и присоединительное предложение выделяются запятыми вместе с вводящим этот присоединительный оборот словом.

Необходимо обратить внимание, что для того чтобы обособить присоединительный член (выделить его с двух сторон), часто приходится рассматривать всю структуру предложения.

Важно отметить, что в роли присоединительного члена может выступить целое предложение: *Я не любил ходить в школу, да и никто из моих друзей не горит желанием учиться.*

Кстати, к союзу *да и* следует относиться очень внимательно. Он может выступать не только в присоединительном значении, но и как соединительный (= и) – *Он пошел в лес да и заблудился.* В этом случае перед союзом запятая не ставится. *Да и* может находиться в составе конструкции *взял да и сделал*, которая представляет собой единое сказуемое, поэтому внутри конструкции запятая не стоит: *Поспорив с друзьями, Вася взял да и съел поганку.* Устойчивым сочетанием, внутри которого не ставится запятая, оказывается конструкция *нет-нет да и*: *Павел нет-нет да и вспомнил о своей спокойной жизни дома.*

Таким образом, целесообразно рассматривать ПК на отдельном уроке, а не в комплексе с другими конструкциями, что облегчит ученикам понимание темы и не вызовет путаницы языковых явлений.

На уроках особо следует обращать внимание на знаки пунктуации при ПК и стилистические возможности ПК. Такая работа способствует формированию лингвистической зоркости учащихся, а также навыков профессионального, разностороннего анализа текстов.

Список использованной литературы

1. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для студентов высш. учеб. заведений : в 2 ч. / В. В. Бабайцева [и др] ; под ред. Е. И. Дибровой. – М. : Академия, 2002. – Ч. 2 : Морфология. Синтаксис. – 704 с.
2. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова ; под общ. ред. Г. А. Золотовой. – М. : Ин-т рус. яз. РАН им. В. В. Виноградова, 2004. – 544 с.
3. Сидорова, Е. Г. Место присоединительных предикативных конструкций в синтаксической системе современного русского языка / Е. Г. Сидорова // Вопросы филологии. Спецвыпуск : материалы Шестой междунар. науч. конф. «Язык, культура, общество», М., 22–25 сент. 2011 г. / Моск. ин-т иностр. яз. ; редкол.: М. А. Галяева, А. Л. Федорова, А. В. Бодарева. – М., 2011. – С. 18–19.

А. Юшкевіч

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Беларусь)

ЗАПАЗЫЧАННІ З ІСПАНСКОЙ МОВЫ Ў СКЛАДЗЕ БЕЛАРУСКОЙ БАТАНІЧНАЙ НАМЕНКЛАТУРЫ

Сучасная беларуская батанічная наменклатура разнастайная па паходжанні і спосабах утварэння. На працягу ўсёй гісторыі яе фарміраванне адбывалася ва ўмовах кантактавання з іншымі мовамі, у тым ліку і неславянскімі, што прывяло да пранікнення разнастайных запазычанняў. Працэс запазычання можа ажыццяўляцца непасрэдна з мовы-крыніцы (прамое запазычванне) ці праз пасрэдніцтва іншых моў двума шляхамі: вусным (у выніку непасрэдных моўных зносін) і пісьмовым (праз кнігі, газеты, афіцыйныя дакументы, пераклады, прыватную перапіску).

Запазычаная батанічная наменклатура звычайна прыходзіць у беларускую мову як найменне канкрэтнай расліны (новай, экзатычнай, рэдкай) і часта мае інтэрнацыянальны характар. Такой незвычайнасцю і экзатычнасцю характарызуюцца лексемы, запазычаныя з іспанскай мовы, так як яны называюць расліны, не характэрныя для нашай флоры. Напрыклад:

батат (ісп. *batat*) – расліна сям. павоевых, клубні якой багатыя на крухмал і цукар; салодкая бульба [1, т. 1, с. 208];

квебрбха (ісп. *querbracho*, ад *quebrar* = ламаць + *hacha* = сякера) – дрэва сям. анакардыевых, пашыранае ў Паўднёвай Амерыцы; дае цвёрдую, цяжкую драўніну і дубільны экстракт [1, т. 1, с. 640];

мандарын¹ (ісп. *mandarin*) – вечназялёнае цытрусавое дрэва сям. рутавых, пашыранае ў тропіках і субтропіках, а таксама кісла-салодкі плод гэтага дрэва [1, т. 2, с. 23];

папбйя (ісп. *papaya*) – дрэва сям. папайевых з ядомымі пладамі, што па форме нагадваюць дыню; вырошчваецца ў тропіках; з малочнага соку няспелых пладоў гэстага дрэва атрымліваюць *papain* [1, т. 2, с. 160].

ратання (ісп. *ratania*) – кустовая расліна сям. бабовых, пашыраная ў субтрапічных горных раёнах Амерыкі; выкарыстоўваецца ў медыцыне як вяжучы сродак [1, т. 2, с. 291];

сырадэля (ісп. *serradella*, ад *serrado* = *зубчасты*) – травяністая расліна сям. бабовых з ланцэтным лісцем і дробнымі белымі або ружовымі кветкамі з гронках, пашыраная ў Еўропе, Паўночна-Заходняй Афрыцы; на Беларусі вырошчваецца як кармавая [1, т. 2, с. 442];

таміляры (ад ісп. *tomillo* = *тым'ян*) – зараснікі вечназялёных нізкарослых пахучых кустоў, паўкустоў сям. ясноткавых (*тым'яну*, *лаванды*, *размарыну*) у заходняй частцы Міжземнамор'я [1, т. 2, с. 451];

тэна (ісп. *tuna*) – від апунцыі, які культывуюць як харчовую і кармавую расліну ў Міжземнамор'і, Паўднёвай Афрыцы, Аўстраліі [1, т. 2, с. 490];

фернамбэк (ісп. *fernambuco* = назва порта ў Бразіліі) – дрэва сям. бабовых з жоўта-чырвонай каштоўнай драўнінай, якая пры высыханні робіцца цёмна-чырвонай, пашыраная ў Бразіліі; выкарыстоўваецца для вырабу каштоўнай мэблі і для атрымання чырвонай фарбы [1, т. 2, с. 556];

чуфб (ісп. *chufa*) – травяністая расліна сям. асаковых з лінейным лісцем і міндаляпадобнымі клубнямі, што ўжываюцца ў харчовай і кандытарскай прамысловасці; культывуецца ў Міжземнамор'і, Малой і Сярэдняй Азіі, Афрыцы, Закаўказзі; зямельны міндаль [1, т. 2, с. 646];

эспбрта (ісп. *esparto*) – 1) травяністая расліна з роду кавылю сям. злакаў, пашыраная ў Паўднёва-Заходняй Еўропе і Паўночнай Афрыцы [1, т. 2, с. 721].

Праз пасрэдніцтва новалацінскай мовы з іспанскай трапілі словы:

фейхуа (н.-лац. *feijoa*, ад ісп. *feijoa*) – вечназялёная дрэвавая або кустовая расліна сям. міртавых з разгалістай густой кронай, пашыраная ў субтропіках, а таксама кісла-салодкія ягады гэтай расліны з сінічна-ананасным пахам; на Беларусі выкарыстоўваецца ў аранжарэях, пакоях як дэкаратыўная [1, т. 2, с. 551];

сабадыла (н.-лац. *Sabadilla* < ісп. *cebadilla*, ад *cebada* = *ячмень*) – расліна сям. лілейных, пашыраная на горных лугах Амерыкі, пераважна Мексікі; настойка і адвар насення гэтай расліны выкарыстоўваецца супраць паразітаў жывёл і чалавека [1, т. 2, с. 337].

Такім чынам, дзякуючы запазычванням папаўняецца слоўнікавы склад мовы, які паступова асвойваецца і выкарыстоўваецца. Адны назвы ўжо замацаваліся ў актыўным слоўніку беларусаў (*мандарын*, *папайя*,

сырадэля), другія застаюцца пакль мала знаёмымі і называюць экзатычныя расліны іншых краін і кантынентаў (Бразіліі, Амерыкі і г. д.).

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Булыка, А. М. Слоўнік іншамоўных слоў : у 2 т. / А. М. Булыка. – Мінск : БелЭн, 1999. – 2 т. : М–Я. – 736 с.

Т. Яцкевич

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

СФЕРЫ ЭВФЕМИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка выступают медиатексты. Появление новых информационных технологий, развитие традиционных СМИ оказывает серьезное влияние на массовую коммуникацию. В то же время в медиа фиксируется зарождение, развитие различных языковых тенденций. Среди них лингвисты называют *эвфемизацию речи*.

Термин *эвфемизм* происходит от греч. *εὐφῆμι* (*εὐ* ‘хорошо’, *φήμι* ‘речь’) и переводится как ‘произносить слова благоприятного значения, т. е. воздерживаться от неподобающих слов, не кощунствовать или хранить благоговейное молчание’ [1, с. 4]. Эвфемия тесно связана с проблемой табу, поскольку эвфемизмами в первую очередь заменялись запрещенные, архаичные названия. Более того, принято считать, что эвфемизмы возникли от табуизмов [2, с. 33].

В современной русской лингвокультуре причины эвфемизации, сферы ее функционирования – это и стало предметом нашего исследования – заметно расширились. Источником языкового материала послужили газеты «Комсомольская правда» (КП; 2015), «Беларускі час» (БЧ; 2016), «Моя семья» (МС; 2017), а также «Женский журнал» (ЖЖ; 2016); все издания – за январь – июнь соответствующего года.

При систематизации сфер эвфемизации в современном русском языке мы обратились к исследованиям Л.П. Крысина [3, с. 277–280].

1. Употребление эвфемизмов нередко связано с **личной жизнью и личностью говорящего, адресата и третьих лиц**, например: «*Но в августе Тигран принял решение окончательно **расстаться** с законной **женой** – на тот момент они не жили вместе уже около года*» (КП, 05.01.2015). Эвфемизм употреблен в значении *развестись с женой*; способ образования – сознательная неточность речи.

Продуктивными темами этой сферы являются «Болезнь и смерть», «Определенные части тела, в т. ч. телесный низ», к примеру: «*Есть случаи, когда ни пальпаторное, ни УЗИ-исследование не может помочь определить новообразование*» (ЖЖ, 03.06.2016); «*Болезненным становится даже легкое прикосновение к молочным железам*» (ЖЖ, 03.06.2016). Первый эвфемизм создан путем расширения значения и употребляется в медицинском дискурсе вместо слова с явно негативной коннотацией – *опухоль*. Вторая замена используется вместо прямой номинации *женской груди*; способ образования – подмена значения.

2. Эвфемистические выражения активно употребляются в сфере дипломатии, политики: «*Политические распри приводят к конфронтации и разделением среди людей, в том числе и связанных с общей верой*» (КП, 03.06.2015). Замена имеет значение *противостояние* и представляет собой результат использования научной терминологии.

3. Нередко «вуалируются» репрессивные действия власти, например: «*...наблюдается парадокс, когда, в частности, райисполком применяет “санкции”...*» (БЧ, № 46, 25.11–1.12.2016). Эвфемизм употреблен вместо слова *наказание* и образован путем использования заимствованной лексики (от лат. *sanctio* ‘строжайшее постановление’).

4. С помощью эвфемизмов обозначаются государственные, военные тайны и секреты – к их числу относится производство оружия, определенных видов техники, социальный и численный состав учреждений и многое другое: «*Верховный ведь не хватается за “ядерный чемоданчик”, когда запускают свои ракеты США, Китай, Франция, Северная Корея*» (КП, 03.06.2015). Замена представляет собой метонимию: вместо номинации *ядерного оружия* используется наименование *электронного командного устройства*, которое постоянно находится при высших руководителях стран, обладающих ядерным оружием, и с которого могут отдаваться команды на его применение.

5. К эвфемизации прибегают, когда речь идет о деятельности армии, милиции, других силовых структур, чьи действия не должны быть «на виду»: «*Антитеррористическая операция возобновится под давлением снизу...*» (КП, 03.06.2015). Эвфемизм образован путем использования заимствованной лексики (от лат. *operatio* ‘действие’) и означает *совокупность действий ради достижения какой-либо цели*.

6. Замене подвергаются номинации из сферы распределения и обслуживания: «*При этом понятно, что дефицит парковки есть всегда, вне зависимости от дней недели*» (БЧ, № 46, 25.11–1.12.2016). Эвфемизм репрезентует использование заимствования (от лат. *deficit* ‘недостает’) вместо словосочетания *недостаток чего-либо*.

7. Эвфемизируются **некоторые виды профессий**, непрестижных с точки зрения данного социума: *«Уже больше сотни девчонок изуродованы, – вздыхая, жалуется 35-летняя профессиональная жрица любви Елена»* (КП, 08.01.2015). Эвфемизм выступает метафорической заменой слова *проститутка*.

8. Требуют «смягчения» **отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп**: *«Нет, я прекрасно понимаю, что существуют профессиональные нищие»* (КП, 08.01.2015); *«Я всегда сочувствовала матерям особенных детей, – делится Елена»* (ЖЖ, 03.06.2016). Первый эвфемизм представляет собой сознательную неточность речи, вуалирует номинацию для такой социальной категории, как *бомжи* (кстати, и сама аббревиатура на базе словосочетания *лицо без определенного места жительства* некогда выполняло маскирующую функцию, но сегодня входит в разряд стертых эвфемизмов). Вторая замена, также посредством сознательной неточности речи, смягчает выражение *умственно отсталый*.

Таким образом, эвфемизмы на страницах печатных СМИ, как и в современном русском языке в целом, относятся к личным и социальным сферам жизни человека. На реализацию намерений говорящего ориентирован и отбор им способов способов эвфемизации – ухода от коммуникативных конфликтов и неудач, сокрытия сути сообщения.

Список использованной литературы

1. Зеленин, Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии / Д. К. Зеленин. – Ч. 1 : Запреты на охоте и иных промыслах. – Л. : Изд-во АН СССР, 1929. – 151 с.
2. Цыдендамбаева, О. С. Табу как источник возникновения эвфемии / О. С. Цыдендамбаева // Вестн. Вят. гос. гуманитар. ун-та. – 2010. – Т. 4, № 2. – С. 33–37.
3. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 888 с.

Б. Яхьоев

Сумской государственный университет
(г. Сумы, Украина)

ФОРМЫ ПРИВЕТСТВИЯ И ОБРАЩЕНИЯ К БЛИЗКИМ ЛЮДЯМ В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И УЗБЕКСКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

В разных лингвокультурах сложилась своя система речэтикетных формул для типичных ситуаций общения, к которым относят обращение

и привлечение внимания, знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, комплимент, соболезнование и т. п.

Самое распространенное в русском языке приветствие *здравствуй/здравствуйте* включает в себе пожелание здоровья. Реже используются в русском языке приветствия *доброе утро, добрый день* и *добрый вечер*. В украинском же языке именно эти приветственные формулы являются основными: *доброго ранку, добрий день, добрий вечір*. Эти приветствия заключают в себе пожелание добра собеседникам с конкретизацией времени суток, когда происходит их встреча. В узбекском языке приветствие при встрече *Ассалому алейкум!* и ответное *Ваалейкум ассалом!* означают 'Мир вам!' и 'И вам мир!'. В русском и украинском языках реплика инициатора приветствия и ответная реплика могут быть как «зеркальными», так и разными по структуре и содержанию. В узбекском языке эти реплики строго закреплены за участниками диалога. Итак, хотя основные речевые формулы приветствия в русском, украинском и узбекском языках не совпадают по лексическому составу, все они заключают в себе элементы доброжелательного отношения к собеседнику, подтверждая тот факт, что «для речевого этикета принцип вежливости оказывается ведущим» [1, с. 416].

При выборе формы обращения в речевом этикете учитывают следующие факторы: тип ситуации (официальная, неофициальная); степень знакомства собеседников (родственники, знакомые, незнакомые); характеристика говорящего (мужчина или женщина, старший или младший и др.); характеристика адресата (обращение к старшему или младшему; мужчине или женщине; равному, нижестоящему или вышестоящему); отношение говорящего к собеседнику (почтительное, нейтрально-вежливое, фамильярное и т. п.) [2].

В узбекском языке наблюдается четкая граница в обращении к людям, принадлежащим к разным кругам общения. Однако при этом сохраняется предельная вежливость и тактичность. Также для Узбекистана, как и для большинства восточных стран, в ситуациях обращения и привлечения внимания большое значение имеет признак пола: большая вежливость адресована лицам мужского пола. Это связано с многовековыми устоями и традициями.

При обращении к близким узбеки используют формы *она* (мама), *ота, дада* (отец, папа), *тога* (дядя – брат мамы), *амаки* (дядя – брат отца), *хола* (тетя – сестра мамы), *амма* (тетя – сестра папы), *ака* (брат), *она* (сестра), *буви* (бабушка), *бобо* (дедушка). Для ласкового или вежливого обращения можно добавить *-хон* или *-жон* к основной форме, например: *онажон* (мамочка) *онахон* (мамулечка); *дадажон* (папулечка) и т. д. Интересно, что в современном русском языке нет разных слов для наименования сестры или брата отца и матери, хотя во многих славянских языках сохранились разные названия дяди по отцу и дяди по матери. Известны они и

в юго-западных говорах украинского языка, где *стрий* – это дядя по отцу, а *вуй*, чаще *вуйко* – дядя по матери.

В восточнославянской традиции без имени, только с указанием на степень родства принято обращаться к родителям, бабушке и дедушке. При обращении к сестре или брату русский и украинец назовут их по имени, при обращении к дяде или тете принятой формой является формула: степень родства + имя: рус. *дядя Петя, тетя Катя*; укр. *дядьку Миколо, тітко Маріє*. Обращение в украинском языке стоит в форме звательного падежа, который имеет особые окончания для одушевленных существительных мужского и женского рода: *мамо, батьку, сину, доню, тітко, дядьку, бабусю, ді-дусю, брате, сестро, Олексію, Оксано, Катре, Лесю*. В форме звательного падежа стоит и отчество: *Олександрє Андрійовичу, Ганно Іванівно*.

Существенно отличаются в исследуемых языках обращения к мужьям и женам. В русском и украинском речевом этикете принято обращаться к супругам по имени, но допустимы и обращения типа *жена, мать, муж // жінко, мати, чоловіче, батьку*, которые имеют оттенок ироничности, дружелюбности, шутливости, а иногда, в зависимости от контекста, даже грубости. Узбек никогда не обратится к жене по имени или словом *жена*. Такие обращения табуированы [3]. Обращаясь к жене, узбек употребит эвфемизмы *она* (мама), *онаси* (мамочка) или назовет ее по имени их старшего ребенка. Жена называет мужа *хўжаин* (хозяин) или тоже по имени старшего ребенка. Например, если первым ребенком в семье была дочь Динара, то оба супруга могут обратиться друг к другу одинаково: *Динара, Динарахан*. Даже рассказывая о своей супруге другим, узбек скажет: *бола-ларим, айолим* (семья, буквально ‘дети’). Узбечка о муже может сказать *отаси, дадаси* (отец моего ребенка).

Специфической узбекской формой обращения к близким людям является *жигарим* (‘моя печень’, аналог русского «сердце мое»). В русском языке подобные обращения практически не встречаются, а в украинском языке обращение *серденько* широко употребительно по отношению к любимым девушке или парню: «*Ой вийди, вийди, серденько Галю, серденько, рибонько, дорогий кришталю*» (украинская народная песня); «*А ти не заплачеш, а ти не побачиш, як ворон клює ті карії очі, ті очі козачі, що ти цілувала, серденько моє!*» (Т. Шевченко).

Обменявшись приветственными репликами, узбеки у своих близких обязательно поинтересуются их здоровьем, состоянием дел, семейными проблемами. С этой целью используются речевые формулы: *Яхшимисиз?* (Все ли у Вас хорошо?), *Ишлар яхшими?* (Хорошо ли у вас идут дела?), *Саломатингиз яхшими / Қандай, қалай?* (Как ваше здоровье?), *Оилангиз тузукми?* (Все ли нормально в вашей семье?), *Болалар катта буляптими?* (Растут ли ваши дети?) и т. д. Легко заметить, что в самом во-

просе уже заложена положительная оценка той информации, которая запрашивается. Тем самым говорящий как бы выражает надежду на то, что у собеседника все в порядке. Стереотип поведения русских и украинцев не предполагает таких подробных расспросов. Обычно люди ограничиваются стандартными фразами: рус. *Как дела?; Как жизнь?;* укр. *Як справи?; У тебе все добре?* Ответные реплики во всех трех языках идентичны: рус. *Спасибо, все нормально; Ничего; Слава Богу!; Помаленьку; Так себе;* укр. *Дякую, все добре; Слава Богу!; Потрошку;* узбек. *Худога (аллохга) шукур!* (Слава Богу!), *Тузук* (Нормально), *Яхши* (Хорошо), *Бўлади* (Сойдет), *Қониқарли* (Так себе), *Юрибмиз* (буквально: Ходим), *Секин-секин / секин-аста* (Потихоньку) и т. п. Незнание этих правил при межэтническом общении может привести к коммуникативным неудачам. Так, русский или украинец могут посчитать слишком подробные расспросы узбека навязчивостью, неуместным любопытством, вмешательством в частную жизнь. И наоборот: слишком короткие приветственные реплики русских или украинцев могут показаться узбекам недостаточно вежливыми.

Таким образом, в такой сфере речевого этикета, как приветствие и обращение к близким людям, закрепились и широко используются национальные традиции, стереотипы этикетного общения представителей русской, украинской и узбекской лингвокультур. Знание этих обычаев, уважение к чужим традициям обеспечивает успешную коммуникацию, вежливое общение при межнациональных языковых контактах.

Список использованной литературы

1. Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл. : Дрофа, 2008. – 703 с.
2. Стернин, И. А. Русский речевой этикет : учеб. пособие / И. А. Стернин. – Воронеж : ВОИПКПРО, 1996. – 128 с.
3. Хамдам-Заде, Л. Х. Формы приветствий и обращений этикета в узбекском и русском языках [Электронный ресурс] / Л. Х. Хамдам-Заде // Молодой ученый. – 2016. – № 3. – С. 932–934. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/107/25701>. – Дата доступа: 10.04.2018.

СОДЕРЖАНИЕ

Аннасахедова Б. Роль актуального членения в синтаксисе произведений В. Маяковского	3
Анішчук А. Творы малога жанру Брэстчыны: нацыянальна-культурны кампанент.....	5
Арэшка Ю. Прыёмы выкарыстання фразеалагізмаў у творах В. Быкава.....	8
Барысавец В. Семантычныя адметнасці ўласнабеларускіх Фразеалагізмаў.....	11
Бацкалєвіч А. Культурна-гістарычная адметнасць анамастыкону навукова-папулярнай літаратуры В. Іпатавай і В. Сарычава	14
Березнева П. Семантическая трансформация иноязычной лексики в сленге хипстеров	17
Бецыньска Ю. Магические слова в современном студенческом фольклоре	20
Бона С. Блог как форма межличностной коммуникации	22
Бондаренко А. Роль иностранного языка в молодежной среде: пилотный опрос	25
Бондаренко О. Полонізмы у Хмільницькому літопісі	27
Боранов А. Диагностический срез как средство выявления уровня умений учащихся.....	30
Бранавец П. Градацыйны характар праяў аглутынацыі і фузіі ў пабудове словаформы (на матэрыяле беларускай, чэшскай і англійскай моў).....	32
Брезина В. Способы образования однословных прагматонимов (на примере названий кондитерских изделий от белорусских производителей)	35
Валюк Е. Фразеологизм <i>блудный сын</i> в русской поэзии второй половины XX в.	39
Василюк А. Моделирование межличностного общения подростков в повести А. Жвалевского и Е. Пастернак «Пока я на краю».....	42
Гаргун Т. Лексема <i>лён</i> у кантэксте беларускіх парэмій	46
Гершонюк Т. Языковое выражение категории пространства в романе Дины Рубиной «Русская канарейка».....	48
Гончарова Н. К вопросу о трансформациях мифосемантики образа ворона в современном кинематографе.....	51
Горшкова Е. Семантические характеристики наименований кафе (на примере г. Белфаст, Северная Ирландия)	56
Денисюк О. Біблеізмы в українському поетичному дискурсі початку XVII ст.	58

<i>Джумаев М.</i> Лингвокультурологические характеристики лексем <i>молодость, молодой</i> в русском языке.....	61
<i>Дыдышка Т.</i> Культурна-гістарычная спецыфіка антрапонімаў у зборніку гістарычнай прозы З. Дудзюк «Палоннікі жыцця».....	63
<i>Дэйнак М.</i> Сродкі страварэння экспрэсіі ў прыказках Брэстчыны.....	66
<i>Завацкая К.</i> Использование грамматических трансформаций в переводе романа Э. Дорра «Весь невидимый нам свет».....	69
<i>Зелёнка Т.</i> Компаративные фразеологизмы о качестве жизни человека.....	72
<i>Зиновенко П.</i> Лексико-фразеологические характеристики социолекта семинаристов (на материале повести Н.Г. Помяловского «Очерки Бурсы»).....	75
<i>Зуева Е.</i> Суффиксы универбов в близкородственных русском и белорусском языках.....	79
<i>Иваничкина И., Козлова Е.</i> Из истории употребления иноязычных слов в русской художественной литературе (на материале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»).....	82
<i>Калеснікава А., Бацкалёвіч А.</i> Антрапонімы ў кантэксце народных казак і аўтарскіх казак сучасных беларускіх пісьменнікаў.....	85
<i>Кандрацюк А.</i> Матывацыйныя тыпы айконімаў Пружаншчыны.....	88
<i>Карпенко М.</i> Фразеологізми з анімалістичным компонентом на позначення характэрыстыкі людзіны.....	91
<i>Карпович С.</i> Вербализация образа толпы в текстах раннего Горького.....	94
<i>Карпук С.</i> Тематическое многообразие субстантивов в поэзии А. Ахматовой.....	97
<i>Козел Г.</i> Спалучальнасць слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове.....	100
<i>Козлова Е., Иваничкина И.</i> Сравнительно-сопоставительный анализ эргонимов городов Брянск и Краснодар.....	102
<i>Козлова Ю.</i> Модели формирования семантики заботы (на материале латинского и французского языков).....	105
<i>Коротынская А.</i> Изучение русского языка в 5 классе с опорой на принцип наглядности.....	107
<i>Костюченко В.</i> Модальное разнообразие риторических вопросов в русских и английских сетевых ток-шоу.....	111
<i>Косяк Л.</i> Архетип слова в повести М.А. Тарковского «Полет совы».....	114
<i>Кот Д.</i> Проблема духовной и нравственной жизни человека в повести И.С. Тургенева «Ася».....	118
<i>Кудельникова А.</i> Лингвокультурологический портрет современного учителя.....	121
<i>Кузнецова С.</i> Сопоставление языковой личности А.К. Толстого и Ф.И. Тютчева (на основе эпистолярных текстов).....	123

<i>Ладутько Я.</i> Специфика проявления принципа номинации по отношению к другому объекту (на примере названий агроусадеб Брестчины)	126
<i>Лазакovich Е.</i> Специфика использования англицизмов в речи современной молодежи	129
<i>Лазарчик А, Шило М.</i> Эвфемизация речи и типизация ошибок противоречащих принципам русской орфографии и орфоэпии	131
<i>Лапука Н.</i> Размоўныя фразеалагізмы ў творах М. Стральцова	133
<i>Латушка Г.</i> Роля сінтаксічна нячленных выказванняў у характарыстыцы моўнай асобы	135
<i>Лукашевич Т.</i> Подъязык геймеров: к вопросу о месте в общенациональном языковом пространстве	139
<i>Лю Ида.</i> Семантический анализ русских глаголов со значением начинания	144
<i>Масляно И.</i> Художественная концепция личности в «Generation “П”» В. Пелевина	147
<i>Мацкевіч Н.</i> «Праз вогненны небасхіл»: паэзія Максіма Танка ваеннага перыяду	149
<i>Медведчук А.</i> Квантитативи в поезіях І. Величковського	152
<i>Мередов А.</i> Игровые задания на уроках русского языка в 5 классе	155
<i>Нестерук А.</i> Женская судьба в рассказе А.П. Чехова «Душечка»	158
<i>Пашко Н.</i> Креолизованный текст в интернет-коммуникации школьников	161
<i>Печко Д.</i> Структурно-семантические особенности топонимов Великобритании	163
<i>Питкевич П.</i> Гипертекстуальность и гиперавторство как феномены постмодернистской литературы	166
<i>Просолова Е.</i> Семантические особенности эмоционально-характерологических годонимов Витебщины	168
<i>Протосовицкая К.</i> PR-технологии национального телевидения	171
<i>Пукала В.</i> Лексемы тэматычнай групы «каханне» ў аповесцях У. Караткевича	174
<i>Саларьова А.</i> Гендерный аспект невербальной коммуникации (на материале драматических творів П. Ар'є)	177
<i>Сель К.</i> З урбаніміі г. Брэста	180
<i>Семёнова А., Новосёлова Н.</i> Лексика Смоленско-Могилевского пограничья в словаре смоленских говоров	182
<i>Сергеенко И.</i> Элементы живой разговорной речи в романе Е.А. Евтушенко «Ягодные места»	185
<i>Сердюкова О.</i> Типология зачинов в прозаических произведениях И.А. Бунина	187

Сиянбиль О. Функционально-семантический анализ синонимического ряда глаголов мышления с доминантой «думать» в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир»	190
Сніжко А. Лексико-граматична природа субстантивної метафори в поетичному мовомисленні Л. Костенко.....	195
Степаненко Ю. Экспрессивные префиксы в современном русском языке.....	197
Суркова А. Иноязычные лексические средства в современной прагматонисии и эргонимии	200
Сярко М. Асаблівасці выражэння хранатопу ў «Хроніцы Быхаўца» і «Баркулабаўскім летапісе».....	203
Трофимук А. Аффиксальные новообразования в языке русскоязычных СМИ.....	206
Тукай М. Диахронический аспект совершенствования газетных заголовков в местной прессе	208
Фу Цзяхао. Специфика русских атрибутивных прилагательных, характеризующих внешность человека	211
Хафізаў І. Структура прыказак і прымавак Драгічыншчыны.....	214
Чабурко О. Акцентологические закономерности глаголов в современном русском языке	217
Чжао Наньнань. Языковые средства выражения категоричности в русском и китайском политическом дискурсе	220
Чжан Яньбинь. Винительный или предложный?	222
Швидченко А. Средства языкового выражения национально-культурного компонента в повести Марины Москвиной «Небесные тихоходы»	224
Шыдлоўскі І. Постаць К. Каліноўскага ў асэнсаванні сучасных беларускіх паэтаў	229
Шэльпук М. Адметнасць дыялектнага слова гаворкі вёскі Вулька Драгічынскага раёна	232
Юсупова А. Проблема изучения присоединительных конструкций	237
Юшкевіч А. Запазычанні з іспанскай мовы ў складзе беларускай батанічнай наменклатуры.....	240
Яцкевич Т. Сферы эвфемизации в современном русском языке (на примере газетно-публицистического дискурса).....	242
Яхъев Б. Формы приветствия и обращения к близким людям в русском, украинском и узбекском речевом этикете	244

Научное издание

СЛОВО В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ТЕКСТЕ

Сборник научных трудов конференции

Подписано в печать 25.09.2018. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 14,65. Уч.-изд. л. 15,25.

Тираж 75 экз. Заказ № 342.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Учреждение образования

«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/55 от 14.10.2013.

Ул. Мицкевича, 28, 224016, Брест.